

№

1848

7.

ПАТРОНЪ

издаваемый

О. К. О. Ж. И.

=

Санктпетербургъ.

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ У ПЕЧАТНИКА

Въ Санкт-Петербургѣ, въ типографіи П. П. Смирнова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ № 11, у Печатьихъ, въ 1848 году.

Въ Санкт-Петербургѣ, въ типографіи П. П. Смирнова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ № 11, у Печатьихъ, въ 1848 году.

ТОМЪ IV.

ЮЛЬ. — КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

1848.

ПЕЧАТНОЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 14 октября, 1848 года.

Ценсоръ *В. Лангеръ.*

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

1848

Содержание седьмой книжки. 1848. – Т. 4.

I. Драмактическая литература.

Чудная девушка, или Редкость XIX века: драма в трех действиях. Пер. с фр. С. Соловьева.

События в гавани: рассказ И. И. Голубина.

II. Школы живописи фламандская и голландская и их деятели.

III. Воспоминания актрисы Луизы Фюзи.

IV. Газтано Доницетти и новый период Итальянской Музыки: статья Скюдо.

V. Стихотворения.

Тополь – Н. Греков. Из Горация – С. Дуров. Призрак – А. Бржецкий. Юноше – Н. Голубин. Готска (Русская песня) – С. Соловьев. Могильный цветок – Н. Греков. Лапония – В. Зотов. Предрассудки – М. Миронский.

VI. Критика.

Фон-Визин: сочинение кн. Петра Вяземского.

VII. Юмористика.

Уличные музыканты: физиологический очерк. Толбин.

VIII. Обзорение иностранных театров.

Франция. Париж.

Вонавентур. Театр Одеон. Пьеса Вернер, или наследство: пьеса Шарля Лафона.

Театр Водевиль. Леонса и Нью: водевиль Даллара и Перетез.

Переезд с квартиры: пьеса. Тридцать шесть часов сна: водевиль Фредерика.

Театр Монтансье. Статуя республики: пьеса в двух картинах Клервиля и Полина.

Театр разнообразия. Первое кокетство: комедия-водевиль Жюля Барбье. Вотрен и Фриз-пуле: водевил в одном действии або и Икара.

Люпре в опере «Вильгельм Тель».

Англия. Лондон. Макреди прощается с лондонской публикой.

Королевская итальянская опера. Свадьба Фигаро В.А. Моцарта с Женни Линд в партии Сусанны.

IX. Смесь.

Противник Вебера: рассказ Гектора Берлиоза. Турецкий баорабан: рассказ Мери.

Человеческие жертвы на западном берегу Африки. Чему быть, того не миновать.

Надежды, горе и радости сельского пастыря: рассказ Фредерики Бремер.

X. Калейдоскоп.

Случай из жизни актера Каорла Верне. Положение в Мадридском театре. Мостовая из

каучука. Езда без лошадей и железных дорог. Новый шаг в искусстве гравирования.

Поддельный человек. Человек в бочке. Новый роман Бумвера: Гаральд, последний король

саксонский. Знаменитый химик Барцелиус скончался. Еще новое употребление

хлороформа. Авторский эгоизм. Китайские врачи. Предание о поэте Фрауэнлобе.

XI. Балагур.

XII. Репертуар русской сцены. № 7.

Красавица и зверь: комедия в двух действиях А. Н. Андреева.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЧУДНАЯ ДѢВУШКА

ИЛИ

РѢДКОСТЬ XIX ВѢКА.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ КУПЛЕТАМИ.

Переводъ съ Французскаго.

С. Соловьева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бенуа, драпировщикъ.

Карль Дероншъ.

Марія, невѣста Бенуа

Памела, } швейки.

Аглая,

Юлія, сестра Бенуа.

Полина.

Слуга, г-на Дерона.

Керуекъ, бретанскій рыбакъ.

Шалумель, дальній его родственникъ.

Жоржетта, дочь Керуека.

Бригитта, мать Керуека.

Примаке, звонарь.

Бретанскіе рыбаки и рыбачки.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ; второе и третье въ Бретани.

Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ годъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляет рабочую комнату при модномъ магазинѣ. Дверь въ серединѣ. На лѣвой сторонѣ — кабинетъ. Въ глубинѣ, близъ средней двери комодъ, на которомъ картоны и разные матеріи; направо столъ, на немъ тоже картоны и шляпки на станочкахъ.

I.

ПОЛИНА, ПАМЕЛА, за столомъ направо; ЮЛІА, АГЛАЯ за другимъ столомъ направо; ШВЕЙКИ. — При открытіи занавѣса всѣ работаютъ.

АГЛАЯ. Памела! Ты мастерица пѣть... Спой-ка что-нибудь, мы послушаемъ.

всѣ. Да, да, Памела, спой, пожалуйста!

ПАМЕЛА. Извольте, я пропою романсъ... Но едва-ли онъ вамъ понравится: въ немъ чистая нравственность для молодыхъ дѣвушекъ....

«Непостоянство счастья знаю
И счастьемъ я не дорожу,
«Богатствомъ молодость считаю
«И въ ней всѣ блага нахожу!»
Такъ говорила Изабелла,
Въ уютной комнаткѣ своей;
Трудилась день, а вечеръ пѣла,
Не зная слезъ и черныхъ дней.
Однажды къ ней милордъ явился
Богатый, длинный и сухой,
Въ любви онъ важно объяснился
И получилъ отвѣтъ такой:
«Непостоянство счастья знаю
И счастьемъ я не дорожу,
Богатствомъ — молодость считаю.
И въ ней всѣ блага нахожу.» —

Но нашъ милордъ не отступился:
 И вздумалъ домъ онъ ей купить,
 Правъ Изабеллы измѣнился....
 Нельзя-жъ одной въ томъ домѣ жить?
 «Непостоянство счастья знаю!»
 Такъ Изабелла стала пѣть:
 «Богатствомъ — молодость считаю...
 А свой не худо домъ имѣть.»

всѣ. Ай, ай!.. Хороша нравственность!..

аглая. Несчастная, она согласилась!..

памела. Чтожъ дѣлать, друзья мои... мушны такъ неотступны... и мы не должны ихъ строго осуждать... можетъ быть, мы сами, на ихъ мѣстѣ, поступали-бы гораздо хуже.

аглая. По крайній мѣрѣ — я на ея мѣстѣ ни за что-бы не согласилась...

памела. И очень-бы глупо сдѣлала... въ наше время, мой другъ, такіе милорды, которые даютъ богатыя мебели, кашеры и дома, встрѣчаются очень рѣдко...

юля. Для васъ, Памела, вѣтъ другаго счастья, кромѣ денегъ.

памела. Да, потому, что на деньги можно купить какое хочешь счастье.

юля. О, если-бъ услышала васъ Марія...

памела (*съ ироніей*). Она дѣвушка — невѣста, а невѣсты все видятъ въ розовомъ цвѣтѣ... Спросите у нея черезъ годъ послѣ свадьбы, тогда, можетъ-быть, и она со мною согласится, а теперъ, разумѣется, ей нуженъ только милый другъ сердца, да хижина, потому, что она выходитъ за мужъ...

юля. За человѣка, который и вамъ не былъ-бы противень...

памела. Мнѣ?.. вашъ братецъ?.. вотъ новости!.. мнѣ выдти за мужъ за обойщика!.. Признаюсь...

аглая. О, какая гордость!.. Ужъ не хочешь-ли выдти за какого-нибудь милліонера?..

памела. А почему-жъ-бы и не такъ!..

аглая (*смѣясь*). Разумѣется! ха, ха, ха, ха!

памела. Напрасно вы, сударыня, смѣетесь... именно за милліонера, да еще за генерала... да-съ!.. Конечно, онъ ужъ не въ первой молодости... ..

аглая. О, это ничего... вѣдь былъ-же онъ когда нибудь молодъ...

ПАМЕЛА. И красивъ, это видно по остаткамъ... съ пламенными чувствами и бриллиантовыми пуговицами на рубашкѣ... А это не бездѣлица!

АГЛАЯ. Да гдѣ ты такого отыскала?

ПАМЕЛА (*вставъ*). Замѣтите, что я никого не отыскиваю... Не я, а онъ нашель меня, въ театрѣ... предложилъ свои услуги... послѣ спектакля пошелъ дождикъ и я уѣхала въ его каретѣ... Судите-же сами... можно-ли мнѣ послѣ этого сожалѣть о г-нѣ Бенуа!...

АГЛАЯ. Вижу, вижу, что постоянство совсѣмъ не твоя добродѣтель.

ПАМЕЛА. О, моя милая, въ нашъ вѣкъ — постоянство скорѣе можно назвать глупостью, чѣмъ добродѣтелью!

ЮЛИЯ. Однако же надѣюсь, ты завтра будешь на свадьбѣ?

ПАМЕЛА. Да, чтобъ сколько-нибудь разсѣяться... Къ тому-же, если не пойду, то, пожалуй подумаютъ, что я не пошла изъ ревности....

АГЛАЯ. Ну, полно пожалуйста! Кого ты хочешь обмануть... тебѣ до смерти хотѣлось выдти за Бенуа, и ты недавно еще все надѣялась.

ПАМЕЛА. Что-жъ доказывается этимъ? Женщина до гроба все надѣется... и если ужъ не для себя собственно, такъ она надѣется для того только, чтобы лишить всякой надежды другихъ, какъ говорить мой генералъ. И если-бы я захотѣла помѣшать Маріи, то съ-умѣла-бы это сдѣлать. Мнѣ стоитъ только рассказать все, что я про нее знаю.

ЮЛИЯ. Про нее нельзя ничего сказать, кромѣ хорошаго... Марія рѣдкая дѣвушка!

ПАМЕЛА. Скажите!.. Ужъ не потому-ли она рѣдкая дѣвушка, что во время холеры — ходила за нашей хозяйкой, г-жею Дерошъ... большая важность! — я совѣтую вамъ наградить ее за это медалью.

ЮЛИЯ. Однако же, когда г-жа Дерошъ занемогла, то всѣ отъ нея убѣжали, одна только Марія рѣшилась съ ней остаться.

ПАМЕЛА. А кто вамъ сказалъ, что тутъ небыло для Маріи другихъ причинъ?..

ЮЛИЯ. Какихъ?..

ПАМЕЛА. Желаніе быть вмѣстѣ съ тѣмъ, что правится заставляетъ насъ иногда рѣшаться на самыя опасныя предпріятія...

ЮЛЯ. Я васъ не понимаю, Памела.

ПАМЕЛА. Впрочемъ, мое дѣло — сторона! Это касается до одного только г-на Бенуа... Если онъ хочетъ сдѣлать глупость, я не могу ему въ томъ помѣшать.

ЮЛЯ. Какъ! вы осмѣливаетесь говорить, что мой братъ дѣлаетъ глупость, жениась на самой добродѣтельной и прекрасной дѣвушкѣ?..

ПАМЕЛА. Полноте, Юлія, горячиться!. Я рѣшительно ничего этаго не говорила... Пожалуйста, не дѣлайте меня сплетницей... потому, что я сама ненавижу длинныхъ языковъ:

ПОЛИНА. Оно по всему видно! —

АГЛАЯ. Мы знаемъ всѣ, что вы такія добрыя, такія скромныя....

ПАМЕЛА (*Аглая*). Да, могу похвастать, что я скромна, я никому не сказала, что васъ угощала конфетами Полининъ любезный, г. Арманъ.

ПОЛИНА. Какъ!...

АГЛАЯ. (*въ замѣшательствѣ.*) Меня?...

ПАМЕЛА. Да, васъ... развѣ забыли?... въ прошедшее воскресенье... на гуляньи....

ПОЛИНА (*встаетъ*). Слушайте, Аглая! правда это, или нѣтъ?

ПАМЕЛА (*Полинъ*). О, Боже мой!... Да развѣ я говорю когда-нибудь ложь.... это именно было въ тотъ самый день, когда вы ходили въ театръ съ г. Евгениемъ....

АГЛАЯ (*встаетъ*). Съ моимъ женихомъ....

ПАМЕЛА. Да, они были только вдвоемъ... въ бенуарѣ, № 22-й.

АГЛАЯ. Вдвоемъ!..

ПАМЕЛА. Да . . . такъ вотъ, мои милыя, еслибы я не была скромна, то... но я не такова... и ни за что не захочу ссорить двухъ добрыхъ пріятельницъ....

ПОЛИНА и АГЛАЯ.

Вы ужасно поступили!

Вамъ Полина отомстить!

АГЛАЯ.

Если дружбѣ измѣнили,

То любовь вамъ удружить!

ПОЛИНА.

Это низко!

АГЛАЯ.

Это галко!

ПОЛИНА.

Это срамъ!

ПАМЕЛА.

Но какъ-же быть!

Все чужое — очень сладко;

Стыдно ссору заводить!

АГЛАЯ и ПОЛИНА.

Вы ужасно поступили! и проч.

ПОЛИНА, ПАМЕЛА, БЕНУА, ЮЛИЯ, АГЛАЯ, ШВЕЙКИ. (*При вхождъ Бенуа, всь удивлены его неожиданнымъ приходомъ, быстро садятся и работаютъ.*)

БЕНУА. Bravo!... Ссорятся... держу пари, что здѣсь главной участницей чувствительная Памела... (*увидя ее*) и я не ошибся... Здравствуйте, моя прелесть!

ПАМЕЛА (*сухо*). Здравствуйте, сударь.

БЕНУА (*цѣлуя Юлию*). Здравствуй, сестра!... а Марія гдѣ?

ЮЛИЯ. Понесла работу.

БЕНУА. И въ ея отсутствіи вы завели бунтъ?...

ЮЛИЯ. Это все сдѣлала Памела....

БЕНУА. Видите, Памела, я напередъ зналъ, что вы были главной причиною...

ПАМЕЛА. Ахъ, Боже мой!... Да, кажется у насъ глаза на то, чтобъ видѣть....

БЕНУА. Да, кажется.

ПАМЕЛА. А у меня они довольно хороши....

БЕНУА. Прелестны, вы хотите сказать... Въ этомъ всѣмъ согласятся... Одно не хорошо! они видятъ чаще дурное, нежели хорошее.

ЮЛИЯ. Даже и въ поведеніи Маріи.

БЕНУА. Маріи! Какъ, развѣ можетъ-быть что дурное въ поведеніи этой добродѣтельной дѣвушки? Послушайте, Памела я очень уважаю вашъ полъ, но прошу васъ ни слова объ Маріи, она моя невѣста: кто оскорбляетъ ее, оскорбляетъ меня, а я такой обиды не прошу, понимаете?...

ПАМЕЛА (*вставъ*). Не простите?... О, какъ это грозно! Да ужъ не вышелъ-ли новый законъ, гдѣ запрещается говорить, что думаешь.

БЕНУА. Нѣтъ, а есть законъ, который позволить мнѣ рассказать объ несчастіяхъ и любопытныхъ приключеніяхъ нѣжной Памелы... Это еще никому невѣстно, а очень интересно.

ПАМЕЛА. Я вамъ этого не позволю, милостивый государь!

БЕНУА. А, въ такомъ случаѣ — я начинаю. — Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Парижѣ было очень много живописцевъ... Они имѣли щегольскіе кабинеты для своихъ занятій и большею частію любили писать съ натуры...

ПАМЕЛА (*быстро вскакиваетъ*). Г. Бенуа!... молчите ради Бога!.. (*Садится, говоря въ сторону*) О, я отомщу за это!

ЮЛЯ. Что ты говоришь, Памела?

ПАМЕЛА. Я, ничего... Я вамъ скажу, г. Бенуа, положи руку на сердце, что я никогда не возставала на вашу невѣсту, и вы напрасно на меня сердитесь... Не скажите-ли также, что я была виновата, когда вы поссорились съ Маріей въ новый годъ, за подарокъ, который ей прислалъ нашъ хозяйскій сынъ г. Дерошъ? Въ такомъ случаѣ — я всегда и во всемъ буду виновата.

БЕНУА. Это вздоръ, онъ дарилъ не одну ее, а всѣхъ.

ПАМЕЛА. Да, правда, всѣхъ... и влочился также за всѣми, разумѣется для того, чтобы лучше скрыть свою настоящую привязанность... Это вы тогда мнѣ сами-же говорили.

ЮЛЯ. Ахъ, какъ вы злы, Памела!

ПАМЕЛА. Да развѣ я назвала кого-нибудь... а объ Маріи тутъ и помину не было, чѣмъ-же я выразила свою злость?...

БЕНУА. И хорошо сдѣлали... Еслибъ вы слышали, что объ Маріи мнѣ говорила добрая сестра Марта, ея тетка, то прикусили-бы язычекъ.

ПАМЕЛА. Ахъ, какую новость вы намъ говорите... Подите-ка, спросите обо мнѣ у моей тетушки, такъ и увидите...

ЮЛЯ. А ты былъ у нея?...

БЕНУА. Да, приличіе этого требовало, завтра я женюсь на племянницѣ, такъ сегодня долженъ былъ посѣтить тетку... Для монахини — она живетъ отлучно... двѣ комнаты, мебель... все такъ хорошо, чистенько... Она дала мнѣ нѣсколько превосходныхъ совѣтовъ и небольшой стаканчикъ чего-то отменно-звучнаго.

ПАМЕЛА. Чтобъ записать горечь совѣтовъ.

БЕНУА. Извините, сударыня, ея совѣты были очень пріятны.

Она обѣщала подарить мнѣ двѣ бутылки... чудестая старушка... и какъ она просила меня сдѣлать счастливой ея племянницу.

ЮЛЯ. О, на этотъ счетъ — она можетъ быть совершенно спокойна.

ВЕНУА. Еслибы вы знали, друзья мои, сколько Марія дѣлаетъ добра втайнѣ отъ всѣхъ.

ВСѢ. А!.. Неужели?..

ВЕНУА. Да! мнѣ тетка говорила: здѣсь какой нибудь пирогъ съливой старухѣ... тамъ блузу мальчишкѣ нищему, которой бы безъ нея замерзъ; потихоньку ночью сошьетъ рубашечку бѣдному новорожденному... а вѣдь днемъ-то она отъ васъ не отстаетъ въ работѣ... тому денегъ дастъ сколько можетъ... тому посоветуетъ... да и не перечесть до завтра всѣхъ ея добрыхъ дѣлъ.

ПАМЕЛА. Да что и говорить... намъ это извѣстно и я первая всегда готова хвалить ее за доброе сердце... (*значительно*) и недалеко, какъ вчера, я говорила объ этомъ съ г-мъ Дерошемъ?

ВЕНУА. Съ Карломъ Дерошемъ, какъ? да развѣ онъ возвратился въ Парижъ?

ПАМЕЛА. Какъ-же, ужъ нѣсколько дней, какъ возвратился. Я ему, между прочимъ, напомнила, какъ онъ долженъ быть благодаренъ Маріи за тѣ попеченія, которыя она оказывала его матери во время опасной ея болѣзни.

ВЕНУА. Это правда, тогда всѣ въ ужасѣ отъ нея разбѣжались, а Марія одна осталась... Ей все равно, богатый-ли, бѣдный-ли нуждается въ ея помощи.

ЮЛЯ. За то, какъ и любить ее г-жа Дерошъ.

АГЛАЯ. Она навѣрное сдѣлаетъ ей славный свадебный подарокъ.

ПАМЕЛА. И г-нъ Дерошъ тоже, я въ томъ увѣрена.

ВЕНУА. Ну, въ его подарокъ мы нисколько не пужаемся.

ПАМЕЛА. Почему-же? вѣдь и онъ также любитъ Марію.

ВЕНУА. Хорошо, но здѣсь совсѣмъ не нужно его любви.

ПАМЕЛА. Вы, кажется, сердитесь на него? развѣ онъ сдѣлалъ вамъ что нибудь неприятное?

ВЕНУА. Нѣтъ, слава Богу, онъ со мной никогда не говорилъ. Я видалъ его, но онъ совсѣмъ меня не знаетъ... и помните — когда-жъ ему обратить вниманіе на нашего брата, мастераваго; вѣдь это все народъ модный, богатый... вотъ наши сестры и

жены совсѣмъ другоё дѣло... Около нихъ такъ они любятъ увиваться.

ПАМЕЛА. Да, я съ вами согласна, г-нъ Дерошъ самый услужливый кавалеръ... учтивъ, уменъ...

ВЕНУА. Уменъ!... учтивъ!... ужь не много-ли вы объ немъ сказали... онъ столько уменъ и учтивъ, сколько нужно *льву*, какъ ихъ называютъ... желтыя перчатки, лаковые сапоги... вмѣсто ума—безправственность, вмѣсто учтивости — дерзость... Безспорно, есть дѣвушки, которымъ и то, и другое очень нравится, — но моя Марія не такова! Не знаю, что бы я ему сказала, если-бъ онъ взглянулъ только на меня искоса... Но, слава Богу., до сихъ поръ этого еще не случилось.

ЮЛИЯ. Ахъ, братецъ, такое предубѣжденіе несправедливо...

ВЕНУА. Тутъ нѣтъ предубѣжденья... я знаю этихъ господчиковъ, всѣ они на одну мѣрку. Сначала разсыпаются мѣлкимъ бѣсомъ, говорятъ, сладкимъ позолоченнымъ языкомъ когда-жъ добьются своего и погубятъ бѣдную дѣвушку, хладнокровно отвернутся отъ нея, оставя несчастную на жертву слезъ, отчаянія и всеобщей укоризны.

ЮЛИЯ. (*вставая*) Ахъ, братецъ, неужели ты и Карла считаешь способнымъ на такой ужасный поступокъ?

ВЕНУА. Не говорю навѣрное; а хорошаго и отъ него не ожидаю... Помню, когда Марія опредѣлилась къ г-жѣ Дерошъ... не знаю, что со мной сдѣлалось... я съ отчаянія вспрыгнулъ до потолка и тогда только немного успокоился, когда мнѣ сказали, что Карла нѣтъ въ Парижѣ.

ЮЛИЯ. Ты, братецъ, очень вспыльчивъ... это не хорошо.

ВЕНУА. А развѣ я самъ этого не знаю, по природу передѣлать нельзя!... къ тому-же, мой другъ, въ долгѣ чести — нѣтъ двухъ дорогъ... и тотъ, кто осмѣлился-бы коснуться до добраго имени Марин, или твоего, сестра... О! тогда одинъ изъ насъ былъ-бы непременно убитъ.

ЮЛИЯ. Братецъ!...

ВЕНУА. Да, чортъ возьми! такая обида требуетъ мести и я-бы отомстить... даю въ томъ честное слово, которому еще никогда не измѣнялъ!

ЮЛИЯ (*всторону*). Что, если онъ узнаетъ!...

ВЕНУА (*швейкамъ, которые улыбаются и смѣются*). Вы смѣетесь?... Правда, что мнѣ недолжно-бы такъ горячиться безъ

причины... но, когда коснется до оскорбленія чести, то, признаюсь, я не владѣю самъ собою! — Оно и не мудрено:

Намъ честь — богатство замѣняетъ,
Гдѣнякъ лишь ей одной живетъ,
Онъ честь въ наслѣдство получаетъ,
И честь потомству отдаетъ;
Она насъ въ горѣ утѣшаетъ,
Къ могилѣ съ вѣрою ведетъ,
И бѣдный пѣну чести знаетъ:
И жизнь — за честь онъ отдаетъ!

ПАМЕЛА. Чтожъ; я совѣтую вамъ это богатство положить въ сберегательную кассу... посмотрите, сколько она принесетъ вамъ чистой прибыли.

III.

ТѢЖЕ И СЛУГА.

СЛУГА. Позвольте спросить: дѣвица Марія — дома?

ПАМЕЛА. А!... слуга г-на Карла!...

ВЕНУА. Карла!... А что вамъ нужно отъ дѣвицы Маріи?

СЛУГА. Да вотъ письмо ей отдать отъ моего барина, г-на Дероша.

ЮЛИЯ (всторону). Боже мой!..

ВЕНУА. Маріи нѣтъ... дайте, я ей вручу.

СЛУГА. Мнѣ приказано отдать ей, въ собственныя руки.

ЮЛИЯ (всторону). Отдыхаю!..

ВЕНУА (всторону). Вотъ я опять готовъ вспрыгнуть до потолка!..

СЛУГА. Такъ Маріи нѣтъ? Дѣлать нечего, я приду въ другой разъ.

ВЕНУА, (вырывая письмо). За чѣмъ-же беспокоиться, — я ей отдамъ.

ЮЛИЯ. Братецъ!...

СЛУГА. Но, сударь, это письмо...

ВЕНУА. Будетъ доставлено Маріи... непременно... а теперь убирайся и какъ можно скорѣе... а не то... я дамъ тебѣ...

СЛУГА (убѣгая). Благодарю, мнѣ ничего не приказано брать.

ВЕНУА (вертя письмо). Что-бы онъ могъ ей писать?.. Можетъ быть, — ужъ это отвѣтъ на ея письмо...

ПАМЕЛА (*всторону*). Онъ прочтетъ его.

ЮЛИЯ. Братецъ! ты не долженъ читать...

БЕНУА (*съ нервшимости*). Ты думаешь?.. Да видишь, Маринъ еще нѣтъ... а здѣсь, быть можетъ, что-нибудь очень нужное...

ПАМЕЛА. И я одного мнѣнія съ г-мъ Бенуа... кто знаетъ, что написано въ этомъ письмѣ... всего лучше прочитатъ!..

БЕНУА. Разумѣется!..

ЮЛИЯ, (*останавливая его*). Но, братецъ, это письмо къ Маринъ, какъ-же можно безъ нея!.. подумай самъ!..

БЕНУА. Это правда!..

ПАМЕЛА. Ахъ, Боже мой, да развѣ могутъ быть тайны между женихомъ и невѣстой, наканунѣ свадьбы!

БЕНУА. Разумѣется, не могутъ! по крайней мѣрѣ, не должны быть!..

ЮЛИЯ (*останавливая его*). Братецъ — братецъ, я согласна съ тобой... Но этимъ поступкомъ ты покажешь недовѣрiе къ Маринъ, оскорбишь ее!..

БЕНУА. Ахъ, да, да!.. въ самомъ дѣлѣ!..

ПАМЕЛА. Удивляюсь, чѣмъ тутъ можно оскорбиться!..

БЕНУА. (*Памелѣ*). На моемъ мѣстѣ, вы прочтали-бы его, Памела?

ПАМЕЛА. Непремѣнно.

БЕНУА. Въ такомъ случаѣ и я рѣшаюсь....

ПАМЕЛА (*встор*). Наконецъ!

БЕНУА. Сестра! возьми это письмо и отдай его Маринъ.

ЮЛИЯ. Прекрасно, братецъ, благодарю тебя!

ПАМЕЛА (*съ сердцемъ, всторону*). Дуракъ.

БЕНУА.

Въ Маринъ можно-ль сомнѣваться?...
 Какъ смѣлъ ее я оскорбить?
 Не ей, — кому-же довѣряться,
 Кого-же можно полюбить?...
 Нѣтъ!... я Маринъ обожаю,
 Ей смѣло вѣрю я во всемъ!
 И въ ней — себя я уважаю....

ПАМЕЛА (*всторону*).

Онъ будетъ славнымъ муженькомъ.

БЕНУА (*всторону*). Я знаю Марію, она отъ меня ничего не скроетъ (*вслухъ*). Ну, это кончено, поговоримъ теперь о другомъ.... Знаете что, друзья мои, не угодно-ли вамъ будетъ провести нынѣшній вечеръ у меня?.... а?

всѣ. У васъ?....

БЕНУА. Въ моей новой квартирѣ.... вотъ, сестра видѣла.... Что, Юлія,—вѣдь не дурна квартира?...

Юлія. Прекрасная!

БЕНУА. Я хочу, чтобы моя жена была въ ней, какъ какая-нибудь Андалузская принцесса.... Пожалуйста, приходите. Вы посмотрите, скажите свое мнѣніе, быть можетъ, чего-нибудь и недостаетъ....

всѣ. Да, да, мы непременно придемъ..

БЕНУА. А для окончанія моей холостой жизни—я угощу васъ пуншемъ....

всѣ, (*вскакивая и окружая Бенуа*). Пуншемъ!...

БЕНУА. Да еще какимъ,—съ ромомъ!... потомъ ужинъ.... хоть не богатый, а голодны не будете.... И такъ рѣшево, вы будете у меня?...

ПАМЕЛА, (*стыдливо опуская глаза*). Какъ-же это можно.... У холостаго человѣка....

БЕНУА. Ахъ, Памела, давно-ли вы сдѣлались такъ стыдливы!... Но вы напрасно беспокоитесь: вѣдь мы съ вами будемъ не одни.... (*обращаясь къ прочимъ*). Викторъ и Евгеній мнѣ также дали слово — (*обращаясь къ Юліи*) и Матѣ Керуекъ придетъ къ намъ.... Слышишь, сестра?

ПАМЕЛА. Я слышала, онъ будетъ у васъ шаферомъ?

БЕНУА. Да, ему и самому очень этого хотѣлось.... но человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ. Онъ вынулъ несчастный номеръ и ему ужъ объявленъ походъ....

Юлія. Ахъ, бѣдняжка!...

БЕНУА. Да, очень жаль.... Славный малый!... Завтра, въ 5-ть часовъ утра онъ долженъ непременно отправиться съ своимъ полкомъ.... признаюсь, это меня очень разстроило....

ПАМЕЛА. Да, вѣдь вы такъ дружно съ нимъ жили, и кажется, земляки?...

БЕНУА. Да, мы оба изъ Бретани: я изъ Монтуара, а онъ изъ Сень-Назера.... въ трехъ лѣтъ отъ меня, но подружился-то

мы съ нимъ въ Парижѣ.... бывало все дѣлимъ пополамъ.... у меня даже было маленькое намѣреніе.... Я хотѣлъ породниться съ нимъ.... Въ самомъ дѣлѣ, сестра, вѣдь мой другъ Матьё былъ-бы славнымъ для тебя мужемъ?...

ПАМЕЛА. Онъ богатъ?...

БЕНУА. О! нѣтъ! Но развѣ бѣдный человекъ не можетъ быть хорошимъ мужемъ?... Онъ былъ вѣрный другъ, добрый сынъ... Какъ онъ любилъ своего отца, свою сестру Жоржетту и даже бабушку Бригитту.... Ты ее помнишь сестра?

ЮЛИЯ. Какъ-же!... Ахъ, встати о старушкахъ.... Тетушка Маргарита прѣдетъ на твою свадьбу?

БЕНУА. Нѣтъ, — она больна, бѣдная.... Ну, да вѣдь и далеко, куда-жъ ей тащится въ Парижъ изъ Монтуана.... Ахъ, да вѣдь у меня есть отъ нея письмо къ тебѣ.... я теперь не захватилъ съ собою.

ЮЛИЯ. Экой безпамятной!...

БЕНУА. Послѣ свадьбы, я, Богъ дастъ, самъ навѣщу ее и съ Маріей.... то-то будетъ ей радость!... А въ ожиданіи этого — знаете-ли, друзья мои, что меня особенно веселитъ сегодня?...

ЮЛИЯ. Что такое?

БЕНУА. Да то, что и Марія также будетъ сегодня у меня въ гостяхъ.... я для нея приготовилъ нѣсколько тарелочекъ разныхъ сластей.... вѣдь она это очень любитъ.... Надѣюсь, вы приведете ее ко мнѣ?... и еще я ей приготовилъ одну штучку.

ЮЛИЯ. Что-жъ еще?

БЕНУА. Что?... А вотъ что: покрывало, вѣнокъ и букетъ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ.... Не правда-ли, ей это очень будетъ пріятно... Къ тому-же, мнѣ говорили, что это обязанность жениха.... и я выбралъ все самое лучшее!...

ЮЛИЯ. И прекрасно сдѣлалъ!... а мы постараемся ее уговорить и приведемъ къ тебѣ въ гости.

БЕНУА (оборачиваясь). Тсъ!... Молчи! молчи, сестра! Марія идетъ!...

(всп сядутся на прежнія мѣста и работаютъ).

IV.

ПОЛИНА, ПАМЕЛА, БЕНУА, МАРИЯ, ЮЛИЯ, АГЛАЯ.

МАРИЯ. Ахъ, наконецъ я домъ!

БЕНУА. Здравствуйте, Марія!...

МАРІА. Ахъ, Бенуа!... (*протягиваетъ ему руку*).

БЕНУА (*отирая ей лобъ*). Смотрите, какъ вы вспотѣли... и охота-же вамъ такъ уставать!...

МАРІА. Да, я сюда очень скоро шла... потому, что надѣялась здѣсь найти кой-кого...

БЕНУА. А!... вѣрно вы кого-нибудь къ себѣ ожидали?

МАРІА. Нѣтъ, по тетушка сказала мнѣ, что вы придете сюда.

БЕНУА. Какъ? такъ вы это для меня такъ спѣшили? Ахъ!... добрая Марія.... Сестра!... Слышишь?... это, чтобъ меня увидеть поскорѣе!... Ахъ, ты Господи! ну, да какъ-же вамъ не стыдно мучить себя для этого.

МАРІА. Чтожъ? побраните меня, если я виновата.

БЕНУА. Васъ побранить!... васъ!... Чего вы не скажете, Марія. Да развѣ это можно!... Нѣтъ! нѣтъ!... сохрани Богъ и подумать объ этомъ! Знаете, Марія, вы такъ добры, такъ добры, что мнѣ чрезвычайно-бы хотѣлось вамъ сказать то, что я чувствую, но ей-ей, ничего не могу сказать... и самъ не знаю, отчего это!...

МАРІА. Все равно.... я васъ понимаю, Бенуа!

БЕНУА. Вы меня понимаете?... Чудесно!... благодарю васъ!... Вотъ и я васъ понимаю!... Васъ оттого всѣ иначе и не зовутъ какъ ангеломъ — (*къ прочимъ*) Не правда-ли?

МАРІА, (*переходя сцену, чтобъ положить свою шляпку на комодъ вглубинѣ*). Довольно, довольно, мой другъ—(*къ прочимъ*). Его можно извинить.... Онъ немножко неумѣренъ въ своихъ похвалахъ.... оттого, что любить меня.... за что я ему очень, очень благодарна.... Безъ меня никто не приходилъ?

АГЛАЯ. Никто.

ПАМЕЛА. Только письмо къ тебѣ прпривесли.

МАРІА. Письмо?

ПАМЕЛА. Отъ Карла Дероша.

БЕНУА (*всторону*). Ахъ, да!... я было и забылъ!...

ЮЛІА. Вотъ оно (*отдаетъ письмо Маріи*).

МАРІА. Хорошо (*тихо Юліи*). Я видѣла его.

ЮЛІА (*также*). Ахъ!...

МАРІА. Тсъ! (*вслухъ, Бенуа*), Такъ выпѣшнее утро вы были у моей тетушки, г-нъ Бенуа?

ВЕНУА (*съ безпокойством*). Да... я былъ... потому, что... Вы прочтите письмо-то... Надѣюсь, мы не мѣшаемъ вамъ?

МАРИЯ. О, разумѣется, нѣтъ... Она очень вами довольна...

ВЕНУА. Я самъ очень ею доволенъ... милая, добрая старушка... Фіялкой, кажется, пахнетъ? а!...

МАРИЯ. Моя тетушка?

ВЕНУА. Нѣтъ, я говорю объ письмѣ... Кажется, отъ него духами пахнетъ?

МАРИЯ. Можетъ быть... Я не обратила на это вниманіе (*прочетъ письмо въ карманѣ*).

ВЕНУА. И какая хорошенькая бумажка...

ПАМЕЛА (*всторону*). Это его мучить!...

ВЕНУА. Марія! Знаете, что я хочу у васъ спросить... вы часто отъ него плочаете письма?

МАРИЯ. Другъ мой! такой вопросъ...

ВЕНУА. Да вѣдь мнѣ ничего! я такъ спросилъ... Я нисколько объ этомъ не беспокоюсь... Надо-же говорить о чемъ-нибудь... все таки, согласитесь, очень странно, что вы его спрятали, не прочитавши... Я вамъ, кажется, не мѣшаю...

МАРИЯ. О! нисколько... но я еще успѣю!...

ВЕНУА. Да, можетъ быть, вы ужъ знаете, что тутъ написано?

МАРИЯ. Почти... тутъ дѣло идетъ объ услугѣ, которую я должна оказать...

ВЕНУА. И вы вѣрно просили помощи у г-на Карла?

МАРИЯ. Да... и у его матери. Послѣ вы все это узнаете, мой другъ...

ВЕНУА. Да вѣдь я и не спѣшу... когда угодно. А вы когда мнѣ скажете?

МАРИЯ. Когда успѣю кончить начатое.

ПАМЕЛА (*всторону*). Неужели онъ этимъ будетъ доволенъ?

ВЕНУА. И вамъ очень хочется сдѣлать, что вы начали?...

МАРИЯ (*идя къ столу и разсматривая работу*). О! чрезвычайно!

ВЕНУА (*Юліи*). Объ комъ это она такъ заботится? ты не знаешь?

ЮЛІЯ (*ему*). Нѣтъ!... и тебѣ не совѣтую у нея больше объ этомъ спрашивать... ты видишь, что это вѣроятно не ея тайна... А если она обѣщаетъ хранить тайну...

ВЕНУА. Тогда она скорѣй умретъ, чѣмъ измѣнитъ слову.

ЮЛІЯ. Она всегда, во всемъ свято исполняетъ данное слово

ВЕНУА Слава Богу, что завтра наша свадьба! (в сторону): А между мужем и женой — тайнь нѣтъ! ...
 АГЛАЯ (смотря на часы). Восемь часовъ!.. не пора-ли намъ подумать о званомъ ужинѣ?

(Одна изъ швеекъ приноситъ зажеженую свѣчу и ставитъ ее на столъ. Другія встаютъ и убираютъ работу въ комодъ и картоны).

ВЕНУА. Ахъ! въ самомъ дѣлѣ!

МАРІА. Объ какомъ это ужинѣ?

ЮЛІА. Куда мы тебя хотимъ увести...

МАРІА. Меня?

ВЕНУА. Да, васъ Марія,.. сдѣлайте милость... Если не хотите кушать, то, по крайней мѣрѣ, хоть посмотрите, какъ я отдѣлалъ наши комнатки... вѣдь я самъ все трудился...

АГЛАЯ. Ну, идешь съ нами, Марія?..

ВЕНУА. Вы меня очень обяжите...

МАРІА. Нынче... я никакъ не могу...

ВЕНУА. Не можете?... помилуйте, да отъ чего-же?... вѣдь я собственно для васъ-то и хлопоталъ.

МАРІА. Вы знаете, мой другъ, что я васъ очень люблю и всегда готова раздѣлять ваши удовольствія... Но... у меня еще не все готово для завтрашняго дня... подвѣчное платье еще несовсѣмъ отдѣлано... а мнѣ завтра хочется быть хорошо одѣтой, чтобъ понравится своему мужу...

ВЕНУА. О, что до этого, такъ вамъ совсѣмъ неужно заботиться объ нарядахъ... Стало быть, я васъ сегодня ужъ не увижу больше?

МАРІА. Нѣтъ, но, надѣюсь, вы увѣрены, что мое сердце и мысли будутъ съ вами...

ВЕНУА. (тихо ей). А! чудесная мысль!.. я ихъ постараюсь скорѣй спровадить... а самъ прибѣгу сюда... и хоть минуточку поговорю съ вами?... хорошо?

МАРІА. Одни, вечеромъ?... Вы знаете сами, что это невозможно.

ВЕНУА. О, да вы ужъ слишкомъ строги... вѣдь мы, кажется, женихъ и невѣста, это всѣ знаютъ, — что-жъ тутъ дурнаго?

МАРІА. Для насъ ничего; но что скажутъ другіе?..

ВЕНУА. Да я плюю на другихъ! пусть говорятъ, что хотятъ.

МАРІА. И очень дурно дѣлаете, должно всегда уважать законы приличія. (*Помогаетъ Памелъ убирать работу*).

ВЕНУА. (*всторону*). Съ нею все надо уважать! (*Тихо Юліи*). Но что бы ни было, а я все таки приду... принесу ей покрывало и букетъ... (*Маріи*). Ну, дѣлать нечего... прощайте, Маріа. Не прикажите-ли чего на завтрашній день?

МАРІА. Все, что вы сдѣлаете, будетъ прекрасно.

ВЕНУА. Ну, на врядь-ли.. потому, что я отъ радости и ожиданія сдѣлался дуракъ-дуракомъ... и если что будетъ не такъ, то вы меня, Маріа, ужъ, пожалуйста, не браните.

МАРІА. О, мой другъ!..

ВЕНУА (*примъ*). Но наше намѣреніе все таки должно исполниться... и вы непременно пойдете ко мнѣ ужинать... я жду... (*Двушки надъвываютъ куцавейки, шали, шлпки и приготовляются идти*).

ЮЛІА (*тихо Маріи*). Что въ этомъ письмѣ?

МАРІА (*помогал ей сложить шаль, тихо*). Это отвѣтъ на счетъ того свиданія, котораго я у него просила...

ЮЛІА. Но гдѣ-же ты хочешь съ нимъ видѣться... у него?..

МАРІА. У его матери, г-жи Дерошъ.

ЮЛІА. У нея?..

МАРІА. Да, я хочу поговорить съ нею объ тебѣ... она добрая, достойная женщина, любитъ меня и я увѣрена, она поможетъ мнѣ убѣдить сына...

ЮЛІА. О, Маріа! съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ждать твоего отвѣта.

МАРІА. Не отчаявайся.. Богъ милостивъ!

ЮЛІА. О, я даже не смѣю и надѣяться.. Не понимаю, что дѣлается со мною... но я очень страдаю... мнѣ все хочется плакать.

МАРІА. Остерегайся, чтобъ не замѣтили твоей печали.

ЮЛІА. Пынче вечеромъ рѣшится моя судьба... но ради Бога, Маріа, чтобъ мой братъ не зналъ...

МАРІА. Я дала тебѣ слово и ты можешь быть покойна.

ВЕНУА, (*подходя къ нимъ*). Ну, Маріа, дѣлать нечего... мы отправимся безъ васъ... прощайте!

ВСЪ:

Прощай, Марія, до свиданья!
 Тебѣ сиѣшимъ покой мы дать,
 А завтра всѣ твои желанья.
 Судьба готова увѣнчать.

БЕНУА (ей).

Васѣ завтра назову женою,
 Чего-бы, кажется, желать?
 Но я-бъ хотѣлъ, отъ васѣ не скрою,
 То *завтра*, нынѣ-же начать!..

Уходятъ.

У.

МАРІА (одна).

Бѣдная Юлія!... Но авось все поправится... Что онъ мнѣ пишетъ... (*читаетъ*). «Прелестная Марія» — какой тонъ!.. «мнѣ не возможно принять васѣ въ домѣ моей матушки, «какъ вы этого требуете», — Ахъ Боже мой!... «у насѣ нынче «будутъ гости,—что, думаю, васѣ очень сконфузить, но такъ, «какъ я нетерпѣливо желаю знать причину вашего требованія «и хочу быть сколько возможно болѣе вамъ полезнымъ, то по-«стараюсь увидѣться съ вами у васѣ, когда вы останетесь «одни... и безъ свидѣтелей мы, надѣюсь, скорѣе поймемъ другъ «друга. Весь вашъ Карлъ Дерошъ!» — Какъ!.. онъ хочетъ прид-«ти сюда... ко мнѣ... О, нѣтъ!... это не возможно!...

Когда-бъ сосѣдушки узнали,
 Что я одна здѣсь съ нимъ была,
 Онъ Богъ знаетъ что-бъ сказали,
 Онъ вѣдь только ищутъ зла,
 За тѣмъ что въ свѣтѣ вѣрятъ злему,
 Желаютъ чистое пятнать,
 И чувству самому святому
 Умѣютъ видъ порока дать!

Да, люди не захотятъ узнавать истинную причину... не повѣ-
 рять, что я на это рѣшилась единственно для спасенія чести
 моей сестры... и моего Бенуа... Сохрани Богъ, если онъ узна-
 етъ о проступкѣ Юліи... онъ такой вспыльчивый... быть мо-
 жетъ, станеть драться съ Карломъ... и будетъ имъ убитъ...
 убитъ! О! одна мысль объ этомъ приводитъ меня въ трепетъ!..

и Юлія просить, чтобы я молчала... взяла съ меня клятву... бѣдная!.. я сама была готова просить ее объ этомъ-же... Бенуа мнѣ слишкомъ дорогъ, чтобы я открыла ему эту роковую тайну... нѣтъ, нѣтъ!... пусть онъ узнаетъ ее, когда уже все будетъ поправлено... Но этотъ молодой человѣкъ... Онъ пишетъ, что придетъ ко мнѣ... когда я отказала въ этомъ Бенуа... Нѣтъ, и не могу на это рѣшиться... запру дверь... (*видн. вошедшаго Карла*). Ахъ! ..

VI.

КАРЛЪ, МАРІА.

Карлъ, задвинувъ задвижкой дверь, кладетъ свою шляпу позади картонна, который стоитъ на столѣ, на льво.

КАРЛЪ. Здравствуйте, прелестная Марія! (*всторону*). Она одна—тѣмъ лучше!

МАРІА. Я, сударь, не здѣсь вадѣялась васъ видѣть...

КАРЛЪ. Я писалъ, что приду самъ, а когда я даю слово...

МАРІА. То всегда держите его?.. не такъ-ли?

КАРЛЪ. Отъ васъ зависитъ въ этомъ увѣриться.

МАРІА. О, еслибъ я сомнѣвалась въ вашей честности, то не рѣшилась-бы напомнить вамъ отъ имени моей подруги объ одномъ вашемъ клятвенномъ обѣщаніи... какъ я это дѣлаю теперь...

КАРЛЪ. Какъ? вы хотите говорить за другую?..

МАРІА. За ту, которой вы клялись... она заслуживаетъ вашу любовь... и вы ее не оставите, г-нъ Карлъ—нѣтъ, не оставите?... я не напрасно полагаюсь на ваше сердце, на вашу честность...

КАРЛЪ (*всторону*). Чортъ возьми! надо твердо выдержать это первое нападеніе! (*вслухъ*). Но что васъ заставляетъ такъ этимъ интересоваться?..

МАРІА. Что? Юлія была моимъ другомъ, вы это знаете, а скоро она будетъ мнѣ сестрой... вы познакомились съ нею... въ домѣ вашей матушки... Неужели вы рѣшитесь огорчить эту достойную женщину какимъ-нибудь чернымъ поступкомъ... подумайте о вашей чести, г-нъ Карлъ! Я знаю, вы не рождены быть злымъ... и вы поправите вашу вину.

КАРЛЪ. Я готовъ, но что вамъ именно отъ меня угодно? Юлія прекрасная дѣвушка и я отъ всего сердца желаю ей счастья, если она найдетъ себѣ жениха, то пусть не сомнѣвается въ

моей помощи... вы знаете, я имѣю довольно значительное состояніе, и готовъ...

МАРІА. Деньги!.. Но развѣ деньгами платять за потерянную честь?..

КАРЛЪ. Но чего-же вы хотите?

МАРІА. Чего я хочу? Имя, сударь, ваше имя... это единственная плата за честь двушки.

КАРЛЪ. Марія!..

МАРІА. Вы это обѣщали ей. О!.. чтобъ погубить ее, вы не скуплись ни на обѣщанія, ни на клятвы и она вамъ повѣрила, повѣрила какъ честному, благородному человѣку; неужели она достойна наказанія за то, что была къ вамъ такъ довѣрчива?... Нѣтъ! вы клеветеете на себя, г-нъ Карлъ!

КАРЛЪ. Успокойтесь, Марія! вы слишкомъ горячо принялись за это дѣло... Главное достоинство адвоката заключается въ хладнокровіи... Условія свѣта часто принуждаютъ насъ противъ воли измѣнять данному слову... и развѣ возможно жениться на каждой двушкѣ, которая намъ когда нибудь правилась?..

МАРІА. О! не говорите такъ!.. что сказала-бы г-жа Дерошъ, еслибъ она васъ слышала? А! теперь я понимаю, отчего вы боялись объясниться со мною въ присутствіи вашей почтенной матушки.

КАРЛЪ. Да, признаюсь, именно по этому! Видите, Марія, какъ я съ вами откровененъ!.. Но несмотря на всю строгость ея правилъ, она бы сама не потребовала такого невозможнаго союза.

МАРІА. Невозможнаго!..

КАРЛЪ. Да, невозможнаго.. въ глазахъ свѣта!.. я тогда сдѣлаюсь баснею всего города, предметомъ насмѣшекъ для моихъ друзей... Подумайте сами: мнѣ жениться на простой швейкѣ!.. Нѣтъ, Марія, разстояніе между ей и мною слишкомъ велико, чтобъ пренебречь имъ.

МАРІА. Какъ! васъ-ли я слышу?

КАРЛЪ. Что дѣлать: свѣтъ имѣетъ свои условія; къ тому-же я влюбленъ, Марія...

МАРІА. Вы?...

КАРЛЪ. Да, Марія, я люблю, люблю страстно!.. и если я измѣнилъ моимъ клятвамъ, если я уступалъ страсти, которая сильнѣе разсудка и воли, и если, наконецъ, я сдѣлался невѣрнымъ, то во всемъ этомъ вините не меня, а себя...

МАРІА. Себя!..

КАРЛЪ. Одну себя... потому, что я васъ обожаю.

МАРІА. Остановитесь, сударь! я не заслуживаю такого оскорбленія.

КАРЛЪ. Но я васъ люблю... и мое богатство...

МАРІА (съ достоинствомъ, показывая ему на дверь). Вы можете удалиться!..

КАРЛЪ. (*дѣлаетъ шагъ назадъ*). Вы меня выгоняете!... по развѣ преступленіе видѣть въ васъ прелестную дѣвушку, обожать васъ?

МАРІА. Вы должны это говорить не мнѣ, сударь, а Юліи.

КАРЛЪ. Но, позвольте...

МАРІА. Я позволю это говорить только одному человѣку, но этотъ человѣкъ совсѣмъ на васъ не похожъ!

КАРЛЪ. А! вы ужъ сдѣлали выборъ...

МАРІА. Да, сударь, и если вы притворяетесь, что еще не знаете объ этомъ, то изволте, я вамъ скажу: завтра я буду женою брата вашей Юліи...

КАРЛЪ. Какъ! вы будете женой какого нибудь мастерового.., глупаго, ревниваго мужика, который будетъ владѣть сокровищемъ, не зная ему истинной цѣны... Марія!.. вы хотите погубить себя!

МАРІА. Онъ мнѣ предлагаетъ свою руку, а вы предлагаете одинъ стыдъ; онъ уважаетъ меня, а вы оскорбляете и ушажаете: — кто-же изъ васъ послѣ этого лучше оцѣнилъ меня, г-нъ Карлъ?

КАРЛЪ. О! извините, но я никакъ нехочу идти въ сравненіе съ подмастерьемъ Бенуа!..

МАРІА. И прекрасно дѣлаете!.. потому что между вами нѣтъ ни малѣйшаго сходства... что для меня чрезвычайно пріятно и чѣмъ я горжусь!..

Какъ вы — онъ денегъ не имѣетъ,

У васъ-же сердца нѣтъ его,

Умомъ, какъ вы — онъ не владѣетъ,

Но честь ему — святой всего;

За вздоръ онъ клятву не считаетъ,

Умѣетъ истинно любить,

Проступки честию выкупаютъ...

Такъ можно-ль съ нимъ мнѣ васъ сравнить?

КАРЛЪ. О! вотъ истинно опасный соперникъ!..

МАРІА. Больше, нежели вы думаете... и еслибъ онъ засталъ васъ здѣсь... О! мнѣ страшно и подумать!.. Г-нъ Карлъ!... прошу васъ, уйдите отсюда!

КАРЛЪ. Успокойтесь, я готовъ вамъ повиноваться (*всторону*). Не понимаю самъ, эта женщина имѣетъ надо мною какую-то непонятную власть!

МАРІА. (*показываетъ на дверь*). Г-нъ Карлъ!

КАРЛЪ. Прощайте, Марія!... (*слышенъ стукъ у дверей*)

МАРІА. Стучать!...

БЕНУА. (*за дверью*). Марія!... послушайте!.. вы еще не легли спать?

МАРІА (*тихо*). Бенуа!...

КАРЛЪ. Успокойтесь... я заперъ дверь задвижкой...

МАРІА. Боже мой!.. что вы сдѣлали?.. я была здѣсь заперта съ вами!.. одна!...

БЕНУА. Марія!.. отвѣчайте-же!.. это я, Бенуа... Мнѣ нужно вамъ сказать только два слова...

МАРІА. Нельзя, мей другъ, я ужъ легла...

БЕНУА. Полноте!.. Сквозь двери видѣнъ свѣтъ...

МАРІА. Теперь ужъ очень поздно!..

БЕНУА. О, на этотъ счетъ не безпокойтесь... вѣдь я не одинъ. всѣ швейки. Мы всѣ здѣсь, Марія.

МАРІА. Боже мой!... Чтожъ мнѣ теперь дѣлать... отказать невозможно!..

КАРЛЪ. Чтожъ дѣлать,—скажите ему настоящую причину моего прихода.

МАРІА. Сказать Бенуа! но это будетъ вашимъ или его смертнымъ приговоромъ, честь своей сестры онъ считаетъ своей честью... чтобъ отомстить за нея... онъ готовъ на все... О! я сойду съ ума!.. А! послѣднее средство! ради Бога, сюда, скорѣе... въ этотъ кабинетъ... (*ведетъ его въ кабинетъ направо, открывъ дверь*).

КАРЛЪ. Мнѣ прятаться!..

МАРІА, (*падая на колѣна*). Именемъ Бога умоляю васъ... Развѣ не довольно для васъ одной жертвы?

КАРЛЪ (*въ смущеніи*). О! ради Бога, встаньте!.. я повинуюсь!..

БЕНУА. Отоприте-же, Марія!..

МАРІА. Сейчас!.. сейчас!..

(Карлъ входитъ въ кабинетъ, и Маріа отворяетъ среднюю дверь).

VII.

АГЛАЯ, ПАМЕЛА, ПОЛИНА, ШВЕЙКИ, БЕНУА, МАРІА. (Швейки приносятъ свадебную корзину, въ которой покрывало, вѣнокъ и букетъ).

БЕНУА (входя одинъ). А! наконецъ! ну, войдите сюда! (двѣ швейки приносятъ корзину).

МАРІА. Что это?

БЕНУА. Покрывало, вѣнокъ и букетъ — я хотѣлъ было этимъ сдѣлать вамъ сюрпризъ тамъ, у меня... но вы не пошли... и я ужь рѣшился сюда принести.

МАРІА. Благодарю, благодарю, мой другъ!

БЕНУА. Да, вы подумайте... посмотрите, хорошо-ли?... Ахъ, Господи!.. какія вы блѣдныя... Что съ вами?

МАРІА. Ничего... я немножко нездорова...

БЕНУА. Вы нездоровы!.. Боже мой! да отчего-же это? — чтожь, надо позвать доктора... я сейчасъ... лекарства какого-нибудь принять... нездоровы, а остались одни... ну, что случится...

МАРІА. О, да вѣдь это ничего... пройду ть... не беспокойтесь, мой другъ... это оттого, что я немножко устала... утомилась...

БЕНУА. Такъ сядьте, пожалуйста... вамъ-бы примочить голову... гдѣ у васъ о-де-колонь?..

ПАМЕЛА (показывая на кабинетъ, гдѣ Карлъ). Тамъ... въ комнатѣ...

МАРІА (быстро останавливая Бенуа, который идетъ). Нѣтъ, нѣтъ, не надо... мнѣ легче... видите... со всѣмъ прошло... я теперь совершенно здорова...

БЕНУА. Ну, слава Богу... въ самомъ дѣлѣ и цвѣтъ лица сдѣлался немножко лучше... Ахъ, какъ вы меня было испугали!..

ПАМЕЛА (въ сторону). Да... теперь она до ушей покраснѣла!

МАРІА (кажется веселой и переходитъ къ Бенуа). Ну, посмотримъ теперь букетъ и покрывало...

БЕНУА. Не знаю, угодилъ-ли?..

МАРІА (подходя къ авансценѣ на право). О! это слишкомъ красиво для меня!

ВЕНУА. Слышите? да развѣ есть что-нибудь слишкомъ красивое для васъ?.. примѣрьте, Марія!.. (*вынимаетъ изъ корзины и отдаетъ швейкамъ, тѣ надѣваютъ на Марію вѣнокъ, вуаль и даютъ букетъ*). Вотъ извольте вѣнокъ... покрывало... потрудитесь ей это приколоть, сдѣлайте милость, а вотъ букетъ... это вамъ въ ручки, Марія... Господи Боже мой, не знаю — былъ-ли кто такъ счастливъ, какъ я теперь! (*смотря на Марію*). Ну, вотъ... такъ... (*заставляя ее пройти передъ собой*). Голубчикъ, Марія, подрудитесь такъ пройтись... Взгляните!.. что за прелесть! — что за красавица!.. душенька вы моя!.. вы просто, чудная дѣвушка!

МАРІА. О, льстецъ!..

ВЕНУА. Вотъ еще! да спросите у кого хотите и вамъ тоже скажутъ.

МАРІА. А гдѣ-же Юлія?

ВЕНУА. Да она, бѣдняжка, не могла идти съ нами... мы только вышли отсюда, какъ она вдругъ сдѣлалась нездорова... вотъ точнехонько, какъ вы теперь...

МАРІА. Ахъ, бѣдная Юлія!

ВЕНУА. Сначала говорила, что ничего... потомъ голова заболѣла сильнѣе... трудно стало дышать и кончилось тѣмъ, что она изъ всѣхъ силъ зарыдала и залилась слезами.

МАРІА. Ахъ, Боже мой!

ВЕНУА. Сначала я было очень испугался, но когда она сказала, что это отъ слабости нервъ и что нужно только немного спокойствія и все пройдетъ, то я и отвелъ ее домой, а самъ отправился къ вамъ. Но и вы также, Марія, вѣроятно имѣете пужду въ спокойствіи... хоть мнѣ и очень не хочется съ вами разстаться, но все таки я отправлюсь..

МАРІА. Да, мой другъ, вы угадали... засну и все пройдетъ...

ВЕНУА. Прощайте-же, Марія... дай Богъ вамъ завтра встать веселой, здоровой... (*переходитъ сзади нальво*).

МАРІА. (*съ сторону, быстро переходя на авансцену направо*). Наконецъ онъ уходитъ!

ВЕНУА. (*Маріи, воротясь*). Марія! у меня до васъ есть величайшая просьба: не позволите-ли вы мнѣ поцѣловать васъ... сдѣлайте милость!.. (*по знаку ея цѣлуетъ*). Покорнѣйше васъ благодарю... вѣрьте, что сегодня это еще снисхожденіе, ну а завтра .. совсѣмъ будетъ другое... завтра я буду имѣть на это

право и ужъ какъ же я стану имъ пользоваться... даже стану во зло употреблять это право... какъ хотите, Марія!.. и въдъ все оттого, что я васъ люблю больше всего на свѣтѣ.

ПАМЕЛА. (*тихо Аглай*). Ты ничего не замѣчаешь въ Маріи?.. мнѣ кажется, что съ ней что-то необыкновенное.

БЕНУА (*взявъ шляпу Карла*). До завтра, моя прекрасная Марія... а?.. это что?.. что сдѣлалось съ моей шляпой?.. она мнѣ стала чрезвычайно велика!.. (*смотрятъ*). Это что значить?... какая богатая!.. и по послѣдней модѣ... Это шляпа не моя.

МАРІА (*въ сторону*). Боже мой!

БЕНУА. Гдѣ-жъ это я перемѣнилъ?.. кажется, я былъ у себя на квартирѣ.

ПАМЕЛА (*подавая ему его шляпу*). Да о чемъ вы толкуете, г-нъ Бенуа? вотъ ваша шляпа!..

БЕНУА. А!.. въ самомъ дѣлѣ! вотъ это моя!.. а эта чья-же?.. Марія, чья эта шляпа?

МАРІА. Да... я незнаю!..

БЕНУА. Вы не знаете?.. а отъ чего-же вы такъ перемѣнились въ лицѣ и вся дрожите?

МАРІА. Другъ мой, клянусь...

БЕНУА (*снявъ шляпу*). Постойте... внутри что-то написано золотыми буквами (*читает*). Карлъ Дарошъ! онъ былъ здѣсь?

МАРІА. Да... но я послѣ объясню вамъ это...

БЕНУА. Онъ былъ здѣсь!.. можетъ быть и теперь еще здѣсь!.. гдѣ онъ?.. гдѣ? ужъ не въ этомъ-ли кабинетѣ?

МАРІА (*бросаясь къ кабинету*). Остановитесь, ради Бога!

БЕНУА. Пустите меня, пустите... посмотрѣть на него... убить! раздавить моими руками.

всѣ, (*окружая его*). Г-нъ Бенуа!...

БЕНУА (*къ Памель и Аглай, которые бросились между нимъ и Маріей*). Оставьте меня, оставьте... я обманутъ!.. Но пусть онъ выдетъ... презрѣнный!.. пусть выдетъ сюда, если онъ не подлець!..

МАРІА (*вынимая ключъ изъ двери*). Нѣтъ! нѣтъ! никогда!...

БЕНУА. А!.. вы его заперли!.. вы бонтесь за него... вы его любите?..

МАРІА. Господи!.. не оставь меня!...

БЕНУА. Отвѣчайте-же, отвѣчайте!

МАРІА. Я невинна!..

БЕНУА (*притягивая ее къ себѣ*). Невинна!.. по объясните... оправдайтесь! для чего вы намъ сейчасъ-же не отперли дверей... за чѣмъ онъ спрятался тамъ?.. Если вы не сдѣлали ничего дурнаго, стало быть нечего и опасаться?..

МАРИА. Да, я согласна съ вамъ... но въ первую минуту я испугалась... боязнь разсердить васъ...

БЕНУА. А отчего-же вы испугались!.. а!.. оттого, что вы были виноваты... да!..

МАРИА. О, Юлія!.. я немогу долѣе молчать! я должна открыть ему все. Но, нѣтъ! это невозможно!.. Бенуа! клянусь тебѣ Богомъ, я не виновата, и одна только Юлія можетъ оправдать меня!..

БЕНУА. Юлія!.. Но чтожь она мнѣ можетъ сказать, когда докладательство передъ моими глазами?.. и вамъ не стыдно, сударыня, такъ низко обмануть меня!.. меня, который васъ любилъ больше жизни... а вы только притворялись... и нисколько не любили!..

МАРИА. О!.. другъ мой!..

БЕНУА. Да, притворялись!.. И этотъ вѣнокъ, букетъ... о!.. вы ихъ не стоите (*вырываетъ у нее букетъ и бросаетъ на полъ*).

ПАМЕЛА. Бенуа, Бенуа! что вы дѣлаете?..

БЕНУА. Я оставляю тебя навсегда! прощай, вѣроломная! прощай, безстыдная обманщица!..

МАРИА. О! это слишкомъ!.. Бенуа!.. выслушай меня!..

БЕНУА (*быстро уходя и захлопывая за собою дверь*). Никогда!

МАРИА. Бенуа!!.. другъ мой!.. ушелъ... все кончено!.. (*падала на колѣна посреди театра*). Господи! за что-же ты такъ меня наказываешь?

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ рыбацью хижину. Глубина открыта на морской берегъ, налѣво — дверь, ведущая къ Керуеку, направо — къ Бригиттѣ.

I.

ЖОРЖЕТТА, БРИГИТТА, (*за работой*).

БРИГИТТА (*вертя колесо*). Ну, вотъ, моя пряжа окончена... завтра надо послать къ ткачу.. слышишь-ли, Жоржетта?

ЖОРЖЕТТА. Слышу, бабушка.

БРИГИТТА. И какое будетъ славное полотно... тонкое, ровное... да!.. даромъ, что я стара... а многія и молодыя такъ не спрядутъ... что, Жоржетта, вѣдь я говорю правду?

ЖОРЖЕТТА. Правду, бабушка.

БРИГИТТА. Я и всегда была мастерица прясть, но на этотъ разъ превзошла себя — и это потому, что я трудилась для тебя, моя милая!

ЖОРЖЕТТА. Для меня!..

БРИГИТТА. Ну да, для тебя! не ужели ты думала, что твоя бабушка не сдѣлаетъ тебѣ свадебнаго подарка... ты-же выходишь за богатаго человѣка...

ЖОРЖЕТТА. Бабушка! да развѣ деньги очень много значутъ въ замужствѣ?..

БРИГИТТА. Ахъ, Жоржетта! ты очень счастлива, что еще не узнала цѣны деньгамъ и нужды въ нихъ!.. если-бы твой бѣдный отецъ имѣлъ деньги, то онъ не былъ-бы принужденъ занимать съ большими процентами, когда разбилась и потонула его барка... а долги-то и разоряють... конечно, если-бы брата твоего Матѣе не убили въ Африкѣ... тогда-бы всѣ наши дѣла поправились... вдвоемъ и работа пошла-бы скорѣе... Но Богъ судилъ иначе... Его святая воля!

ЖОРЖЕТТА. А помните, бабушка, какъ мы всѣ плакали, когда услышали объ его смерти...

БРИГИТТА. Я теперь не могу безъ слезъ объ этомъ вспомнить... къ счастью, когда отецъ твой былъ въ Монтуарѣ у своей сестры, чтобъ рассказать ей объ нашемъ горѣ, — случился тамъ г-нъ Бенуа. «Какъ, сказалъ онъ моему сыну, ты Керуекъ! рыбакъ изъ Сенъ-Назера, отецъ моего бѣднаго товарища Матѣе!.. душевно радъ, что въ вашъ черный день судьба привела меня сюда... у меня есть деньги... если ихъ достаточно, чтобъ поправить дѣла, — то они твои!». Твой отецъ не зналъ, что и отвѣчать. «Не благодарю тебя, сказалъ тогда Бенуа — этимъ я квятаю старый долгъ... твой сынъ былъ моимъ товарищемъ по службѣ и другомъ по сердцу... онъ стоялъ подлѣ меня, когда его убили... онъ не хотѣлъ оставить меня въ минуту опасности... бѣдный другъ!.. я обѣщала замѣнить его вамъ и теперь исполню только свое обѣщаніе.» — Черезъ нѣсколько дней рѣчь зашла о твоей свадьбѣ... и мы рѣшили отдать тебя за Бенуа...

чтобъ хоть сколько-нибудь отплатить ему за его великодушную помощь.

ЖОРЖЕТТА (*всторону*). Хороша отплата!..

БРИГИТТА. Къ счастью, ты не противилась нашему намѣренію... и только просила какъ можно скорѣе кончить... ну, мы и положили — завтра-же васъ обвѣнчать... дай Богъ вамъ совѣтъ да любовь!

ЖОРЖЕТТА. Знаете что, бабушка, я вѣдь тогда согласилась потому только, что поссорилась съ моимъ двоюроднымъ братомъ Шалумелемъ.

БРИГИТТА. Вотъ еще! Есть о комъ толковать!.. мальчишка, у котораго нѣтъ копѣйки за душой, да онъ и самъ тебя ни крошечки не любитъ, потому-что долженъ жениться на своей родинѣ въ Круазинѣ...

ЖОРЖЕТТА. Нѣтъ, нѣтъ, бабушка! это онъ нарочно говорилъ, чтобъ разсердить меня, а онъ, я знаю, очень меня любитъ...

БРИГИТТА. Перестань, Жоржетта! а не то я разсержусь... пусть-ка онъ явится съ этимъ предложеніемъ къ твоему отцу, то онъ славно покажетъ ему дорогу. — Ну и подумай сама, какая разнища — Бенуа такой красивый, умный!...

ЖОРЖЕТТА. И Шалумель не дуракъ; а подь часъ бываетъ такой умница, что кажется и нигдѣ не найдешь такого; да, бабушка, ей-ей!..

БРИГИТТА. Да у него ничего нѣтъ, слышишь! у насъ онъ бѣднѣе всѣхъ... тогда, какъ у твоего будущаго мужа есть и деньги... и хорошіе знакомые... еще-же ты сама добровольно согласилась, стало онъ тебѣ нравился... полно-же говорить вздоръ... поцѣлуй меня... ты будешь счастлива... я это предчувствую... поторопись-же своей работой.. а я пойду, приготовлю мою пряжу (*уходитъ въ дверь направо*).

II.

ЖОРЖЕТТА (*одна*). Ты будешь счастлива... да я сама въ этомъ увѣрена, но только, когда-бы я сдѣлалась женою Шалумеля... Вся бѣда оттого, что въ минуту злости — я согласилась выдти за другаго... теперь нельзя ужъ и поправить этого!.. Ахъ, Боже мой! я и не придумаю, что дѣлать!..

III.

ЖОРЖЕТТА, ШАЛУМЕЛЬ, (входит из глубины справа).

ШАЛУМЕЛЬ. Она одна... какое счастье!..

ЖОРЖЕТТА. Шалумель!

ШАЛУМЕЛЬ. Да, это я... я оставил вашего батюшку позади и побѣжалъ поскорѣе увидѣть васъ... знаете, что случилось?

ЖОРЖЕТТА. Что такое?

ШАЛУМЕЛЬ. Да то, отчего вашъ батюшка чуть съ ума не сошелъ отъ радости, а я чуть не умеръ съ горя... вѣдь вашъ женихъ пріѣхалъ... пошелъ къ нотариусу... сегодня сговоръ... а завтра.. и все будетъ кончено!

ЖОРЖЕТТА. Сегодня!.. Ахъ, Боже мой!.. Шалумель!.. чтожъ теперь дѣлать?..

ШАЛУМЕЛЬ. Я зналъ, что вы будете нуждаться въ моихъ совѣтахъ... то-то, Жоржетта, еслибы вы поменьше капризничали, дѣло-то было-бы лучше.

ЖОРЖЕТТА. Ну, ужъ полноте!.. теперь я и сама вижу свою вину, да вѣдь и вы, сударь, были не правы... да!.. но теперь не время объ этомъ, посоветуйте, что намъ предпринять?

ШАЛУМЕЛЬ. Какъ что... да вотъ что... Жоржетта!.. вѣдь я и самъ не знаю... сходите-ка лучше за совѣтомъ-то къ нашей доброй Марин... вы у нея еще не были?..

ЖОРЖЕТТА. Нѣтъ еще!..

ШАЛУМЕЛЬ. Она одна можетъ намъ теперь помочь. Если-бы она была здѣсь, то вѣрно-бы недопустила Керуека согласиться на вашъ бракъ съ этимъ проклятымъ Бене..

ЖОРЖЕТТА. Да, но къ несчастію она была тогда на свадьбѣ одной изъ своихъ прежнихъ подругъ, въ Парижѣ... и какая воротилась оттуда веселая... точно сама вышла за любимаго человѣка... говорятъ, что эту свадьбу она одна и устроила..

ШАЛУМЕЛЬ. Экая, подумаешь, добрая душа!.. теперь авось она насъ не оставитъ...

ЖОРЖЕТТА. Никогда, потому-что хочетъ сдѣлаться монахиней.

ШАЛУМЕЛЬ. Право?..

ЖОРЖЕТТА. Да, говорятъ, что ее на это согласила тетка ея, сестра Марфа... знаешь?...

ШАЛУМЕЛЬ. А!.. Эта, что недавно сдѣлана настоятельницей сосѣдняго монастыря?.. знаю!.. и я увѣренъ, что Марія будетъ изъ первыхъ монахинь по своей добродѣтельной жизни...

ЖОРЖЕТТА. Живши и въ свѣтъ, — она ужъ была благодѣтельницей для всѣхъ; чтожъ будетъ тамъ?.. дай Богъ ей!..

ШАЛУМЕЛЬ. Знаете что, Жоржетта... она утѣшаетъ всѣхъ, кто страдаетъ, а вѣдь я ужасно страдаю, стало быть она должна и меня утѣшить!..

ЖОРЖЕТТА. Я было и хотѣла сходить къ ней, но она сегодня еще въ 6 часовъ утра ушла въ Монтуарь.

ШАЛУМЕЛЬ. Ну, какъ она сегодня не воротится!..

ЖОРЖЕТТА. Я незнаю, что тогда дѣлать!.. подпишутъ контрактъ, вотъ мы и погибли!..

ШАЛУМЕЛЬ. А кто виновать?.. все вы!... зачѣмъ дали свое согласіе?

ЖОРЖЕТТА. А за чѣмъ вы разсердили меня и ушли?.. Не дѣлайте вы этаго, тогда-бы ничего и не случилось.

ШАЛУМЕЛЬ. Да вѣдь я сейчасъ-же и воротился!..

ЖОРЖЕТТА. Ну, хоть и не сейчасъ!..

ШАЛУМЕЛЬ. Господи Боже мой! какъ эти дѣвушки во всемъ торопливы! не могли вы подождать хоть нѣсколько часовъ?.. Отомстить-то мнѣ всегда-бъ успѣли!

ЖОРЖЕТТА. Постой, Шалумель — у меня родилась мысль!

ШАЛУМЕЛЬ. Какая мысль?

ЖОРЖЕТТА. Сегодня поутру въ здѣшній замокъ переѣхала новая госпожа... вы ее знаете...

ШАЛУМЕЛЬ. Да, я видѣлъ ее въ Круазинѣ, гдѣ она брала морскія ванны отъ слабости нервъ.

ЖОРЖЕТТА. Попросите ее поговорить за насъ съ моимъ батюшкой.

ШАЛУМЕЛЬ. О, нѣтъ! этаго нельзя... она не хочетъ, чтобъ я женился...

ЖОРЖЕТТА. Это отъ чего?

ШАЛУМЕЛЬ. Она говоритъ, что я еще слишкомъ молодъ... признаться, — эта госпожа мнѣ до смерти надоѣла... все хотѣла учить меня грамматикѣ, еще чему-то... и при каждомъ свиданіи... схватить меня за щеку или за подбородокъ и всегда скажетъ: «О, ты крошка этакой!»

ЖОРЖЕТТА. Да зачѣмъ-же она это дѣлаетъ?

ШАЛУМЕЛЬ. Я не знаю... можетъ быть, ужъ это такое обыкновеніе у знатныхъ.

ЖОРЖЕТТА. Шалумель! мнѣ не нравится такое обыкновеніе; прошу васъ не позволять ей этого — слышите!

ШАЛУМЕЛЬ. Пожалуй и не позволю: да что пользы-то? вѣдь вы сегодня-же подпишете контрактъ...

ЖОРЖЕТТА. Ни сегодня, ни завтра... я ужъ сказала, что мы сдѣлаемъ, — мы лучше согласимся оба погибнуть!

ШАЛУМЕЛЬ. Я ужъ это слышалъ — но нельзя-ли, Жоржетта, поискать какого другаго способа...

ЖОРЖЕТТА. Другаго — нѣтъ, Шалумель!

ШАЛУМЕЛЬ. Скажите, пожалуйста, кто васъ научилъ такому ужасному средству?

ЖОРЖЕТТА. Принцесса.

ШАЛУМЕЛЬ. Принцесса?

ЖОРЖЕТТА. Да, Принцесса въ одной комедіи; я одинъ разъ была въ театрѣ... и видѣла — ихъ положеніе было точно какъ наше... ни онъ, ни она не были виноваты...

ШАЛУМЕЛЬ (*съ большимъ участіемъ*). Не были виноваты?

ЖОРЖЕТТА. Да, рѣшительно не были!

ШАЛУМЕЛЬ (*утирая слезы*). Экія бѣдвяжки!

ЖОРЖЕТТА (*со слезами*). И въ одну прекрасную, лунную ночь...

Они оба рѣшились умереть...

ШАЛУМЕЛЬ (*больше плача*). Рѣшились?

ЖОРЖЕТТА (*также*). И умерли!..

ШАЛУМЕЛЬ (*также*). И умерли!.. несчастныя!.. и что-же это имъ вздумалось: какъ ни дурна жизнь, а все-же лучше смерти!.. должно быть у нихъ никого родныхъ-жэ не было...

ЖОРЖЕТТА. И мы, Шалумель, сдѣлаемъ тоже?

ШАЛУМЕЛЬ. Лучше сдѣлаемъ что-нибудь другаго, Жоржетта?

БРИГИТТА (*за кулисами*). Жоржетта! Жоржетта!

ЖОРЖЕТТА (*переходя направо*). Бабушка зоветъ меня! прощай.

Шалумель!

ШАЛУМЕЛЬ. Вы ужъ меня оставляете!

ЖОРЖЕТТА. Мнѣ еще надо одѣваться.

ШАЛУМЕЛЬ. Одѣваться?.. за чѣмъ?

ЖОРЖЕТТА. Чтобы принять жениха.

ШАЛУМЕЛЬ. А!.. такъ это для него-то вы идете наряжаться...

хорошо!

ЖОРЖЕТТА. Нѣтъ, не для него, а для себя. Печалиться и пла-

кать можно, но никакая двѣвушка не захочетъ показаться уро-
домъ незнакомому человѣку (*уходитъ въ комнату на право*).
ШАЛУМЕЛЬ. Прощайте, сестрица!.. сестрица, прощайте!

IV.

ШАЛУМЕЛЬ (*одинъ*).

Ну, видано-ли это: кокетничать за нѣсколько часовъ до смер-
ти!.. А! она вѣрно и сама несовсѣмъ еще рѣшилась... въ са-
момъ дѣлѣ... мало-ли что говорится въ первую минуту, а тамъ
послѣ и раздумаешь... оно и похвально... ну, а если она не
раздумаетъ... если она твердо рѣшилась и вдругъ подбѣжитъ
ко мнѣ и скажетъ: пойдемъ умирать! — (*вздрагиваетъ*). Бррр!..
морозъ подираетъ при одной мысли объ этомъ!.. конечно, мы
всѣ умремъ... но все-таки, чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше...
вѣдь умираютъ — то на долго.... а не то, чтобы на день
или на два... одно заманчиво: обо мнѣ тогда станутъ говорить
въ деревнѣ... какъ, скажутъ, Шалумель!.. да, Шалумель!.. да
что это ему вздумалось?.. Вѣрно съ дуру, прибавятъ мои не-
доброжелатели... нѣтъ, отъ любви, скажутъ другіе... (*къ зри-
телямъ*) Незнаю, какъ вы думаете, а по моему мнѣнію — мно-
гіе убиваютъ себя единственно для того, чтобы объ нихъ по-
говорили... не спорю, оно очень лестно... но я не честолюбивъ..
и душевно буду радъ, если это дѣло обойдется по добру, по
здорову.... тѣмъ болѣе, что теперь начинается ловъ сарди-
нокъ... если умру, то я очень много понесу убытку... долго
послѣ непоправившись....

БЕНУА (*за кулисами*). Не безпокойтесь, папа Керуекъ... я от-
сюда вижу домъ....

ШАЛУМЕЛЬ. А!.. вотъ и онъ!.. мой соперникъ!

БЕНУА. Вы въ это время сходите лучше къ своимъ знакомымъ
и друзьямъ, пригласите ихъ .. а я между тѣмъ — посправлю
немного свой туалетъ... отъ далекаго похода онъ у меня въ
ужасномъ состояніи... (*входитъ*).

V.

ШАЛУМЕЛЬ, БЕНУА, (*Африканскимъ стрѣлкомъ*).

БЕНУА, (*входя изъ глубины справа*). А!.. это ты, другъ Шалу-
мель!..

ШАЛУМЕЛЬ. (*всторону*). Слышите!.. другъ!.. онъ называетъ меня другомъ!...

БЕНУА. Каково поживаешь?

ШАЛУМЕЛЬ (*всторону*). Постой!.. я его уважу!.. (*вслухъ*). Милостивый государь, я не имѣю чести знать....

БЕНУА. Ахъ, ты простакъ!.. неужели ты меня не узналъ?

ШАЛУМЕЛЬ (*уходя*). Мнѣ нѣкогда!..

БЕНУА. Нѣтъ, братъ!.. я тебя не пущу!.. Ну, посмотри на меня хорошенько?... узналъ-ли теперь — кто я?

ШАЛУМЕЛЬ.

Вы въ сюртукѣ теперь военномъ,
 Вы всѣхъ привыкли колотить,
 За то, что были — гдѣ-то плѣннымъ,
 Вамъ крестикъ дали прицѣпить;
 Пугать вы можете усами,
 Не очень дурны вы собой;
 Но все-жъ незнаю — кто вы сами!

БЕНУА.

Да ты не шутишь-ли со мной?

ШАЛУМЕЛЬ. Не говорите мнѣ — ты!

БЕНУА (*съ улыбкой*). Ахъ, Боже мой, виновать... простите меня....

ШАЛУМЕЛЬ. Хорошо!... да чтобъ впередъ этаго не было... Такъ вы хотите, чтобъ я васъ узналъ, когда Ты васъ видѣлъ одинъ только разъ у моего дядюшки.

БЕНУА. Извольте видѣть, какъ поговаривають!.. Ахъ, ты коровникъ этакой!

ШАЛУМЕЛЬ. Опять ты!..

БЕНУА. Виновать, г-нъ Шалумель!

ШАЛУМЕЛЬ. Ничего, г-нъ Бене....

БЕНУА. Что? какъ меня зовутъ?..

ШАЛУМЕЛЬ. Бене.

БЕНУА. Какъ Бене!.. чортъ тебя возьми!..

ШАЛУМЕЛЬ. Что вы, м. государь, съ ума сошли, что-ли?.. Васъ всѣ такъ называютъ...

БЕНУА. Ахъ! я все забываю бретонское нарѣчіе... эти бедунны, они всѣ имена коверкають по своему (*бьетъ его по затылку*).

ШАЛУМЕЛЬ. (*всторону*). Онъ, кажется, опять сказалъ мнѣ — ты-

БЕНУА. Покрайшій мѣръ — впередъ называй меня Бенуа!.. слышишь? ..

ШАЛУМЕЛЬ. Я васъ буду называть такъ, какъ хочу!... школой учитель проявился... хочеть учить всѣхъ бретонцевъ говорить... да вы послѣ этаго, м. государь, сошли съ ума!...

БЕНУА. Послушай ты, африканская овца... если тебѣ еще не надоѣла жизнь, ни слова болѣе! понимаешь?

ШАЛУМЕЛЬ (*перебѣгалъ направо*). Вотъ еще другой сегодня угощаетъ меня смертью! это, вѣрно, сударь, африканское солнце такъ разогрѣло вашу голову... да жаль, что васъ не боятся...

БЕНУА. Послушай, мальчишка, ты мнѣ чертовски надоѣлъ, говорю серьезно.

ШАЛУМЕЛЬ. А!.. понимаю... вы ищите со мной ссоры!...

БЕНУА. Ссоры съ тобой?.. нѣтъ, мой милый, не ссоры, — но я хочу дать тебѣ хорошій урокъ учтивости....

ШАЛУМЕЛЬ. Покорно васъ благодарю за желаніе... не подходи, служивый, я сегодня не здоровъ... у меня нервы ослабли... не подходи, говорю!

БЕНУА. Я знаю чудесное лекарство противъ этой болѣзни: стоитъ только больному выдрать хорошенько уши и все какъ рукой сниметь...

ШАЛУМЕЛЬ. А!.. Скажите, пожалуйста!.. нашелъ чѣмъ пугать!... я не боюсь васъ, слышите, не боюсь! (*топаетъ ногами*).

БЕНУА. Что, что такое?.. (*даетъ ему щелчокъ*)

ШАЛУМЕЛЬ. Кончите, пожалуйста!.. это наконецъ меня разсердитъ.

БЕНУА. Въ самомъ дѣлѣ?..

ШАЛУМЕЛЬ (*прислоняясь спиной къ стѣнѣ*). Точно-съ! и ужъ какъ-бы вы ни были храбры, г-нъ солдатъ — а ужъ не принудите меня меня отступить,... нѣтъ-съ!...

БЕНУА. Очень радъ! — стало-быгъ у меня однимъ храбрымъ родственникомъ будетъ больше... прощай любезный братецъ!... если тебѣ будетъ нужно поговорить со мной — то я у Керуека, моего будущаго тестя... и всегда къ твоимъ услугамъ... (*при послѣднихъ словахъ даетъ ему щелчокъ и уходитъ направо*).

VI.

ШАЛУМЕЛЬ. (*одинъ*).

А все-таки я не отступилъ!.. впрочемъ онъ, кажется, имѣлъ

намѣреніе еще меня щелкнуть и даже, сколько я помню — онъ ужь и исполнилъ свое намѣреніе... и я, дуракъ, это перенесъ!... Впрочемъ — эта для меня не новость — пустяки!.. и горячиться не изъ чего!.. (*кричитъ*). Африканецъ! я смѣюсь надъ тобой!.. мяѣ ничего не больно... слышишь — я смѣюсь надъ тобой! — ты — мнѣ братъ!.. да съ чего ты это взялъ?.. ты для меня просто дерзкій солдатъ и больше ничего!.. (*слышны голоса*). А! вотъ и дядя съ своими друзьями... у!.. какъ они всѣ веселы — вѣрно изъ нихъ ни одного нѣтъ влюбленнаго!

VII.

РЫБАКИ, КЕРУЕКЪ, ПРИМАКЕ, ШАЛУМЕЛЬ.

КЕРУЕКЪ. Да, да, друзья!... Сегодня мы погуляемъ! къ чорту ловля! Къ тому же этотъ собака-западный вѣтеръ ужь сколько времени держитъ насъ у берега.

ПРИМАКЕ. Да, да, Керуекъ, ты очень кстати затѣялъ свадьбу.

КЕРУЕКЪ. Рарумѣтся, кстати, чортъ возьми!... Гораздо лучше дожидаться попутнаго вѣтра въ дружескомъ кругу съ стаканомъ вина, чѣмъ прохаживаться по берегу, сложа руки и поднявши къверху носъ... да, дядя Примаке, ты сказалъ правду!

ПРИМАКЕ. И такъ — у тебя сегодня сговоръ!... Будь покоенъ дружище — ужь я, будучи здѣшнимъ звонаремъ, поработаю колоколами... такой задамъ трезвонъ, что всполошу всю окрестность!...

ШАЛУМЕЛЬ (*всторону*). Слетѣть-бы тебѣ съ колокольни!

ПРИМАКЕ (*Керуеку*). Къ счастью, что тебя этотъ вѣтеръ не засталъ въ дорогѣ... а то-бы, смотришь, сегодня и неворотился.

КЕРУЕКЪ. Скажите, пожалуйста!.. Нѣтъ, братъ Примаке, на этотъ разъ, ты не то прозвонилъ... мнѣ стоитъ только отвалить отъ берега... а тамъ моя Луиза-Марія ужь ничего неботся... поверни ее куда хочешь... Летитъ, какъ стрѣла... и буря, и вѣтеръ — все ни почемъ!... вотъ можно сказать рѣдкая барка, въ тихую погоду быстра, какъ рыба, а въ бурю тянется — какъ чайка... И съ тѣхъ поръ, какъ я заплатилъ за нее деньги, она мнѣ кажется еще красивѣе!...

ШАЛУМЕЛЬ (*всторону*). Видишь, какъ разкудактался, старый пѣтухъ!

ПРИМАКЕ. Стало-быть, ты теперь ужъ не долженъ этой старой совѣ-Жану, который ежедневно приставалъ къ тебѣ?

КЕРУЕКЪ. Нѣтъ, по милости Божіей... и по милости моего зятя...

ШАЛУМЕЛЬ (*всторону*). Все по его милости!... Проклятый человѣкъ!

КЕРУЕКЪ. Безъ него — я просто-бы совсѣмъ разорился и погибъ... Ахъ, какой онъ чудесный малый! Въдъ прежде всѣ его считали умершимъ, но Богъ сохранилъ его для насъ: раненый и попавшій въ засаду вмѣстѣ съ моимъ Матѣе, который ужъ не воротится, Бенуа обязанъ жизнію — только размѣну плѣнныхъ... безъ чего-бы арабы его не помшловали, онъ имъ таки порядочно насолили... прекрасный, достойный человѣкъ!

ШАЛУМЕЛЬ (*всторону*). Будь я бедунномъ, не воротиться-бы тебѣ домой, проклятый Бене!...

ПАМЕЛА (*за кулисами*). Благодарю, благодарю васъ!... Не беспокойтесь, пожалуйста!...

КЕРУЕКЪ. Кто это тамъ?...

ШАЛУМЕЛЬ. Генеральша! .. уберусь скорѣй! (*Уходитъ*).

КЕРУЕКЪ. Какъ, неужели она?... Сегодня поутру только пріѣхала и ужъ дѣлаетъ намъ честь своимъ посѣщеніемъ... такъ и есть... вотъ она. . Шапки долой!...

VIII.

ПАМЕЛА, КЕРУЕКЪ, ПРИМАКЕ и РЫБАКИ.

ПАМЕЛА. Здравствуйте, друзья мои, здравствуйте!.. Ахъ, какія у васъ ужасныя дороги... я была принуждена выдти изъ кареты и идти пѣшкомъ... дайте мнѣ стулъ... Силь нѣтъ, какъ устала!

КЕРУЕКЪ. Мы не ожидали такой чести!...

ПАМЕЛА. Я слышала, что у васъ затѣвается свадьба... Сегодня сговоръ?..

КЕРУЕКЪ. Точно такъ, ваше превосходительство, я выдаю замужъ дочь.

ПАМЕЛА. Я хочу быть на этой свадьбѣ.

КЕРУЕКЪ. Ахъ, ваше превосходительство, неужели вы удостоите?...

ПАМЕЛА. Раздѣлнить съ вами ваше веселье?... Да, мой другъ, удостою... потому, что я собственно для васъ, бретонцы, вырвалась изъ объятій моей благородной фамилии, которая хотѣла удержать меня въ своихъ безчисленныхъ замкахъ... но я вырвалась и сказала своимъ благороднымъ родственникамъ: «Прощайте, милостивые государи и милостивыя государыни... я не хочу у васъ оставаться... Мнѣ гораздо пріятнѣе жить посреди моихъ рыбаковъ и земледѣльцевъ, пить молоко, ѣсть свѣжія сардинки и дѣлать глупости»... а кстати, гдѣ Шалумель — здоровъ-ли онъ?..

КЕРУЕКЪ. Онъ сейчасъ былъ здѣсь.

ПАМЕЛА. Этотъ мальчикъ мнѣ очень нравится... и я ужъ начала его образовывать, когда брала морскія ванны въ Круазикъ... о!... образованіе важная вещь!... Посылаете-ли вы своихъ дѣтей въ школу?

КЕРУЕКЪ. Какъ-же-съ! Теперь всѣ ходятъ....

ПАМЕЛА. Это хорошо.

КЕРУЕКЪ. Иной-бы дѣвился, но наша добрая Марія этого не допуститъ.

ПАМЕЛА. Добрая Марія?... Кто это!... ваша бабушка?

КЕРУЕКЪ. Нѣтъ — это племянница здѣшней настоятельницы... рѣдкая дѣвушка!... Ее вся наша сторона иначе и не зоветъ, какъ добрымъ гениемъ!

ПАМЕЛА. А я-то что-жъ буду послѣ этого?... Я сама также хочу быть добрымъ гениемъ.

КЕРУЕКЪ. Да вы... совсѣмъ другое дѣло... вы баронесса... генеральша... а Марія изъ нашихъ — такая-же простая, какъ и мы... Ахъ, ваше превосходительство, еслибы вы знали, сколько она сдѣлала добра въ эти шесть мѣсяцевъ, какъ живетъ здѣсь!... Просто невѣроятно!...

ПАМЕЛА. Рыбаки, берегитесь! вы очень просты и невинны!... васъ легко обмануть.

КЕРУЕКЪ и всѣ. О! нѣтъ! Она не такова!...

ПАМЕЛА. Не всегда надо вѣрить этимъ святошамъ, я сама знала одну...

КЕРУЕКЪ. Вы?...

ПАМЕЛА. Да, она была швейка, и я покровительствовала ей за

ея добродѣтели... Но чтожь вышло? — эта добродѣтельная дѣвушка обманула и меня и своего жениха...

КЕРУЕКЪ. Конечно, и это случается...

ПАМЕЛА. И бѣдный женихъ, влюбленный въ нее, какъ кошка, бросилъ ее наканунѣ свадьбы и ушелъ прямо въ Африку, чтобы непременно быть убитымъ...

КЕРУЕКЪ. Убитымъ?... Несчастный!...

ПАМЕЛА. А какой красавецъ... гораздо лучше Шалумеля!

КЕРУЕКЪ. Да у нашего Шалумеля преглупая рожа!

ПАМЕЛА. Ну, нѣтъ!... Онъ очень милъ... и я постараюсь развернуть его способности... но объ этомъ послѣ!... Займемся теперь вами... когда я пришла... вы о чемъ-то съ жаромъ разговаривали?...

КЕРУЕКЪ. Это я говорилъ о своемъ зятѣ... вотъ ужъ могу сказать — хорошъ!

ПАМЕЛА. А!...

КЕРУЕКЪ. И какой шутникъ....

ПАМЕЛА. Право?...

КЕРУЕКЪ. Онъ ужъ служилъ въ Африкѣ... это хорошо.

ПАМЕЛА. А!... военный!... очень рада!

КЕРУЕКЪ. И крестъ есть... ему дали его за спасеніе жизни одному генералу, который умеръ....

ПАМЕЛА. Умеръ?...

КЕРУЕКЪ. Да-съ, но онъ умеръ-то послѣ этого... отъ простуды....

ПАМЕЛА. Очень рада встрѣтить товарища... я всѣхъ военныхъ люблю и уважаю!...

КЕРУЕКЪ. И не мудрено... Кому-же и любить военныхъ, какъ не генеральшѣ...

ПАМЕЛА. Скажи-же своему зятю, что я хочу его видѣть... и очень желаю быть ему полезной.

КЕРУЕКЪ. Ахъ, ваше превосходительство, вы слишкомъ добры для насъ!... да вотъ и онъ!...

ПАМЕЛА (беретъ свой вѣеръ). Представь его мнѣ!...

IX

ПАМЕЛА, КЕРУЕКЪ, БЕНУА, БРИГИТТА, РЫБАКИ.

БЕНУА. Эй, папѣ Керуекъ!... мы заждались тебя!...

КЕРУЕКЪ. Тсъ!...

БЕНУА. Что такое?...

всѣ. Тсъ! тсъ!...

БЕНУА. Да что такое, я не понимаю?...

КЕРУЕКЪ (*таинственно*). Здѣсь баронесса Роканьеръ, новая владѣтельница здѣшняго замка...

БЕНУА. Баронесса?...

КЕРУЕКЪ. Да, жена одного генерала... она проѣдаетъ до пяти франковъ въ день и желаетъ быть тебѣ полезной.

БЕНУА (*оправляясь*). А!... это дѣло другое!...

КЕРУЕКЪ. Говори съ ней, какъ можно учтивѣе.

БЕНУА. Не привыкать ужъ!... Говаривали и не съ таким!

ПАМЕЛА (*въ сторону*). Съ военными надо говорить не такъ, какъ съ другими... я знаю ихъ языкъ!

БЕНУА. Сударыня!...

ПАМЕЛА. Подойди, товарищъ!...

БЕНУА (*Керуеку*). Она не горда!

ПАМЕЛА. Я слышала, что ты хочешь жениться на одной изъ здѣшнихъ дѣвушекъ?...

БЕНУА (*приближаясь*). Точно такъ, баронесса... ай!... что я вижу?...

ПАМЕЛА. Боже мой!...

БЕНУА. Памела!

ПАМЕЛА. Бенуа!...

всѣ (*между собой*). Они знаютъ другъ друга?...

БЕНУА. Сколько времени я не видала съ вами, любезная Памела!

БРИГИТТА. Любезная!...

КЕРУЕКЪ, (*дергая его за полу*). Что ты дѣлаешь!... Помилуй!...

БЕНУА. Оставьте, пожалуйста!... мы ужъ давно знакомы.

ПАМЕЛА (*всторону*). Я упаду въ обморокъ!...

БЕНУА. Не правда-ли, баронесса, вѣдь мы давно знаемъ другъ друга?...

ПАМЕЛА (*тихо ему*). Ради Бога!... ни слова больше!...

КЕРУЕКЪ (*тихо Бригиттѣ*). Видишь, какъ онъ смѣло разговариваетъ съ знатными дамами.... Сейчас видно умнаго человѣка....

ПАМЕЛА (*Керуеку*). Можетъ быть, его простота въ общеніи со мною васъ удивляетъ?... Новы не будете удивляться,

когда узнаете, что этот храбрый солдатъ спасъ жизнь моему супругу... въ одномъ Африканскомъ сраженіи...

БЕНУА (*въ сторону*). Что она говоритъ?...

КЕРУЕКЪ. Какъ!... такъ этотъ генераль!...

ПАМЕЛА. Былъ мой мужъ!... (*показываетъ на Бенуа*). И съ тѣхъ поръ, этотъ храбрецъ сдѣлался нашимъ другомъ!

БЕНУА (*въ сторону*). Да что она имъ тутъ напѣваетъ?

ПАМЕЛА (*къ Бенуа*). Ахъ, какъ я счастлива, что опять вижу тебя, мой храбрый Бенуа!... Мы завтракаемъ вмѣстѣ — это рѣшено!

БЕНУА. Нельзя, баронесса!... я не могу отсюда уйти... по съ позволенія моего тѣста, я приглашаю васъ раздѣлится съ нами хлѣбъ и соль!

КЕРУЕКЪ. Сдѣлайте милость, ваше превосходительство, не погнушайтесь!...

БРИГИТТА. Если, сударыня, вы насъ удостоите такой чести, то мы будемъ очень счастливы... и я вамъ накрою столъ въ особенной комнатѣ!...

БЕНУА (*ей*). Мы будемъ съ глазу на глазъ... это васъ не испугаетъ!

ПАМЕЛА (*ему*). Напротивъ! я очень рада... мнѣ надо многое вамъ сказать... (*Бригиттѣ*). Я принимаю ваше предложеніе... только, пожалуйста, безъ всякихъ церемоній!...

БРИГИТТА. Да ужъ не взыщите... чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!

ПАМЕЛА. Сегодня я у васъ, а завтра всѣхъ приглашаю къ себѣ въ замокъ завтракать... оттуда и отправитесь къ меру.

КЕРУЕКЪ и БРИГИТТА. Ахъ!... баронесса!...

БЕНУА. И я согласенъ!...

КЕРУЕКЪ. Ну, матушка, пойдѣмъ — я тебѣ помогу кой-чѣмъ распорядиться!...

БРИГИТТА. Хорошо, хорошо!.. ты ступай, готовь все для стола, а я побѣгу въ огородъ за свѣжими плодами!...

ПАМЕЛА. А я обожаю англійскую грушу... я должна быть въ Бретани.

КЕРУЕКЪ. А друзья мои въ это время займутся туалетомъ... надѣвуть праздничныя платья!.. Ну, дѣтки, не теряйте-же напрасно времени!...

X.

ВЕНУА, ПАМЕЛА.

ПАМЕЛА Наконецъ, мы одни... дайте-же мнѣ посмотрѣть на васъ... я еще не могу придти въ себя отъ этой неожиданности.

ВЕНУА. И я также!

ПАМЕЛА. Вы живы?...

ВЕНУА. Вы вдова?...

ПАМЕЛА. Одного генерала....

ВЕНУА. Это, съ которымъ вы познакомились въ театрѣ?...

ПАМЕЛА. Онъ самый.

ВЕНУА. Да это просто — сказка!...

ПАМЕЛА. Изъ Тысячи одной ночи... Но мнѣ удивительнѣе всего, что я васъ вижу живымъ, тогда, какъ мы давно васъ поминали....

ВЕНУА. Я и старался умереть... но неудалось... и это была не моя вина... въ каждомъ сраженіи я былъ впереди... искалъ смерти, нарочно подставлялъ лобъ подъ пулю... и все-таки достигъ не больше, какъ половины желаемого... меня ранили и взяли въ плѣнъ... Разумѣется, всѣ, даже и въ моемъ полку, считали меня убитымъ, я съ своей стороны не имѣлъ никакой возможности увѣдомить, что я живъ... вотъ и причина этихъ ложныхъ слуховъ....

ПАМЕЛА. Какъ, я думаю, обрадовалась вашему возвращенію — сестра ваша Юлія.

ВЕНУА (съ отчаяніемъ). Она?...

ПАМЕЛА. Подумайте сами — уѣхать такъ быстро, никому ничего не сказать... ужъ какъ бѣдная Юлія старалась разузнать, гдѣ вы и что съ вами сдѣлалось... и первое извѣстіе, котораго она наконецъ добилась, увѣдомило ее въ одно время и о вашемъ вступленіи въ полкъ и о вашей смерти... какой ударъ для сестры, которая любитъ такъ своего брата, какъ она васъ....

ВЕНУА (съ огорченіемъ). О, полноте пожалуйста!... дружба... родство... Это то-же, что и любовь... Дуракъ тотъ, кто вѣрить всѣмъ этимъ выдумкамъ.

ПАМЕЛА. Но Юлія....

ВЕНУА. Юлія!... А знаете-ли вы, гдѣ эта примѣрная сестра нашла себѣ мѣсто?

ПАМЕЛА. Нѣтъ....

ВЕНУА. А я знаю... у г-жи Дерошъ, въ компаньѣнкахъ... у матери Карла... она... сестра моя... живетъ въ томъ домѣ, гдѣ такъ смертельно оскорбили ея брата... Но оставьте этотъ разговоръ... Юлія меня забыла и... всѣ забыли меня.. Богъ съ ними....

ПАМЕЛА. Стало быть, вы и не видались съ нею?

ВЕНУА. Нѣтъ... я поклялся забыть неблагодарныхъ... и безъ нихъ я могу быть счастливъ... вотъ вамъ доказательство: завтра моя свадьба

ПАМЕЛА. И вы рѣшились?

ВЕНУА. Да, чтобъ имѣть на землѣ хоть что-нибудь родное... Здѣсь я нашелъ добрыхъ людей, которымъ могу быть полезенъ... мой будущій тесть — отецъ того человѣка, который палъ въ сраженіи, защищая меня... а такіе вѣрные друзья нынче очень рѣдки... и я хочу замѣнить бѣдному старикку его сына... буду опорой его семейства... и самымъ искреннимъ другомъ... вотъ для чего я женюсь на Жоржеттѣ... Мой другъ Матьё, теперь видитъ меня съ небесъ и я увѣренъ, онъ доволенъ мною.

ПАМЕЛА. Да! къ тому-же если ваша невеста хороша собой... Вы влюблены въ нее?...

ВЕНУА. Я влюбленъ?... Нѣтъ, я былъ влюбленъ одинъ только разъ въ моей жизни и вы были свидѣтельницей, какъ мнѣ это удалось!

ПАМЕЛА. Вы все еще объ этомъ думаете?...

ВЕНУА. Я... нѣтъ!...

ПАМЕЛА. О!... полноте притворяться!... Со мной вамъ стыдно быть такимъ неоткровеннымъ... я очень хорошо понимаю слабость человѣческаго сердца... первое впечатлѣніе почти всегда остается навѣки.

ВЕНУА (*съ сердцемъ*). Да, нѣтъ-же, говорю вамъ... я все забылъ и не объ чемъ не хочу вспоминать... и прошу васъ — ни слова о прошедшемъ!

ПАМЕЛА. О, если такъ... то я не заставляю васъ повторить этой просьбы.

ВЕНУА. А, вы Памела, видѣли ее?

ПАМЕЛА. Очень давно!... Согласитесь, что въ моемъ новомъ положеніи, мнѣ очень трудно, почти невозможно сблизиться съ прежними моими товарками... и я сама признаюсь, сколько мож-

но стараюсь избѣгать встрѣчи съ ними... Это можетъ компрометировать мое настоящее званіе....

БЕНУА. А! Такъ стало быть вы не знаете, что одна изъ нихъ живетъ въ этой сторонѣ?

ПАМЕЛА. Кто-же это?

БЕНУА. Она....

ПАМЕЛА. Марія?...

БЕНУА. Да, она!...

ПАМЕЛА. Марія здѣсь!... а я вѣдь думала, что она ушла жить къ своей теткѣ.

БЕНУА. Да она такъ и сдѣлала... Но ея тетка, Марѳа, сдѣлана теперь настоятельницей здѣшняго монастыря.

ПАМЕЛА. Это, впрочемъ, очень непріятно; я-бы не хотѣла съ нею встрѣтиться... думаю и вы также....

БЕНУА. Я!... напротивъ.

ПАМЕЛА. Какъ это?

БЕНУА. Да... признаюсь вамъ: я чувствую какую-то особенную радость, что женюсь здѣсь, близъ нея... она услышитъ это, увидитъ, и я буду очень доволенъ!

ПАМЕЛА. Я не вижу въ этомъ ни малѣйшаго удовольствія....

БЕНУА. Тогда она узнаетъ, что я ее забылъ и люблю другую... Да! я буду любить мою жену, обожать и все это сдѣлаю для того, чтобы отомстить ей... я буду примѣрнымъ мужемъ... тогда она оцѣнитъ, что потеряла и пожалѣетъ обо мнѣ...

ПАМЕЛА. Ай, ай!... берегитесь, мой любезный Бенуа, самая ужасная ненависть гораздо ближе къ любви, нежели самое обыкновенное равнодушіе, какъ говорилъ мой генераль.

БЕНУА. О, что до этого — будьте покойны! — это, слава Богу, совершенно кончено... вы сами видите ясно, что я прежнимъ совѣмъ не занимаюсь и нисколько не думаю.... (*Переходитъ сцену, стараясь показать равнодушіе*). Въ доказательство — я васъ вторично прошу поговорить о чемъ нибудь другомъ... Объ васъ, напримѣръ, объ вашемъ присутствіи здѣсь...

ПАМЕЛА. Ахъ! вы раскрываете мои раны!...

БЕНУА. Но, по видимому, вамъ не на что жаловаться... кажется, вашъ генераль — былъ добрый малый....

ПАМЕЛА. Я любила его....

БЕНУА. За его кротость и послушаніе?

ПАМЕЛА. Да, признаюсь, онъ былъ — примѣрный мужъ! и еслибъ вы знали — какою длинной цѣпью оболочений оковалъ меня этотъ любезный старичекъ, чтобъ привести къ жертвеннику Гименея!... Этотъ достойный супругъ, умирая, оставилъ мнѣ 30,000 ливровъ годоваго доходу и заботу — оплакивать его смерть — и я весело проживаю теперь его богатство, чтобъ тѣмъ достойно почтить память объ немъ.

XI.

КЕРУЕКЪ, ПАМЕЛА, БЕНУА.

КЕРУЕКЪ. Ваше превосходительство, имѣю честь доложить, что завтракъ готовъ.

ПАМЕЛА. Благодарю, мой добрый Керуекъ! — г. Бенуа! вы со мной?

БЕНУА. Я весь къ вашимъ услугамъ! (*Уходятъ*).

XII.

КЕРУЕКЪ (*одинъ*). Все это чудесно!... Теперь всѣ будутъ довольны... и моя старуха-матушка и Жоржетта!

ШАЛУМЕЛЬ (*кричитъ за кулисами*). Дядюшка Керуекъ! Бабушка Бригитта! Жоржетта!

КЕРУЕКЪ. Кто это тамъ такъ кричить?

XIII.

КЕРУЕКЪ, ШАЛУМЕЛЬ, ЖОРЖЕТТА.

ШАЛУМЕЛЬ. Кресло!... Стулъ!... Скамейку!... Табуретъ!...

ЖОРЖЕТТА. Чтò, что такое?

КЕРУЕКЪ. Что съ тобой?

ШАЛУМЕЛЬ. Я задыхаюсь!

ЖОРЖЕТТА. Скорѣе — стаканъ воды!...

ШАЛУМЕЛЬ. Нѣтъ, стаканъ вина.

ЖОРЖЕТТА. Да у насъ одна вода.

ШАЛУМЕЛЬ. Ну, такъ я не хочу пить.

КЕРУЕКЪ. Но отчего ты въ такомъ испугѣ?

ШАЛУМЕЛЬ. Маленькая дочь тетки Симонъ упала въ рѣку....

КЕРУЕКЪ и ЖОРЖЕТТА. Въ рѣку!... Ахъ, побѣдимъ!...

ШАЛУМЕЛЬ (*удерживая ихъ*). Не трудитесь!... Ужъ все кончено!...

ОБА. Кончено!

ШАЛУМЕЛЬ. Да!... уфъ!... Страшно и вспомнить!...

ЖОРЖЕТТА. Ахъ, бѣдная малютка!... А что мать?

ШАЛУМЕЛЬ. Да что — плакала, прыгала отъ радости, она такъ счастлива, что и сказать нельзя....

КЕРУЕКЪ. Да ты никакъ съ ума сошелъ?

ЖОРЖЕТТА. Ея дочь утонула, а она....

ШАЛУМЕЛЬ. Утонула?... я не говорилъ, что утонула....

ЖОРЖЕТТА. Такъ ее спасли?

ШАЛУМЕЛЬ. Мать и дочь — слава Богу — здоровы... я случился тамъ, и....

КЕРУЕКЪ. А! хорошо! очень хорошо, Шалумель!

ЖОРЖЕТТА. Да, это заслуживаетъ всеобщую похвалу!

КЕРУЕКЪ. Ты бросился за нею въ воду?

ШАЛУМЕЛЬ. Нѣтъ, я не бросался....

КЕРУЕКЪ. Такъ кто-же?...

XIV.

КЕРУЕКЪ, БРИГИТТА, ЖОРЖЕТТА, ШАЛУМЕЛЬ.

БРИГИТТА (*входитъ при послѣднихъ словахъ*). Кто?... да развѣ надо объ этомъ спрашивать?... Кто у насъ первый готовъ на всякое доброе дѣло?... Кто съ самоотверженіемъ бѣжитъ всегда на помощь ближнему?

КЕРУЕКЪ и ЖОРЖЕТТА. Марія!...

БРИГИТТА. Да, да, Марія!... Я еще и теперь не могу прийти въ себя отъ удивленія... я была на концѣ нашего огорода, чтобъ отыскать лучшихъ плодовъ для баронессы, вдругъ я слышу на берегу рѣки отчаянный крикъ: «Помогите! помогите!»

ШАЛУМЕЛЬ (*съ гордостью*). Это я кричалъ... я!...

БРИГИТТА. Я прибѣгаю и вижу посреди рѣки дѣвочку Симонетту.

КЕРУЕКЪ. Ты былъ тамъ и не бросился къ ней на помощь?...

ШАЛУМЕЛЬ. Да ты видишь, дядя, что на мнѣ праздничное платье!

КЕРУЕКЪ. Дуракъ!

ШАЛУМЕЛЬ. Всегда—дуракъ!... вѣдь я не стоялъ сложа рукъ— слышите—я изо всей силы кричалъ: «помогите, помогите!...» Нельзя-же все дѣлать въ одно время...

БРИГИТТА. Отъ страха у меня занялся духъ... я не могла отвести глазъ отъ утопающей дѣвочки... вдругъ вижу, что по другому берегу бѣжитъ женщина—это была Марія... она не стала долго раздумывать—въ одну минуту сбѣгаетъ съ берега, прыгаетъ въ лодку и отпихиваетъ ее на середину... но ея маленькія ручки были слишкомъ слабы, чтобъ управлять веслами... и она, бросивъ ихъ, пускается по теченію... волны начинаютъ лодку вертѣть, оборачивать назадъ... клонить на бокъ... мы всѣ кричали о помощи... Гибель Маріи была неизбѣжна... но она, стоя на колѣнахъ въ своей орѣховой скорлупѣ, одной рукой успокоивала насъ, а другой указывала на небо... и она была справедлива—одинъ только Богъ могъ спасти ее и привести лодку къ утопающему ребенку... Марія быстро выхватываетъ его изъ воды... Но сильнымъ теченіемъ такъ несло лодку, что и привычному не было никакой возможности удержаться на веслахъ... она уже была близко устьева рѣки... Еще нѣсколько минутъ и ихъ унесло-бы въ открытое море; но по счастію на пути она столкнулась съ рыбацкѣй лодкой, которая стояла на якорѣ; Марія схватывается за нее такъ сильно, что ея слабая руки походили на два желѣзныхъ кольца... и лодка остановилась... Крикъ спасенной ею малютки удвоилъ ея силы... и не смотря на волны, вѣтеръ, бурю—она держалась до тѣхъ поръ, пока къ ней подплыли наши рыбаки Бабтвистъ и Паскаль... О, что тогда съ нами сдѣлалось!... Мы всѣ вскрикнули отъ радости и удивленія, когда Марія съ дитятѣй на рукахъ вышла на берегъ и упала на колѣна... Мы всѣ сдѣлали тоже и со слезами благодарили Бога за ихъ спасеніе...

ЖОРЖЕТТА. О!... Какая рѣдкая дѣвушка!...

КЕРУЕКЪ. Побѣдимъ къ ней на встрѣчу!

ШАЛУМЕЛЬ. Да слышите крикъ... Это вѣрно она!...

За кулисами крикъ: Да здравствуетъ Марія!...

XV.

КЕРУЕКЪ, БРИГИТТА, МАРІА, ЖОРЖЕТТА, ШАЛУМЕЛЬ, РЫБАКИ, РОДСТВЕННИКИ и ДРУЗЬЯ, *(входятъ изъ глубины сѣна)*.

всѣ. Да здравствуетъ Марія!...

МАРІА. Довольно, довольно, друзья мои!... Я васъ прошу!...

ШАЛУМЕЛЬ. Да здравствуетъ Марія!

МАРІА. Шалумель! По крайней мѣрѣ, не кричи такъ громко!

КЕРУЕКЪ. Когда дѣло идетъ о вашихъ добрыхъ дѣлахъ — то у насъ у всѣхъ откуда и голосъ возьмется!... вы чудесная дѣвушка, Марія!

ШАЛУМЕЛЬ. А вотъ, какъ маленькая Симонетта выростетъ, то для васъ одной крикуней будетъ больше.

(Одинъ крестьянинъ, выходя изъ глубины).

Дядя Керуекъ! Нотариусъ пришелъ.

КЕРУЕКЪ. Гдѣ онъ?

КРЕСТЬЯНИНЪ *(показываетъ на дверь)*. Тамъ, у васъ въ комнатѣ... подѣхалъ къ тому крыльцу...

КЕРУЕКЪ. *(къ Маріи)*. Какое счастье, что вы сегодня воротились въ нашу деревню... вы первая подпишите свадебный контрактъ моей дочери...

МАРІА. О, съ удовольствіемъ!

КЕРУЕКЪ. Это принесетъ имъ счастье. *(переходитъ сцену)*.

МАРІА *(Жоржеттѣ)*. Надѣюсь, что Жоржетта будетъ счастлива...

ЖОРЖЕТА *(тихо ей)*. Мнѣ нужно поговорить съ вами одной.

ШАЛУМЕЛЬ *(тихо ей-же)*. Мнѣ нужно сказать вамъ слова два на одинъ!...

КЕРУЕКЪ. Ну, друзья, насъ ожидаетъ нотариусъ... всѣхъ родственникововъ прошу покорно войти туда... А друзья, надѣюсь, не разсердятся на меня, что я на нѣсколько времени ихъ оставлю... пойдемъ, Жоржетта...

МАРІА. Она сейчасъ придетъ... мнѣ нужно съ нею поговорить.

КЕРУЕКЪ. А!.. вѣрно вы хотите дать ей какой-нибудь добрый совѣтъ... покорнѣе васъ благодарю, Марія!... Смотри, слушай внимательно!...

БРИГИТТА. Ну, такъ мы васъ оставимъ!...

(*Керуекъ, Бригитта и родственники входят въ дверь нальво, остальные расходятся въ глубинъ направо и нальво*).

XVI.

ШАЛУМЕЛЬ, МАРИЯ, ЖОРЖЕТТА.

МАРИЯ. Ну, что-же вы мнѣ хотѣли сказать, друзья мои?...

ШАЛУМЕЛЬ и ЖОРЖЕТТА. Видите-ли, Марія... непременно хотять выдать, противъ нашей воли....

МАРИЯ. Говорите, каждый въ свою очередь.

ШАЛУМЕЛЬ и ЖОРЖЕТТА. Въ свою очередь?.. хорошо! начинай-же... объясни Маріи, что мы только и надѣемся на одну ее... на ея доброе сердце... добрую душу....

МАРИЯ. Но, друзья мои, я вѣдь ровно ничего не понимаю... Жоржетта! говори ты!

ЖОРЖЕТТА. Вы знаете, что я выхожу замужъ.

МАРИЯ. Знаю, ну чтожь?

ЖОРЖЕТТА. Это-то самое и дѣлаетъ меня несчастной.

МАРИЯ. Какъ?.. Но ты была такъ довольна, такъ хвалила, да же гордилась своимъ будущимъ мужемъ!...

ЖОРЖЕТТА. Да онъ, нечего сказать, славный мужчина... и честный человекъ, какъ говоритъ мой батюшка....

ШАЛУМЕЛЬ. Ужь ты, Жоржетта, нехстати его расхваливаешь: онъ просто — сорванецъ... всѣхъ бьетъ, да щелкаетъ...

МАРИЯ. Дай ей сказать, Шалумель!...

ЖОРЖЕТТА. Храбрый, великодушный... учтивый и очень любезень со мною...

ШАЛУМЕЛЬ. Да, да, Марія — онъ разбойникъ, вотъ такъ и ластится къ Жоржеттѣ...

ЖОРЖЕТТА. И признаться по чести — я его очень люблю....

ШАЛУМЕЛЬ. Жоржетта!.. да чтожь ты, съ ума сошла, что-ли?...

МАРИЯ. Послѣ этого — я не понимаю....

ЖОРЖЕТТА. Отчего мнѣ не хочется за него выходить?.. да оттого, что есть другой человекъ, котораго я люблю гораздо больше...

МАРИЯ. Другой?...

ШАЛУМЕЛЬ. И этотъ другой — я!...

МАРИА. Ты!.. (*Жоржетта*). Но вѣдь ты сама согласилась.. и твой отецъ нисколько тебя не принуждалъ... вѣдь это дѣтскій капризь!

ЖОРЖЕТТА. Да вѣдь я согласилась, поссорившись съ нимъ... кто-же зналъ, что я опять полюблю Шалумеля?

ШАЛУМЕЛЬ. Да, кто-же зналъ, что она опять полюбитъ Шалумеля!

МАРИА. Но чего же вы хотите отъ меня?..

ЖОРЖЕТТА. Чтобъ вы поговорили съ моимъ отцомъ... онъ вѣрнѣе и слушается васъ.

МАРИА. И я неупотреблю во зло его довѣренность... неужели ты думала, что я похвалю твое непослушаніе отцу и буду помогать тебѣ не исполнить свой долгъ?... нѣтъ, Жоржета, я этого не сдѣлаю... выбравъ этого человѣка тебѣ въ мужа, почтенный Керуекъ вѣроятно имѣлъ на то важныя причины.

ШАЛУМЕЛЬ. Совсѣмъ нѣтъ... его причины важны только для него одного... видите-ли, онъ говоритъ, что безъ денегъ нельзя наслаждаться жизнью — но развѣ любовь не замѣняетъ намъ всего?... развѣ она не дѣлаетъ насъ пошлыми дураками и развѣ, наконецъ, любовь не лишаетъ насъ аппетита?.. Послѣ этого, судите сами, — ну, къ чему бы послужили деньги для влюбленныхъ?... совсѣмъ не нужны....

МАРИА. А дѣти?... а семейныя несчастія?... болѣзнь, покража, пожаръ....

ШАЛУМЕЛЬ. Такъ... по послѣднее либо случиться, либо нѣтъ. А что касается до дѣтей — то пока они маленькія — будутъ играть... а когда выростутъ, то непременно также, какъ мы, влюблятся — и ѣсть не захотятъ.

МАРИА. Нѣтъ, Шалумель, ты на этотъ счетъ — очень глупъ...

ШАЛУМЕЛЬ. Да вѣдь и Жоржетта одного со мною мнѣнія!.. и для нея не нужно денегъ.

ЖОРЖЕТТА. Это правда... и если меня не отдадутъ за Шалумеля — то ужъ я знаю, что сдѣлаю!

МАРИА. Что такое?..

ШАЛУМЕЛЬ. Нѣтъ, Жоржетта.. неговори этого Мрiи. никто не долженъ знать, что мы рѣшились оба погибнуть...

МАРИА. Что я слышу?..

ЖОРЖЕТТА. Да, Марія, мы рѣшились....

ШАЛУМЕЛЬ. Да, то есть — она рѣшилась...

МАРІА. Жоржетта!.. вѣдь одна мысль объ этомъ есть уже преступленіе!

ЖОРЖЕТТА. Да, Марія, вамъ легко говорить, но... вы не знаете, каково разстаться съ тѣмъ, кого любишь!

ШАЛУМЕЛЬ. У васъ не было Шалумеля...

МАРІА. Все это такъ!... но если я въ свою очередь расскажу вамъ подобный примѣръ объ одной бѣдной дѣвущкѣ, которая очень много страдала... очень много плакала, но которая умѣла покориться судьбѣ и живетъ до сихъ поръ, неся безъ ропота бремя своихъ несчастій...

ЖОРЖЕТТА. Этого быть не можетъ!

МАРІА. Это было!.. Да, Жоржетта, и эта дѣвушка возложила всю свою надежду на Бога.. всѣ радости и все земное счастье для нея умерли, такъ она рѣшилась принять на себя благородную обязанность — спасти жизнь ближняго, не щадя своей и за это она желаетъ единственной награды — провести уединенную жизнь и тихо погаснуть у изголовья какого нибудь несчастнаго, которому она спасла жизнь!...

ШАЛУМЕЛЬ. Она сдѣлалась сестрой милосердія?..

МАРІА. Да, мой другъ, по крайней мѣрѣ, она надѣется ею сдѣлаться.

ЖОРЖЕТТА. А что-жъ тотъ, кого она любила?..

МАРІА. Онъ умеръ.

ЖОРЖЕТТА. Умеръ?...

МАРІА. И можетъ быть, его послѣднее слово было проклятiе этой несчастной дѣвущки!...

ЖОРЖЕТТА. И она осталась жива послѣ всѣхъ этихъ несчастій... О, вѣрно она имѣла очень много добродѣтелей!...

МАРІА. Она имѣла только чувства своего долга и этого было достаточно!...

О, еслибъ вы, друзья, узнали,

Что значить — долгъ свой выполнять:

То вѣрно-бъ въ горѣ не роптали,

Судьбу не стали-бъ обвинять!

На горе, слезы, на страданье

Богъ жизнь земную даровалъ;

Тотъ тамъ получить воздаянъ,

Кто — здѣсь страдалъ и не ропталъ.

ЖОРЖЕТТА. Да, Марія, теперь я вижу, что вы говорите прав-

ду... и я васъ послушаюсь, останусь жить.

ШАЛУМЕЛЬ. И я также?

ЖОРЖЕТТА. Только и я сдѣлаюсь сестрой милосердія!

ШАЛУМЕЛЬ. И я также!.. то есть... я также, по прежнему, буду любить сестру Жоржетту... мнѣ пріятнѣе ее видѣть цѣлый вѣкъ дѣвушкой, нежели женой другаго!..

ЖОРЖЕТТА. И такъ, Марія, вы оставляете насъ... не хотите помочь намъ... дѣлать нечего!..

МАРІА. Васъ оставить?... О, нѣтъ, мой другъ!.. я должна помочь вамъ — исполнить свой долгъ... послушайся меня, Жоржетта... не теряй бодрости и повинуйся своему отцу. Этотъ бракъ спасетъ все твое семейство, составитъ счастье твоихъ родовыхъ... Вѣдь ты любишь своего отца?..

ЖОРЖЕТТА. Еще-бы нѣтъ!

МАРІА. И твою добрую, почтенную бабушку?..

ЖОРЖЕТТА. Очень люблю!..

МАРІА. Неужели-же ты рѣшишься сдѣлать ихъ всѣхъ несчастными?..

ЖОРЖЕТТА. О! сохрани Богъ!

МАРІА. А ты непременно это сдѣлаешь, отказавшись отъ своего жениха... онъ, разумѣется, обидится, уйдетъ и ваше семейство лишился своего благодѣтеля и надежной опоры.

ЖОРЖЕТТА. Я вѣдь и не подумала объ этомъ!..

МАРІА. Это ничего!.. я вижу теперь, что ты добрая дѣвушка и хорошо меня понимаешь.

ЖОРЖЕТТА. Да, Марія, это кончено... я ничего теперь не буду говорить... ни на что не стану жаловаться... а вы все-таки можете поговорить моему жениху, кто знаетъ?... можетъ быть, вы его и убѣдите.

МАРІА. Это порученіе очень затруднительно для меня....

ШАЛУМЕЛЬ. Э, помилуйте! да развѣ для васъ можетъ быть что затруднительно?... я увѣренъ, что вы, если захотите, непременно убѣдите его отказаться отъ Жоржетты... и это вы сдѣлаете такъ, что онъ даже и не замѣтитъ... сдѣлайте милость, неоткажитесь....

МАРІА. Но къ чѣму-же послужитъ это?... Впрочемъ (*взявъ ихъ за руки*). Я не въ состояніи вамъ рѣшительно во всемъ отказать... и я согласна поговорить съ твоимъ женихомъ... но если

онъ не убѣдится моими словами и по прежнему будетъ требовать твоей руки?

ЖОРЖЕТТА. Ну, что-жь дѣлать,—тогда я исполню волю батюшки... Но какъ-же Шалумель...

МАРІА. Шалумель честный человекъ — онъ не захочетъ сдѣлать несчастными два семейства.

ШАЛУМЕЛЬ. Покорно васъ благодарю, Марія, за доброе слово!

МАРІА. Онъ докажетъ, что имѣетъ доброе сердце; что онъ не эгоистъ, за что всѣ полюбятъ его, и будутъ уважать....

ШАЛУМЕЛЬ. Въ самомъ дѣлѣ — будутъ уважать?...

МАРІА. Непремѣнно, и это будетъ твоимъ утѣшеніемъ.

ШАЛУМЕЛЬ. О! если это меня утѣшитъ, то и говорить больше нечего, я согласенъ на всѣ!

МАРІА. Онъ даже пойметъ, что его отъѣздъ....

ШАЛУМЕЛЬ. Какъ!... мнѣ уѣхать надо? ..

МАРІА. Этого требуетъ спокойствіе Жоржетты.

ШАЛУМЕЛЬ (*переходя*). Въ такомъ случаѣ—я уѣду... Прощайте, Жоржетта!... я могу ее обнять?... (*обнимаетъ*), а поцѣловать можно? (*цѣлуетъ*).

ЖОРЖЕТТА. Прощай, Шалумель!

ШАЛУМЕЛЬ (*Маріи*). Я не благодарю васъ за то, что вы для меня сдѣлали... душевно желаю, чтобъ я самъ могъ въ свою очередь быть вамъ также полезенъ... Ахъ, батюшки, сейчасъ только вспомнилъ, что вѣдь у меня есть къ вамъ....

МАРІА. Что такое?

ШАЛУМЕЛЬ. Письмо и запечатанное.

МАРІА. Ко мнѣ?...

ШАЛУМЕЛЬ. Мнѣ почтаціонъ отдалъ его третьяго дня и сказалъ, что оно очень-нужное.

ЖОРЖЕТТА. А ты до сихъ поръ носишь его въ карманѣ?

МАРІА. Ахъ, дай, дай скорѣй!

ШАЛУМЕЛЬ (*Жоржеттѣ*). Чтожь дѣлать, когда забылъ... со всякимъ это случается (*Маріи*). Впрочемъ, это все равно, теперь вѣдь вы знаете, что оно было очень-нужное. Вотъ, еслибъ я забылъ это сказать,—ну, тогда бы дѣло другое—(*отдавая*). А теперь ничего?

МАРІА (*смотря на письмо, всторону*). Огъ Юліи!... (*Жоржеттѣ*). Иди, мой другъ!... Будь веселѣе, не теряй бодрости... вспомни,

что этимъ ты счастливишь своего отца — (*Переходитъ передъ Жоржеттой и занимаетъ край сцены направо*).

ШАЛУМЕЛЬ (*обнимал Жоржетту, которая уходитъ налево*).
Теперь я могу обнять ее и поцѣловать!... Прощай, Жоржетта!...
Пойду приготовлю все для дороги... Я не замѣшкаюсь, потому что мнѣ только шляпу взять (*Уходитъ*).

XVII.

МАРІА (*одна*). Письмо отъ Юліи!... (*смотря на конвертъ*). Да, подписано: «очень нужное.» Я ее оставила только четыре дня тому — и оставила ее съ молодымъ мужемъ, довольной и счастливой... о чемъ-же она мнѣ пишетъ?... (*читаетъ*). «Не произноси своихъ обѣтовъ на монастырскую жизнь!» — Она все не оставляетъ своей надежды удержать меня въ свѣтъ, — но для чего? Что я буду дѣлать въ немъ?... Увы! свѣтъ давно опустѣлъ для меня! — «Не произноси своихъ обѣтовъ — мой братъ живъ!» — Боже мой! — «мой братъ живъ, онъ близъ тебя, въ Монтуаръ, у нашей тетки Маргариты; — ты, безъ сомнѣнія, и не подозрѣваешь такого близкаго сосѣдства съ нимъ» — Боже мой! наконецъ ты сжалился надо мною!... «Мой мужъ и я вслѣдъ за письмомъ отправляемся въ дорогу къ тебѣ... будемъ ѣхать день и ночь, чтобы скорѣе увидѣть и тебя и его, и наконецъ соединить васъ. При свиданіи — скажу тебѣ, какъ это я узнала; теперь-же нѣкогда, скоро пять часовъ — боюсь опоздать на почту. Прощай, твоя сестра и твой другъ до гроба. Юлія Дерошъ.» — О! Боже мой!... Это сонъ!... Онъ живъ! Онъ близъ меня!... Бенуа!... Бенуа!... О! я едва держусь на ногахъ... радость, счастье... Господи! благодарю тебя!... Онъ живъ и я теперь могу сказать ему все... его сестра замужемъ, честь ихъ семейства спасена... и спасена мною... Да, мною, которую онъ подозрѣвалъ... я пожертвовала собою для него и для Юліи... Ахъ!... какъ онъ меня полюбитъ теперь, какъ будетъ раскаяваться... Просить прощенья и я отъ души прошу ему все... я слишкомъ счастлива въ настоящемъ, чтобы помнить о прошедшемъ горь!...

КЕРУЕКЪ (*въ кулисы*). Пожалуйста сюда, г-нъ нотаріусъ, къ столу!

МАРИА. Ахъ! Боже мой! Они хотятъ подписывать контрактъ .. въ своемъ счастиі—я совсѣмъ забыла о бѣдной Жоржеттѣ.

КЕРУЕКЪ (въ кулисы). Тебѣ первому, мой любезный зять!

МАРИА. Войдемъ скорѣе!

БЕНУА (въ кулисы). Я готовъ: хоть не совсѣмъ хорошо, за то подпишу отъ чистаго сердца!

МАРИА (вскрикиваетъ). Ахъ!... этотъ голось!...

БЕНУА (въ кулисы). Теперь вамъ, моя милая невѣста....

МАРИА. А!... это онъ.... онъ!... Бенуа! Онъ женится на другой... Нѣтъ, нѣтъ! — Это не возможно.... Я его невѣста, одна я!... (бѣжитъ къ двери, вдругъ останавливается). Но онъ любить ее... она сейчасъ сама мнѣ сказала... О! несчастная!... Я нашла тебя, Бенуа, чтобъ опять потерять и потерять на всегда!...

ЕРИГИТТА (въ кулисы). Мѣсто, мѣсто... жениху и невѣстѣ!

МАРИА. Онъ подписалъ... и такъ, нѣтъ больше надежды! Онъ меня забылъ... любить другую... для меня все кончено... уйдемъ же отсюда... зачѣмъ помрачать его счастье... прощай, Бенуа! прощай, другъ мой... мы ужъ никогда не увидимся... Будь счастливъ... Прощай!... (идетъ, не шатается). Ахъ! я не могу! силы оставляютъ меня. Боже мой! Боже мой!... Да что-же я такое сдѣлала, что Ты такъ наказуешь меня! (падаетъ, отойдя въ глубину нѣсколько шаговъ).

(Занавѣсъ опускается при послѣднихъ словахъ).

ВСЪ. (въ кулисы). Bravo! Bravo! Ай, да женихъ! молодецъ!

КЕРУЕКЪ (тамъ-же). Поцѣлуй-же свою жену!

ВСЪ. (тамъ-же) Да, да, надо поцѣловаться... bravo! bravo! .. (Хохотъ). Ха, ха, ха!... За ваше здорье!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ—на лѣво старую церковь, на право, на 1-мъ планѣ рѣшотку, ведущую въ замокъ. Направо, на 3-мъ планѣ, памятникъ. Въ глубинѣ—сельское мѣстоположеніе и гора.

I.

ШАЛУМЕЛЬ *входитъ съ лѣва*; ПРИМАКЕ, *справа*.

ПРИМАКЕ. А! Шалумель!... куда это?...

ШАЛУМЕЛЬ. Мнѣ нужно поговорить съ Маріей.

ПРИМАКЕ. Да, въ теперешнюю пору нельзя войти въ монастырь.

ШАЛУМЕЛЬ. Какъ нельзя!... Когда я нарочно и пришелъ за этимъ.

ПРИМАКЕ. Если такъ, то подожди здѣсь, она скоро пойдетъ въ церковь для утренней молитвы.

ШАЛУМЕЛЬ. Стало быть, здоровье ея поправилось?

ПРИМАКЕ. Да, слава Богу?

ШАЛУМЕЛЬ (*переходя направо*). Ну, такъ хорошо... я подожду ее здѣсь.

ПРИМАКЕ. Да, что ты съ такимъ постнымъ лицомъ?... И не одѣтъ, какъ должно.... развѣ забылъ, что у насъ нынче свадьба....

ШАЛУМЕЛЬ. Нѣтъ, я очень помню... чрезвычайно помню....

ПРИМАКЕ. Скоро отправятся къ меру.

ШАЛУМЕЛЬ. Да, и въ ожиданіи этого — (*показывая на замокъ*). Жоржетта теперь тамъ, со всѣмъ своимъ семействомъ... пхъ всѣхъ угощаетъ баронесса завтракомъ... одинъ только я подстичаю и щелкую зубами.

ПРИМАКЕ. Ахъ, да!... вѣдь этотъ бракъ отнимаетъ у тебя невѣсту.... бѣдный Шалумель!

ШАЛУМЕЛЬ. Да, я точно — бѣдный Шалумель!... Это приводитъ меня въ отчаяніе.... О! проклятый Бене.... Еслибъ ты гдѣ встрѣтился со мною одинъ, и еслибъ я только осмѣлился...

ПРИМАКЕ. Да—но вѣдь ты не осмѣлишься....

ШАЛУМЕЛЬ. Это правда... Но не подумайте, чтобы изъ трусости... Нѣтъ!... а я просто — такъ боюсь... О! Боже мой! И не придетъ-же на этого разбойника какой-нибудь болѣзни... чтобъ замертво уложить его въ постель... Ахъ, кстати о болѣзни, что твой пріятель Бедо.

ПРИМАКЕ. Теперь онъ почти здоровъ... и нынѣшнее утро отправился къ своей сестрѣ, въ Пембѣфъ.

ШАЛУМЕЛЬ. Отправился!... вотъ тебѣ разъ!... Что-жъ мнѣ теперь дѣлать съ этими штуками?... (*вынимаетъ изъ кармана двѣ бутылки*).

ПРИМАКЕ. Что это такое?

ШАЛУМЕЛЬ. Это нашъ докторъ просилъ меня отдать этому старикку Бедо.

ПРИМАКЕ (*читая надпись бутылки*). «Малага.»

ШАЛУМЕЛЬ. Вѣрно что-нибудь ужасно противное?

ПРИМАКЕ. Противное?... ты увѣренъ?...

ШАЛУМЕЛЬ. Да, ужъ докторъ своему больному ничего вкуснаго не пошлетъ.

ПРИМАКЕ (*улыбаясь*). Да, братъ, Шалумель, это хоть и вкусно, но опасно... нашъ пасторъ въ прошлое воскресенье очень ясно доказалъ, что всѣ подобныя напитки — ужасный ядъ для тѣла и души.

ШАЛУМЕЛЬ. Ядъ!

ПРИМАКЕ. И я испыталъ это на себѣ... Я самъ было отъ подобной штуки—чуть, чуть неотправился въ Елисейскія...

ШАЛУМЕЛЬ. Вы выпили этого яду?...

ПРИМАКЕ. Хотя и не такого достоинства, какъ тотъ,—однакоже и тѣтъ скоро дѣйствуетъ.

ШАЛУМЕЛЬ. Вотъ оно что! и вы не умерли?

ПРИМАКЕ. Оттого, что еще во время остановился.... Еще-бы немножко и—прощай!... отъ этого сгараеть все тѣло.

ШАЛУМЕЛЬ (*смотря на бутылки*). А!...

ПРИМАКЕ. Такъ вотъ какія дѣла-то, мой любезный. Однакоже, я съ тобой заболтался, и забылъ, что мнѣ надо идти звонить по случаю брака Жоржеты и еще для одной большой церемоніи.

ШАЛУМЕЛЬ. Какой церемоніи?

ПРИМАКЕ. Сегодня Марія постригается въ монахини.

ШАЛУМЕЛЬ. Какъ?... Неужели—сегодня?...

ПРИМАКЕ. Да, она поступаетъ въ число Сестеръ Милосердія.—
Прощай, пойду къ своимъ колоколамъ!...

(Уходитъ къ церкви).

II.

ШАЛУМЕЛЬ (одинъ). А я, повидавшись съ Маріей, понесу назадъ доктору это проклятое снадобье. Господи!... до чего умудрится человѣкъ!... Страшно подумать, въ этихъ бутылкахъ есть то, отъ чего забудешь всякое горе... была-бы только смѣлость... А вѣдь, какъ я подумаю, докторъ-то очень глупъ — помилуйте, довѣряетъ ядъ отчаянному любовнику... Ну, вдругъ попутаетъ лукавый!... и я бы хлебнулъ съ горя.. Уфъ! какія у меня сегодня страшныя мысли!... такъ по кожѣ мурашки и бѣгаютъ... Подумаемъ лучше о чемъ-нибудь другомъ... А! вотъ и генеральша!

III.

ШАЛУМЕЛЬ, ПАМЕЛА, за него СЛУГА.

ПАМЕЛА. А!.. Шалумель... ты здѣсь!... (слугѣ). Альмадоръ, ступай, прикажи готовить завтракъ!

(слуга уходитъ въ замокъ).

ШАЛУМЕЛЬ (всторону). Покушать захотѣла... А мнѣ вотъ такъ и ѣсть-то нехочется... (плюетъ).

ПАМЕЛА. Шалумель!... А почему ты сегодня утромъ не принесъ мнѣ цвѣтовъ, какъ я тебѣ приказывала? вѣрно, забылъ?...

ШАЛУМЕЛЬ. Нѣтъ, баронесса, не забылъ, они у меня..

ПАМЕЛА (нѣжно). У твоего сердца...

ШАЛУМЕЛЬ. Нѣтъ-съ!... въ кармапѣ.

ПАМЕЛА (съ досадой). А я тебя ждала.... мнѣ хотѣлось съ тобою осмотрѣть мои поля, паркъ.... лѣсъ...

СЛУГА (выходитъ изъ замка). Сударыня! Все приглашенные на свадьбу пришли въ замокъ... ждутъ только одного жениха.

ПАМЕЛА. Хорошо. Я сейчасъ приду (Шалумелю). Пойдемъ

вмѣстѣ со мною, Шалумель. Я тебя угощу чудеснымъ виномъ....

ШАЛУМЕЛЬ. Нѣтъ, баронесса, я туда не пойду.

ПАМЕЛА. Почему?...

ШАЛУМЕЛЬ. Потому, что мнѣ очень скучно.

ПАМЕЛА. А! ты вѣрно боишься, чтобы Бенуа не догадался о причинѣ твоей грусти?...

ШАЛУМЕЛЬ. Скажите, пожалуйста! важное кушанье вашъ Бене... я плюю на него... развѣ я не воленъ быть несчастнымъ и скучнымъ, если мнѣ это нравится?

ПАМЕЛА. О! въ твои лѣта это не можетъ долго нравиться.

ШАЛУМЕЛЬ. Ну, нѣтъ-съ! чѣмъ моложе несчастный, тѣмъ ему дольше придется страдать! Ужъ это дѣло извѣстное!

ПАМЕЛА. Но есть утѣшенія....

ШАЛУМЕЛЬ. Для влюбленного нѣтъ утѣшенія!

ПАМЕЛА. Есть (*береть его за подбородокъ*) ты еще ребенокъ .. оттого такъ и разсуждаешь...

ШАЛУМЕЛЬ (*всторону, переходя на право*). Опять за подбородокъ! И что ей нравится?

ПАМЕЛА (*опять подходя*). Я не понимаю, отчего ты такъ жалѣешь эту крестьянку?

ШАЛУМЕЛЬ. Хорошъ вопросъ!... я люблю ее!...

ПАМЕЛА. А слыхалъ-ли ты, что въ прежніе времена даже цари влюблялись въ пастушекъ, а царицы въ пастуховъ...

ШАЛУМЕЛЬ. Да мнѣ-то какая до этого надобность?... Къ чему-жъ мнѣ знать это?

ПАМЕЛА. А къ тому, что и въ наше время молодой, хорошенькій крестьянскій мальчикъ, какъ ты, напримѣръ, можетъ легко поправиться знатной богатой дамѣ—какъ я напримѣръ....

ШАЛУМЕЛЬ. Э?...

ПАМЕЛА. Ахъ! какой ты бросилъ на меня взглядъ!...

ШАЛУМЕЛЬ. Я?

ПАМЕЛА. Можетъ быть, я слишкомъ много сказала... ты догадался... Ахъ!... я вся вспыхнула.... твой взглядъ страшитъ меня!... Оставь меня!...

ШАЛУМЕЛЬ (*идя живо налѣво*). Давно-бы вамъ сказать. Я очень радъ!

ПАМЕЛА (*идя по авансценѣ, направо*). Шалумель! ты меня не

понялъ... Да куда-же ты идешь, когда я приглашаю тебя къ себѣ въ замокъ?

ШАЛУМЕЛЬ. О! пѣтъ! мнѣ нѣкогда!... Покорно васъ благодарю.

ПАМЕЛА (*съ досадой*). Шалумель! поди сюда! (*онъ подходитъ*). Ты глупъ, какъ пробка. Осель.

ШАЛУМЕЛЬ. Что вы сказали?

ПАМЕЛА. Ты глупъ, какъ пробка!... осель! (*уходя въ замокъ*). Забѣть это хорошенько.

ШАЛУМЕЛЬ. (*вслѣдъ ей*). Постараюсь, баронесса!

IV.

ШАЛУМЕЛЬ (*одинъ*). Вотъ несносная-то жепщина!.. только вспомню объ ней, такъ волосы дыбомъ и поднимаются. Откровенно сказать — я до того ненавижу баронессу, что не будь она знатная дама — то ей, ей, я бы побилъ ее! Сами разсудите, ну, къ чему она привязывается?... Мнѣ и безъ нея — хоть въ воду броситься... Но авось дѣло поправится... Жоржетта съ своимъ отвратительнымъ Бене — еще не ходила къ меру... стало, не все кончено, Маріи теперь легче... и она навѣрно исполнитъ свое обѣщаніе... усовѣститъ моего проклятаго соперника... (*увидя Марію, которая выходитъ справа, и идетъ въ церковь*). Ахъ!... да вотъ и она!... здравствуйте, Марія!...

V.

МАРІЯ, ШАЛУМЕЛЬ.

МАРІЯ. (*печальная, опустя голову*). Ахъ!... это ты, Шалумель!...

ШАЛУМЕЛЬ (*всторону*). Какая она печальная... Это странно... Неужели и у нея есть что-нибудь на сердцѣ... (*вслухъ*) Я васъ дожидался....

МАРІЯ (*подходъ къ нему*). Меня?...

ШАЛУМЕЛЬ. Да-съ, чтобъ поговорить съ вами отъ имени Жоржетты и отъ своего... вы помните... вчера обѣщали намъ

поговорить съ г-мь... Бене... да, къ-несчастію, неудалось... сдѣ-
лайте милость... теперь еще есть время...

МАРІА. О, нѣтъ!... теперь это невозможно!...

ШАЛУМЕЛЬ. Невозможно? да почему-же?

МАРІА. Потому, что г. Бенуа любить Жоржетту.

ШАЛУМЕЛЬ. Да вѣдь и я также ее люблю... вы несправедливы, Марія, что отдаете преимущество совершенно незнакому че-
ловѣку.

МАРІА. Незнакому!...

ШАЛУМЕЛЬ. Разумѣется... только мѣсяць, какъ онъ познако-
мился съ Жоржеттой... это — бракъ порасчету, потому-что
онъ имѣетъ деньги, а у Жоржетты ничего нѣтъ — тутъ съ
обѣихъ сторонъ нѣтъ любви — вотъ на столько!...

МАРІА. Ахъ, еслибы я могла тебѣ повѣрить!...

ШАЛУМЕЛЬ. Да вѣдь я, ей, ей, говорю правду! — Ему сказали:
«Послушай! въ Бретани есть молоденькая, хорошенькая дѣ-
вушка, надо на ней жениться!» И онъ, не имѣвши въ то время
никакихъ занятій — отвѣчалъ: «Пожалуй! я женюсь!» Вотъ
и всё.

МАРІА. Но, мой другъ, это одно только предположеніе — на
немъ нельзя основывать надеждъ.

ШАЛУМЕЛЬ. А я такъ и основываю... и видите-ли... я подслу-
шалъ разговоръ г. Бене съ генеральшей... и узналъ....

МАРІА. Что-же?...

ШАЛУМЕЛЬ. Что онъ совсѣмъ не такъ страстно влюбленъ въ
Жоржетту, какъ мы сначала думали.

МАРІА (съ радостью). Неужели?

ШАЛУМЕЛЬ. Увѣряю васъ, Марія... и, что вамъ стоитъ пови-
даться съ нимъ, поговорить... ну, согласится — хорошо! а
не согласится — не ваша бѣда, а моя.

МАРІА. Но если ты, Шалумель, ошибаешься... Если Бенуа лю-
бить Жоржетту!... о!... я чувствую, что это убьетъ меня!

ШАЛУМЕЛЬ. Вотъ она!... вотъ добрѣйшая-то душа!... вы, Ма-
рія, принимаете такое сильное участіе въ моемъ горе, какъ
будто дѣло идетъ о васъ самихъ... и посмотрите — какъ все
благопріятствуетъ... вотъ и Бенуа идетъ... Сдѣлайте милость!
(говоря это, переходитъ налево, показывая на 1-й планъ, от-
куда онъ видитъ Бенуа).

МАРІА. Онъ!...

шалумель. Онъ идетъ въ замокъ завтракать... Не надо терять времени... я оставлю васъ... постарайтесь пробудить въ немъ сожалѣніе... вѣдь стыдно жениться на чужихъ невѣстахъ... Если-же онъ сдѣлаетъ это, такъ только меня и видѣли... ужъ тогда я не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ... (*всторону*). Кстати—у меня въ карманѣ и спадобье есть для этого — одинъ глотокъ, и поминай, какъ звали. (*Уходитъ налево*).

VI.

МАРІА (*одна*). Онъ... Бенуа!... Но чтожъ я скажу ему?... Нѣтъ, нѣтъ!... я не хочу его видѣть!... Но Шалумель сказалъ правду... Если Бенуа... да нѣтъ!... Надежда эта не сбыточна... она могла родиться только въ моей безумной головѣ... мнѣ—мнѣ надѣяться?... Онъ подходитъ... Не надо терять бодрости... По крайней мѣрѣ узнаю истину... Если онъ не забылъ меня... если въ его сердцѣ есть хоть искра прежней любви ко мнѣ... то онъ узнаетъ все, что я для него сдѣлала... Но если онъ забылъ меня... и любить Жоржетту, то я ни слова не скажу... (*Указываетъ на церковь*). И вынѣшній вечеръ—я тамъ произнесу клятву, которая навсегда разлучитъ меня съ міромъ, гдѣ не суждено мнѣ счастье... тогда Бенуа узнаетъ вполне, какую жертву я принесла для него... Но вотъ и онъ!

VII.

БЕНУА, МАРІА.

БЕНУА (*выходя слева, всторону*) Марія!.. Наконецъ—я встрѣтился съ нею и могу отмстить....

МАРІА (*всторону*). Я его вижу опять!... О! Боже мой! я едва дышу.

БЕНУА (*всторону*). Ахъ! Какъ сильно бьется сердце... ничего!... Смѣлѣ!...

МАРІА (*тоже*). Онъ въ смущеніи... Неужели... онъ еще любить меня... (*Вслухъ, подходя къ нему*). Бенуа....

БЕНУА. Извините, сударыня, меня ожидаетъ моя невѣста....

МАРІА. Я знаю, что вы женитесь; но соглашаясь на этотъ бракъ, вы, можетъ быть, не знали — что модлѣ васъ живеть Марія!

БЕНУА (*съ ироніей*). Нѣтъ, сударыня, общая похвала вашимъ добродѣтелямъ и удивленіе всѣй здѣшней страны — были-бы достаточны, чтобы я узналъ объ васъ... Но мнѣ ужъ и прежде было извѣстно, что вы седьмой мѣсяцъ живете въ этой деревнѣ.

МАРІА. А!... вы знали....

БЕНУА. Да, случайно. — Клявусь, я не дѣлалъ никакихъ розысковъ, и даже не имѣлъ намѣренія....

МАРІА. А!... — вы все сердитесь на меня, по прежнему считаете виновной, но слава Богу, теперь я....

БЕНУА. Теперь, сударыня, — я ужъ болѣе не сержусь и не требую огъ васъ никакихъ извиненій и оправданій... что было, то прошло, я все забылъ и въ доказательство этого — женюсь на Жоржеттѣ!

МАРІА. Вы ее любите?...

БЕНУА. Люблю-ли я?... Жоржетта молода, невинна, тиха и прекрасна... Она свято будетъ исполнять свои клятвы, — за что вся моя жизнь будетъ имѣть одну только цѣль — сдѣлать ее счастливой... Да, сударыня, я люблю, обожаю Жоржетту!

МАРІА (*всторону, вскрикнувъ*). Любить!... Несчастливая!... Все кончено!...

БЕНУА. Вы дружны съ Жоржеттой, такъ можете ей сказать, что ея счастье ввѣрено человѣку честному, что мнѣ могутъ измѣнять, могутъ обманывать меня; но что я самъ — никогда не нарушу клятвы... и что вѣроломство никогда не найдетъ уголка въ моемъ сердцѣ... вѣдь это тоже, кажется добродѣтель... и вы, сударыня, должны ее понимать.

МАРІА. О, Бенуа!... Сжальтесь надо мною и падъ самимъ собой... Еслибы вы знали истину....

БЕНУА. А развѣ я ее не знаю?... развѣ я не имѣю доказательствъ, которыя вы не можете опровергнуть?... Истину! — Но она-то, сударыня, васъ и обвиняет!...

МАРІА. Она-то меня и оправдывает!... При воспоминаніи объ униженіи и всѣхъ страданіяхъ, которыя я перенесла — совѣсть моя дѣлается покойнѣе... Храните вашу любовь, она принадлежитъ теперь другой, а не мнѣ... Но я имѣю полное право требовать вашего уваженія.

БЕНУА (*съ горькою холодностью*). Къ-несчастію, сударыня, я слишкомъ дорого заплатилъ за право—сомнѣваться; незнаю,—могъ-ли бы я вамъ повѣрить и тогда даже, еслибы вы представили неоспоримое доказательство; но вы сдѣлать этого не можете, — а такъ я вамъ неповѣрю; стало-быть, и говорить объ этомъ нечего!

МАРІА (*оскорбленная*). О! ужь это слишкомъ!... г. Бенуа! Я никогда не заслуживала презрѣнія!... Съ этой минуты я не должна васъ больше видѣть... оправдываться — мнѣ стыдно.. Прощайте, Бенуа, въ замкѣ — ожидаетъ васъ ваша невѣста, будьте съ ней счастливы... Прощайте! (*Идетъ*).

БЕНУА (*желаетъ ее остановить*). Марія!...

МАРІА (*съ достоинствомъ, указывая ему на замокъ*). Тамъ ожидаетъ васъ ваша невѣста!...

(*Быстро уходитъ въ церковь, онъ остается неподвиженъ*).

VIII.

БЕНУА, ПАМЕЛА.

ПАМЕЛА. Г. Бенуа! мы васъ ждемъ!... (*Увидя уходящую Марію*). А! что я вижу?

БЕНУА. Ахъ! это вы!...

ПАМЕЛА. Какъ!... вы говорили съ ней?

БЕНУА. Да.

ПАМЕЛА. Какое неблагоразуміе!

БЕНУА. Не умѣю вамъ сказать, что я чувствую теперь... знаю одно, что я страдаю... недоволенъ собой, ею, цѣлымъ міромъ... (*Смотря на церковь*). Повѣрите-ли, Памела, ни слова раскаянія, ни тѣни сожалѣнія!...

ПАМЕЛА. Да чтожъ вамъ до этого?...

БЕНУА. Но въ этомъ и я виноватъ: я былъ слишкомъ жестокъ; теперь я укоряю себя за подобное мщеніе... я сдѣлалъ дурное дѣло... обидѣлъ ее... не имѣлъ къ ней сожалѣнія... а она развѣ его имѣла ко мнѣ?... О! если-бы вы видѣли—какая гордость!... Ни слова, чтобы пожалѣть меня, или утѣшить!

ПАМЕЛА. Она имѣла полное право думать, что вамъ, какъ жениху хорошенькой дѣвушки, совсѣмъ не пужны утѣшенія.

ВЕНУА. Она не должна этого думать!

ПАМЕЛА. А почему?...

ВЕНУА. Потому, что этого нѣтъ, и не можетъ быть!

ПАМЕЛА. Ай, ай!... Что-же это значитъ?...

ВЕНУА. Я виноватъ! Самъ незнаю, что говорю... Гнѣвъ лишилъ меня разсудка... и я желая наказать ее, отомстить, — страдаю самъ, какъ будто виноватый, какъ будто не она лишила меня всего, даже надежды Нѣтъ, нѣтъ! я долженъ отомстить ей!...

ПАМЕЛА. За что?...

ВЕНУА. За что!... И вы спрашиваете? За то, что она и теперь думаетъ не обо мнѣ, а о другомъ... любить его!... О! мысль эта убійственна!...

ПАМЕЛА. Къ чему такъ горячиться... Сами-же вы говорили, что все прошедшее вамъ забыто... Не идти-же ей нарочно въ Парижъ, чтобы рассориться съ г-мъ Карломъ.

ВЕНУА. Карлъ!... О!... одно это имя приводитъ меня въ бѣшенство!... Карлъ!... и зачѣмъ я не убилъ этого подлеца на мѣсть... Я былъ-бы теперь гораздо покойнѣе.

ПАМЕЛА. Бенуа! какъ вамъ не стыдно!

ВЕНУА. Да, я долженъ былъ убить его... я имѣлъ на это право... онъ отнялъ у меня единственную женщину, съ нею онъ отнялъ и послѣднее мое счастье... и я имѣлъ все право лишить его жизни... но я, глупецъ, не сдѣлалъ этаго... впрочемъ, еще не поздно... приведи только судьба мнѣ съ нимъ встрѣтиться!

VII.

ВЕНУА, ШАЛУМЕЛЬ, ПАМЕЛА.

ШАЛУМЕЛЬ. (*изъ глубины справа, прибѣгая и крича*). Марія!... Марія!...

ПАМЕЛА. Что такое!...

ШАЛУМЕЛЬ. Я прибѣжалъ сказать ей пріятную новость!

ВЕНУА. Новость?...

ШАЛУМЕЛЬ. Да, какой-то господинъ... красивый такой... приѣхалъ прямо изъ Парижа... остановился въ гостиницѣ «Бѣлой лошади»...

БЕНУА и ПАМЕЛА. Кто-же это?...

ШАЛУМЕЛЬ. Вы знаете гостиницу Бѣлой лошади?... еще на вывѣскѣ большая черная лошадь... она, видите, была прежде бѣлая, да полиняла...

БЕНУА. Кто-жъ этотъ путешественникъ?

ШАЛУМЕЛЬ. Да ужъ не вамъ чета, милостивый государь.. да!.. и онъ вѣрно задушевный другъ Маріи... только узналъ, что я знакомъ съ нею, тотчасъ закричалъ: о мой другъ, бѣги скорѣе къ ней, скажи, что пріѣхалъ Карлъ Дерошъ....

БЕНУА и ПАМЕЛА. Карлъ!...

ШАЛУМЕЛЬ. Она, говоритъ, вѣрно ожидаетъ меня съ нетерпѣніемъ.

БЕНУА. А!.. она ожидаетъ его!...

ШАЛУМЕЛЬ. Онъ отъ самаго Монтуара скакалъ верхомъ во весь опоръ, чтобъ скорѣе съ нею видѣться... теперь послалъ меня ее предупредить, а самъ между тѣмъ началъ счищать пыль, которой былъ покрытъ съ головы до пятокъ.

БЕНУА (*переходя сцену, Памела слѣдуетъ за нимъ, стараясь его успокоить*). А!.. онъ здѣсь!.. наконецъ я съ нимъ встрѣчусь!...

ШАЛУМЕЛЬ. Гдѣ-жъ Марія?.. надо ей сказать... (*всторону*). И въ тоже время узнать—женится онъ на Жоржеттѣ или нѣтъ... если женится, то прощай бѣлый свѣтъ, я хватаю яду изъ обѣихъ бутылокъ! (*уходя направо*).

ПАМЕЛА. Бенуа!.. ради Бога безъ ссоры, безъ дуели!.. этимъ вы лишите Марію добраго имени, она сдѣлается предметомъ насмѣшекъ... и сами вы что выиграете отъ такого поединка?

БЕНУА. Но если я не объясню причины, не скажу своего имени... вѣдь онъ меня не знаетъ.

ПАМЕЛА. Пойдите, Бенуа! я немогу похвалить вашего намѣренія: вспомните, что черезъ часъ вы будете мужемъ Жоржетты, васъ никто не принуждаетъ сказать роковое «да»— и если ужъ вы рѣшились, то, покрайней мѣрѣ, должны его произнести безъ дурнаго намѣренія разрушить чрезъ нѣсколько часовъ счастье своего новаго семейства.... подумайте сами, будетъ-ли это благородно?

БЕНУА. Вы правы, Памела, теперь я долженъ думать только объ моей женѣ, заниматься только одною ею... Да вотъ и приглашенные на свадьбу (*идетъ къ нимъ навстрѣчу*).

ПАМЕЛА (*всторону*). У него есть что-то на умѣ недоброе, ну, да я не выпущу его изъ вида.

VIII.

ПАМЕЛА, БЕНУА, КЕРУЕКЪ, ЖОРЖЕТТА, БРИГИТТА. Приглашенные на свадьбу (*всѣ выходятъ изъ замка*).

КЕРУЕКЪ. Что-жъ ты, зятюшка!... пора!..

БРИГИТТА. Г. меръ не любить долго дожидаться.

БЕНУА. Виновагъ!.. пойдете! пойдете! (*подаетъ руку Бригиттъ*).

(*Переходя театрз, уходитъ палъво, въ глубину*).

IX.

МАРІА (*выходя изъ церкви*). Нѣтъ!.. я не могу даже и молиться... онъ безпрестанно предо мною и смущаетъ мои мысли... Боже мой! это испытаніе превышаетъ мои силы... я нашла его... онъ былъ здѣсь, близъ меня... я ужъ вкушала счастье и все это была одна мечта, и все исчезло, какъ мечта!.. онъ любитъ другую, забылъ меня... а я столько страдала для его спокойствія... и какъ онъ безжалостно мстилъ мнѣ, какое презрѣніе было въ его словахъ... Ахъ! Бенуа... если-бы я рѣшилась тебѣ сказать всю истину, — какъ-бы жестоко ты раскаялся... но я слишкомъ люблю тебя, Бенуа, чтобы заставить тебя мучиться угрызениями совѣсти... я должна была молчать потому что нехочу принудить тебя къ благодарности... нѣтъ, твоей любви желала я... одной любви... я купила ее горькими слезами, страданіемъ и тоскою... и ты бросилъ даромъ это сокровище — отдалъ его дѣвчкѣ... да чѣмъ же она заслужила твою любовь?... чѣмъ пожервовала... О, Боже мой! не оставь меня, подай мнѣ силу — принести послѣднюю жертву! (*въ это время всл свадьба проходитъ по горѣ*). Что за шумъ?... къ чему это пѣніе?... А!.. свадьба!.. да... да!... вотъ и онъ!.. Бенуа!.. одно слово, только одно слово и онъ быть мо-

жетъ возвратится ко мнѣ... если-бы я сказала ему: неблагодарный! ты меня оставляешь, обвиняешь меня, тогда, какъ я, спасая честь твоей сестры, твою честь, — пожертвовала даже твоею любовью, которою жила, дышала, была счастлива, которою... я все отдала для тебя... и ты мой!.. мой навсегда.... ты меня можешь убить, но не оставить!.. Боже мой!.. ты видишь, что я невинна... не дай-же совершиться такому преступленію... (оборачиваясь къ церкви, поражается воспоминаніемъ, падаетъ на колѣна). Ахъ, несчастная! я забыла... я ужъ обѣщала отказаться отъ свѣта и всѣхъ заботъ мірскихъ!.. прости меня, Боже мой!..

Ты видишь все мое страданье,

Тоску души, всю скорбь мою,

Услышь-же Ты мое стenanье:

Пошли, мнѣ смерть скорѣй, молю!

Судьба всего меня лишила

И всѣхъ родныхъ, и всѣхъ друзей,

Такъ пусть — холодная могила

Меня сокроетъ отъ людей!

(Падаетъ близъ надгробнаго камня),

ХП.

КАРЛЪ, МАРІЯ (почти безъ чувствъ).

КАРЛЪ, (вошедши изъ глубины справа, идетъ налево къ церкви). Это здѣсь... да! вотъ и церковь... а съ этой стороны (смотритъ направо и примѣтя Марію). А!.. какая-то женщина углублена въ молитву... она вѣрно можетъ указать мнѣ... Извините, сударыня... позвольте спросить у васъ...

МАРІЯ (подымаясь). У меня?...

КАРЛЪ. Что я вижу!.. Марія!..

МАРІЯ. Карлъ!..

КАРЛЪ. Какое счастье, что я васъ встрѣтилъ!..

МАРІЯ (Переходя сцену, отыскивая глазами и подходя къ Карлу справа). А Юлія... ваша жена?

КАРЛЪ. Она васъ ожидаетъ въ Монтуарѣ... Вы получили ея письмо?..

МАРІЯ (показывая письмо). Только вчера.

КАРЛЪ. Она извѣщала о своемъ скоромъ приѣздѣ и объ одной счастливой новости... Бенуа живъ и любитъ васъ по прежнему...

МАРІЯ. Вы думаете?...

КАРЛЪ. О, какъ онъ обрадуется... Какъ будетъ счастливъ, когда узнаетъ, что вы были ангеломъ — хранителемъ его сестры... Я самъ одолженъ вамъ своимъ счастьемъ: въ Юліи я нашелъ самую рѣдкую, прекрасную жену. Но не надо терять времени. Не угодно-ли вамъ сейчасъ со мною отправившись въ Монтуаръ!.. тамъ мы найдемъ и Бенуа.

МАРІЯ. Въ Монтуаръ?...

КАРЛЪ. Да, и надѣюсь, что наши предположенія вѣрны.

МАРІЯ (всторону). Они еще не знаютъ!...

КАРЛЪ. Что-же Марія?...

МАРІЯ. Сегодня... я немогу уѣхать отсюда....

КАРЛЪ. Но что-же васъ удерживаетъ?.. вы больше нашего должны торопиться... вспомните, что отъ этаго зависятъ ваше счастье!

МАРІЯ. Мое счастье?.. А кто вамъ сказалъ, что Бенуа все еще обо мнѣ помнитъ?...

КАРЛЪ. Да развѣ можно васъ забыть?...

МАРІЯ. Что онъ не полюбилъ другой женщины... Что онъ не женится на ней?...

КАРЛЪ. Этого не можетъ быть!.. Узнавши вашу невинность — онъ почтетъ за особенное счастье загладить свою прежнюю вину.

МАРІЯ. Теперь уже поздно!

КАРЛЪ. Какъ?...

МАРІЯ. Я потеряла навсегда любовь его?

КАРЛЪ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Осушите ваши слезы... онъ любитъ васъ....

МАРІЯ. Нѣтъ, Карлъ, онъ не любитъ меня... и я сама....

КАРЛЪ. Вы сами!.. Боже мой!.. Не ужели мы приѣхали слишкомъ поздно... и вашъ обѣтъ....

МАРІЯ. Не произнесенъ еще.

КАРЛЪ. Слава Богу!

МАРІЯ. Но я его произнесу.

КАРЛЪ. Нѣтъ! никогда!.. Я васъ не оставлю.. Я не допущу васъ до этого!.. нѣтъ!.. я одинъ виноватъ во всемъ вашемъ

несчастіи и долженъ все поправить, во что бы-то ни стало!...

МАРІА, (*всторону переходя сцену впереди Карла*). О, Боже мой!.. Какъ бы удалить его!

XI.

КАРЛЪ, БЕНУА, МАРІА.

БЕНУА, (*вбѣгая блѣдный, останавливается въ глубинѣ, встор.*). Я не ошибся... это онъ... и съ нею!.. О!...

КАРЛЪ. Отвѣчайте-же, Марія, согласны-ли вы за мною слѣдовать?...

БЕНУА. Слѣдовать... за нимъ?...

КАРЛЪ. Ради Бога, откажитесь отъ своего намѣренія, Марія!.. что-же вы молчите?...

МАРІА (*всторону*). Одно средство: обмануть его!...

КАРЛЪ. Отвѣчайте! Умоляю васъ!...

МАРІА. Хорошо, г. Карлъ... нынче вечеромъ — я увижусь съ вами.

КАРЛЪ. Нынче?

МАРІА. Да... (*всторону*) Тогда ужъ я не буду свободна!

КАРЛЪ. И вы исполните свое обѣщаніе?

МАРІА. Вотъ вамъ, мой другъ, мое честное слово.

БЕНУА (*всторону*). Мой другъ!.. (*Марія уходитъ вправо*).

XII.

БЕНУА, КАРЛЪ.

КАРЛЪ. О, какъ я радъ! Наконецъ она согласилась со мною ѣхать....

БЕНУА. Да, и я-бы на вашемъ мѣстѣ очень радовался....

КАРЛЪ. Что вамъ угодно, милостивый государь?...

БЕНУА. Я говорю, что послѣ такого добраго дѣла не мудрено радоваться.

КАРЛЪ. Вы подслушали?...

БЕНУА. Да, я подслушалъ ваше безчестное предложеніе похитить эту женщину!

КАРЛЪ. Вы слишкомъ дерзки?

БЕНУА. Безъ криковъ!.. я хочу съ вами говорить безъ шума.. тихо... подружески...

КАРЛЪ. Что-же вамъ отъ меня угодно?.. Я васъ совсѣмъ не знаю.

БЕНУА. Я хочу васъ наказать!

КАРЛЪ. Наказать!...

БЕНУА. Не кричите-же... гогорю вамъ!...

КАРЛЪ. Оставьте меня, сударь! я не хочу терять понапрасно время со всякимъ безумцемъ.

БЕНУА. Нѣтъ, нѣтъ! увѣряю васъ, я въ полномъ умѣ....

КАРЛЪ, (*быстро переходя сцену, нальво*). Ужь это слишкомъ дерзко.

БЕНУА. Вы не уйдете отъ меня... вы мнѣ должны... и я требую уплаты... Слышите—я требую моего долга...

КАРЛЪ. Но кто вы, что смѣете такъ безстыдно меня преслѣдовать?...

ШАЛУМЕЛЬ, (*входя справа, всторону*), Что тутъ происходитъ?...

БЕНУА. Кто я?.. ты это узнаешь... когда мы станемъ другъ противъ друга съ пистолетомъ въ рукахъ!.. но не прежде!

ШАЛУМЕЛЬ (*всторону*). Дуэль!...

БЕНУА. Потому, что эта тайна должна умереть съ однимъ изъ насъ!

ШАЛУМЕЛЬ (*всторону*). Предувѣдомлю Марию!.. (*уходитъ*).

БЕНУА. Идемъ!...

(*Карлъ уходитъ на льво, Бенуа хочетъ за нимъ слѣдовать, въ это время входитъ свадьба*).

XIII.

БЕНУА, КЕРУЕКЪ, БРИГИТА, ПАМЕЛА, ЖОРЖЕТТА, (*всѣ входятъ изъ губины справа*).

КЕРУЕКЪ. Наконецъ, мы нашли его!

БЕНУА. (*всторону*). О!.. какъ бы отъ нихъ уйти!...

КЕРУЕКЪ. Затюшка!.. что-жъ это значить?.. за коимъ чортомъ ты убѣжалъ сюда?...

ПАМЕЛА. Оставить всёхъ на дорогѣ къ меру... я этого не со-
пимаю?...

БЕНУА. Виновать, виновать!.. видити-ли... я увидѣлъ, что сю-
да прошель одинъ изъ моихъ друзей....
всѣ. Кто-же это?...

БЕНУА. Одинъ молодой человекъ изъ Парижа...

ПАМЕЛА. Изъ Парижа?.. Г. Карлъ Дерошъ?...

БЕНУА (*тихо ей.*) Молчите!.. (*вслухъ, Керуекъ*). Надѣюсь, вы
мнѣ позволите отыскать его и привести на свадьбу....

КЕРУЕКЪ. Еще бы нѣтъ!.. Да, мы всё пойдемъ съ тобою вмѣ-
стѣ его приглашать.

БЕНУА. О, нѣтъ, нѣтъ!.. за чѣмъ-же.. я пойду одинъ....

ПАМЕЛА (*всторону*). У него есть какое-то намѣреніе... но я
прежде его увижусь съ Карломъ.. (*уходитъ направо*).

БЕНУА. А вы, друзья мои, отправляйтесь къ меру, я васъ до-
гоню....

XIV.

МАРІА, БЕНУА, КЕРУЕКЪ, БРИГИТТА, ЖОРЖЕТТА.

МАРІА, (*переходитъ быстро сцену и становится противъ*
Бенуа.) Остановитесь, Бенуа!

БЕНУА. Что вамъ угодно, сударыня?...

МАРІА. Друзья мои—удержите его... дѣло идетъ о его жизни...
всѣ. О его жизни!...

БЕНУА. Ну, да, да!.. я иду драться....

всѣ. Ахъ!...

БЕНУА. И одинъ изъ насъ долженъ непременно умереть.

МАРІА. Нѣтъ! Это невозможно!

БЕНУА. Оставьте меня!...

МАРІА. Но тотъ человекъ, котораго вы хотите убить....

БЕНУА. Любимъ вами! О! я это знаю!... за это-то онъ мнѣ и
ненавистенъ! для этого человека вы измѣнили мнѣ... оста-
вили меня въ жертву отчаянья.. меня, который любилъ васъ
больше жизни....

всѣ. Что онъ говорить?...

БЕНУА. Да любилъ.. и люблю еще!...

МАРІА, (*съ радостью*). Вы любите меня?...

БЕНУА. Да, къ моему несчастію... и чтобъ наказать себя за эту постыдную слабость, я предо всѣми признаюсь въ моей любви къ вамъ....

МАРІА. Онъ любитъ меня!... любитъ!...

БЕНУА. Не радуйтесь!... я сорву и съ васъ маску... изблнчу передъ всѣми... Узнайте-же также, что эта женщина согласилась принять мою руку, мое имя, имя честнаго человѣка... ея жизнь была моею жизнью, ея счатіе было счастіемъ и для меня... и она отдалась любовнику!...

XV.

МАРІА, КАРЛЪ, БЕНУА, ПАМЕЛА, КЕРУЕКЪ, БРИГИТТА, ЖОРЖЕТТА,
ПРИМАКЕ.

КАРЛЪ, *(входя съ Памелой)*. Что вы говорите?...

БЕНУА. И вотъ вамъ на лицо этотъ любовникъ!...

МАРІА. Придите, мой другъ, изблнчить неблагодарнаго, который обвиняетъ меня!

КАРЛЪ. Васъ обвинять!... примѣръ терпѣнія и добродѣтели?...

БЕНУА. Добродѣтели!...

ПАМЕЛА. Да, Бенуа, г-нъ Карлъ мнѣ все сказалъ, Марія невинна.

КАРЛЪ. Бенуа!... умоляю васъ именемъ вашей сестры, а моей жены — на колѣна передъ этимъ ангеломъ, она одна спасла честь Юліи — и вашу честь, неблагодарный!...

БЕНУА. Что я слышу!...

ПАМЕЛА. Ну, да!... помните — то письмо... таинственность... супруга, которой хотѣли помочь!...

БЕНУА. О, нѣтъ, нѣтъ!... тогда я былъ-бы чудовищемъ! нѣтъ! вѣдь вы обманываете меня... доказательства... доказательства!... *(Марія тихо вынимаетъ письмо Юліи, Бенуа бросается, схватываетъ, читаетъ)*. Отъ моей сестры... да, рука Юліи... О! несчастный! теперь я понимаю все, что я сдѣлалъ... Марія была невинна!.. *(всп отъ него стходятъ)*. О, да... вы правы... оставте... бѣгите отъ меня... я самъ себя признаю!... *(тихо подходит къ Маріи)*. Марія! сжалитесь-ли вы надо мною?...

Въ любви измѣнницей считаа,
И, дерзкій, смѣлъ васъ оскорблять!
А вы — сестру мою спасаа,
Рѣшились за меня страдать!
За чѣмъ-же долго такъ скрываются —
Невинной быть — и все молчать?

МАРІА.

Желаа, чтобы оправдаться,
Другихъ сначала оправдать!

БЕНУА.

Но какъ немогъ я догадаться,
Меня должны вы презирать!..

МАРІА.

Всѣмъ людямъ сродно ошибаться,
Другъ другу мы должны прощать!

БЕНУА. Марія!.. Я люблю васъ и молю о прощеніи!

МАРІА. Бенуа! я очень много страдала... но эта минута заста-
вляеть меня забыть все прошедшее!... (*подаетъ ему руку*).

БЕНУА, (*бросаясь цѣловать ее*). Марія!.. вы ангель — спаси-
тель мой!.. О!... какъ я счастливъ!... Жоржетта!... вы на меня
не сердитесь?...

ЖОРЖЕТТА. Помилуйте!.. за что-же!... я даже, признаюсь, очень,
очень этому рада!

ПАМЕЛА. Она теперь можетъ выдти за Шалумеля.

БЕНУА. За Шалумеля?.. развѣ она его любитъ?..

ПАМЕЛА. И даже очень!...

ЖОРЖЕТТА. Г. Бенуа! вы на меня не сердитесь?

БЕНУА. Помилуйте! за что-же! я даже признаюсь, очень это-
му радъ.

КЕРУЕКЪ. Но все таки....

КАРЛЪ. Я, съвоей стороны, даю вамъ приданое, милая Жоржетта.
всѣ. Вы? ..

КАРЛЪ. Да, я!.. дѣлать добро — не значить-ли идти по слѣдамъ
Маріи...и это единственное средство отблагодарить ее.

(*Марія протягиваетъ ему руку*).

БРИГИТТА. Да гдѣ-же Шалумель?

всѣ. Шалумель! Шалумель!...

XVI.

КАРЛЪ, ПАМЕЛА, МАРИЯ, БЕНУА, ЖОРЖЕТТА, ШАЛУМЕЛЬ, ПЬЯНЫЙ, (его ведутъ подъ руки) КЕРУЕКЪ и БРИГИТТА.

ЖОРЖЕТТА. Вотъ онъ!

всѣ. Ступай скорѣй!...

БРИГИТТА. Да что съ нимъ?.. онъ на силу идетъ?...

ШАЛУМЕЛЬ. А!... вы на свадьбу пришли.. прочь отъ меня.. я хочу говорить съ моимъ семействомъ, хочу передъ смертью повидаться съ ними... обнять... чувствую, что душа моя разстается съ тѣломъ... Всѣ идетъ вокругъ меня... все поварачивается вверхъ ногами.. ноги подкашиваются... языкъ не дѣйствуетъ... заплетается... будьте счастливы.. я васъ прощаю.

КЕРУЕКЪ. Онъ выпилъ...

ШАЛУМЕЛЬ, (показываетъ двѣ пустыл бутылки). Все... ни капли не осталось.. ужь умирать, такъ умирать!...

БЕНУА. Что это такое?.. (читаетъ) «Малага».

ШАЛУМЕЛЬ. Да... это... ядъ для души и тѣла... говорилъ нашъ пасторъ... и у меня теперь съ душой—не знаю, что будетъ, а тѣло... прощайте! отживаетъ послѣднія минуты...

ЖОРЖЕТТА. Онъ отравилъ себя...

БЕНУА. Успокойтесь!... я имѣю отъ этого гомеопатическое лекарство: и заставлю тебя выпить еще такую-же бутылку на твоей свадьбѣ...

ШАЛУМЕЛЬ. На моей... свадьбѣ...

КЕРУЕКЪ и БРИГИТТА. Да, на твоей свадьбѣ... ты женишься на Жоржеттѣ!.. (подводитъ къ Жоржеттѣ).

БЕНУА. И на моей — также!

ШАЛУМЕЛЬ. О, когда такъ: я не хочу умирать.. нѣтъ, я хочу жить... и признаюсь — жизнь мнѣ нравится гораздо больше смерти...

СОБЫТІЯ ВЪ ГАВАНИ.

РАЗСКАЗЪ И. И. ГОЛУБИНА.

Мнѣ кажется, что Васильевскій Островъ лучше всѣхъ острововъ, какіе только есть въ Петербургъ, да и въ цѣломъ свѣтѣ, не исключая Малабарскихъ. Лучше всѣхъ онъ потому, что его улицы вытянуты въ няточку, а дома и домики разставлены въ семитрическомъ порядкѣ. Во всѣхъ этихъ домахъ и домикахъ живутъ люди, довольно красивой наружности, которые почти каждый день прогуливаются по бульвару Большаго Проспекта. А знаете ли вы, что такое Большой Проспектъ? Это, такъ сказать, что - то въ родѣ загородной улицы, уставленной дачами. На этомъ проспектѣ передъ каждымъ домикомъ есть садъ, въ которомъ растутъ піоны, ноготки, колокольчики, гвоздика, шиповникъ, акація и множество другихъ, тому подобныхъ растений. Въ этихъ садахъ, въ лѣтнее время, прогуливаются хорошенькія дамы и дѣвицы съ книгами въ рукахъ, съ мечтами въ головѣ и съ любовью въ сердцѣ. Я потому сказалъ хорошенькія, что между ними дѣйствительно есть такія, на которыхъ, какъ взглянешь, такъ вотъ тутъ въ тушкѣ и станешь. Но умоляю васъ, не смотрите на нихъ въ лорнетку! Боже васъ упаси, если вы посмотрите на нихъ въ лорнетку! Васильевскій Островъ имѣетъ такое свойство, что если посмотрѣть на него въ лорнетку, то всѣ вещи кажутся совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ. Нигдѣ оптический обманъ не развиваетъ дивныхъ дѣйствій своихъ такъ сильно, какъ на этомъ благодатномъ оазисѣ Финскаго залива.

Дѣло было весною. Вечеръ былъ тихій, теплый и ясный, однимъ словомъ, такой, какіе бываютъ у насъ въ маѣ мѣсяцѣ, если

нѣтъ снѣгу. Почти все жители Большаго Проспекта высыпали на бульваръ, чтобы освѣжить свои силы, а тѣ, которые остались дома, вышли въ сады, посмотреть сквозь палисадъ на гуляющихъ. А если бы вы знали, сколько въ этотъ вечеръ было гуляющихъ и какъ эти гуляющіе были оригинальны и, какъ говорится на мѣстномъ нарѣчій, *разбуффонны!* Удивленный этимъ сборищемъ, иной розинулъ бы ротъ и сказалъ: *Э, да какой здѣсь авантажъ!*

Между этими гуляющими прохаживался молодой человекъ прекрасной наружности, въ новомъ, только - что сшитомъ пальто и въ полосатыхъ брюкахъ. Лицо его, хотя не совсемъ правильное, но довольно привлекательное, выражало дружеское расположеніе ко всемъ вообще и къ своей особѣ въ особенности. Онъ поминутно помахивалъ своей тросточкой и оглядывался на все стороны, какъ бы желая удостовѣриться, смотрять ли на него господа проходящіе, а въ особенности госпожи проезжающія на дрожкахъ или сидящія подъ окнами. Самолюбіе его, прикрытое новымъ пальто и полосатыми брюками, видимо требовало зора участія. Вдругъ, проходя мимо одного палисада, онъ остановился, какъ будто пришибенный параличемъ. Долго и молча стоялъ онъ въ этомъ положеніи; потомъ повернулся назадъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по бульвару; опять воротился на то же мѣсто и снова остановился передъ тѣмъ же палисадомъ, смотря сквозь деревянную рѣшетку.

На что же онъ смотрѣлъ?

Въ саду, подъ рѣшетчатымъ навѣсомъ, прикрытымъ доморощенной акаціей, стоялъ столъ съ чайнымъ приборомъ. За этимъ столомъ сидѣли три дамы, два гимназиста и одинъ мальчикъ лѣтъ семи, который держалъ въ рукахъ игрушку, изображающую не то лошадь, не то корову, а что - то похожее на то и другое. Одна изъ дамъ была лѣтъ сорока, длинная и худощавая, съ сильно заштукатуренными рябинами, но съ явной претензіей на красоту и молодость. Другая дама была помоложе и еще не знакома съ Марсомъ (я говорю не о богѣ войны, а о продавцѣ женской молодости и красоты на Невскомъ Проспектѣ.) Третья..... Но извините, читатель! Третья была совсемъ не дама, а дѣвушка лѣтъ шестнадцати, живая и бойкая, съ розовыми щечками и съ таліей стрекозы. Она сидѣла въ углу бесѣдки и читала книгу.

— Посмотри, пожалуйста, Надина, сказала длинная и худощавая дама, обращаясь къ дѣвущкѣ: этотъ чудакъ, на бульварѣ, кажется все смотритъ на тебя.

Молодая дѣвушка опустила на коленѣ книгу и, приподнявъ прекрасную головку, посмотрѣла на бульваръ: тамъ все еще стоялъ тотъ самый молодой человекъ прекрасной наружности, съ са-

молобiемъ въ поюсатыхъ брюкахъ, о которомъ я говорилъ выше. Надина улыбулась.

— И въ самомъ дѣлѣ, та tante, онъ смотритъ на меня! сказала она тономъ наивности: ахъ, какой онъ хорошенькiй!

— Ну вотъ! сказала другая дама: ужъ и хорошенькiй!.. смотри, не влюбись въ него та сѣге.

— А что, замѣтила молодая дѣвушка: вѣдь не худо, если бы онъ посватался на мнѣ.

Дамы захохотали во все горло, а молодой человекъ прекрасной наружности поспѣшно отошелъ прочь, съ видомъ уязвленнаго льва.

Долго ходить онъ взадъ и впередъ по бульвару и все, казалось, о чемъ-то думалъ. Можетъ быть, въ это время образъ хорошенькой незнакомки преслѣдовалъ его воображенiе, а можетъ быть, онъ думалъ о томъ, что напрасно убили время, смотря на этихъ дамъ, которыя не могли понять, что онъ такой человекъ, на котораго надо смотрѣть не иначе, какъ съ достоюлжнымъ уваженiемъ, а не съ насмѣшкою. Въ такомъ положенiи онъ проходилъ болѣе двухъ часовъ. Начало смеркаться. Толпа гуляющихъ рѣдѣла. Наконецъ бульваръ почти совершенно опустѣлъ, такъ - что на немъ остались только два будочника, которые прохаживались мимо своихъ будокъ, да какой-то подгулявшiй морякъ, въ измятомъ картузѣ и суконной курткѣ. Въ это время молодой человекъ еще разъ подошелъ къ знакомому намъ полисаду: но въ саду уже никого не было. Онъ вздохнулъ и хотѣлъ было отправиться домой, какъ вдругъ изъ калитки этого дома выпорхнула молодая дѣвушка, та самая, которая была въ саду съ другими дамами.

— Гм! произнесъ молодой человекъ: вотъ оно что!... посмотримъ!

Сказавъ это, онъ пошелъ вѣлѣдъ за нею. Незнакомка шла довольно скоро и смѣло, иногда оглядываясь назадъ, какъ бы желая удостовѣриться, не преслѣдуетъ ли ее кто-нибудь. По всему было замѣтно, что она идетъ въ такую пору не въ первый разъ. Это даже удивило молодаго человека прекрасной наружности, который никакъ не могъ понять, почему эта дама, которую онъ считалъ чуть ли не генеральской дочкой, идетъ одна, Богъ вѣсть куда и чертъ знаетъ за чѣмъ! Въ душѣ его даже зародились нѣкоторыя неблаговидныя подозрѣнiя... Фантазiя его стала работать и очень живо рисовала ему то мелькающiя шляпки Невскаго проспекта въ позднюю пору, то озаренную луною бѣлую волшебницу, несущуюся на лихачѣ въ пролеткахъ, то, наконецъ... Словомъ, разныя мысли неволью лѣзли въ голову молодому человеку. Нако-

нецъ онъ увѣрился, что къ такой особѣ, какова была Надя, можно подойти смѣло.

— Сударыня, не позволите ли васъ проводить?

— Почему-же нѣтъ! отвѣчала Надя.

— А далеко ли вы изволите идти?

— Въ Гавань.

— Въ Гавань! . . . теперь! . . . почти въ полночь! . . . произнесъ молодой человѣкъ, удивленный до крайности отвѣтомъ.

— Что-жъ тутъ удивительнаго? сказала Надя.

— Помилуйте! . . . да какъ же это можно? . . .

— А почему-жъ бы нельзя?

— Почему . . . да потому . . . какъ бы вамъ сказать . . .

— Да почему? повторила молодая дѣвушка.

— Да потому, что нехорошо въ такую пору ходить дамѣ, особенно въ Гавань: тамъ, мнѣ сказывали, все такіе францы живутъ, которые изъ экономіи въ лодкахъ по заливу развѣзжаютъ, чтобы дрова ловить.

— Такъ откуда же имъ брать дрова, когда у нихъ нѣтъ денегъ: не воровать же идти!

— Оно такъ! сказалъ молодой человѣкъ: но согласитесь сами, что въ такое мѣсто и въ такую пору идти молодой дамѣ, безъ провожатаго, довольно опасно.

— Да скажите мнѣ, пожалуйста, почему же опасно?

— Потому, что васъ могутъ обидѣть.

— Кто?

— Тамошніе жители.

— Вотъ и неправда! сказала Надя: тамошніе жители люди смиренныя и тихіе. Они никого не трогаютъ, только боятся сами, чтобы ихъ кто-нибудь не задѣлъ.

Эти слова смутили молодаго человѣка. Онъ смѣкнулъ, что сказалъ величайшую глупость, какую только можно сказать на свѣтъ. Онъ подумалъ, что можетъ быть эта дѣвушка принадлежитъ къ тому классу экономныхъ людей, о которыхъ онъ отозвался такъ неучтиво и рѣзко. Чтобы поправить свою неловкость, онъ сказалъ:

— А давно вы изволите жить въ Гавани?

— Давно. Мы живемъ тамъ каждое лѣто.

— Какъ, каждое лѣто? Развѣ въ зимнее время вы живете гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?

— Въ зимнее время мы живемъ у Владимірской, а на лѣто переезжаемъ сюда, вмѣсто дачи. У насъ здѣсь домикъ свой съ садомъ садъ при немъ довольно хорошій: въ немъ цвѣты разные растутъ и даже земляника и смородина спѣеть. . . .

— А!... это другое дѣло! подумаю молодой человѣкъ. Но, прибавилъ онъ, обращаясь къ Надѣ: извините, сударыня, если вопросъ мой покажется вамъ немного страннымъ. Я хочу спросить, съ кѣмъ вы живете, то есть, ваше семейство...

— Съ маменькой, отвѣчала Надя.

— А кромѣ маменки у васъ никого нѣтъ?

— Есть: Марья, наша кухарка, и Иванъ, нашъ кучеръ и дворникъ.

— Развѣ вы имѣете свою лошадь?

— Какъ же!... а вы думали нѣтъ! Извините, мы не принадлежимъ къ тѣмъ, которые ѣздятъ дрова собирать по заливу.

— Странно! подумаю опять молодой человѣкъ. Но позвольте васъ спросить: почему же за вами не прислали сегодня лошадь, чтобы отвезти васъ домой?

— Потому что я хотѣла переночевать у своей тетеньки. Но она такая злая... смѣялась сегодня надо мною цѣлый вечеръ... и надъ вами тоже....

— Какъ надо мной - съ? Развѣ она меня знаетъ?

— Не знаетъ, но примѣтила, какъ вы стояли у рѣшетки на бульварѣ, передъ нашимъ садомъ.

Всѣ эти слова, навѣрно высказанныя Надею, показали молодому человѣку хорошимъ предзнаменованіемъ. Онъ восхищался ея простодушіемъ и красотою, прежнія фантазіи въезли въ него, какъ дымъ. Онъ даже раскаявался, что съ самаго начала поступилъ не такъ, какъ следовало бы ему поступить. Но нѣтъ худа безъ добра, подумаю онъ: авось случай устроить все къ лучшему.

Весело и почти незамѣтно дошли они до того дома, который принадлежалъ родительницѣ Нади. Этотъ домъ былъ, какъ и всѣ дома въ Галеріи Гавани, одноэтажный, только гораздо красивѣе и поопрятнѣе прочихъ. Позади его былъ садъ, отъ котораго въло черемхою и сиренью.

— Вотъ нашъ домъ, сказала Надя, хватаясь за ручку колокольчика. Покорно благодарю васъ, что проводили.

— Помилуйте! Это совершенно не стоитъ благодарности! Я всегда почту за счастье услужить вамъ, тѣмъ болѣе...

Въ это время калитка отворилась и молодая дѣвушка порхнула въ нее, какъ тѣнь. Фраза осталась на губахъ юноши, не развитая.

Когда Петръ Ивановичъ остался одинъ, онъ съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ сперва на заборъ, на которомъ мурлыкали два кота, потомъ на верхушки деревьевъ, которыя

возвышались надъ заборомъ, и наконецъ на домикъ, въ которомъ все было тихо и темно. Вдругъ въ одномъ окошкѣ блеснулъ огонекъ: вотъ онъ становится все ярче и ярче, и вскорѣ освѣтилъ все окна въ домѣ. Этотъ огонь вѣроятно въ ея комнату, подумала молодой человекъ и перешелъ на другую сторону улицы, но зеленая стора быстро скрыла спектакль, которымъ онъ хотѣлъ насладиться, и окна снова потемнѣли. Онъ повѣсилъ носъ и голову.

II.

Этотъ молодой человекъ былъ Петръ Ивановичъ Чайкинъ. Онъ родился въ деревнѣ, которая существуетъ понынѣ въ одной изъ южныхъ губерній. Дѣтство свое онъ провелъ тихо и безмятежно, поѣдая арбузы на бахчѣ и сливы въ саду. Когда онъ немного подросъ, чадолюбивые родители приставили къ нему семинариста, чтобы тотъ обучилъ его уму-разуму. Одаренный отъ природы здравымъ разсудкомъ и умомъ довольно смѣливымъ, онъ учился съ *толкомъ*, какъ варажался именитый его наставникъ. Пятнадцати лѣтъ онъ зналъ наизусть почти всю священную исторію, первую и вторую часть арифметики и кое-что изъ риторики Кошанскаго. Тогда онъ разсудилъ, что учиться ему болѣе нечему да и не зачѣмъ. Какъ ни учишься, а дипломатомъ все не будешь! говорилъ онъ своимъ родителямъ. Чтобы убить чѣмъ-нибудь время, онъ выпросилъ у исправника ружье и началъ похаживать на охоту за дупелями и перепелами. Помимо дупелей и перепелокъ, онъ заходилъ иногда и въ лѣсокъ, и на поле, попристальнѣй присмотрѣться, какъ это тамъ бабы да дѣвки траву полкуютъ, да грибы собираютъ. Тутъ онъ обучился кое-чему по части домашней и умноженія деревенской прибыли.

Когда Петру Ивановичу исполнилось двадцать лѣтъ, чадолюбивые родители разсудили, что сынка ихъ надо - бы отправить въ Петербургъ, на службу. Снабдивъ его деньгами, рекомендательными письмами, жаренымъ поросенкомъ, родительскимъ благословеніемъ, индюшкой и дюжиной ватрушекъ, они отпустили его на дальній путь отъ чистаго сердца. Петръ Ивановичъ съѣлъ въ повозку и потонулъ въ мягкой перинѣ и слезахъ.

Ему жаль стало деревню, гдѣ провелъ онъ лучшие дни своей молодости, то на гумнѣ, то на голубятнѣ, гдѣ онъ на огородѣ выцарапывалъ булавкой на тыквахъ уродцевъ, гдѣ разводилъ щенятъ и ходилъ въ лѣсъ за красной дичью, гдѣ такъ любилъ полакомиться на счетъ клубнички и свѣжаго огурчика. Но колокольчикъ

брякнулъ и лошади помчались: сперва тихо, потомъ все быстрѣе и быстрѣе. Передъ нимъ заблестало безпредѣльное, голубое небо, да степь съ своими безконечными пустырями. Петръ Ивановичъ вздохнулъ глубоко и трудно. Что ни говорите, господа столичные жители, а деревня также имѣетъ свою довольно пріятную сторону для благовоспитаннаго юноши.

Прѣхавъ въ Петербургъ, Петръ Ивановичъ на другой же день откомендовался всѣмъ родственникамъ и знакомымъ, какихъ только родители его имѣли въ Колтовской и на Пескахъ. Спустя мѣсяць, черезъ хлопоты и пронеки людей со связями и барынь съ вѣсомъ, онъ опредѣлился въ какую-то высокую должность переписыванія чернаго на бѣло. Но Петръ Ивановичъ отъ природы не былъ челоуѣкомъ жаднымъ и честолюбивымъ: онъ всегда довольствовался тѣмъ, что у него было, и не гонялся за тѣмъ, что имѣли въ наличности или въ виду другіе, болѣе счастливые, чѣмъ онъ. Онъ разсудилъ, что жить ему всего лучше на Васильевскомъ островѣ, потому-что тамъ и лѣтомъ не слишкомъ душно, и зимою не такъ безпокойно, какъ, примѣрно, въ Мѣцанской или въ Гороховой, да и касательно отдаленности не такъ, чтобы очень. Прекрасный полъ за то по всѣмъ линіямъ преизобилуетъ.

Въ лѣтнее время Петръ Ивановичъ вставалъ довольно рано, надѣвалъ халатъ и затягивался доброй трубкой Жукова, чтобы освѣжить свои силы. Послѣ должности онъ всегда заходилъ къ кухмистеру пообѣдать, а послѣ обѣда отправлялся на бульваръ Большаго Проспекта и гулялъ тамъ до поздняго вечера, что и составляло обыкновенное занятіе его дня. Возвратясь домой, онъ пилъ чай и читалъ Полицейскія Вѣдомости, а потомъ ложился спать: что принадлежало уже къ наслажденіямъ жизни.

Такимъ образомъ, жизнь его текла тихо и однообразно до вышеописанной встрѣчи съ Надею. Но съ этого времени Петръ Ивановичъ совершенно перемѣнился. Возвратясь домой, онъ бросился въ постель, не скажу—не раздѣваясь, пѣтъ, зачѣмъ скрывать истину, онъ слишкомъ дорожилъ новымъ пальто, чтобы подвергнуть его случайностямъ возмущеннаго любовнаго сна. И такъ онъ просто легъ въ постель по общепринятому порядку, но метался въ ней, какъ угорѣлый. Образъ хорошенькой дѣвушки поминутно являлся ему въ самыхъ заманчивыхъ призракахъ. Онъ видѣлъ ее, то пастушкою, въ розовомъ вѣнкѣ, съ овечкой на рукахъ, какъ была изображена его прабабушка на фамильномъ портретѣ, то крестьянкой, собирающей грибы въ знакомомъ лѣсочкѣ, то генеральской дочкой, съ краснымъ лакеемъ на запяткахъ, то, наконецъ, своей законной супругой, г-жей Чайкиной. Ему даже казалось,

что это была вовсе не дѣвушка, а мечта — да и не совсемъ мечта, коли хотите, а что - то этакое, знаете — не то Сильфида, не то Сатанилла.

На другой день Петръ Ивановичъ проснулся часу во второмъ. Въ должность идти было поздно. Какъ человекъ, у котораго мысли находятся не въ надлежащемъ порядкѣ, онъ началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ большими шагами, что по величинѣ его кабинета очень походило на прогулку медвѣдя въ клеткѣ у Зама. Иногда онъ останавливался передъ окномъ, барабанилъ по стеклу и долго, долго смотрѣлъ на улицу. — Нѣтъ, говорилъ онъ, отходя отъ окна: это не она! въ ней есть что-то такое, чего нельзя передать словами; въ ней есть то, что поэты называютъ *существомъ эфирно-дивнымъ, которое влищаетъ въ себя всѣ истоглики любви, которое*

И старость разогрѣть,
А юность въ прахъ испечелить!

Вечеромъ Петръ Ивановичъ опять пошелъ на бульваръ и опять къ тому же полюсаду, въ которомъ наканунѣ этого дня онъ встрѣтилъ Надю. Костюмъ его на этотъ разъ былъ улучшенъ чрезвычайно яркимъ и пестрымъ шарфомъ съ преогромною бронзовою булавкою, которая изображала обезьяну, держащую бусину вмѣсто орѣха. На этомъ шарфѣ и на этой булавкѣ основывалъ онъ сильные стратегическіе замыслы. Разбирая въ душѣ безукоризненность своего паряда, Петръ Ивановичъ крѣпко убѣждался, что онъ непобѣдимъ, какъ Ахиллъ во всеоружіи. Но на этотъ разъ въ саду никого не было. Только какой-то запачканный мальчишка, въ казакинѣ съ галунами, качался на качеляхъ, затягивая глупую пѣсню. Петръ Ивановичъ пошелъ далѣе. Вотъ передъ нимъ зазеленѣло поле, а на встрѣчу попалось стадо коровъ, которыхъ пастухъ гналъ домой. При этомъ видѣ Петръ Ивановичъ вспомнилъ и свою деревню, и свой домикъ, съ фамилінымъ портретомъ прабабушки - пастушки, и свою старую голубятню. Ему стало чего-то жаль или нѣтъ — ему чего-то недоставало. Идя все далѣе и далѣе, Петръ Ивановичъ почти незамѣтнымъ образомъ очутился въ Гавани, передъ тѣмъ самымъ домикомъ, въ которомъ жила Надя. Онъ опять посмотрѣлъ сперва на заборъ, а потомъ на верхушки деревъ, которые возвышались надъ заборомъ и наконецъ на оконки, которыя были завѣшены кисейными занавѣсками. Черезъ нѣсколько минутъ Петръ Ивановичъ замѣтилъ, что одна изъ занавѣсокъ немного отодвинулась и изъ-за нея взглянула головка, то была она! Боже милос-

тивный! подумалъ Петръ Иванычъ: да какъ она хороша! Въ жизнь мою я не видалъ ничего лучше этой дѣвушки! И такое божественное существо проживаетъ здѣсь, въ Галерной Гавани, гдѣ живутъ только отставные матросы да люди, подбирающіе дрова.

Долго ходилъ онъ мимо домика, какъ будто кого-то поджидая. Но напрасно — изъ него никто не выходилъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ мелочной лавочкѣ, у которой сидѣла старуха, въ чепецъ и платкѣ кофейнаго цвѣта и журила горохъ.

— А что, бабушка, сказалъ онъ ей ласково: ты не знаешь, чей это домъ?

— Который? спросила старуха.

— А воть этотъ, что на углу....

— Какъ не знать, господинъ баринъ! Этотъ домъ принадлежитъ майоршѣ Пустозвонкиной. Важная барыня, эта Пустозвонкина... и дочка у ней хорошенькая есть.

— А кромѣ дочки у ней никого нѣтъ?

— Эко ты, отецъ мой! Да кому-жъ быть: вѣдь она вдова.

— Чѣмъ же она живетъ?

— Вѣстимо чѣмъ: пенсіями и деньгами, которыя ей оставилъ покойный майоръ.

— А много онъ оставилъ ей денегъ?

— Да, не мало: тысячь сорокъ, говорятъ.

— Вотъ что! подумалъ Петръ Иванычъ: что же она дѣлаетъ?

— Что дѣлаетъ! сказала старуха: разумеется ничего..... что можетъ дѣлать барыня - майорша: кофеи распиваетъ! Хоть меня напоила бы когда нибудь, такъ нѣтъ: вишь, я простая унтерша, а она, дескать, столбовая — куда-те!

— А не знаешь ли ты, бабушка, кто къ ней ходитъ?

— Мало ли кто: и булочникъ, и мясникъ, и разнощикъ съ ягодами — все за деньгами; иногда заходитъ мужикъ съ мороженымъ, только это случается рѣдко.

— Не то, бабушка, не то! Я хотѣлъ знать, кто къ ней ходитъ изъ знакомыхъ, напримѣръ?

— Эге! а кто ихъ знаетъ, знакомыхъ у ней много. А болѣе всего къ ней ходитъ одинъ отставной морякъ съ рыжими бакенбардами. Говорятъ, онъ на ея дочкѣ хочетъ присвататься.

— Что такое? Кто еще позволить! Да знаешь ли ты: я его уничтожу, я его растопчу ногами, сотру съ лица земли! кричалъ Петръ Иванычъ, горячась все болѣе и болѣе.

Старуха-унтерша смотрѣла на него, выпуча глаза.— Ужъ не сумасшедшій ли это какой! думала она: вѣдь ономясь мнѣ говорила же Марья Никитишна, что въ Гавани появился какой-то сумас-

спедшій чиновникъ, который ходитъ по-улицъ, придираясь ко всякой благородной женщинѣ. . . . и отпускаетъ ей разныя этакія эскузаціи ни съ того, ни съ сего!

Петръ Ивановичъ опомнился, что онъ слишкомъ погорячился.

— Знаешь что, моя почтеннѣйшая, сказалъ онъ старухѣ, ласкаясь къ ней болѣе прежняго.

— Что? спросила старуха.

— Сослужи мнѣ службу!

— Какую?

— А вотъ видишь ли какую. Завтра я принесу тебѣ небольшое письмецо, а ты передай его той барынь, которая живетъ въ этомъ домѣ. . . .

— То есть, дочкѣ маіорши, замѣтила старуха.

— Да, дочкѣ. Только знаешь, я боюсь, чтобы письмо мое какъ-нибудь по ошибкѣ не попалось къ ея матушкѣ, такъ ты ужь. . . .

— Э! господинъ баринъ! сказала старуха: да развѣ мы не знаемъ, какъ дѣла обдѣлывать: ужь не въ первый разъ, родной мой. . . . искльбали тожъ вѣку-то. . . . насъ не обучать-стать. Только было бы изъ-за чего хлопотать, а тамъ себя не обманежимъ!

— Будь увѣрена, труды твои не пропадутъ даромъ. Если ты успеешь сдѣлать все, какъ слѣдуетъ, то я дамъ тебѣ. . . .

— А примѣрно-бы. . . какъ милость ваша будетъ?

— Цѣлковыхъ десять куда не шли.

— Нешто, идетъ. Когда же вы принесете письмецо?

— Завтра.

— Гдѣ же я васъ увижу?

— На этомъ же мѣстѣ.

— Ладно, баринъ, приносите.

— А ты доставишь его, куда слѣдуетъ?

— Вотъ еще! сказала старуха тономъ обиженной. Ужь если сказала, такъ доставлю.

— Такъ прощай же, бабушка! завтра я принесу тебѣ, что обещалъ.

— А задатку на кофей — дадите теперь. . . . ась?

— Пожалуй: вотъ тебѣ пока цѣлковый.

— И за это спасибо! Только постарайтесь, господинъ баринъ, принести письмецо, а ужь мы свое сдѣлаемъ.

— Хорошо, хорошо! сказалъ Петръ Ивановичъ, отходя отъ старухи: принесу непременно — въ десять часовъ.

III.

Анна Ивановна Пустозвонкина была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя посредствомъ красоты своей привлекаютъ къ себѣ дружеское расположеніе всѣхъ вообще и молодыхъ людей въ особенности. Въ молодость свою она считалась едва-ли не первой красавицей во всей Коломнѣ, резиденціи ея родителей. Не получивъ никакого образованія, она умѣла, однако-же, обработать свою натуру по приличнымъ образцамъ и подвѣсти себя подъ масштабъ благородныхъ дамъ. Родители ея, люди добрые и простодушные, глядя на дочь, какъ на благо небесное и благодарили Бога, что онъ даровалъ имъ такое сокровище. Когда Аннушка подросла, они стали думать, какъ-бы пристроить ее къ мѣсту, то есть, прискаты ей выгоднаго жениха. Вотъ отыскался и женихъ, да какой еще — молодой и съ эполетами. Глядя на нихъ, чадолюбивые родители плакали отъ умиленія сердець, а дочка преспокойно шушукалась съ своимъ женихомъ. Дѣло шло въ обыкновенномъ порядкѣ вещей.

По выходѣ замужъ, характеръ Анны Ивановны почти совершенно перемѣнился. Въмѣсто неопытной и прихотливой дѣвочки, она вполне сдѣлалась женщиною съ вѣсомъ и съ достоинствомъ. Гордая своимъ званіемъ, она смотрѣла на своего мужа, какъ на вещь, доходную и необходимую для домашняго обихода. Она уважала его за то, что онъ исполнялъ все ея желанія, но любить его она не могла, потому-что сердце ея всегда походило болѣе на расходо-приходную книгу, чѣмъ на тотъ сосудъ, въ который природа вливаетъ все сладости и всю желчь жизни, чтобы удобрить поле бытія. Впрочемъ, мужъ ея былъ такой человекъ, который отъ супруги почти ничего не требовалъ, кромѣ хорошаго приготовленія телячьихъ пожекъ и начинки сосисокъ. Такимъ образомъ, тихо и незамѣтно Анна Ивановна прожила съ своимъ суженымъ около двадцати-пяти лѣтъ. Въ это время она успѣла насмотрѣться на свѣтъ и людей и приберечь копѣйку на черный день. Похоронивъ мужа, какъ слѣдуетъ, съ факелами и приличными атрибутами, она надѣла вѣчный черный капотъ и разсудила, что за-мужъ ей выходить болѣе не для чего, потому-что какъ ни хорошо жить съ мужемъ, а одной все-таки лучше. Такъ, по крайней мѣрѣ, думала Анна Ивановна и вѣроятно имѣла на то свои основанія.

Теперь посмотримъ на ея дочку.

Надя росла и воспитывалась подъ надзоромъ своей матери. Не смотря на достаточное состояніе, ее почти ничему не учили, кромѣ французскаго языка, игранію на клавикордахъ и танцевальному искусству. По-этому весьма неудивительно, что характеръ Нади былъ

прость и неполюнь или, лучше сказать, она была дѣвушка вовсе безъ характера. Но за то какая красавица! Не только Петръ Ивановичъ, герой нашей повѣсти, но и я, пишущій эту повѣсть, ничего не видалъ лучше на всемъ протяженіи двухъ проспектовъ Васильевскаго Острова. Но обратимся опять къ Аннѣ Ивановнѣ.

Анна Ивановна въ зимнее время почти всегда жила у Владимірской, въ одномъ и томъ же домѣ, гдѣ жилъ ея родственникъ, родной дядя покойнаго мужа. На лѣто она переезжала въ Гавань, гдѣ былъ у нея свой домикъ, доставшійся ей съ аукціона за долгъ. При этомъ случаѣ она всегда говорила, что въ Гавани жить лѣтомъ гораздо здоровѣе и пріятнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на Черной Рѣчкѣ или на Крестовскомъ Островѣ. Если случалось, что кто-нибудь заводилъ рѣчь о наводненіяхъ, которыя въ Гавани случаются довольно часто, то Анна Ивановна отвѣчала на это всегда одно и тоже:—Что-жъ за бѣда, если вода поднимется выше, чѣмъ подниматься ей слѣдуетъ — мы сядемъ въ лодочку, которая стоитъ у нашихъ воротъ, да и поѣдемъ, куда намъ заблагоразсудится. А кушавье и въ корытѣ перевезутъ. Не правда-ли, Надя? прибавляла она, обращаясь къ своей дочери.

— Правда, мамаша. Что-жъ за важность!

— А что, Надя: ты боишься воды?

— Я... вѣтъ, мамаша! Я только такъ... боюсь, чтобы ноги не замочить.

— И хорошо дѣлаешь, душенька. Кто знаетъ, можетъ быть тебѣ и въ самомъ дѣлѣ придется жить гдѣ-нибудь на водѣ... можетъ быть на суднѣ какомъ, тамъ на фрегатѣ, что-ли... Вотъ хоть Максимъ Максимычъ... онъ человекъ морской, даже въ половодье по взморью въ этомъ... какъ это — катеръ — развѣзжаетъ. Вотъ бы тебѣ женихъ — ужъ пастоящій...

— Что вы, мамаша, какой онъ мнѣ женихъ! Рыжій такой, съ бакенбардами — вотъ какими... фи, какой гадкій!

— Что ты, матушка! Господь съ тобою!... Чѣмъ же онъ гадкій? Такой распорядительный, солидный.

— Да я, мамаша, не люблю его: онъ такъ картаво выговариваетъ и табакъ нюхаетъ.

— Такъ что-же! Это не порокъ, а достоинство. Всякій солидный человекъ, который много занимается дѣломъ, непременно долженъ нюхать табакъ, потому что это у хорошихъ людей, нынче въ моду вошло.

— Ну ужъ мода! когда изъ носу кофей течетъ!

— Вотъ ты ужъ и кофей приехала ни къ селу, ни къ городу.

А развѣ худо его пить... небось, ты никогда не откажешься отъ чашечки - другой, особенно съ хорошими сливочками.

— Все это такъ, мамаша, но все же неприятно, когда у мужа кофey подь носомъ...., я ни когда не пойду за него за мужъ.....

— А какъ - бы ты это не пошла, если я приказываю? сказала Анна Ивановна, принимая на себя грозный видъ родительскаго деспотизма.

— Потому что, отвѣчала Надя твердо: я не люблю его.

— Эка бѣда! очень нужна тутъ твоя любовь! Нужно только пристроиться, а тамъ ужъ все пойдетъ своимъ порядкомъ.... и деньги будутъ, и дѣти будутъ. Я вопъ тоже не любила твоего отца, а прожили же вѣкъ безъ драки.

— Но я не могу быть его женою, хоть бы онъ и не дрался: я люблю другаго.

— Какъ! другаго! закричала Анна Ивановна: ты, шестнадцатилѣтняя дѣвченка, смѣешь въ амуры пускаться.... да знаешь ли ты, что я тебѣ сдѣлаю за это?.....

— Чѣмъ же я виновата, мамаша, когда одинъ такой гадкй, а другой такой хорошенькй!...

— Хорошенькй! Ужъ вы, сударыня, и посмотрѣться на него успѣли. А позвольте васъ спросить, кто этотъ хорошенькй?

— Да я и сама не знаю, кто онъ такой, только знаю, что хорошенькй.

— Какъ не знаешь! сказала Анна Ивановна, удивленная такимъ отвѣтомъ: любить человека, а сама его не знаетъ! Да вѣдь это, можетъ быть, и чертъ знаетъ кто такой... токарь, можетъ быть, или серебряникъ! Но скажи, по крайней мѣрѣ, гдѣ же ты его видѣла?

— Онъ третьяго дня провожалъ меня домой, когда я шла отъ тетеньки, Марьи Алексеевны.

— Провожалъ?... тебѣ!... провожалъ сюда!.... ночью!.... Господи Боже мой! часъ отъ часу не легче! Вотъ вамъ и дача въ Гавани! Что ты сдѣлала, злополучная! вскричала Анна Ивановна, всплеснувъ руками.

— Мамаша, неужели въ самомъ дѣлѣ это такъ дурно! Ахъ, Боже мой! прости меня... я не буду... я виновата... говорила Надя, упавъ на колѣна и хватаясь за платье своей матери.

— Встаньте, сударыня, встаньте! Здѣсь плакать не мѣсто. Пожалуй, вся Гавань сбѣжится на ваши слезы да крики и будетъ указывать на васъ пальцами

— Но ты, мамаша, простишь меня... ты не сердись на меня больше?

— Сердись — не сердись, а что тутъ будешь дѣлать: пропала

съ тобой моя головушка. Знайте же, сударыня, что съ этихъ поръ я никогда не буду пускать васъ дальше воротъ — слышите?

— Слышу, мамаша.

— Ну то-то-же, такъ и запиши себѣ на стѣнкѣ.

Эта неожиданная сцена между матерью и дочерью возобновлялась каждыя пять минутъ распросами и продолжалась въ назначенныхъ цѣлый часъ. Анна Ивановна, какъ благородная дама и чадолюбивая мать, кричала, сердилась, топала ногами и сильно выражалась руками. Наконецъ, она покончила тѣмъ, что, хлопнувъ дверью, ушла въ свою комнату, оставя дочь въ слезахъ горя и раскаянія. Я сказалъ выше, что Надя, не получивъ никакого образованія, не могла укрѣпиться и въ характеръ своемъ. Добрая и доверчивая, она рѣшительно не умѣла понять, за что мать разсердилась на нее такимъ немилосерднымъ образомъ: гдѣ преступленіе? гдѣ бѣда? гдѣ погибель? Чистая въ помыслахъ, она не видѣла подозрѣваемой матерью нечистоты намѣренія. Ей казалось, что въ поступкѣ ея нѣтъ ничего такого, что могло бы замарать честь невинной дѣвушки. Изъ-за чего-же этотъ Содомъ и Гомора! И бѣдная дѣвушка почитала себя вполнѣ несчастной, жалкой жертвой преслѣдованія, отвергнутой сердцемъ родной матери!

Долго сидѣла Надя въ своей комнатѣ, обливаясь слезами. Въ это время она проклинала всѣхъ мужчинъ вообще и своего провожатаго въ особенности. Но какъ ни сильна была досада и огорченіе неопытной дѣвушки, любовь все-таки взяла свое. Спусти нѣсколько дней, она опять сидѣла у окна за пальцами, поглядывая украдкой на улицу. Можетъ быть она дожидалась, не пройдетъ ли опять любимый ея предметъ и не поможетъ ли ея горю, а можетъ быть она посматривала на улицу такъ, по привычкѣ, потому-что привычка въ человѣкѣ вторая природа. Въ это время въ комнату ея вошла Марья, кухарка, и отдавая ей письмо, сказала съ таинственнымъ видомъ:

— Это отъ него... принесла какая-то женщина и просить, чтобы я отдала его вамъ. Только, ради Бога, не показывайте маменькѣ: она насъ со свѣту сживетъ.

— Зачѣмъ же ты взяла?

— Какъ же не взять, когда даютъ. А если бы вы знали, какой добрый, какой обходительный...

— Кто? спросила Надя.

— Этотъ баринъ, отвѣчала кухарка: который прислалъ вамъ письмо.

— Развѣ ты его знаешь?

— Не знаю, но мнѣ сказывала эта женщина: онъ ей десять цѣлковыхъ далъ.

— За что?

— За то, говорить, чтобы доставить вамъ письмо. Она говоритъ, что онъ просто безъ ума отъ васъ... застрѣлится, говорить, хочетъ, если вы не примите это письмо. Сначала, говорить, хотѣлъ было въ Неву броситься, да потомъ раздумалъ: «отлично плаваю, говорить — ни за что не потону»

— Что же онъ пишетъ?

— А я же почему знаю: вѣдь я неграмотная; прочтите, такъ увидите.

Надя взяла письмо, распечатала, вынула розовую бумажку, исписанную мелкимъ и красивымъ почеркомъ и начала обнюхивать ее.

— Ахъ, Марья, какъ хорошо пахнетъ! сказала она, смѣясь.

— Одолжите понюхать, сказала кухарка.

Надя поднесла ей бумажку почти къ самому носу. Кухарка обнюхивала ее, подергивая глазами; потомъ она отскочила шага на два назадъ и сказала:

— Чудо, какой ароматъ! словно отъ калуфера, что у насъ въ саду растетъ.

Въ это время послышались чьи-то шаги въ ближайшей комнатѣ. Кухарка проворно убѣжала, а Надя спрятала письмо за корсажъ. Прошло нѣсколько минутъ: въ комнату никто не являлся. Надя снова вынула письмо и начала читать. Вотъ что было въ немъ написано:

«Увидѣвши васъ однажды, я никакъ не могу позабыть тѣхъ обольстительныхъ надеждъ, которыя, подобно бурному потоку, проникли въ резервуаръ моей души. Скажу проще: я влюбленъ въ ваши прелести и нахожусь теперь въ самомъ отчаянномъ положеніи, потому-что не могу добиться случая повидаться съ вами. Мнѣ хочется высказать вамъ все, что тамъ въ изгибахъ сердца кроется; все, что чаруетъ меня мечтою и уноситъ въ эдемы упоеній и надеждъ отъ дольнаго праха. Если вы сколько нибудь сочувствуете моему положенію, то умоляю васъ, пришлите мнѣ отвѣтъ, хоть одну строчку, чтобы я могъ знать, какого вы обо мнѣ мнѣнія. Вѣрите ли, я такъ люблю васъ, что нанялъ даже здѣсь квартиру, въ томъ самомъ домѣ, который находится противъ вашего, чтобы хоть созерцаніемъ вашей красоты облегчить пламенныя, жгучія страданія души. Шестъ серебромъ плачу въ мѣсяцъ.»

По мѣръ того, какъ Надя читала это письмо, лицо ея измѣнялось: то выступала на немъ яркая краска, то показывалась насмѣшливая улыбка, то изображалась какая-то жалость. Потомъ

она склонила свою головку и задумалась. Но о чемъ? Кто знает! Мечты шестнадцати-лѣтней дѣвушки безпредѣльны, какъ небо, и роскошны, какъ рай Магомета — въ сказкахъ Тысячи Одной Ночи.

IV.

Въ первой главѣ я разсказалъ читателямъ вкратцѣ, что такое Васильевскій Островъ. Теперь скажу имъ нѣсколько словъ о Галерной Гавани, которая по своимъ особенностямъ и положенію стоитъ того, чтобы описать ее. Галерная Гавань находится на западной оконечности Васильевского Острова. Берега ея орошаются волнами Финскаго залива или такъ называемаго *взморья*. Въ ней живутъ, большею частію, бѣдные чиновники, рыболовы, оставные моряки и матросы. Воздухъ въ Гавани довольно чистый и легкій, особенно хорошо тамъ лѣтомъ, когда зеленеютъ сады. Гавань до сихъ поръ сохранила патріархальную простоту первобытнаго Петербурга. Ее никакъ нельзя сравнить съ другими окрестностями столицы. Въ ней всякая вещь носитъ свой, особенный отпечатокъ, а про жителей и говорить нечего. У нихъ свой характеръ, свои понятія, свой взглядъ, свои вѣрованія, свои идеи, даже свои пѣсни и легенды. Особенно гаванскіе жители богаты послѣдними, то есть, легендами. Легенды эти, пріять начало отъ частыхъ наводненій, по большей части, водянистаго содержанія. Тамъ, въ зимніе вечера, подъ шумъ морозной вьюги, разсказываются такія вещи, отъ которыхъ посторонніе слушатели приходятъ въ ужасъ и цѣпеніе. Всего болѣе въ этихъ легендахъ разсказывается о мертвецахъ, утопленникахъ или живыхъ покойникахъ. Эти разсказы тѣмъ болѣе наводятъ страхъ на слушателя, что въ Галерной Гавани, кромѣ страшныхъ легендъ, есть и настоящее *memento mori*, то есть, почти рядомъ съ нею находится Смоленское кладбище.

Дома въ Галерной Гавани, большею частію, одноэтажные, о трехъ оконкахъ на улицу. Весной и осенью тамъ господствуетъ такая грязь, какой иногда позавидовалъ бы самъ Саратовъ или Пенза. Кромѣ того, тамъ случается довольно часто, что прибывъ морской воды затопляетъ почти всѣ улицы. По этой самой причинѣ почти передъ каждымъ домомъ стоятъ небольшія лодки, въ которыхъ тамошніе жители, въ случаѣ наводненія, разѣзжаютъ по улицамъ, какъ - бы, примѣрно, по Крюковскому Каналу. Впрочемъ, эти наводненія рѣдко бываютъ выше пяти четвертей аршина, что туземныхъ жителей почти ни сколько не беспокоитъ, по-

тому - что они привыкають къ покой водѣ съ малыхъ лѣтъ. Даже случается, что это еще радуетъ ихъ, потому - что тутъ имъ представляется случай выказать все свое молодечество, всю свою отвагу, и воспользоваться съверными *frutti di mare*, т. е. тѣмъ, что пошлетъ или принесетъ море.

Въ эту - то Гавань, сгараемый любовью къ своему *идеалу*, перѣхалъ Петръ Ивановичъ. Онъ нанялъ себѣ квартиру въ томъ самомъ домѣ, который стоялъ противъ дома маіорни Пустозвонкиной. Цѣль его была та, чтобы хоть этимъ сосѣдствомъ сблизиться съ Надею: слѣдить изъ окна за движеніемъ ея локона за занавѣскою, поймавъ на лету бѣглый взглядъ ея, послать ей съ ладони задушевный вздохъ или скромный поцѣлуй. Новая квартира его была довольно опрятная, однимъ словомъ, такая, какую только можно имѣть въ Гавани. Только одно безпокою Петра Ивановича, именно то, что домъ, въ которомъ онъ жилъ, едва держался на курьихъ ножкахъ. Того и смотри, что онъ когда нибудь въ несчастную пору вздумаетъ ночью прилечь отдохнуть на бокъ, или снять свою дырявую деревянную шапку, или, наконецъ, въ полую воду изобразить собою спускъ корабля и поплыть вдоль по улицѣ. Словомъ, видно было, что домикъ этотъ сильно склоненъ былъ къ какой - нибудь эксцентрической фантазіи. Впрочемъ, Петръ Ивановичъ утѣшался мыслию, что болѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ ему прожить въ этомъ домѣ не придется, ибо въ это время онъ надѣялся обдѣлать свои дѣлишки, какъ нельзя лучше, то есть, покончить благополучнымъ образомъ свою любовную интрижку вступленіемъ по формѣ въ законное супружество.

На новой квартирѣ Петръ Ивановичъ, мучимый безсонницей, вставалъ раньше обыкновеннаго. Полный увѣренности, что увидитъ свой любимый предметъ, онъ садился къ окну съ чашкою въ рукѣ и съ обгрызленнымъ чубукомъ въ зубахъ. До просвѣщенія сигаръ онъ еще не дошелъ. Иногда случалось, что кисейныя занавѣски въ окнахъ противоположнаго домика немного приподнимались и изъ - за нихъ высовывалась на улицу головка Нади. Въ это время Петръ Ивановичъ также высовывалъ изъ окна свою голову и смотрѣлъ на дѣвушку, вытараща страшно глаза, какъ бы желая тѣмъ показать разомъ всю силу любви своей. Смотри на него, Надя улыбалась и снова задергивала кисейную занавѣску, а Петръ Ивановичъ, довольный своимъ успѣхомъ, отходилъ отъ окна, надѣвалъ фракъ съ свѣтлыми пуговицами и отправлялся на извожикъ въ должность. Послѣ должности онъ опять садился къ тому же окошку, и опять повторялась та же сцена, какъ и утромъ. Такъ текли дни за днями, накопляя недѣли и мѣсяцы.

Чтобы показать читателямъ, въ какомъ состояніи въ это время находились чувства Петра Ивановича, я считаю за нужное привести здѣсь письмо, которое онъ писалъ въ деревню, къ своей матушкѣ. Вотъ оно:

«Увѣдомляю васъ, моя дражайшая родительница, что я живу въ Санктъ - Петербургѣ, благодаря Бога, благополучно. Служба моя идетъ исправно, начальники меня очень любятъ и отличаютъ, такъ что паровлять мнѣ дать значительную должность, да я пока все отнекиваюсь: еще успѣю. Съ помощію Бога и вашими благими совѣтами, я пойду далеко. Но теперь, моя любезная матушка, у меня есть до васъ просьба. Эта просьба заключается въ томъ, что я прошу у васъ, во-первыхъ, вашего родительскаго благословенія, во вѣкъ нерушима, на законный бракъ, въ который я намѣренъ вступить съ дѣвицею Надеждою Ивановною Пустозвонкиной. Представьте себѣ, любезная матушка, что это за дѣвушка! Просто это неописанная красота! А если бы вы знали, какая она добрая и кроткая — вы удивились бы, матушка, что какъ это она можетъ быть такой кроткой и доброй! Право такъ. Формальнаго предложенія я еще не дѣлалъ, да все равно, родственники этой дѣвушки съ радостію согласятся назвать меня своимъ зятемъ. Меня всѣ знаютъ здѣсь: иду по проспекту, такъ и говорятъ: «Вонъ Петръ Ивановичъ идетъ! Наше вамъ почтеніе, Петръ Ивановичъ!» Вторая моя просьба въ томъ, что я прошу у васъ, любезная матушка, прислать мнѣ на этотъ случай денегъ, хоть тысячъ пятьсотъ. Знаю, что у васъ ихъ и безъ того мало и что вамъ теперь самымъ чрезвычайно нужно имѣть ихъ . . . по моему, моему - то положенію! Посудите: вѣдь нельзя - же . . . сами знаете! . . . Умоляю васъ, матушка, пожалуйста пришлите. За тѣмъ цѣлую вашу руку и остаюсь покорнымъ сыномъ вашимъ по гробъ моей жизни. П. И. Ч.»

Черезъ мѣсяцъ Петръ Ивановичъ получилъ на письмо свое отъ матери слѣдующій отвѣтъ:

«Ты пишешь, любезный мой сыночекъ, что нашелъ себѣ невѣсту и хочешь на ней жениться: съ Богомъ. Другъ мой, съ Богомъ! Я благословляю тебя отъ чистаго сердца и желаю тебѣ счастья на вѣки непоколебимо. Только вмѣсто пяти тысячъ посылаю тебѣ двѣ, потому - что у меня нѣтъ больше ни копѣйки. Тратиться много на женитбу тебѣ не совѣтую; изводи деньги только на самое нужное. Что касается до бѣлья и перины, то покупать тебѣ эти вещи не нужно, потому - что ты долженъ взять ихъ за невѣстою. Вообще обдѣлай свои дѣла аккуратно и не торопись, а то вѣдь все на тебѣ взвалить по твоей неопытности. Ты

нишешь, что она такая красавица, какой свѣтъ не производитъ. Смотри, чтобы эта красавица не надѣлала тебѣ хлопотъ. Вѣдь извѣстно, что чѣмъ лучше дѣвушка, тѣмъ крѣпче надо держать ее, а то сейчасъ найдетъ себя подлинпаль. Впрочемъ, дѣлай все, какъ знаешь: твоя воля; ужъ ты не маленькой и можешь обо всемъ судить собственнымъ разсужденіемъ. Только смотри: бѣлья, перины, кровати не покупай: это дѣло не твое, а невѣстину. Еще разъ посылаю тебѣ мое родительское благословеніе на вѣки нерушимо, и за тѣмъ остаюсь любящая тебя поконъ міра, мать твоя М. С. Ч.»

— Ну, сказалъ на это Петръ Ивановичъ: теперь дѣло порѣшено. И онъ легъ спать, но сонъ бѣжалъ отъ него по прежнему, потому-что любовь уносила его на седьмое небо или, какъ говорятъ поэты: *туда! туда!* Передъ нимъ рисовалась великолѣпная перспектива будущаго, въ которой онъ видѣлъ себя чѣмъ-то повыше вашего превосходительства и поумнѣе самаго Наполеона. Онъ уже заранѣе разчитывалъ, какая будетъ у него квартира и карета и сколько ему придется платить жалованья своей прислугѣ, которую онъ надѣялся одѣть чуть ли не въ бархатные кафтаны съ золотыми галунами. О молодость! молодость! много мечтаешь ты на своемъ вѣку, но что дѣлать!

У.

Однажды Петръ Ивановичъ, по обыкновенію своему, сидѣлъ у окна и выглядывалъ изъ за-тучи табачнаго дыма на противоположный домикъ. День былъ тихій, ясный. Жители Гавани весело прогуливались по улицамъ, какъ будто въ Лѣтнемъ саду или на Крестовскомъ островѣ. Въ это время изъ-за угла показалась шарманка, которую несъ человекъ въ костюмъ, обличавшемъ монополиста, какъ относительно отчизны, такъ и въ выборѣ опредѣленнаго цвѣта платья. Сзади его шла жепщина, ведя на веревочкѣ стаю разнокалиберныхъ собаченокъ, одѣтыхъ въ юбки и берейторскіе мундиры, сшитые изъ яркихъ трляпокъ. Шарманка остановилась передъ домомъ маіорши Пустозвонкиной, какъ передъ самымъ аристократическимъ по паружности, и начала наигрывать какія-то кадрили, отъ которыхъ жители немзыкальной стороны музыкальнаго Петербурга приходили въ восторгъ немновѣрный. На улицѣ сдѣлался просто праздникъ! Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на собаченокъ, которыя выдѣлывали разныя пружеты, ходили на заднихъ лапкахъ, прыгали и визжали, помахивая хвостами во всѣ четыре стороны.

Петръ Ивановичъ смотрѣлъ на эту сцену довольно равнодушно.

Взоры его поминутно обращались на оконки противоположнаго домика, изъ которыхъ, спустя нѣсколько времени, выглянуло нѣсколько будничныхъ фізіономій. На каждой изъ нихъ изображалась та стереотипная улыбка, которая у извѣстнаго класса людей выражаетъ и радость, и лѣсть, и покорность, и скрытую грусть, и желаніе поподличать, и отрадное самедовольствіе, такъ-что любой Лафатеръ станетъ въ тупикъ, желая дать ей положительное опредѣленіе. Къ крайнему изумленію своему, Петръ Ивановичъ замѣтилъ, что между этими стереотипными фізіономіями находилась еще одна такая, которую онъ немогъ видѣть, безъ особеннаго позыва плюнуть или высморкаться. Эта ненавидная фізіономія принадлежала кофейному носу съ рыжими бакенбардами, о которыхъ носились слухи, что онъ сватаются на Надю. Увидавъ эту фізіономію, Петръ Ивановичъ быстро отскочилъ отъ окна и произнесъ съ досадою такое слово, которое теряетъ всю свою выразительность подъ перомъ:— Опять онъ здѣсь! Пора, однако-же, копчить мнѣ эту шутку. Завтра же отрекомендуюсь маіоршѣ Пустозвопкиной и буду просить руку и сердце Нади. Такой человекъ, какъ я, отказа получить не можетъ, потому-что... потому-что... да по всему, наконецъ.

— Что, господинъ-баринъ! сказала вошедшая старуха, та самая кофейница, которую читатели видѣли во второй главѣ и которая уже болѣе двухъ мѣсяцовъ отправляла должность Меркурія любви черезъ улицу, въ явный подрывъ городской почты.

— Что? спросилъ Петръ Ивановичъ, почти испуганный нечаяннымъ появленіемъ старухи: что... видѣла ее... говори скорѣе, что она тебѣ сказала! очень любить?

— А вотъ что, продолжала старуха равнодушнымъ тономъ: теперь, изволишь видѣть, мой голубчикъ, между вами почти все кончено...

— Какъ кончено? Въ самомъ дѣлѣ! Развѣ Надинька во всемъ призналась матери и та согласна!.. О дай обнять тебя Степанида Карповна: и онъ бросился къ ней на шею.

— Почему же не обнять... наше дѣло старушечье! Только по вашему, то есть... обстоятельству... выходитъ маленько не ладно.

— Какъ-такъ! развѣ случилось что нибудь необыкновенное по этому случаю?

— Необыкновеннаго ничево не случилось! замѣтила старуха: да и случиться не можетъ, потому-что на свѣтъ все весьма обыкновенно! А дѣло въ томъ, что ваша возлюбленная выходитъ замужъ...

— Кто?... Надя... за меня?

— То-то и штука, что не за вану милость. Скверное дѣло, а будетъ морячиха... что дѣлать, вы маленько опоздали.

— Но не ты ли еще вчера принесла мнѣ отъ нея письмо, въ которомъ она кланется, что кромѣ меня не любитъ никого на свѣтъ и общается принадлежать мнѣ до гроба?

— И батюшка, господинъ - баринъ: вѣдь у дѣвушки волосъ длиннѣе, да умъ коротокъ! Мало-ли что онѣ болтають... да вѣдь слово не деньга, потратишь, штрафу не взыщутъ... а на дѣль-то выходить другое.

— Какъ!... развѣ она измѣнила мнѣ... развѣ она не любитъ меня больше!..

— Не то, чтобы не любила, помилуй Бога! Какъ любить, козатка моя, что смотреть жалко.... но матушка-маіорша прискакала ей жениха и сегодняшній день назначена помолвка.

— Какъ!... уже!..

— Что дѣлать, господинъ - баринъ; вишь тотъ и солидный, и капитальный, и такой - сякой. Вѣдь я правду говорила вамъ, чтобы торопились, такъ нѣтъ: успѣю да успѣю. Вотъ и успѣли, что называется, къ зимѣ тельгу купить. Вѣдь певѣста, не что другое, съ сорока тысячами чистаганцу въ дѣвкахъ не засидится — съ руками оторвутъ. Такъ-то, мой родной. Вотъ вамъ отъ нея письмецо.

Петръ Ивановичъ схватилъ письмо, распечаталъ его и прочелъ слѣдующее:

«Чтобы очистить свою совѣсть передъ вами, я рѣшилась написать вамъ это письмо, можетъ быть, послѣднее. Увѣдомляю васъ, мой другъ, что сегодняшній день назначена моя помолвка. Я просила, умоляла со слезами свою маменьку, чтобы она избавила меня отъ этихъ ненавистныхъ мнѣ бакенбардъ и кофейнаго носа, но ничто не помогло. Матушка сказала, что если я не соглашусь быть его женою, то она не будетъ признавать меня своею дочерью, даже проклянетъ на вѣки. Научите меня, что теперь дѣлать. Приходите сегодня вечеромъ въ бесѣдку: тамъ я буду дожидаться васъ. Мнѣ нужно съ вами о многомъ переговорить.

«P. S. Женихъ мой мнѣ противенъ до нелзя. Мамаша говоритъ, что онъ чрезвычайно богатъ: можетъ быть, только онъ рѣшительно не правится мнѣ... Фн! какой гадкій!»

Прочитавъ это письмо, Петръ Ивановичъ призадумался. Въ головѣ его вращался какой-то неопределенный хаосъ предположеній и догадокъ. Наконецъ, убитый горемъ, онъ впалъ, такъ сказать, въ нравственное изнеможеніе. Люди казались ему демонами, кото-

рые живутъ для одной цѣли: нарушить покой и счастье ближняго. Но въ тоже время передъ нимъ воскресала надежда на лучшія обстоятельства и успокоивала его бѣдную душу. . .

— Нѣтъ, говорилъ онъ самъ себѣ: я еще увижу ее. . . можетъ быть, все кончится къ лучшему. Кто знаетъ. . . время еще не ушло.

Въ назначенный часъ Петръ Ивановичъ отправился на свиданіе. Никѣмъ не замѣченный, онъ тихо отворилъ калитку, которая вела въ садъ. Ночь была темная и прохладная. Порывистый вѣтеръ шумѣлъ и рвался. Нахлобучивъ на глаза фуражку, Петръ Ивановичъ не безъ трепета прокрался въ знакомую ему бесѣдку. Но тамъ никого не было. Это сначала его озадачило; потомъ, мало-по-малу, онъ успокоился и сѣлъ въ уголь. Долго сидѣлъ онъ, блѣдный и разстроенный, мучимый тысячью разнородныхъ предположеній. Наконецъ, ему показалось, что въ одной аллеѣ движется что-то бѣлое, похожее на человѣческую фигуру. . . это была она, его любезная Надя.

Въ это время луна ярче блеснула изъ-за тучи и освѣтила Петра Ивановича, который сидѣлъ въ углу бесѣдки. Увидѣвъ его, Надя отшатнулась назадъ. Передъ нею уже стоялъ не тотъ пылкій и безпечный молодой человѣкъ, какимъ она привыкла видѣть Петра Ивановича, а какой-то блѣдный образъ, скорѣе похожій на привидѣніе, чѣмъ на живаго человѣка. Чувство сожалѣнія пробудилось въ душѣ доброй дѣвушки.

— Это вы? спросила она тихо, подавая Петру Ивановичу руку.

— Я! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: васъ помолвили?

— Да, но я не люблю своего жениха.

— Надя! сказалъ Петръ Ивановичъ съ чувствомъ: я люблю васъ, горячо люблю. Много въ жизни встрѣчалъ я дѣвушекъ, но ни одну не любилъ такъ, какъ васъ. Неужели теперь я долженъ потерять васъ? Неужели этотъ глухой человѣкъ не понимаетъ, что такое существо, какъ вы, не можетъ любить такого уroda, какъ онъ. Надя! знаешь ли, что я хочу сказать тебѣ?

Надя ничего не отвѣчала: она плакала.

— Надя! убѣжимъ отсюда куда нибудь подальше, пока хоть на Выборскую сторону, а потомъ въ деревню къ моей матушкѣ. Она приметъ тебя, какъ дочь, она благословитъ тебя. . . Надя! убѣжимъ отсюда!

— Убѣжать!

— Да, убѣжимъ, Надя, убѣжимъ! Здѣсь насъ не понимаютъ, родительница твоя не вѣритъ въ сочувствіе нашихъ душъ. Бакенбарды насъ преслѣдуютъ, кофейный постъ надъ нами смѣется, а посто-

роніе равнодушны... жалкіе люди! Намъ надо искать спасенія съ самихъ себя.

— Но маменька....

— Ваша матушка сперва погорячится, потомъ проститъ, и все пойдетъ своимъ порядкомъ.

— А если не проститъ... если она проклянетъ меня?

— Помилуй, Нада!.. вѣдь она тебѣ мать.

— Нѣтъ, сказала Нада рѣшительно: я не могу бѣжать, я не должна оскорблять такимъ поступкомъ мою маменьку. Нѣтъ, я буду принадлежать этому господину съ рыжими бакенбардами и кофейнымъ цосомъ, хоть терпѣть его не могу, но бѣжать — это непозволительно!

Петръ Ивановичъ захохоталъ, какъ сумасшедшій. Въ это время въ саду послышался голосъ. Кто-то кричалъ: Нада! Нада! гдѣ ты? Тебя Максимъ Максимычъ, женихъ твой, спрашиваетъ!

Нада быстро вырвала свои руки изъ рукъ Петра Ивановича и хотѣла бѣжать, но отшатнулась назадъ и упала безъ чувствъ на траву. Передъ нею стояла маіорна Пустозвонкина, которая смотрѣла на дочь свою взглядомъ правосудной парки. Петръ Ивановичъ разстерялся или, лучше сказать, онъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось глубокое молчаніе: всѣ были поражены какимъ-то паническимъ страхомъ. А луна сіяла тускло и спокойно, какъ будто соболѣзнула человѣческимъ слабостямъ. Наконецъ, мало-по-малу, Нада начала приходить въ чувство. Тогда маіорна Пустозвонкина заговорила первая:

— Что это значить! кричала она, размахивая руками: говорите же, милостивый государь, что это значить?... какъ вы осмѣлились придти сюда? Да вы знаете ли, что я васъ за это подѣсь судъ отдамъ... вѣдь я, сударь мой, не какая нибудь вамъ досталась... Слава Богу, нахожусь въ штабъ-офицерскомъ чинѣ и не позволю...

— Успокойтесь! сказалъ Петръ Ивановичъ учтиво: я пришелъ сюда безъ всякаго намѣренія оскорбить васъ... я пришелъ просить у васъ руки вашей дочери... я хотѣлъ вамъ сдѣлать предложеніе...

— Что?... вы хотите сдѣлать предложеніе на счетъ руки моей дочери... здѣсь!... въ саду!... и въ такую пору! Да вы, милостивый государь, кажется съ ума сошли!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: я знаю, что говорю. Я люблю вашу дочь, горячо люблю...

— Да, маманя, онъ говорить правду! сказала Нада: я тоже люблю Петра Ивановича.

— Ты!

— Мамаша, я заплачу: ахъ, мвъ дурно, дурно!...

— И я тоже заплачу, сказала Петръ Ивановичъ, стараясь поддѣлаться подъ театральнѣйшій тонъ своей возлюбленной: теперъ вы видите, что мы оба любимъ другъ друга... .

— Вы не смѣете этого говорить мнѣ, милостивѣйшій государь! Кто вы такой? Убирайтесь отсюда вонъ! У моей дочери есть женихъ почище васъ! Вишь отыскался соколъ ясный!

Петръ Ивановичъ обидѣлся. Намекъ на птицу былъ для него не выносимъ: въ эту минуту соколъ и рябчикъ были для него синонимы.

— А ты, негодная дѣвченка, сказала маіорша, взявъ Надю за руку: ступай домой, да будь впередъ умнѣе, а не то я съ тобой иначе разпоряжусь — слышишь?

— Но, мамаша.....

— Молчать! сказала маіорша. Потомъ, что есть мочи, она начала кричать: — Люди! люди! ослѣпи вы что ли, али не видите, что въ домъ мошенникъ забрался!... вяжите! ловите его!

На крикъ маіорши прибѣжали дворникъ, кухарка и женихъ Нади. Но Петра Ивановича уже не было. Надю принесли домой безъ чувства.

VI.

Спустя недѣлю, Петръ Ивановичъ сидѣлъ у того же окна, покуривая того же Жукова, изъ того же обгрызеннаго чубука. На лицѣ его сіяла какая-то радость, или то особенное самодовольствіе, которое мы чувствуемъ въ удачнѣйшія минуты жизни. Иногда, по привычкѣ, онъ посматривалъ на противоположный домикъ, гдѣ жила Нада, но въ немъ все было пусто и тихо. Въмѣсто кисейныхъ занавѣсокъ, на окошкѣхъ густыми слоями висѣла паутина, въ которой болтались мухи — несчастныя жертвы корыстолюбиваго паука.

Послѣ сцены свиданія Петра Ивановича съ Надею обстоятельства героевъ нашего сказа перемѣнились. Маіорша Пустозвонкина переѣхала ко Владимірской, на старую квартиру, въ которой въ скоромъ времени назначена была свадьба Нади и господина съ кофейномъ носомъ. Самъ же господинъ съ кофейнымъ носомъ торжественно пребывалъ на прежней своей квартирѣ и часто, высунувшись изъ окна и вида злосчастнаго соперника, гордымъ жестомъ довольно двусмысленно поглаживалъ свои рыжія бакенбарды, какъ бы желая выразить: «Вотъ оно что! знай нашихъ!» Въ такихъ случа-

лхъ окно Петра Ивановича обыкновенно захлопывалось такъ сильно, что на другой день Фомка принужденъ былъ исцѣлять его бумажнымъ пластыремъ. Не смотря на это обстоятельство, Петръ Ивановичъ по-прежнему получалъ отъ Нади записочки, въ которыхъ она клялась любить его *по гробъ своей жизни*. Въ одной изъ такихъ записочекъ, между прочимъ, заключалось слѣдующее:

«Желая избавить меня отъ мучительнаго положенія, нѣкоторые изъ моихъ родственниковъ придумали слѣдующее средство: свадьба моя съ кофейнымъ носомъ назначена на будущей недѣль, въ пятницу. Уговорились, чтобы въ это время какимъ нибудь родомъ удержать жениха дома или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, чтобы онъ опоздалъ къ назначенному сроку. Вы же должны прѣхать къ намъ заблаговременно и, если будетъ нужно, увѣрить мою маменьку, что женихъ мой человекъ безъ характера и чести, и что онъ все это затѣялъ для того только, чтобы надъ нами посмѣяться. Къ тому же, по справкамъ оказалась, что онъ пьетъ страшно и притомъ картежникъ, по маменька этому не вѣрять, хотя доказательства ясны, какъ день. . . .»

Эта простая записочка благотельно подѣйствовала на душу Петра Ивановича. Хандра его исчезла, какъ дымъ, и лицо засіяло особеннымъ удовольствіемъ. Подумаешь, много ли нужно человеку, чтобы избавить его отъ безпокойства: какой-нибудь лоскутокъ бумаги, на которомъ написаны неграматическія клятвы и выведены полуразборчивыя надежды ненадежной рукою! И этотъ лоскутокъ приводитъ человека въ какую-то лихорадочную радость, въ которой онъ самъ себя не можетъ дать надлежащаго отчета! Такъ велика сила надежды, который всѣ мы покоряемся отъ мала до велика, несмотря на ея безжалостное тиранство.

Выкуривъ Жукова, Петръ Ивановичъ прошелся раза два по комнатѣ, потомъ кликнулъ Фомку, который исправлялъ у него должность трубачиста, подшивальщика бумагъ и камердинера.

— Одеться! сказалъ онъ ему, смотря на часы.

— Что вы, баринъ! Господь съ вами! сказалъ слуга: посмотрите, какой дождь идетъ, точно изъ ведра льетъ. А вѣтеръ! вѣтеръ! такъ и воетъ, и помитя въ окна, словно звѣрь какой нибудь!

— Вѣтеръ самъ по себѣ, а ты самъ по себѣ! сказалъ Петръ Ивановичъ: пусть онъ воетъ, какъ себѣ знаетъ, а ты дѣлай, что тебѣ приказываютъ.

Слуга вышелъ, почесывая затылокъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ принесъ барину платье и началъ его одѣвать. Петръ Ивановичъ подошелъ къ окну.

— Да, сказалъ онъ: погода сильно разгулялась.

— То-то и есть, сударь, замѣтилъ слуга: вѣдь я говорилъ вамъ, что дождикъ какъ изъ ведра льетъ, такъ не вѣрите мнѣ, старинку! Чего добраго, пожалуй еще громомъ пришибетъ.

— Ты думаешь?

— Даже увѣренъ въ этомъ. . . . э-хе-хе! чтобы переѣхать опять на Васильевскій — такъ вѣтъ, не хотите!

— Успѣемъ еще.

— А если — сохрани Богъ! — наводненіе случится: вѣдь тогда и домъ нашъ пойдетъ баркасомъ, и васъ затопитъ, и мнѣ недобро- лать. Посмотрите, онъ и то едва держится на однихъ только под- поркахъ.

— Ну, ну! понесъ свое! Недѣли черезъ двѣ переѣдемъ.

Пока баринъ и слуга вели эту краснорѣчивую бесѣду, дож- дикъ немного поутихъ и погода стала проясняться. Петръ Ива- нычъ взялъ зонтикъ и пошелъ отъ скуки навѣстить господина съ рыжими бакенбардами, который жилъ черезъ улицу.

Теперь скажу нѣсколько словъ о господинѣ съ рыжими бакен- бардами и о знакомствѣ его съ Петромъ Ивановичемъ.

Господина этого звали Максимомъ Максимычемъ. Онъ былъ человѣкъ не задорнаго смысла и довольно зыбкаго характера. Молодость свою онъ провелъ на флотѣ, но за *болѣзнию*, весьма со- мнительнаго свойства, былъ уволенъ. Получивъ отставку, онъ бро- сился, очертя голову, въ омутъ величскихъ наслажденій, которыя алкала душа его, дотогѣ воздержимая порядкомъ и формами служ- бы. Беспорядочная жизнь преждевременно истощила въ немъ от- рицательно нравственныя и положительно физическія силы. Вы- раженіемъ первыхъ въ немъ служилъ *багровый носъ*, не безъ основанія прозванный *кофейнымъ*, выраженіемъ послѣднихъ были *рыжіе бакенбарды*, отроценныя въ противность всякой позволя- тельной величины. По мудрому распредѣленію судьбы, людямъ сла- бымъ и непостояннымъ всегда дается на доло большой запасъ сча- стія и удачъ, чѣмъ человѣку здоровому уму и крѣпкому волею. Это самое испыталъ на себѣ и господинъ съ рыжими бакенбардами: неумѣя ниче- го нажить собственными трудами, онъ умѣлъ, однако- же, получить довольно порядочное наслѣдство, которое спустилъ по общепринятому обычаю этихъ спусковъ, въ теченіи двухъ лѣтъ. Видя разстройство во всехъ дѣлахъ своихъ, онъ, какъ морякъ, счелъ за нужное переѣхать въ Гавань, поближе къ своей любимой стихіи. Здѣсь онъ былъ, такъ сказать, на своемъ мѣстѣ и въ своей тарелкѣ. Тутъ онъ завелъ себѣ небольшой катеръ и ждалъ не- погоды. Когда Гавань заливало водою, онъ принималъ родъ на- чальства надъ уличной флотиліей, кричалъ, командовалъ, выта-

скивалъ изъ воды и самъ топулъ въ упоеніи отъ рому и прочаго. Остальное время онъ проводилъ довольно скучно и монотонно. Утромъ онъ обыкновенно вставалъ въ семь часовъ, надѣвалъ истертый халатъ, пилъ чай съ французской водкой, бралъ въ руки скрипку и выходилъ въ полисадникъ, наигрывая какія-то дикія варіаціи, подъ которыя подтягивали всѣ окрестныя дворовыя собаки.

Знакомство Петра Ивановича съ этимъ господиномъ началось довольно страннымъ образомъ. Однажды вечеромъ, Петръ Ивановичъ шелъ домой съ Васильевского Острова. Подойдя къ Галерной Гавани, онъ замѣтилъ, что почти всѣ улицы залиты водою. Онъ хотѣлъ уже воротиться назадъ, какъ вдругъ услышалъ чей-то голосъ и замѣтилъ небольшой катеръ. Петръ Ивановичъ остановился. Между тѣмъ, катеръ подвигался все ближе и ближе; наконецъ онъ остановился на такомъ разстояніи, что можно было разсмотрѣть людей, которые находились въ немъ. Тогда Петръ Ивановичъ замѣтилъ въ катерѣ нѣсколько человѣкъ гребцовъ, одѣтыхъ довольно двусмысленно, и одного господина съ рыжими бакенбардами, который называлъ Петра Ивановича по имени и предложилъ ему услугу: довести его до квартиры. Петръ Ивановичъ согласился, сѣлъ въ катеръ и отправился. Дорогою оказалось, что господинъ съ рыжими бакенбардами зналъ Петра Ивановича еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ переехалъ въ Гавань. Съ своей стороны, Петръ Ивановичъ узналъ, что господинъ съ рыжими бакенбардами исправлялъ въ Гавани должность Нентута, то есть, во время наводненія перевозилъ и спасалъ людей. Господинъ этотъ весьма тонко далъ замѣтить Петру Ивановичу, что все это онъ дѣлаетъ изъ одного челоуколюбія, по внушенію своей совѣсти и глубокаго убѣжденія въ призваніи своемъ къ морскимъ подвигамъ, а не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ видовъ, и тутъ же попросилъ у него пять цѣлковыхъ въ займы, на нѣсколько дней.

Теперь будемъ продолжать разсказъ. И такъ, Петръ Ивановичъ отправился къ господину съ рыжими бакенбардами и кофейнымъ носомъ. Онъ засталъ его дома. Сначала они говорили очень мало, то есть, перекидывались общими мѣстами о погоду, о здоровьи и о прочихъ матерьялахъ русской бесѣды. Мало-помалу разговоръ оживился.

— Я слышалъ, что вы скоро женитесь? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Да, братецъ, женюсь, отвѣчалъ господинъ съ рыжими бакенбардами: а ужъ невеста у меня, братецъ — такъ я тебѣ скажу: просто малина — объяденье, это, то есть, что называется, парфеть - амурь!

— А много за него приданого?

— Да, братецъ, мы ужъ на томъ стоимъ: косули въ ридикулъ не возьмемъ: тысячь двадцать пять чистаганцу, исключая мебели, посуды, капотовъ, юбокъ и разныхъ этакихъ, знаешь, à la фу-фу, то есть, по нашему просто тряпокъ. Что-жь, и рухлядь, и тряпки ничего, худо - худо тысячь десятокъ другой стоятъ. Въдь продать можно хоть жидовкѣ — и та дастъ 1000 серебромъ.

— А скоро будетъ свадьба?

— На будущей недѣль. Не хочешь ли быть моимъ шаферомъ?

— Благодарю. У меня теперь слишкомъ много дѣла.

— Такъ прошу покорно поплясать на свадьбѣ.

— Непременно, если будетъ время.

— А знаешь, братецъ, у меня до тебя есть просьба, сказалъ господинъ съ рыжими бакенбардами.

— Какая? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Одолжи мнѣ цѣлковыхъ 25-ть: послѣ свадьбы съ процентами отдамъ. Самъ видишь, какъ нужны мнѣ теперь деньги, а взять не откуда: изъ деревни управляющій не присылаетъ, пишетъ, что неурожай случился, а на заводъ всѣ дѣла остановились: какое - то тамъ — чортъ ихъ знаетъ! — колесо у мащины лопнуло.

— Но у меня теперь немного денегъ, сказалъ Петръ Иванычъ.

— Эхъ! врешь, собака! Не можетъ быть, чтобы у тебя не было денегъ: говорятъ, у тебя тоже большое имѣніе есть. Одолжи, братецъ! мнѣ теперь нужно кое-что исправить къ свадьбѣ: шинель хочу выворотить, да глянецъ на нее надрать. Самъ знаешь, нельзя же въ старой шинели ѣхать подъ вѣнецъ. Она же у меня сзади на самомъ видномъ мѣстѣ совсѣмъ проерзалась и выминала.... въдь какъ видишь въ лодкѣ, да подъ часъ гребешь, такъ оно и натурально — пу да въдь не всѣ же объ этомъ знаютъ, нвой, пожалуй, подумаетъ... чортъ знаетъ, что подумаетъ!

— Оно конечно! Пожалуй я дамъ, сказалъ Петръ Иванычъ, вынимая бумажникъ: только въ такомъ случаѣ я хочу быть на вашей свадьбѣ.

— Пріѣзжай, братецъ, пріѣзжай: я буду радъ и ликерцомъ угощу на славу.

— А кто вамъ шьетъ платье?

— Какой - то тамъ французъ, братецъ, изъ Амстердама. Только ужасный каналья: ничего не вернуть въ долгъ... за каждую бездѣлицу все денегъ просить. Воротничкишка какойнибудь переменить

да пуговицы новыя поставить — и за это деньги ему вынь да положь. Ужь такой народъ шельмовскій!

— Угодно, я рекомандую вамъ своего портнаго; онъ малый съ толкомъ, и шьетъ отлично, и деньги подождетъ.

— Сдѣлай одолженіе, братецъ: очень благодаренъ буду. И жень отрекомедую тебя; скажу: вотъ, дескать, человекъ, такъ человекъ: изъ бѣды меня выручилъ. Право скажу такъ, братецъ!

Долго еще продолжался разговоръ героевъ нашего разсказа и все въ такомъ же родѣ. Когда они разстались, было далеко за полночь. А Максимъ Максимычъ послалъ еще за второй бутылкой рому, говоря дворнику: «хоть ты себѣ тамъ лопни, а достучись и представь мнѣ ямайчика, а не то знаешь... у меня въдъ, братъ, расправа короткая!»

VII.

Прошелъ мѣсяцъ. Въ это время событія нашего разсказа такъ быстро подвинулись впередъ, что теперь слѣдуетъ объяснить ихъ вкратцѣ:

Майорша Пустозвонкина хлопотала неутомимо. Она каждый день бѣгала по лавкамъ и торговалась на пронаую, закупая разные вещи, необходимыя для приданого. Ей хотѣлось сыграть свадьбу своей дочери какъ можно *гуще* и великолѣпнѣе. Она до сихъ поръ была увѣрена, что господинъ съ рыжими бакенбардами и кофейнымъ носомъ — не женихъ, а просто кладъ, который надо ловить, пока самъ дается въ руки. Деревья своя съ управителемъ и заводъ съ колесами — подитъ-ка!

Съ своей стороны, господинъ съ рыжими бакенбардами также приготовлялся къ вождедьному дню бракосочетанія. Онъ заказалъ портному Петра Иваныча новую шинель, парадную пару, жилетъ и еще кое-какія мелочи. Онъ еще съ большимъ нетерпѣніемъ дожидался той минуты, когда получить отъ невесты двадцать пять тысячъ. По его расчетамъ, этотъ капиталъ могъ поставить его на ноги, то есть, сдѣлать изъ него человека, хоть куда!... и въ собраніе поѣдетъ въ возкѣ, и въ большое лото сядетъ, и побутылочку спросить, и пробкой передъ всей публикой хлоннетъ, и все такое сдѣлаетъ. Онъ очень мало обращалъ вниманія на самую невесту: это дѣло стороннее, говорилъ онъ: главное деньги, а невеста сама по себѣ. Впрочемъ, что-жъ тутъ: она малина — обьяденъ! — а больше чего-же и нужно мнѣ!

Петръ Иванычъ также приготовлялся къ свадьбѣ. Онъ придумалъ махіавельскую штуку, касательно своего соперника. Общала своему портному заплатить вдвое, если заказанное Максимомъ Максимычемъ платье поспѣетъ двумя днями позже.

Наконецъ, назначенный день насталъ. Петръ Иванычъ велѣлъ убрать свои комнаты какъ можно чище. Самъ же онъ отправился провѣдать господина съ рыжими бакенбардами, котораго засталъ дома въ ужасныхъ хлопотахъ. Онъ бѣгалъ и метался, какъ угорь-льй, потому - что въ домъ у него все какъ - то не клеилось: то было неисправно, другое не готово. Самъ портной водилъ его за носъ и не несъ платья. По этому случаю Максимъ Максимычъ отпускалъ морскія фразы, довольно крупнаго содержанія и каждую изъ нихъ заливалъ стаканчикомъ рому. Лицо его видимо багровѣло, носъ рдѣлся пуще обычнаго и ноги какъ - то переищались такъ, какъ будто заранѣе готовились къ свадебной полкѣ. Петръ Иванычъ оставилъ его, когда женихъ, возсѣвъ въ кресло, объявилъ: «пока эта бестія принесетъ мнѣ гардеробъ, я, братецъ, вздремну маленько.... оно, знаешь, въ такой день вовсе не лишнее, можетъ быть ночью и соснуть не придется.»

А между тѣмъ, вѣтерокъ посвистывалъ и погода хмурилась все болѣе и болѣе. Стрѣлка показывала пять часовъ. Петръ Иванычъ сталъ кликать своего лакея - трубкочиста, чтобы тотъ подалъ одѣваться. Но трубкочистъ не откликнулся. Петръ Иванычъ вышелъ въ переднюю. Тутъ взорамъ его представилось поразительное зрѣлище: трубкочистъ лежалъ на полу, отуманенный парами Бахуса, а шкафъ, въ которомъ хранился гардеробъ Петра Иваныча, былъ отпертъ, но въ немъ ничего не было. Петръ Иванычъ ахнулъ отъ удивленія и толкнулъ ногою лакея-трубкочиста, но тотъ захрапѣлъ еще болѣе прежняго. Потерявъ терпѣніе, Петръ Иванычъ схватилъ его за воротъ и, нѣсколько приподнявъ, указалъ ему на шкафъ. Лакей-трубкочистъ посмотрѣлъ на него бессмысленно и снова опустился на полъ. Петръ Иванычъ понялъ, что его обокрали. Чтобы выпутаться изъ бѣды, ему оставалось одно средство: съѣздить къ портному и взять у него какое - нибудь платье, потому - что ему рѣшительно не въ чемъ было ѣхать подъ вѣнецъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Но на бѣду въ это время у портнаго не было ни одной лишней пары, а та, которую заказалъ ему господинъ съ рыжими бакенбардами, была еще не готова, потому - что Петръ Иванычъ самъ же просилъ шить ее какъ можно дольше. Не теряя напрасно времени, Петръ Иванычъ тотчасъ же отправился къ одному другу, который былъ страшный любитель фраговъ и жилетовъ все-

возможныхъ сортовъ и фасоновъ. Онъ надѣялся найти у него сколько нибудь благопристойное платье, которое соответствовало бы брачной церемоніи. Оказалось, что пріятель этотъ болѣе двухъ дней, какъ выѣхалъ изъ Петербурга, куда - то верстъ за сорокъ. А назначенный срокъ все приближался и наконецъ онъ насталъ. Петръ Иванычъ сдѣлалъ еще послѣднее усиліе: съѣздивъ къ двумъ или тремъ знакомымъ и съ помощью ихъ одѣлся довольно благопристойно. Но въ тоже время онъ замѣтилъ съ ужасомъ, что опоздалъ цѣлыми двумя часами.

Теперь мы должны показать читателямъ другую сторону медали. Въ этотъ день майорша Пустозвопкина еще съ утра подняла на ноги весь домъ. Въ три часа пріѣхали офицанты, а въ четыре пришелъ парикмахеръ и сталъ убирать невѣсту. Въ шесть часовъ все было готово. Но ни Максима Максимыча, ни Петра Иваныча еще не было. Это обстоятельство сильно встревожило невѣсту и ея родственниковъ. Они начали беспокоиться и послали за женихомъ карету. Прошелъ часъ, другой, третій, но ни карета не возвращалась, ни женихъ не являлся. Невѣсть сдѣлалось дурно: она упала безъ чувствъ. Вдругъ въ толпѣ раздался шопотъ: женихъ! женихъ! Всѣ взоры устремились на дверь: вошелъ Петръ Иванычъ. Къ майоршѣ тотчасъ поскакала одна изъ тетокъ....

— Послушайте, сказала она майоршѣ: женихъ вашей дочери поступилъ очень низко. Онъ вовсе не пріѣхалъ. Благородные люди такъ не дѣлаютъ. Онъ просто окомпрометировалъ невѣсту; теперь подумаютъ еще Богъ вѣсть, что такое!

— Но что же я буду дѣлать! сказала майорша въ отчаяніи.

— Чтобы выпутаться изъ бѣды, продолжала родственница: вамъ остается одно средство.

— Какое же? говорите, Христа ради!

— Обвѣнчайте вашу дочь съ Петромъ Иванычемъ. Они давно любятъ другъ друга.

— Какой это Петръ Иванычъ? спросила майорша: ужъ не тотъ ли, который сдѣлалъ мнѣ на счетъ этого предложеніе еще въ саду.

— Тотъ самый. Я знаю его очень кородко: онъ малый не безъ достоинствъ. Къ-тому-же и состояніе свое имѣетъ. Въ службѣ ему везетъ: со временемъ можетъ занимать хорошую должность, кто знаетъ, можетъ генераломъ будетъ, тогда и васъ всѣ станутъ звать ваше превосходительство.

— Но гдѣ мы отыщемъ его теперь?

— Онъ, сейчасъ пріѣхалъ и его всѣ приняли за настоящаго

жениха... такая ужъ, знаете, физиономія выразительная. Я со-
вѣтую вамъ на это согласиться, иначе дочь ваша можетъ пострадать.

— Ну, будь по вашему! сказала маюрша.

Всѣ дѣйствующія лица этой сцены находились въ самомъ благо-
пріятномъ расположеніи духа. Даже сама маюрша улыбалась сквозь
слезы, когда молодые воротились къ ней за благословеніемъ. Гово-
рятъ, свадьба была чрезвычайно веселая. Гости пировали до глу-
бокой полночи. Наконецъ новобрачныхъ посадили въ карету и от-
правили на квартиру къ Петру Ивановичу, который въ это время
жилъ, какъ извѣстно читателямъ, въ Галерной Гавани.

А между тѣмъ, вѣтерокъ посвистывалъ все болѣе и болѣе и
погода разыгралась не на шутку. По взморью забѣгали зайчи-
ки и волны хлестали на берегъ. Наконецъ вода выступила изъ
береговъ и затопила многія улицы. Тремя пушечными выстрѣ-
лами съ брандвахты дано было знать, чтобы жители опа-
сались наводненія. — Вскорѣ всѣ улицы покрылись водою ар-
шина на полтора, а въ иныхъ мѣстахъ и болѣе. Господинъ съ
рыжими бакенбардами проснулся при громѣ вѣстовыхъ пушекъ.
Ромъ еще дѣйствовалъ въ головѣ его, когда онъ вскочилъ и, забывая
свадьбу и невѣсту, почувствовалъ себя подѣ влияніемъ своего приз-
ванія, въ своей стихіи. Выглянувъ въ окно, онъ крикнулъ: «Слу-
шай команду, катеръ!» И съ этимъ словомъ, водрузивъ по бутылкѣ
въ каждый карманъ, ринулся изъ горницы. Онъ давно уже разъ-
ѣжжалъ въ своемъ катерѣ, спасая запоздалыхъ путниковъ. Въ это
время, подѣ нагнетемъ ямайскаго вдохновенія, онъ былъ смѣль и
рѣшительнъ, какъ настоящій Нептунъ. Вдругъ въ одной улицѣ
раздались голоса: «спасите! тонуть! тонуть! спасите!» Господинъ съ
рыжими бакенбардами поворотилъ рулемъ, и катеръ поплылъ въ
то мѣсто, откуда слышались голоса. Когда катеръ повернулъ въ
другую улицу, изумленнымъ взорамъ гребцовъ представилось зрѣ-
лище довольно поразительное: посреди улицы стояла въ водѣ ка-
рета, на которой стояли два человѣка: мужчина и женщина. Они
держали другъ друга за руки, крича, что есть мочи: «спасите!»
Лошадей у кареты не было: вѣроятно кучеръ выпрягъ ихъ и
уплылъ съ ними куда нибудь въ доброе мѣсто. Наконецъ, ка-
теръ подплылъ къ каретѣ.

— А! это ты, братецъ, Петръ Ивановичъ, сказалъ господинъ
съ рыжими бакенбардами: ну братъ, уважилъ: никакъ не вообра-
жалъ я встрѣтить тебя въ это время. Садись же поскорѣе, да и
красотку свою тащи сюда же.

Съ помощію гребцовъ, Петръ Ивановичъ и Надежда Павловна кое-какъ влзли въ катеръ.

— А позволъ, братецъ, спросить, что ты за штуку везешь съ собою?

— Знакомую, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Та-та-та! Вотъ оно что! То-то я смогрю, что это за карета захала къ намъ Гавань: а это вы изволите пробираться домой съ своей возлюбленной.

— Благодарю, что поспѣшили на помощь! сказалъ Петръ Ивановичъ: а то, пожалуй, затопило бы насъ обоихъ.

— Мудренаго нѣтъ! отвѣчалъ господинъ съ рыжими бакенбардами: здѣсь подобныя происшествія случаются за частую. Ба! да гдѣ же вашъ домъ? Посмотрите, вѣдь его унесло!

— Въ самомъ дѣлѣ унесло! вскричалъ Петръ Ивановичъ, всплеснувъ руками: теперь все пропало!

— Ничего!... завтра утромъ все отыщемъ, а куда поѣдете ко мнѣ. Я самоваръ велю согрѣть: знаешь, съ ромцомъ напьемся, братецъ: оно силы одушевить.... а теперь не хочешь-ли голячку хватить? И онъ вытащилъ бутылку изъ кармана.

Между тѣмъ, погода стала утихать. Катеръ присталъ къ дому, гдѣ жилъ господинъ съ рыжими бакенбардами. По странному стеченію обстоятельствъ, Петръ Ивановичъ долженъ былъ эту ночь пробыть съ своею женою въ домѣ челоуѣка, у котораго онъ отбилъ ее. Когда Надя вошла въ комнату, господинъ съ рыжими бакенбардами воскликнулъ:

— Ба! Надежда Павловна!... моя невѣста!.. вы какими судьбами попали сюда?

— Рекомендую вамъ.... это моя жена! сказалъ Петръ Ивановичъ, взявъ Надю за руку.

Максимъ Максимычъ вытянулся въ такой знакъ, который самый опытный наборщикъ перемѣшалъ-бы между восклицательнымъ и вопросительнымъ.... ротъ его остался разинутымъ, глаза выпученными.

Теперь Петръ Ивановичъ живетъ у Владимірской и занимаетъ довольно порядочную квартиру. Жена его ѣздитъ въ Итальянскую оперу на средней абониментъ. Иногда они вспоминаютъ Гавань, но это случается очень рѣдко. Говорятъ, на дняхъ Надежда Павловна разрѣшится четырнадцатымъ сыномъ. Вы видите, счастье сильно господствуетъ въ этомъ семействѣ.

Что касается до господина съ рыжими бакенбардами и кофейнымъ носомъ, онъ утѣшился полдюжиной ромцу, и если не утонетъ въ немъ, то вѣрно не потонетъ и въ водѣ.

ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ

ФЛАМАНДСКАЯ И ГОЛЛАНДСКАЯ

И

ИЗЪ ДѢЛТЕЛИ.

Фламандская и голландская живопись, произведениями которой наполнены большая часть европейских галлерей, еще очень недавно обратила на себя заслуженное внимание и стала предметомъ строгаго и точнаго изученія. — Сульпицій Буазере въ сочиненіи своемъ о Кельнскомъ Соборѣ указываетъ на это зданіе, какъ на колыбель всей германской живописи. По словамъ его *альфа* первоначальнаго стиля древней германской живописи была невѣдомою рукою начертана на стѣнахъ этого храма. Начертанія эти, исполненныя съ систематичностію, свойственною германцамъ, не могутъ выдержать никакого состязанія: но искусство никогда не развивается мгновенно и быстро; его первоначальное развитіе бываетъ медленно, трудно, стоить многихъ усилій и всегда основывается на преданіяхъ. Искусства Верхней Германіи и впоследствии у фламандцевъ и голландцевъ слѣдовали общимъ законамъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ, легкихъ измѣненій, зависѣвшихъ отъ климата, нравовъ и характера, свойственныхъ каждому народу; всѣ художественныя памятники одного и того-же времени, во всѣхъ странахъ Европы, отъ Альповъ и Дуная до береговъ Нѣмецкаго моря, начиная съ памятниковъ самыхъ древнѣйшихъ, носятъ на себѣ отпечатокъ разительнаго сходства.

Если произведенія скульптуры, стѣнной живописи и мозаики, которыя могли бы служить средствомъ сравненія искусства древняго съ искусствомъ новѣйшимъ, не такъ многочисленны въ странахъ Зарейнскихъ, Германія обладаетъ другими памятниками, хо-

тя не столь древними, но болѣе полными, которые столько же замѣчательны, какъ скульптура и живопись, и могутъ возбудить такое же любопытство и вниманіе: это живопись, такъ называемая, рукописная, украшающая манускрипты, грамоты и другіе памятники письменности, до изобрѣтенія книгопечатанія. Памятники этой живописи наполняютъ ту пустоту, которая могла бы быть въ исторіи Зарейскихъ искусствъ, и доказываютъ своимъ исполненіемъ, что греческіе художники, до самыхъ позднѣйшихъ временъ имперіи, не имѣли на этомъ поприщѣ достойныхъ себѣ соперниковъ. Изученіе живописи грамотъ и манускриптовъ, на которое вполне обратилъ вниманіе д'Аржанкуръ, продолжавшій изслѣдованія Винкельмана, очень многое открыло современникамъ. Предавшись изученію этой отрасли живописи, д'Аржанкуръ началъ обрабатывать предметъ вмѣстѣ любопытный и замѣчательный, и бросилъ самый яркій и неожиданный свѣтъ на общую исторію искусствъ среднихъ вѣковъ, отъ временъ меровингскихъ и карловингскихъ до половины XVI вѣка.

Гальскія рукописи карловингской эпохи, каковы молитвенники Карла Великаго, Людовика Добродушнаго и Лотаря; Евангелія Эбона, Архіепископа Реймскаго; Библия и Псалтырь Карла Лысаго, могутъ почетомъ за образцы въ своемъ родѣ. Совершенствомъ придаточныхъ частей, изяществомъ орнаментовъ они смѣло могутъ равняться съ самыми лучшими византійскими произведеніями того же рода и показываютъ, что и въ тѣ отдаленныя времена древности изобрѣтательность вымысла, разнообразіе рисунка и чистота отдѣлки были уже достояніемъ нѣмецкихъ неизвѣстныхъ художниковъ. Нужно замѣтить, что всѣ эти рукописные рисунки не были ни подражаніемъ, ни снимками съ византійскихъ рукописей, съ которыми они равняются въ совершенствѣ. Это самобытныя произведенія той эпохи возрожденія искусствъ IX вѣка, которое произвели Пипинъ и Карлъ Великій.

Всѣхъ замѣчательнѣе фронтисисъ Библии Карла Лысаго. На немъ изображены символическія фигуры Благоразумія, Правосудія, Рѣшимости и Воздержности; онѣ окружаютъ мнѣшнаторное изображеніе царя Давида. Этотъ рисунокъ носитъ отпечатокъ самобытности чисто западной.

Въ рукописяхъ германскихъ, и болѣе всего, въ рукописяхъ нижней Германіи, замѣчается менѣе самобытности и видно

болѣе византійское вліяніе. Украшенія и частности рисунка не обнаруживают ни тонкости, ни чистоты французскихъ рукописей; пачальныя буквы изукрашены какими-то странными переплетами; коймы тяжелы и безъ вкуса; колоритъ невѣренъ и приторенъ; человѣческія фигуры или невыразительны или носятъ отпечатокъ чисто германскій, это, впрочемъ, не удивительно. У батавовъ, менаціенцевъ и всѣхъ другихъ племенъ одного и того-же происхожденія, населявшихъ внутреннюю Германію и позднѣе Фландрію, искусства и художества являются только въ то время, когда римская цивилизація успѣла давно проникнуть во всѣ остальные западныя земли Европы. До покоренія областей этихъ римлянами, племена, населявшія ихъ, жили въ самомъ грубомъ невѣжествѣ и индѣйцы, кочующіе на берегахъ Миссури и изображающіе свои воинскіе и охотничьи подвиги на кожахъ медвѣдей и буйволовъ, могутъ стать гораздо выше въ искусствѣ живописи и рисованія, чѣмъ германскія племена того времени.

Римское владычество мало измѣнило дикіе нравы этихъ племенъ. Христіанство, употребившее четыре вѣка для озаренія ученіемъ Спасителя народы, жившіе между Эльбой и Рейномъ, первое положило между этими племенами начальныя основы искусствъ. Съ VIII вѣка, живопись изучалась и производилась въ монастыряхъ монахами и монахинями. Это доказываетъ одною древнею рукописью: *Acta sanctorum ordinis Sancti Benedicti*. Долговременныя пребыванія Карла Великаго въ Австразіи и предпочтеніе, оказанное имъ Ахену, лежащему на границахъ Фландріи, избраніемъ его столицею своей обширной имперіи, развило въ этихъ странахъ охоту и вкусъ къ изящнымъ искусствамъ. Карловингской эпохѣ возрожденія, вліявшей не болѣе вѣка на искусство живописи и такъ величественно и съ такимъ успѣхомъ отразившейся на архитектурѣ отъ IX до XII вѣка, суждено было положить свою печать и на Фландрію. Дарохранительница Ставелотскаго аббатства, находившагося въ Лютихскомъ округѣ, Евангелія аббатства Святаго Лаврентія, въ самомъ Лютихѣ, рукописи IX и X вѣковъ и рукопись Аббатства Святаго Бертена, которой рисунки изображаютъ жизнь святаго Вандрилла, суть первыя произведенія, извѣстныя какъ памятники фламандскаго искусства. Рисунки, украшающіе эти рукописи, не

могут выдержать никакого сравненія съ рисунками французскихъ манускриптовъ VIII вѣка, ни даже съ манускриптами современнаго періода, каковы: библия Аббатства святаго Марціала въ Лиможѣ, библия извѣстная подъ названіемъ библии Маршала де Ноая и молитвенникъ святаго Григорія Великаго, исполненныя около X вѣка. Въ нихъ видны тѣже прямолинейныя, четверугольныя бордюры, съ цвѣтами и переплетами; краски наложены сквозисто, легко и размычато, между тѣмъ, какъ въ рукописяхъ эпохи карловингской рисунки сдѣланы тушью, несквозныя свѣтлые блески наложены на темныхъ мѣстахъ густо. Цвѣта желтые, синіе, зеленые, всѣ рѣшительно безъ постепеннаго оттѣнка и безъ всякаго посредническаго соединенія между ними другихъ красокъ. Рисунки эти кажутся будто списаны съ оконечныхъ стекель и очень вѣроятно, что искусство живописи на стекль, такъ хорошо извѣстное древнимъ, украшавшимъ ею внутренности своихъ жилищъ, было еще не совсѣмъ утрачено въ эту неустановившуюся эпоху эстетическаго развитія. Оно было употребляемо въ тѣ времена, на украшеніе оконъ христіанскихъ храмовъ рисунками, сходными съ рисунками рукописей. Дѣтскій вымыселъ и изобрѣтенія, непропорціональность, замѣчаемая въ фигурахъ, однообразное и безцвѣтное выраженіе ихъ, безвкусіе и тяжесть аксессуаровъ — все показываетъ младенческое состояніе художества, а между тѣмъ, — странное явленіе, — во всѣхъ этихъ рисункахъ, вмѣстѣ съ рабскимъ, наученическимъ подражаніемъ замѣтно какое-то особенное стремленіе къ буквальному, точному подражанію природѣ и склонность къ тому суродливому, простонородному вкусу, который въ послѣдствіи спеціально отличалась фламандская живопись. Этому направленія, впрочемъ, никакъ нельзя отвести къ бездарности и неловкости художниковъ, оно есть слѣдствіе вліянія нѣкоторыхъ мѣстныхъ привычекъ и причинъ. Зрѣлѣе и выше эпохи — Византійское вліяніе, начавшееся въ Верхней Германіи, распространяясь внизъ по Рейну, по этому главному пункту сообщенія между Нидерландами и Германскою Имперіей, одно только могло смягчить склонность къ такой неумѣстной и нехудожественной подражательности природѣ. Второй молитвенникъ Ставелотскаго монастыря, украшенный двадцатью двумя большими мініатюрами, нарисованными на золотомъ полѣ и молитвенникъ

канонника Ламберта, относящийся къ 1180 году, представляютъ драгоценный образецъ той манеры живописи, которую въ позднѣйшее время наименовали въ Германіи живописью *византійско-зарейнскою* и которой, два вѣка спустя, художники Кельнской школы, Вильгельмъ и Стефанъ, были безсознательными и смѣтливими продолжателями. Эти рукописи заключаютъ много рисунковъ въ родѣ византійскихъ миниатюръ, произведенныхъ въ самое цвѣтущее время византійскихъ искусствъ. Въ нихъ отражается, хотя измѣнившійся, но все еще могущественный отблескъ древняго искусства. XIII вѣкъ заключаетъ въ себѣ пустой промежутокъ. Кажется, въ эти времена изученіе искусства было оставлено во Фландріи. Единственная рукопись того времени, *Диалогъ* святаго Григорія, Папы-Римскаго, открытая въ монастырѣ святаго Лавренція въ Лютихѣ и находящаяся въ Бургундской библиотекѣ, имѣетъ большое сходство съ французскими рукописями X, XI и XII вѣковъ.

Стиль композиціи рисунковъ носитъ отпечатокъ современнаго невѣжества. Зеленые, голубые и красные цвѣта, употребленные безъ всякаго разбора и безъ соединенія между собою, наложены на рисункахъ сквозно и безъ растушовки; въ этомъ наложеніи красокъ видна копировка съ живописи на стеклѣ. Рисунки, открытые въ Гентѣ, въ больницѣ Билокской, и рисунки, открытые въ 1822 году, на стѣнахъ Ньюпортскаго замка, представляютъ тоже самое сходство съ живописью церковныхъ оконницъ. Впрочемъ, такое явленіе не можетъ быть удивительно, потому что все искусство живописи этихъ эпохъ сосредоточивалось, кажется, на западѣ Германіи, въ мастерскихъ живописцевъ по стеклу, а въ Италіи и на Востокѣ въ лабораторіяхъ мозаическихъ художниковъ.

Въ живописи XIV вѣка видно тоже самое направленіе и тоже самое исполненіе рисунковъ и композиціи, какія существовали и въ XIII. Но число рукописей умножилось. Собранныя съ большимъ трудомъ и за большую цѣну, герцогомъ Бургундскимъ, Филиппомъ Смѣлымъ, сыномъ его Іоанномъ Безстрашнымъ и болѣе всего Филиппомъ Добрымъ, онѣ составляютъ нынѣ самый драгоценный вкладъ Бургундской библиотеки. Людовикъ Брюгенскій, владѣтель Грутгуза, также собралъ въ свою очередь

множество драгоценныхъ древнихъ памятниковъ этого рода, которые находятся нынѣ въ кабинетѣ рукописей парижской Национальной Библиотеки. Изучая эти памятники искусства, которые изобрѣтеніе книгопечатанія и усовершенствованіе, сдѣланное Фанъ-Эйкомъ открытіемъ масляныхъ красокъ, должны были уничтожить и удалить съ поприща живописи, можно видѣть, что византійское вліяніе навсегда утратило свою силу. Въ этихъ рукописяхъ, ничто не напоминаетъ уже древняго искусства и величественныхъ, строгихъ ликовъ, начертанныхъ въ молитвенникѣ Ставелота или въ манускриптахъ канонника Ламберта. Мѣстное вліяніе уничтожило и древній колоритъ, и древнія формы, и древній взглядъ на олицетвореніе сущности.

Дѣтское подражаніе природѣ, исключительное воспроизведеніе національныхъ типовъ характеризуютъ всѣ живописные памятники этой эпохи. Страніе, съ которымъ художники сіяты изображать безхарактерныя, невыразительныя, полныя лица, тройные подбородки и округлыя щеки и вообще всѣ фламандскія нехудожественныя формы, неминуемо влекли искусство живописи къ уродливому направленію. Такія миниатюристы и живописцы на стеклѣ XIV вѣка были достойными предтечами Квинтиновъ, Матзисовъ, Бр веровъ, Фанъ-Остадовъ и Теньеровъ.

Михельсъ, котораго сочиненіе о фламандской и голландской живописи, (*Histoire de la peinture Flamande et Hollandaise par M. Michiels, Paris 1847, 3 vol*) заключаетъ въ себѣ множество драгоценныхъ извѣстій, посвятилъ всю первую часть своего творенія изысканію и изложенію причинъ, которыя содѣйствовали началу и развитію искусства въ Голландіи и Фландріи и были причинами ихъ укорененія и дальнѣйшаго хода. Въ числѣ самыхъ главныхъ онъ полагаетъ: климатъ, почву, породу, идеи, событія, народную массу, вліяющую равно какъ на дѣйствія человѣческія, на нравы, на законы, на событія, такъ и на художества, искусства и наконецъ на политику. Эти доказательства, собранныя безъ всякихъ положительныхъ данныхъ, только утомляютъ вниманіе, ослабляютъ соображеніе и отклоняютъ его отъ прямого, истиннаго пути, по которому бы можно было дойти до настоящихъ выводовъ. Все истинное и прекрасное должно быть просто и ясно.

Гото (Notho) прусскій писатель, издавшій исторію герман-

ской и нидерландской живописи, кажется ближе достигает истинны, основывая начало германскаго искусства на трех единственныхъ источникахъ: климатѣ, религiи и народномъ характерѣ. Михельсъ опровергаетъ эту теорiю; между тѣмъ эти три двигателя и проводники, выставленные Гото, заключаютъ въ себѣ всѣ многосложныя семь началъ строгаго критика.

Показавъ, какое вліяніе могли имѣть на германское искусство вообще всѣ вышеприведенныя намъ данныя, какъ то: византійское вліяніе, преданія, древнія рукописи, — постараемся объяснить какое вліяніе имѣла на фламандскія искусства мѣстность.

Туманная, измѣчливая атмосфера Голландiи и Бельгiи, ея сырая, холодныя области, лежащая на оконечности умѣренныхъ странъ и западнаго полюса Европы, должна была непременно имѣть совершенно противоположное вліяніе на развитіе и проявленіе искусства живописи. Она сосредоточила его прежде всего подъ семейнымъ кровомъ, придвинуло къ очагу, сдѣлала искусство живописи занятіемъ домашнимъ, вмѣсто того, чтобы дать ему вѣдшее, общественное значеніе, какъ въ другихъ странахъ, и заставить украшать созданіями кисти портки и храмы, въ свободномъ, видномъ пространствѣ. Отъ этой причины единственно и возникъ тотъ родъ живописи, которую всѣ единогласно условились называть оригинальною, самобытною и будто бы исключительно принадлежащею фламандскому генію. Эти же самыя атмосферическія условія дали и колориту, большой части фламандскихъ и голландскихъ художниковъ, ту удивительную, хотя очень часто и блѣдную гармонію, которая отличаетъ ихъ отъ художниковъ другихъ народовъ и отражается, какъ въ самыхъ огромныхъ, по задуманности изобрѣтенія и исполненію, картинахъ ихъ, такъ и въ самыхъ легкихъ, незначительныхъ эскизахъ. Тѣни на ихъ картинахъ или неумовимы, или неопредѣленны, какъ у всѣхъ первоначальныхъ живописцевъ неустановившихся еще школъ, или рѣзки и сосредоточены, какъ на примѣрѣ, у Рембрандта, Гусмана, Питера-Нефоа (*Peeter-Neefs*) или Деккера. Очень рѣдко случается встрѣчать у нѣкоторыхъ фламандскихъ и голландскихъ живописцевъ, чтобы тѣни, свѣтъ и блики были набросаны съ тою смѣлою, рѣшительною и теплою силою, съ какою набросаны они на картинахъ художниковъ полуденныхъ странъ. Одинъ только живо-

писецъ изъ фламандцевъ — Рубенсъ, можетъ служить въ этомъ отношеніи какимъ-то чуднымъ и страннымъ исключеніемъ изъ общей категоріи всѣхъ прочихъ голландскихъ и фламандскихъ художниковъ.

Природа и расположеніе почвы Нидерландовъ породили совершенно новый родъ живописи — именно *портреты*, *ландшафты* и морскіе виды. Зеленѣющія поля Голландіи, неизмѣримыя, неизмѣняныя полосы земли, близъ которыхъ блѣдно-матовое море кипитъ съ вѣчно-унылымъ воемъ и серебряною пѣною, золотистые и бѣловатые пески, города и крѣпости, будто возстающіе изъ лона безцвѣтныхъ волнъ, частыя измѣненія наносной почвы въ Намурскомъ округѣ, наводненія, непредвидимыя и будто выброшенныя изъ лона неблагоприятной земли — все это служило вдохновеніемъ для генія нидерландскихъ художниковъ. Они увлеклись окружающею ихъ природою, стали воспроизводить на своемъ полотнѣ разнообразныя ея явленія, съ тою же самою горячею, сыновнею любовью, съ какою живописцы строгой древности старались оживлять въ своихъ произведеніяхъ человѣка, независимо отъ окружающей его природы, отрѣшеннаго отъ всякаго физическаго міра. Почва, атмосфера оживились на полотнѣ этихъ художниковъ блѣднаго климата и приняли образъ существъ дѣйствительныхъ и живущихъ; они замѣнили имъ человѣка древнихъ искусствъ.

Вліяніе характера голландскаго племени на произведенія его живописцевъ также очень очевидно; подражаніе природѣ сдѣлалось у нихъ постояннымъ, трудолюбивымъ, терпѣливымъ и тщательнымъ. Въ продолженіе первоначальной эпохи развитія искусства, художники первыхъ школъ, основанныхъ во Фландріи, рисуя, напримѣръ, распятіе, старались изобразить губку, служившую для омоченія уксусомъ усть Спасителя, терновый вѣнецъ, терзавшій чело его, и копье, пронзившее его бедра, съ такою же дѣтскою, чувствительною точностію, какую они выказывали, рисуя самоналѣйшія подробности торжественной драмы, обозначая каждый мускуль, каждую неровность и шероховатость тѣла у божественныхъ и человѣческихъ дѣйствователей этого міроваго явленія. Дѣйствительность уничтожила у нихъ идеальность; творчество, изящество и возвышенность вымысла пали предъ существенностію, какою бы она ни была. Впослѣдствіи, это стремленіе къ подражательности усовер-

шенствовалося. Природа стала часто украшаться идеальностию вымысла и вкуса и оттого утратила свою рѣзкую грубость и сдѣлалась не совсѣмь отталкивающею; но между тѣмъ, это стремленіе, которое хотя стало слабѣть, не истребилось вполне и всегда будетъ отличать и характеризовать всѣ произведенія нидерландскихъ живописцевъ. Идея творчества изящнаго и идеальнаго, такъ-какъ разумѣютъ ее итальянскіе художники и итальянскія школы, замѣтна только у очень немногихъ великихъ живописцевъ нидерландскихъ, на примѣръ, у Рембрандта, Рубенса, Вандейка, но никогда, между тѣмъ, не проявляется вполне и самобытно, въ совершенной чистотѣ, безъ какого нибудь отбѣга того вліянія, которое имѣла на нее мѣстность и существенность. Это стремленіе къ точному подражанію природѣ, въ томъ видѣ, какъ она представляется взгляду, проявилось у фламандцевъ съ XIII вѣка. Самые миниатюристы того времени пожертвовали этимъ общимъ увлеченіемъ, господствовавшему тогда вліянію византійскихъ школъ. Въ послѣдующемъ вѣкѣ первые кельскіе живописцы, Вильгельмъ и Стефанъ, опять начали подчиняться византійскому вліянію, Ванъ-Эйкки же, бывшіе ихъ пріемниками, въ свою очередь, измѣнили принятое направленіе и снова начали близко и буквально подражать природѣ. Таково было колебаніе между идеальностию и существенностию.

XIV вѣкъ былъ самымъ цвѣтущимъ вѣкомъ для фламандскихъ провинцій. Главные города ихъ: Брюге, Гентъ, Мехельнъ и Ливенъ, могли соперничествовать съ столицами итальянскихъ республикъ — Генуей, Венеціей и Флоренціею. Богатство и довольство жителей много способствовали процвѣтанію искусствъ; художники нашли себѣ во Фландріи щедрыхъ и могущественныхъ покровителей, но архитектура была, преимущественно предъ прочими изящными искусствами, покровительствуема самолюбивою, гордою толпою зажиточныхъ фландрскихъ гражданъ. Число живописныхъ произведеній, столь многочисленное въ XV вѣкѣ, было очень незначительно въ XIV; въ XIII вѣкѣ во Фландріи написано не болѣе трехъ картинъ; всѣ онѣ открыты и имѣются на лицо. — Вотъ еще одинъ замѣчательный фактъ: не существуетъ ни одного доказательства, которое бы могло подтвердить, что голландцы и фламандцы когда либо имѣли скульпторовъ.

Въ то время, когда фламандцы не имѣли еще ни одного порядочнаго живописца, въ Кельнѣ существовали уже многія школы. Одно мѣсто старинной поэмы Вольфрама Эшенбаха, подъ заглавіемъ *Parceval*, доказываетъ, что съ XIII вѣка заслуги и дарованіе кельнскихъ и махстрихтскихъ живописцевъ вошли въ пословицу между германцами. Живописецъ Вильгельмъ и Стефанъ, любимый ученикъ его, соединили въ своихъ произведеніяхъ манеру и стиль художниковъ, имъ предшествовавшихъ, съ манерою и стилемъ первенствующихъ живописцевъ Италіи, съ произведеніями которыхъ, по всемъ вѣроятіямъ, они были знакомы. Ихъ манера живописи есть верхъ того совершенства византійскаго стиля, который современныя германскія школы снова ввели въ почетъ и провозгласили за самое истинное и возвышенное выраженіе христіанскаго искусства. Слава кельнскихъ живописцевъ не имѣла соперничающей славы въ началѣ XV вѣка; она распространилась по всей Германіи и спустилась вдоль по Рейну. Фламандскимъ художникамъ оставалось только подражать своимъ знаменитымъ соседямъ.

Первыя произведенія Губерта Ванъ-Эйка, старшаго изъ двухъ братьевъ этого имени, исполнены въ томъ же родѣ, какимъ отличаются кельнскія художники. Огличительный отпечатокъ, лежащій на картинахъ двухъ братьевъ, измѣнился лишь тогда, когда они поселились въ Брюгъ и когда Юаннъ, младшій изъ Ванъ-Эйковъ, открылъ и принаровилъ къ живописи новый способъ, который доставилъ ему наименованія изобрѣтателя масляной живописи. — Это неожиданное открытіе Ванъ-Эйка произвело огромный переворотъ въ области искусствъ и дало новое направленіе живописи, сперва во Фландрію, а впоследствии во всей остальной Европѣ.

Большая часть итальянскихъ живописцевъ XII и XIII вѣка писали свои картины на полотнѣ, наклееномъ на деревянные доски. Въ одной изъ миниатюръ Диоскоридовой рукописи, хранящейся въ Императорской Вѣнской Библіотекѣ и рисованной Юліанною, дочерью императора Олибрія, слѣдовательно, относящейся къ VI вѣку, изображенъ живописецъ, сидящій предъ станкомъ. Женщина, представляющая природу или творчество, держитъ мандрагору, которую живописецъ срисовываетъ на кускѣ полотна, утвержденномъ на деревянныхъ брусъ-

яхъ самаго большаго размѣра. Полотна эти, какъ вполне было дознано, покрывались густымъ слоемъ бѣлизы, на который накладывалось потомъ листовое золото для приданія краскамъ большой яркости. Греческіе образа и человѣческія изображенія, рисованные на кости и на деревѣ, на которыхъ свѣтлыя тѣни наложены на темныя, служившія грунтомъ картинъ, дѣлались точно также и поэтому не подлежатъ сомнѣнію, что этотъ способъ живописи перенесенъ на западъ Европы изъ Византии.

Въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣковъ, итальянскіе живописцы употребляли способъ называемый *pittura a tempera*, т. е. разводили краски на клею и исполняли ими свои картины съ такою прочностію, что даже самая долговременная сырость и вода не могли повредить яркости красокъ. Одинъ итальянскій химикъ, по фамиліи Біанки, разлагалъ въ Пизѣ химическій составъ красокъ этихъ картинъ первыхъ эпохъ, до того сквозныхъ и блестящихъ, что онѣ неуступали картинамъ, писаннымъ масляными красками. Біанки открылъ въ нихъ присутствіе воска и немного масла, которое, какъ онъ полагалъ, служило для растопленія воска; скорѣе всего можно думать, что масло примѣшивали въ воскъ для того, чтобы поддержать его въ жидкомъ состояніи. Вѣроятно, что отъ времени большая часть масла испарялась и улетучивалась. Но если древніе греческіе живописцы не примѣшивали въ краски масло, они примѣшивали его въ свои лаки, которые каждый изъ нихъ, начиная съ Апеллеса, приготовлялъ по собственному способу, скрывая въ тайнѣ ихъ составъ. Римскіе живописцы времени Имперіи употребляли также подобные лаки, чтобы придать краскамъ своихъ картинъ болѣе яркости. Довольствовались ли они только покрывая такимъ лакомъ поверхность уже написанныхъ картинъ, не примѣшивая его въ краски, или нѣтъ, повѣрить очень трудно. Если взять въ соображеніе многія обстоятельства, лакъ, наложенный только на поверхность картины, не входя въ составъ ея производства, никогда не могъ придать цѣлому грунту и цѣлой массѣ прозрачности и гармонической теплоты во всѣхъ частяхъ, которыми отличаются нѣкоторыя картины древней живописи, сохранившіяся въ итальянскомъ музеумѣ Студи. Яркость и чистота красокъ въ нѣкоторыхъ частяхъ этихъ картинъ не можетъ происходить отъ покрытія ихъ однимъ простымъ лакомъ; эти самыя особен-

ности никогда не поражаютъ въ картинахъ, писанныхъ красками, разведенными на клею.

Слѣдовательно, какое нибудь особенное вещество, особенный дѣйствитель, смѣшанный съ красками и сохранявшій ихъ въ жидкомъ состояніи на столько времени, сколько было потребно для того, чтобы живописцы могли сдѣлать въ картинахъ нужныя поправки и передѣлки и который высыхалъ потомъ, не отнимая у красокъ ни ихъ блеска, ни ихъ нѣжности, явно былъ употребляемъ древними живописцами и былъ имъ извѣстенъ. Эта невысыхаемость красокъ давала живописцамъ возможность снова перерисовывать, исправлять и перемѣнять колоритъ въ тѣняхъ и полутѣняхъ. Между картинами, сохранившимися въ музеумѣ Студи, есть такія, которыхъ художники могли бы смѣло соперничествовать въ исполненіи и ловкости съ Рубенсомъ, Бонингтономъ и многими другими живописцами, отличающимися нѣжными, неосязаемыми переливами тѣней, особливо въ подробностяхъ украшеній архитектурныхъ. Живопись красками водяными, разведенными на клею, не представляетъ ни той смѣлости кисти, ни того блеска, ни той прочности. Что же употребляли римскіе художники? Не смотря на всѣ химическія разложенія, не могли открыть истины; но все показываетъ, что масло должно было входить въ большомъ количествѣ въ составъ тѣхъ красокъ, которыми были писаны эти картины.

Поллуксъ въ своемъ *Onomasticon*, заключающемъ столько драгоценныхъ и важныхъ извѣстій и изслѣдованій обо всемъ, что касается до древнихъ искусствъ и художествъ, изчисляя предметы и принадлежности, употребляемыя живописцами его времени при ихъ работахъ, говоритъ, между прочимъ, о подстоликахъ, треножникахъ (мольбертѣ), кистяхъ, различныхъ родахъ красокъ, воскъ и многихъ смолистыхъ веществахъ, смѣшиваемыхъ съ ними не только для того, чтобы придать краскамъ болѣе силы и прочности, какъ полагаетъ Рауль-Рашетъ, но также, какъ повѣствуетъ Плиній, для того, чтобы иссушить восковыя частицы и сдѣлать ихъ способными противустоять и лучамъ солнца и дѣйствию воздуха.

Въ какое время начали примѣшивать въ краски масло или другое вещество, однородное съ воскомъ и замѣнявшее усиленные исканія и средства древнихъ придать картинамъ своимъ болѣе блеска, яркости и живости, опредѣлить очень трудно.

Въ рисункахъ Діоскоридовой рукописи, о которой говорено уже выше, кромѣ деревянной рамы, полотна, прикрѣпленнаго къ ней и треножника (мольберта) близь изображеннаго на рисункѣ живописца, видна палитра, на которой краски наложены и расположены почти точно также, какъ и на палитрахъ нашихъ современныхъ художниковъ; краски эти кажутся одинаковаго состава и наложены маленькими кучьками, будто посредствомъ ножа, послѣ того, какъ живописецъ стеръ ихъ. Кромѣ этой большой палитры, живописецъ держитъ въ рукахъ еще палитру меньшаго размѣра, на которой краски наложены и расположены точно также, какъ и на большой. — Краски эти должно полагать, были полужидки и текучи, какъ наши масляныя краски и вещество, входившее въ составъ ихъ, не должно было поэтому такъ скоро высыхать, какъ смола, клей или яичный бѣлокъ; иначе художникъ не положилъ бы на палитру свою красокъ въ такомъ большомъ количествѣ, а употреблялъ бы ихъ постепенно одну за другою, смотря по надобности. Какое же вещество вмѣшивали въ VI вѣкѣ художники въ краски свои предъ ихъ употребленіемъ? По всемъ вѣроятіямъ, вещество это, какъ и вещество, употребляемое древними живописцами, имѣло большую аналогію съ масломъ.

Одинъ нѣмецкій монахъ, по имени Теофиль, написавшій въ концѣ X вѣка книгу подъ заглавіемъ: *De omni scientia artis pingendi*, говоритъ о способѣ, посредствомъ котораго растворяли краски льнянымъ масломъ. Приготовленными такимъ образомъ красками писали картины, которыя высушивали потомъ на солнцѣ. Это средство, можетъ быть, одинаковое съ тѣмъ, которое употребляли въ VI вѣкѣ, очень сходно съ нашею масляною живописью.

Около 1410 года Фанъ-Эйкъ, Іоаннъ, младшій изъ двухъ братьевъ, окончивъ однажды картину на доскѣ, посредствомъ способа, описаннаго монахомъ Теофиломъ, выставилъ ее на солнце, чтобы высушить; доски разсылисъ отъ жару и картина была испорчена. Фанъ-Эйкъ началъ придумывать съ того времени новое, болѣе дѣйствительное и менѣе опасное средство. Онъ открылъ его и кажется не подлежитъ сомнѣнію, что это открытіе, падѣлавшее столько шуму въ XV вѣкѣ, состояло не столько въ замѣненіи воска и клея масломъ, потому что это средство было уже извѣстно, сколько въ употребленіи

такого реагента, который, будучи смѣшанъ съ льнянымъ или орѣховымъ масломъ и введенъ въ составъ красокъ, давалъ имъ возможность скоро сохнуть и въ тѣни, сохраняя весь свой блескъ, яркость и прозрачность.

Большая часть писателей, занимавшихся исторіею художествъ, никогда не брались за кисти. Ихъ незнаніе матеріальныхъ, приуготовительныхъ приемовъ живописи очень извинительно и это незнаніе единственно и произвело весь шумъ и молву, которая распространилась повсюду, но случаю открытія, сдѣланнаго Ванъ-Эйкомъ и заставило его превозгласить изобрѣтателемъ масляной живописи. Брюгскій живописецъ пытался сдѣлать опытъ, который многіе живописцы, недовольные многочисленными недостатками масляной живописи, и до сихъ поръ еще стараются какъ нибудь дополнить. По нашему мнѣнію, открытіе это ни что иное, какъ улучшеніе уже преждеизвѣстныхъ средствъ. Когда опытъ Фанъ-Эйка удался, нѣмецкіе и итальянскіе художники начали изобрѣтать для картинъ своихъ новые лаки, болѣе яркіе и блестящіе, но, по видимому, вредившіе прочности ихъ картинъ. Живопись ничего не выиграла отъ этихъ новыхъ попытокъ. Очевидно, что колоритъ картинъ потерялъ съ XV вѣка въ прочности и долговременности то, что выигралъ отъ этихъ лаковъ въ яркости и гармоніи цѣлаго. Примѣшиваніе летучихъ маселъ, соединенныхъ съ землянистыми и смолистыми частицами или въ грунтъ картины или въ свѣтлыя тѣни, производило два, совершенно противоположныя, дѣйствія: съ одной стороны оно придавало только что оконченной картинѣ, (въ томъ числѣ можно указать на нѣкоторыя картины фламандскихъ и голландскихъ живописцевъ, каковы Рембрандтъ, Деккеръ, Рюсдааль), сильный блескъ и колоритъ; съ другой эти, превосходныя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лаки были причиною не только порчи, но и совершеннаго уничтоженія многихъ большихъ картинъ, рисованныхъ масляными красками, со времени Ванъ-Эйковъ, начиная отъ *Преображенія Рафаэля* до *Тайной Вечери*, Леонардо да-Винчи. Какая разница между грубымъ фрескомъ Монторфано, помѣщенномъ въ Миланскомъ монастырѣ *des Graces* и этимъ превосходнымъ твореніемъ Винчи! какъ сохранился первый и какъ потеряло последнее! Леонардо да-Винчи, Рафаэль, Тиціанъ и братья Каррачи болѣе всѣхъ потеряли отъ этого новаго открытія. — Быть можетъ укажутъ на

Корреджіо и скажутъ, что Корреджіо обязанъ этимъ лаванъ своимъ неподражаемымъ блескомъ и чистотою тѣней; но въ картинахъ Корреджіо нѣтъ ни одной слишкомъ рѣзкой, темной тѣни, онъ кажется всѣми силами избѣгалъ ихъ и употреблялъ способъ Ванъ-Эйковъ только въ самыхъ слабыхъ и свѣтлыхъ тѣняхъ. Павелъ Веронезъ, яркій въ самыхъ темныхъ мѣстахъ картинъ своихъ, сумѣлъ лучше сохранить свои произведенія. Легкіе отдѣлы его картинъ не стерлись и не потеряли своей первоначальной краски и отдѣлки, а его большія картины до сихъ поръ сохранили всю свѣжесть и ясность фресковъ, писанныхъ клеевыми красками. Сравнивая картины Веронеза съ современными живописными произведеніями, каковы *Эндиміонъ*, *Жироде* и *Аустерлицское сраженіе* Жерара, можно подумать, что картины Веронеза писаны гораздо позже. Въ большей части картинъ современныхъ художниковъ, по прошествіи девяти и десяти лѣтъ, бѣлые цвѣта становятся желтыми, желтые — рыжими, голубые — зелеными, коричневыя — черными и потомъ все постепенно темнѣетъ, сглаживается и покрывается какъ будто туманомъ.

Въ непрочности картинъ, исполненныхъ по способу Ванъ-Эйка, скоро убѣдились. И дѣйствительно, его самая огромная картина, въ Сень-Бавонѣ, изображающая поклоненіе таинственному агнцу, которую онъ окончилъ въ 1432 г., должна была подвергнуться подновленію и даже, можно сказать, перерисована въ 1550 г., живописцами Лансело Блонделемъ изъ Брюге и Шорелемъ изъ Утрехта. *Тайная Вечеря* Леонардо да-Винчи поцѣрталась еще скорѣе. Эта большая картина была окончена въ 1598 году; а уже около 1540 г., Арменини говорилъ о ней, какъ о живописи полуизглаженной временемъ; около 1560 года остался въ первобытномъ видѣ одинъ только контуръ. Съ этого времени, картина была часто переправляема вся до основанія. Открытіе Ванъ-Эйка, сдѣлало имя его народнымъ въ цѣлой Европѣ. Онъ открылъ ту великую тайну, надъ которой не одинъ художникъ изстратилъ напрасно цѣлую жизнь.

Итальянцы, такъ легко всѣмъ увлекающіеся и, со времени Чимабуэ и Жютто, съ такимъ увлеченіемъ посвятившіе себя исключительно изученію живописи, были приведены въ восторгъ, увидавъ первые опыты этого новаго рода картинъ, явившихся среди ихъ художественнаго отечества изъ за той стороны

Альповъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать ихъ изобрѣтенія. Одинъ сицилійскій живописецъ, по имени Антонелло, учившійся въ Римѣ, тотчасъ же отправился во Фландрію, гдѣ и научился новому тайному способу отъ самаго изобрѣтателя. По возвращеніи своемъ въ Италію, Антонелло научилъ тайнѣ масляной живописи друга своего живописца Доминника. Доминикъ прошелъ всю Италію, возбуждая повсюду удивленія толпы и ненависть и зависть художниковъ. Одинъ изъ нихъ, Андреа дель Кастаньо, имя котораго вполне заслужило проклятiе потомства, лестию и ласками умѣлъ приобрести довѣріе и дружбу Доминика и, выпытавъ у него тайну новаго способа живописи, подкупилъ въ 1454 году убійцъ пронзить его кинжалами. Доминикъ, умирая, приказалъ перенести себя къ своему другу Кастаньо; такъ должны были скрыты всѣ слѣды этого преступленія, еслибъ Кастаньо самъ не признался въ немъ на смертномъ одрѣ.

Но Кастаньо напрасно отяготилъ себя этимъ тайнымъ убійствомъ, желая сдѣлаться единственнымъ обладателемъ тайны, которая должна была доставить ему извѣстность и славу. Въ то время, какъ Доминикъ мучился предсмертными страданіями, тайну Ванъ-Эйка сообщалъ венеціанцамъ живописецъ Рожеръ изъ Брюге, а съ другой стороны, живописецъ Антонелло открывалъ ее также въ Мессинѣ художнику Пино.

Это новое открытіе распространилось съ такою единовременною скоростію по всей Италіи, что многіе итальянскіе города начали приписывать себѣ его славу. Неаполитанцы утверждаютъ, что честь изобрѣтенія масляной живописи принадлежитъ неаполитанскому живописцу, Коломпино дель Фіоре и, для подтвержденія своихъ доводовъ, указываютъ на картину этого художника. Она находится въ церкви Святаго Лаврентія, въ Неаполѣ, изображаетъ Святаго Іеронима, который выдергиваетъ занозу изъ лапы льва и писана, по видимому, масляными красками. Но картина эта отмѣчена 1436 г., слѣдовательно написана двадцатью годами позднѣе того времени, какъ Ванъ-Эйкъ первый повѣдалъ художественному міру тайну свою. Какъ ни стараются доказывать итальянцы и присвоивать себѣ славу открытія масляной живописи, они должны уступить ее фламандцамъ; но, перенявъ у фламандцевъ этотъ новый способъ живописи, итальянцы только это одно и заимствовали отъ нихъ; фламандцы заимствовали отъ итальянцевъ гораздо болѣе,

тѣмъ это новое средство живописи, безъ котораго обходились столько вѣковъ. Во времена Ванъ-Эйковъ, нидерландскіе художники не думали далѣе природы за-Альпійской искать вдохновенія для картинъ своихъ. Въ картинахъ обоихъ Ванъ-Эйковъ и болѣе всего въ главныхъ ихъ произведеніяхъ, замѣтно преобладаніе родныхъ элементовъ и вліяніе мѣстности явно беретъ верхъ надъ началами византійскимъ и итальянскимъ. Всѣ головы и лица въ ихъ картинахъ чисто фламандскія и носятъ на себѣ отпечатокъ народнаго характера. Между тѣмъ, стремленіе къ символизму и религіозное чувство удаляютъ еще съ картинъ фламандскихъ художниковъ все уродливое и тривіальное, которому суждено было развиться гораздо позже. Живописецъ Геммелингъ подражалъ Ванъ-Эйкамъ и больше ихъ подчинялся простодушному и часто дѣтски-рабскому подражанію природѣ, его окружающей. Отсутствие рельефности, плоскость, сухость и какая-то вялость формъ, которая еще рѣзче выказывается у послѣдователей первоначальныхъ фламандскихъ школъ, обратясь наконецъ въ совершенное отсутствіе художественности, видны во всѣхъ картинахъ Геммелинга и преувеличиваемы имъ до крайности, съ тѣхъ поръ, какъ стремленіе къ патриархальному ввусу, которое называли *ди корадкою* древнихъ картинъ, (*das germanische Kunst-Fieber*), обнаружилось между германцами.

Ванъ-Эйки и Геммелингъ произвели во фламандской живописи, такой же точно рѣшительный переворотъ, какой въ XIII вѣкѣ произвели въ Италіи Гвидо, Чимабуэи Жіотто. Но послѣдователи и подражатели Ванъ-Эйковъ и Геммелинга не были ни Жирландажіями, ни Фра-Ангеликами, ни Масаччіями, ни даже Тадео Гадди и Ор-кавьями. Во время Оркавьи не сомнѣвались еще въ существованіи истинныхъ дарованій въ областяхъ итальянскихъ, хотя также не сомнѣвались и въ томъ, что искусство живописи, день отъ дня, все болѣе и болѣе клонилось къ упадку. Тадео Гадди, которому Сашети приписываетъ это мнѣніе, въ одной изъ своихъ новеллъ, — не могъ предвидѣть скорого появленія Леонардо да-Винчи, Микеля Анжело и Рафаэля, у фламандцевъ же, напротивъ—послѣ Ванъ-Эйковъ не встрѣчаются такіе великіе таланты; искусство живописи пало тотчасъ же; и если можно насчитать нѣсколько именъ, каковы: Жирардъ Фанъ-деръ Мейръ, Ливинъ, Виттъ, Гуго Фанъ-деръ Гоёсъ, Ро-

жерь изъ Брюга и даже Михель Вольгемють—всѣ эти художники были не болѣе, какъ подражатели безъ вкуса, какъ безусловно-рабскіе послѣдователи прежебывшаго направленія. Напрасно многіе пытались оживить это мертвенное состояніе искусства живописи; всѣ попытки остались безуспѣшными. — Съ тѣхъ поръ, какъ Фридрихъ Шлегель пытался въ литературномъ листкѣ «*Europa*» возстановить древнее направленіе германской живописи и проповѣдывалъ о прелести архаизма, съ тѣхъ поръ, какъ Буасере и Солли составили свои замѣчательныя коллекціи, многіе фанатики устремились по слѣдамъ ихъ и начали находить прекрасное во всемъ томъ, что древне. Но чтобы ни говорили, какъ бы не пристращались къ тому, что не удовлетворяетъ вкусу изящнаго—не изящное никогда не будетъ долго владычествовать и прихоть моды, которой только должно удивляться, не долго можетъ господствовать въ области художествъ, гдѣ безъ идеальнаго, творческаго и эстетическаго все будетъ вѣять тѣніемъ.

Послѣдователи всегда смотрятъ рабски на достоинства своихъ наставниковъ и тѣмъ самымъ еще болѣе бросаютъ яркій свѣтъ на ихъ ошибки и рѣзче обозначаютъ ихъ. Такъ случилось и съ послѣдователями Ванъ-Эйка: смѣлость и выразительность его обратилась у нихъ въ сухость; простодушное, иногда полное величія, выраженіе лицъ въ его произведеніяхъ преобразилось въ изысканность и уродливость; только одинъ колоритъ этихъ художниковъ остался вѣрнымъ природѣ и дѣйствительности, но и онъ утратилъ свою мягкость, прочность и рельефность. — Картины послѣдователей Ванъ-Эйка могли еще напоминать его собою, но въ нихъ не видно было и слѣда той силы эффекта, той выразительности, той гармоніи въ цѣломъ, которыми отличались произведенія учителя, и всѣ ихъ созданія были только призраками созданій основателя ихъ школы. Этотъ быстрый упадокъ искусства, впрочемъ удивителенъ. Что бы ни говорили Фридрихъ Шлегель, Михельсъ и Арсеній Гуссе, у котораго болѣе вкуса и который кажется, самъ не вполне убѣжденъ въ основательности своего мнѣнія, фламандскіе живописцы первыхъ эпохъ, начиная съ самыхъ знаменитыхъ, не обладаютъ ни однимъ вполне тѣмъ достоинствами, которыя составляютъ величія дарованія, ихъ самыя блестящія достоинства омрачаются

важными недостатками, простирающимися и отъ времени, въ которое они жили, и отъ неимѣнія предъ собою достойныхъ примѣровъ для подражанія. Это тѣмъ болѣе видимо, что всѣ другіе художники послѣдующихъ эпохъ, избѣгаютъ уже многихъ недостатковъ своихъ предшественниковъ. — Но все таки фламандцы того времени не могутъ выдержать сравненія съ итальянскими, имъ современными, художниками. Леонардо да Винчи и Рафаэль, соединяющіе въ своихъ произведеніяхъ и глубину чувства и выразительность, и точность рисунка, Корреджіо удивляющій гармонією и грацією, Тиціанъ и Павелъ Веронезе, смѣлые и яркіе колористы, стоятъ гораздо выше въ художественномъ мірѣ всѣхъ тѣхъ основателей школъ Фландріи и даже Германіи, которыхъ Гуссе, Шлегель и Михельсъ провозглашаютъ за дарованія, неимѣющія соперниковъ.

Арханзмъ, какъ бы онъ ни былъ точенъ и естествененъ, сколько бы не выказывалъ труда и терпѣнія и рѣдкихъ достоинствъ, всегда покрываетъ младенческое состояніе искусства. По этому нельзя никакъ согласится съ Гуссе, что итальянцы обязаны болѣе фламандцамъ, чѣмъ сами оказали имъ художественныхъ услугъ. Для всякаго, кто только старался изучать строго методу и приемы различныхъ школъ и вникалъ въ матерьяльное употребленіе красокъ, нельзя никакъ положить строгаго сравненія между колоритомъ фламандскихъ и венеціанскихъ художниковъ. Это двѣ совершенно противоположныя системы. Іоаннъ Беллинь, Тиціанъ, Тинтореть, Жіоржіанъ и Павелъ Веронезъ превосходные колористы, каждый въ своемъ родѣ, всѣ, между тѣмъ, замѣчательны однимъ и тѣмъ же достоинствомъ — искуснымъ сочетаніемъ полутоновъ и расположеніемъ тѣней. Бѣлые, черные, красные и голубые цвѣта, прежде, чѣмъ имъ лечь на полотно, получаютъ у нихъ радикальное измѣненіе. Въ огромныхъ картинахъ Веронеза, отъ которыхъ такъ и блещетъ днемъ, въ которыхъ колоритъ такъ сквозитъ, прозраченъ и будто зыблется, нельзя подмѣтить ни бѣлаго цвѣта, истинно бѣлаго, ни чернаго, истинно чернаго. Въ теплыхъ, пламенныхъ картинахъ Тиціана не замѣтно ни краснаго, ни желтаго цвѣта, которые бы небыли измѣнены и лишены своихъ настоящихъ оттѣнковъ. За исключеніемъ немногихъ художниковъ, болѣе всего Рембрандта, котораго манера, какъ колориста, представляетъ соединеніе всѣхъ извѣстныхъ манеръ, фландрскіе

живописцы, всё безъ исключенія, различно набрасываютъ тѣни и рефлекцію, краски у всѣхъ одиноково переходятъ съ палитры на полотно безъ всякой видимой, замѣтной перемены. Рубенсъ, самый замѣчательный и превосходный изъ всѣхъ фламандскихъ колористовъ, употреблялъ въ картинахъ своихъ всѣ краски безъ всякой примѣси, рѣдко случается замѣтить, чтобы какая-нибудь краска была смѣшана у него съ другою, чтобы придать ей другой, непервобытный цвѣтъ, первоначальныхъ, радужныхъ цвѣтовъ. Даже вермильонъ, въ самыхъ свѣтлыхъ тѣняхъ Рубенсъ употребляетъ, не смѣшивая ни съ бѣлою, ни съ желтою, ни съ другою какою краскою.

Школа Ванъ-Эйка имѣла сильное вліяніе на всю Германію; она измѣнила всѣ старыя школы и создала новыя. Школы Гарлемскія и Лейденскія, среди которыхъ зародилось голландское искусство живописи, могутъ похвастаться самыми близкими подражателями Ванъ-Эйка. Альбертъ Фанъ-Уваторъ, ученикъ Ванъ-Эйка, первый перенесъ въ Гарлемъ стиль и методу своего учителя. Онъ любилъ, какъ и Ванъ-Эйкъ, украшать дальній планъ своихъ картинъ, видами городовъ и обширныхъ полей, замѣнявшими золотыя фоны византійскихъ художниковъ и потому неудивительно, что самые лучшіе голландскіе пейзажисты вышли изъ школы Гарлемской.

Корнелій Энгельбрехтсъ, одинъ изъ слабѣйшихъ послѣдователей Ванъ-Эйка, сдѣлался основателемъ Лейденской школы. Германское вліяніе преобладаетъ въ его произведеніяхъ и болѣе всего выказывается въ картинахъ Луки Лейденскаго, его ученика и самаго лучшаго распространителя его славы. Лукъ Лейденскому недоставало только болѣе обширнаго поприща и болѣе продолжительной жизни, чтобы сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ живописцевъ своего времени. Искусный рисовальщикъ, въ лѣтахъ, въ которыя другіе невыходятъ еще изъ младенчества, Лука Лейденскій, (12 лѣтъ отъ роду), гравировалъ уже такія картины, отъ которыхъ неотразился бы самъ Альбертъ Дюрехъ. Шестнадцати лѣтъ онъ уже былъ достойнымъ соперникомъ Нюрнбергскаго художника. Въ эти-то лѣта произвелъ онъ замѣчательную гравюру — *Искушеніе Святаго Антонія*, въ которой изобразилъ сатану въ видѣ прекрасной женщины, украшенной рогатою шапочкою, подносящую святому драгоцѣнную чашу. Лука Лейденскій создавалъ необходи-

ность идеальности и той неземной красоты, которыми отличаются картины итальянских художников, но не имѣлъ еще ни силъ, ни времени развить въ себѣ къ нимъ чувства и способности. Женщины въ его картинахъ ничто иное, какъ здоровыя фламандки, высокаго роста, сильнаго тѣлосложенія, съ полными, бѣлыми лицами, крутыми, высокими лбами, подъ которыми, матовымъ блескомъ, свѣтятся маленькіе голубые глаза, лишенные бровей и рѣсницъ. Выраженіе лицъ ихъ улыбающееся и простодушное; этою особенностію Лука Лейденскій приближается къ картинамъ первоначальныхъ флорентинскихъ художниковъ. Что же касается до мѣстной вѣрности, до чистоты формъ, до непреувеличенія аксессуаровъ и придаточныхъ украшеній, которыхъ строгому и точному изображенію могло бы научить его знакомство съ древностію, — Лука Лейденскій о нихъ не заботится: фигуры его религіозныхъ и библейскихъ картинъ всѣ одѣты какъ ни-то лейденскими или мастрихтскими гражданами и всегда съ странною роскошью; рисунокъ его болѣе сухъ, чѣмъ выразителенъ, болѣе пѣженъ, чѣмъ точенъ. Онъ покрываетъ ткани на своихъ картинахъ сильными блесками, которые вмѣсто того, чтобы округлять формы и обрисовывать ихъ, рѣзко выставляютъ ихъ какими-то обрѣзанными углами; тотчасъ можно замѣтить, что художникъ, прежде, чѣмъ взялся за кисть, привыкъ обращаться съ рѣзцомъ.

Какъ Альбертъ Дюреръ, Гольбейнъ и Лука Крапахъ у германцевъ, Лука Лейденскій у голландцевъ представляетъ переходъ отъ стilia первоначальныхъ живописцевъ къ тому усовершенствованному стилю, въ которомъ національный характеръ и характеръ итальянской живописи соединяются иногда такъ счастливо.

Въ картинахъ Квинтина Матзиса, живописца — кузнеца, обязаннаго своимъ искусствомъ и своею славою вспыхнушему въ немъ чувству любви, видѣнъ уже чистый фламандецъ.

«*Connubialis amor de muliebri fecit Apellem*» говоритъ его эпиграфа.

Изучая многочисленные произведенія этого Антверпенскаго Апелеса, по нѣкоторымъ частностямъ тотчасъ можно угадать его прежнее, кузнечное ремесло. Картины его носятъ какой-то металлическій отпечатокъ; формы его фигуръ, всѣ аксессуары и

придаточныя украшенія, какъ будто выбиты молоткомъ и обто-
чены пескомъ.

При всемъ этомъ, Квинтинъ Матзисъ придалъ много полноты и совершенства стилю первоначальныхъ художниковъ Нидерландовъ, его кисть свободнѣе, колоритъ ярче и художественнѣе; онъ ближе, чѣмъ всѣ его предшественники, подходитъ къ разумному, художественному изученію природы и существенности, хотя очень часто жертвуетъ чувствомъ идеальнаго и прекраснаго точности подражанія. Его картина, изображающая *мьяль или вышивателей золота*, которую можно найти во всѣхъ картинныхъ галереяхъ Европы, можетъ служить самымъ точнымъ образцомъ дарованія и манеры Матзиса. Выразительность лицъ, тщательная и оконченная отдѣлка рукъ, терпѣливая и точная выработка платья, складокъ и прочихъ придаточныхъ украшеній картины, все предсказываетъ въ ней переворотъ, который должны были произвести, въ продолженіе XIV вѣка, въ нидерландской живописи Бернардъ ванъ Орлей, въ Брюсселѣ, Михель Кокси, въ Мехельнѣ, Ламбертъ Ломбартъ и Францъ Флорисъ, въ Антверпенѣ и Мабусъ въ Амстердамѣ.

Живописцы эти всѣ посѣщали Италію и потому не удивительно, что у нихъ видны проблески новаго стиля, господствующаго надъ старинною, обвѣтшалою методою, которую впрочемъ ни одинъ изъ нихъ, исключая Ламберта Ломбарда и Франца Флориса, самыхъ жаркихъ послѣдователей итальянской школы, не покинули совершенно.

Эти-то художники и положили черту между направленіемъ живописи среднихъ вѣковъ и живописью современною; чрезъ нихъ распространилось во Фландріи вліяніе итальянскихъ школъ, обозначившееся болѣе въ планѣ, чѣмъ въ формахъ, которыя въ самый сильный моментъ заальпійскаго вліянія, даже въ то время, когда Рубенсъ развилъ до послѣдней крайности стремленіе къ итальянскому вкусу, остаются покорными первоначальному стилю, носятъ отпечатокъ вліянія мѣстности и просвѣчиваютъ сквозь волшебную завѣсу, которую напрасно старается прикрыть ихъ творческая кисть его. Духовная сторона творчества никогда не отрѣшается у него совершенно отъ матеріальной; красоты его картинъ запечатлены чисто земною, тяжелою прелестію; выраженіе лицъ всегда грубо-вѣрно, энергія

всегда тривиальна. Какія усилія не употребляетъ великій живописецъ Антверпенскій, идеаль для него недоступенъ и неуловимъ.

Предшественники Рубенса, и особенно Отто Веніусъ, посвятившій великаго живописца въ тайны искусства, замѣнили разчитаннымъ эффектомъ первобытную естественность, отличавшую картины нидерландскихъ живописцевъ. Робко, но съ понятливостію послѣдователей колористическихъ школъ, начали соединять они и сливать свѣтлыя тѣни съ темными; кисть ихъ сдѣлалась размашистѣе. Эти живописцы были истинными художниками, тогда какъ ихъ предшественники, исключая Ванъ-Эйковъ, часто являются только послѣдователями миниатюристовъ среднихъ вѣковъ. Они ввели въ свои картины то единство мѣстности, интереса и эффекта, о которыхъ до нихъ живописцы имѣли только смутное понятіе: брюгенскіе живописцы, какъ справедливо замѣчаетъ Михельсъ, выхватывали изъ пространства какой нибудь клочекъ и располагали на немъ, посреди обширнаго горизонта, извѣстное число фигуръ. У нихъ человѣкъ, изображенный ими, былъ ничто иное, какъ актеръ потерянный и невидный среди пространной сцены. Его оружіе, его одежды, золото и драгоценныя камни, покрывающіе ихъ и освѣщенные однообразно брезжущимъ свѣтомъ, одни только привлекали вниманіе и надъ ними сосредоточивалось все стараніе и все искусство художниковъ. Живописцы новой эпохи начали заботиться о томъ, чтобы отдѣлнить интересъ человѣка отъ интереса мѣстности; они стали помѣщать человѣческія фигуры на первомъ планѣ и тѣмъ самымъ возстановили величественное значеніе, которое придавали имъ древніе живописцы и которое уничтожили школы среднихъ вѣковъ.

Рубенсъ, которому сила вдохновенія разоблачила, кажется, всѣ тайны гармоническаго сочетанія красокъ и все могущество и бойкость рисунка, обладалъ въ высшей степени знаніемъ композиціи и эффекта. Рубенсъ былъ бы однимъ изъ величайшихъ живописцевъ, не только своего времени, но и вѣковъ позднѣйшихъ, еслибы въ области живописи, искусство исполненія, неистощимое богатство колорита и могущественная способность точной подражательности, могли замѣнить собою идеальное достоинство картины. Рубенсъ, точно также, какъ и учитель его, Отто Веніусъ, повинувъ методу древнихъ школъ и сдѣлался поклон-

никомъ методы итальянской. Наученный Отто Вениусомъ только одной матеріальной части искусства живописи, всемъ прочимъ, даромъ композиціи, силой эффекта и могуществомъ колорита, Рубенсъ обязанъ единственно одному своему гению. Итальянецъ позадуманности, по идее и по выраженію ея, онъ вездѣ, даже въ самыхъ мелкихъ картинахъ сохраняетъ свою размахистую, свободную самобытность; если же и замѣтно въ его произведеніяхъ вліяніе какой-нибудь школы, то это вліяніе школы вениціанской. Но хотя въ манерѣ Рубенса и есть что-то напоминающее Тивторета и Павла Веронеза, однако, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи, тотчасъ можно замѣтить, что онъ ярче Тивторета и могущественнѣе Веронеза, хотя мнѣе его вѣренъ истинѣ и дѣйствительности. Но какъ всѣ сильныя и способныя къ увлеченію дарованія, Рубенсъ въ самыхъ своихъ подражаніяхъ остается самобытнымъ и оригинальнымъ, особливо въ ландшафтахъ, въ которыхъ неимѣтъ ни подражателей достойныхъ, ни соперника.

Умирая въ полномъ блескѣ своей славы, Рубенсъ завѣщалъ духовную часть совершенства своего искусства Вандейку, а матеріальную и грубую—Иордану. Иорданъ, можетъ быть, былъ бы великимъ живописцемъ, если бы не зналъ Рубенса; онъ началъ рабски подражать ему, перенялъ у него смѣлость и ловкость его кисти, не заботясь о самостоятельномъ, самобытномъ творчествѣ. Въ продолженіе семидесяти лѣтъ, въ которыя Иорданъ не оставлялъ палитры, онъ исписалъ холста въ нѣсколько сотъ разъ болѣе Рубенса, но изъ тысячи картинъ его, нѣтъ ни одной, которая была бы выше посредственности. Иорданъ можетъ служить разительнымъ доказательствомъ того, къ чему ведетъ злоупотребленіе подражательности, какъ бы оно ни было блестяще и плодотворно. Отсутствие всякой самобытности ставитъ его между толпою второстепенныхъ художниковъ.

Такой же ученикъ Рубенса, какъ и Иорданъ, Вандейкъ, умѣлъ избѣгнуть подобнаго недостатка. Человѣкъ, подрисовавшій въ знаменитой картинѣ *Снятіе съ креста*, шеку и подбородокъ Богоматери съ искусствомъ, обманувшимъ самаго Рубенса, могъ и желалъ быть болѣе, чѣмъ простымъ копистомъ. Превосходя гармонією и нѣжностію своего колорита Рубенса, Вандейкъ придавалъ фигурамъ своимъ то разумное достоинство и ту муже-

ственную прелесть, которая такъ идетъ къ лицамъ строгимъ и сосредоточеннымъ.

Вандейкъ можно почитать самымъ естественнымъ и замѣчательнымъ фламандскимъ живописцемъ. Онъ былъ бы послѣднимъ великимъ художникомъ, существовавшимъ во Фландріи, если бы не было Рембрандта.

Живописцы, которые послѣ Рубенса или во время этого великаго художника, начали подражать итальянцамъ, всѣ преимущественно стали воспроизводить картины флорентинскихъ живописцевъ. Живописцы предшествовавшаго періода, Отто Веніусъ и въ главѣ ихъ Гемскеркъ, изучали, напротивъ, произведенія римской школы въ самомъ цвѣтущемъ ея состояніи.

Гемскерка называютъ *Голландскимъ Рафаэлемъ*, а между тѣмъ всѣ его произведенія ничто иное, какъ грубая, часто уродливая копировка съ Микеля Анджело, котораго мастерскую онъ посѣщалъ. Живописцы XVII и конца XVI вѣка идутъ по тѣмъ же слѣдамъ. Бронзино и Вазари также имѣли своихъ копистовъ; художники стали подражать подражателямъ. Въ теченіе XVI вѣка смуты вполнину политическія, вполнину религіозныя, взволновали Голландію. За днями довольства и промышленности настали дни испытанія и борьбы, голландскія и фландрскія художества испытали вліяніе этихъ религіозныхъ и политическихъ возмущеній. Искусство живописи покинуло прежнюю сферу свою и перешло изъ храмовъ въ таверну и подъ домашнюю кровлю. Въ это-то время явился Рембрандтъ и однимъ разомъ возобновилъ Лейденскую школу и ея произведенія. Рембрандтъ былъ поэтъ, какъ и Рубенсъ, и въ своемъ родѣ такой же великій живописецъ и такой же знаменитый колористъ, какъ онъ. Оба они равно расточали въ своихъ созданіяхъ и красоты, и идеальность. Въ блестящихъ картинахъ антверпенскаго живописца, въ его аллегоріяхъ самыхъ смѣлыхъ и самыхъ сложныхъ, какъ и въ самыхъ строгихъ созданіяхъ голландскаго живописца, его *анатомическомъ урокъ* или его *ночнымъ обходъ* матеріальная часть болѣе выказывается, нидерландская натура преобладаетъ надъ идеею творчества, а между тѣмъ, оба они являются одинаковыми художниками — поэтами. Рубенсъ кажется похитилъ себѣ все до послѣдняго солнечнаго луча и неоставилъ на долю Рембрандта ничего кромѣ мрака, а между тѣмъ этотъ яркій лучъ, разливающийся въ картинахъ Рубенса, освѣщаетъ

часто самыя обыкновенныя простонародныя лица, между тѣмъ, какъ среди мрака картинъ Рембрандтовскихъ, сквозь его удивительную прозрачность мелькаютъ сцены неподражаемой точности и естественности. Рембрандтъ можетъ похвастаться однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и рассчитанныхъ живописцевъ; колоритъ картинъ его часто также поразителенъ, какъ колоритъ венецянскихъ художниковъ.

Рембрандтъ имѣлъ многочисленныхъ подражателей, которые всѣ почти не болѣе, какъ кописты. Мацера Рембрандта слишкомъ оригинальна и лична, чтобы ей можно было подражать, безъ погрѣшности. Фердинандъ Боль, его другъ и товарищъ, былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ его *симициковъ*, если можно такъ выразиться. Часто случалось, что портреты и изображенія внутренняго быта, сдѣланные Боломъ, принимали за произведения его учителя, Рембрандта; это уже не малое достоинство. Бартоломей Ванъ-деръ-Гелстъ, ученикъ въ одно время и Рубенса и Рембрандта, сохранилъ болѣе самобытности. Его огромная картина: *праздникъ офицеровъ подъ предсѣдательствомъ капитана Витта, въ память мира 1648 года*, помѣщенная въ народномъ Амстердамскомъ музеумѣ, напротивъ *Ночнаго обхода* Рембрандта, хотя и теряетъ немного отъ такого сосѣдства, но все-же останется одною изъ самыхъ замѣчательныхъ картинъ голландской живописи.

Если сравнить многочисленность живописныхъ произведеній настоящаго времени съ произведеніями, явившимися въ Ирландіи и Голландіи до начала XVIII вѣка и изчислить нынѣшнихъ художниковъ и число художниковъ тѣхъ временъ, малочисленность послѣднихъ показалась бы удивительною, если, не обратитъ вниманія на причины такого явленія; тѣмъ болѣе, что всѣ художники этой эпохи болѣе или менѣе незначительны.

Прежде, чѣмъ фламандскіе и голландскіе художники рѣшались творить, они обрекали себя долговременному, трудолюбивому изученію и ни одинъ изъ нихъ не покидалъ мастерской своего учителя, не выучась вполне своему ремеслу, то есть, не усвоивъ себѣ понятія о расположеніи свѣта и тѣней, о наложеніи колорита и прочихъ техническихъ приѣмахъ живописи, приѣмахъ, которые мы находимъ почти одними и тѣми же во всѣхъ хорошихъ и дурныхъ картинахъ нидерландскихъ художниковъ. Страсть и привязанность, которою были проникнуты

фламандскіе художники къ своему искусству, были вторымъ источникомъ ихъ превосходства. Они жили искусствомъ и для искусства, и если иногда измѣняли ему, то измѣняли только для харчевень и пивныхъ сходокъ, въ которыхъ часто учреждались у нихъ временныя мастерскія посреди бражныхъ кружокъ; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ искусство мало теряло отъ этой художественной разсѣянности. Но болѣе всего причина рѣдкаго совершенства фламандскихъ и голландскихъ художниковъ, замѣтная во многихъ старинныхъ картинахъ, происходила оттого, что каждый изъ нихъ ограничивался какимъ нибудь отдѣльнымъ кругомъ, изучалъ и обрабатывалъ отдѣльный предметъ и, не выходя изъ предназначенной черты, рисовалъ всю жизнь свою одно — или, какъ говорятъ нынче, былъ *специалистомъ*.

Начиная съ Андрияна Элзгеймера, одного изъ самыхъ знаменитыхъ живописцевъ, переносившихъ на полотно всю природу, какъ она есть, безъ всякой идеализаціи, до такъ называемыхъ фламандскихъ и голландскихъ мазилокъ, большая часть нидерландскихъ живописцевъ ограничивались изображеніемъ сценъ и дѣйствій почти всегда однообразныхъ и торжественныхъ. Броверъ, Креебеке, трое Теньеровъ Остады, Юаннъ Стеенъ и многіе другіе писали, наперерывъ одинъ передъ другимъ, происшествія въ кабакахъ, пивныхъ и прочія явленія, то смѣшныя, то трагическія, фламандской оргіи. Ихъ странно-разнообразныя вакханаліи наполняютъ всѣ картинныя галереи Европы. Тербургъ, Метзу, Юаннъ Ледюкъ, Николай Хоокъ, Міерисъ, Нетчеръ, Гонзалесъ Кокъ, Питеръ Гугъ, Юаннъ Верколи, двое фламандцевъ Ванло, однимъ словомъ, вся эта толпа, такъ называемыхъ свѣтскихъ и вѣяливыхъ живописцевъ, изображала одно и то же: свѣтскія бесѣды, въ которыхъ представлены прекрасныя женщины и мужчины, предлагающіе имъ свои услуги. За исключеніемъ нѣкоторыхъ картинъ, изображающихъ семейныя собранія и въ которыхъ присутствующія лица одѣты въ черное платье, всѣ другія фигуры всегда рисовались наряженными съ большою изысканностію; но что-то неловкое, неповоротливое въ пріемахъ и движеніяхъ нарисованныхъ фигуръ, несмотря на ихъ вельможную одежду, съ перваго же взгляда изобличало фламандскую природу всѣхъ этихъ щеголей и щеголихъ.

Йераръ Дау (Dow) разнообразіе прочихъ живописцевъ фла-

манских и этою особенностію какъ бы выдается изъ ихъ толпы; но между тѣмъ, его терпѣливое подражательное дарованіе не выходитъ изъ предѣловъ извѣстныхъ задачъ. Во всѣхъ его картинахъ преимущественно можно увидать изображеніе шарлатановъ, музыкантовъ, играющихъ на флейтѣ или рожкѣ, городскихъ сплетницъ и кумушекъ и внутреннія домашнія сцены, болѣе или менѣе сложныя, въ которыхъ истинно удивительная, терпѣливо шепетильная оконченность и отдѣлка самыхъ мелкихъ подробностей не изгоняетъ ни теплоты чувства, ни смѣлости кисти, ни благороднаго выраженія фисіономій, часто патетическихъ и возвышенныхъ до идеальнаго.

Годефруа Шалкенъ, лучший ученикъ Жерарда Дау, перестаетъ быть подражателемъ и слѣдуетъ методу своего учителя только въ распредѣленіи эффекта освѣщенія; его живописная дѣятельность ограничилась изображеніемъ предметовъ при ночномъ освѣщеніи лампъ и свѣчей подъ колпаками. Многіе фламандскіе живописцы также, какъ и Годефруа Шалкенъ, ограничились выборомъ подобныхъ же темъ и во все продолженіе своей жизни не выходили изъ тѣснаго круга, избраннаго ими для творчества. Какіе бы предметы не изображали фламандскіе художники, они оставались во все свое поприще неизмѣнными своему выбору. — Такъ, Камиль Троостъ (Troost) рисуетъ гаубтвахты и караульные дома, — Бракенбургъ вертепы воровъ, мошенниковъ и распутства, Филиппъ Роосъ (Roos) задніе дворы, Гондскотеръ пѣтушья бон. Отъ подражательнаго изображенія человѣческой природы, натуральная, живописная фландрская школа перешла къ изображенію низшей, окружающей ее животной природы. Позднѣе, когда искусство все болѣе и болѣе клонилось къ произведенію существенности и только въ вѣрномъ ея изображеніи полагало истинное достоинство, многіе фламандскіе живописцы съ рѣшительнымъ и огромнымъ дарованіемъ посвятили свое время на изображеніе такихъ предметовъ, которые во времена художниковъ идеалистовъ почитались за подробности, нестоющія вниманія. Голландскіе и фламандскіе художники начали рисовать мертвыхъ животныхъ, шелковыя ткани, серебряную и глиняную посуду и утварь, цвѣты, насѣкомыхъ, капли росы, мыльные пузыри и прочее, тому подобное.

Древность не сохранила до нашихъ временъ ни одной хоро-

шей картины, изображающей сельскіе виды, и въ многочисленныхъ произведеніяхъ этого рода, собранныхъ въ музеумъ Студи, очень легко можно замѣтить, что ни греческіе, ни римскіе художники не придавали этому роду живописи никакого значенія и смотрѣли на него, какъ на какое то второстепенное проявленіе творчества и дарованія. — Большая часть извѣстныхъ и дошедшихъ до насъ картинъ въ этомъ родѣ похожи на произведенія китайской живописи или на декорации кукольныхъ театровъ. Между тѣмъ, творцы этихъ картинъ обладали рѣдкою способностію исполненія, вѣрностію рисунка и глубокимъ чувствомъ живописнаго разнообразія мѣстности. Подтверженіемъ этого могутъ служить многіе ландшафты, находящіеся въ музеумъ Студи. Нехудожественность этого рода картинъ объясняется тою невыгодною точкою зрѣнія, съ которой смотрѣли на него писатели и остроумцы того времени. Витрувій приписываетъ этому роду живописи упадокъ искусства. Онъ упрекаетъ своихъ современниковъ въ страсти украшать стѣны своихъ жилищъ изображеніями, не говорящими ничего уму, какъ то: лѣсами, прудами, видами рѣкъ и озеръ, тогда какъ греческіе художники разрисовывали свои здания произведеніями, взятыми изъ исторіи и жизни боговъ и героев. Лукіанъ говоритъ съ насмѣшкою въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Не городовъ и не горъ ищу я на картинахъ, я желаю видѣть на нихъ людей; я хочу по ихъ положенію и по ихъ дѣйствіямъ отгадывать, что они думаютъ, что дѣлаютъ и говорятъ.» — Но нужно признаться, что если произведенія ландшафтной живописи, украшавшія стѣны дворцовъ итальянскихъ и греческихъ въ большихъ городахъ были похожи на картины, отрытыя въ Геркуланѣ и Помпѣѣ, этихъ маленькихъ, второстепенныхъ городахъ, подобное предубѣжденіе противъ ландшафтной живописи можетъ быть основательнымъ.

Въ рукописной живописи и рисункахъ, наполняющихъ манускрипты, ландшафтъ былъ только побочнымъ прибавленіемъ къ рисунку; но между тѣмъ очень вѣроятно, что Ванъ-Эйкы заимствовали ландшафтную живопись для фона своихъ картинъ изъ рукописей, чтобы замѣнить изображеніемъ горъ, долинъ и лѣсовъ золотое поле, покрывающее пустое пространство Византійскихъ произведеній и картинъ Кельнской школы. Ландшафты Ванъ-Эйковъ не носятъ на себѣ печати отдѣлки, они исполнены

грубо; они обыкновенно представляют укреплённый городъ, построенный на скаль и глядящійся въ широкую рѣку, змѣящуюся по зеленѣющимъ полямъ; въ этомъ тотчасъ можно отгадать вѣрный снимокъ съ береговъ Рейна. Линейная перспектива въ этихъ ландшафтахъ вѣрна и точна, но воздушная рѣдко соблюдена какъ должно; отдаленный планъ отдѣланъ въ нихъ съ тою же оконченностію, какъ и первый, и такъ же тщательно выработанъ, какъ будто художникъ смотрѣлъ на изображаемую имъ даль въ зрительную трубу. Между тѣмъ всѣ эти виды Ванъ-Эйковскихъ картинъ носятъ на себѣ какой-то поэтической отпечатокъ.

Кто первый изъ фламандскихъ или голландскихъ художниковъ началъ рисовать ландшафтъ, собственно какъ ландшафтъ, включая въ изображеніе мѣстности человѣческія фигуры, какъ украшеніе придаточное? Историки нидерландской живописи не согласны между собою при рѣшеніи этого вопроса. Впрочемъ, почти достовѣрно можно сказать, что во времена Ванъ-Эйковъ, одинъ Гарлемскій живописецъ, по имени Албертъ Ванъ Уватеръ, котораго Іоаннъ Ванъ-Эйкъ, безъ сомнѣнія, посвятилъ въ тайну масляной живописи, нарисовалъ, для алтаря главной Гарлемской церкви, картину, представляющую мѣстность и на первомъ планѣ которой, для ея оживленія, изображена толпа богомольцевъ. Патенъеръ, на котораго Михельсъ указываетъ какъ на перваго ландшафтнаго живописца, собственно говоря, является на сцену ландшафтной живописи вѣкомъ позднѣе Алберта Ванъ Уватера, между 1520 и 1540 годами, а уже въ 1511 году Жіоржіенъ рисовалъ свои превосходные ландшафты, далеко превосходящіе своимъ артистическимъ достоинствомъ произведенія фламандскаго художника, котораго замѣчательныя картины сохранились для потомства въ галлерей Лувра. Извѣстно только то, что начиная съ Іоахима Патенъера и Генриха де-Бле, прозваннаго *мастеромъ совы* (Maitre a la Houpe), потому что на всѣхъ его картинахъ непременно находится изображеніе этой птицы, называемой простонародно *houpe*, ландшафтные живописцы удивительно размножились въ Голландіи и Намурской области. — Необычайныя явленія въ атмосферѣ, грозы и бури, наводненія, видоизмѣненія горъ, фізіономія деревъ и ихъ разнообразныя, характерическія формы, хижина, скрывающаяся подъ ихъ трепещущими листьями или согрѣтая лучами солнца, уютная кровля, поросшая мхомъ и

изощренная и густыми вѣтвями жимолости, сдѣлались съ тѣхъ поръ предметами спеціальнаго изученія художниковъ. Первые ландшафтные живописцы изображали природу съ рабскою точностію. Нѣкоторые изъ нихъ достигли до примѣрнаго сходства съ существенностію, но за то пожертвовали ей поэтическимъ оттѣнкомъ и художественностію своихъ произведеній. Картины Патеньера и Генриха де-Бле не выказываютъ еще совершенной полноты и оконченности въ этомъ родѣ живописи; на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на примѣры для подраженія, но какъ на людей, проложившихъ первую тропу, по которой, съ отважною рѣшительностію, пустилась большая часть ландшафтныхъ великихъ художниковъ, фламандскихъ и голландскихъ. Гюйсманъ (Huysmans) Эвердингенъ (Everdingen) Пинакеръ (Pynacker) Гюйкъ (Cuyc) Остады, Берггемы, Декеры, Карели, Дюжорданы и Винанты (Wynants) Поль Поттеры, Рюндаалъ и Гоббельсы шли впереди всѣхъ на первомъ планѣ.

Когда Людовикъ XIV, которому поднесли картину одного изъ малоизвѣстныхъ голландскихъ живописцевъ, выразился съ горделивымъ презрѣніемъ, въ которомъ проскользало немного чувства зависти и злопамятства: «Уберите съ глазъ моихъ этихъ уродцевъ!»—онъ высказалъ, хотя строгое, но вѣрное критическое мнѣніе о престолярномъ направленіи фламандскаго искусства живописи. Народъ, состоящій изъ мѣщанъ и обогатившихся купцовъ, могъ находить прелесть въ этомъ точномъ изображеніи природы грубой и тривіальной, но эта природа непременно должна была произвести непріятное впечатлѣніе на вкусъ образованный и утонченный. Послѣ Людовика французская школа отвергла несправедливое предубѣжденіе, которымъ ее основатели заклемили произведенія фламандскихъ художниковъ. Лебрень и его послѣдователи, которыхъ изысканность часто слишкомъ преувеличена, согласовались съ роскошью и изяществомъ Версаля, въ свою очередь были гонимы отъ цѣновщиковъ искусства, хотя и не такъ высоко поставленныхъ на ступени общества, но между тѣмъ не мѣняе высокомѣрныхъ и также исключительныхъ, какъ и вѣнчаннй зопль фламандскихъ художествъ. Народная толпа, господствующая какъ на площадяхъ, такъ и въ сферѣ искусствъ, плѣнилась произведеніями этихъ изображателей природы и домашняго быта и начала искать въ нихъ идеи для собственныхъ своихъ картинъ, если неподра-

жая рабски, то, по крайпей-мѣрѣ, принимая произведенія фламандскихъ художниковъ за данныя. Броверъ, Адриянъ Ванъ Остадъ и Давидъ Тенберъ нашли себѣ нѣкоторыхъ подражателей во Франціи, а Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ, Рембрандтъ, Рюнсдаль и Гоббелса возбудили общее сочувствіе и примирили мнѣнія самыя противоположныя.

Трудно опредѣлить обоюдное вліяніе, которые имѣли одна на другую, школы живописи французская и голландско-фламандская. Это вліяніе обозначилось въ началѣ XVI вѣка. Франсуа Клуэ, прозванный Жанетомъ, придворный живописецъ династіи Валуа, не усвоивъ себѣ совершенно манеры и рода живописи Ванъ-Эйковъ, въ своихъ картинахъ сдѣлался довольно близкимъ ихъ подражателемъ. Менѣе разнообразный и находчивый, чѣмъ брюгенскіе художники, но какъ они вѣрный природѣ, онъ умѣлъ сохранить въ произведеніяхъ своихъ тотъ отпечатокъ достоинства и поэтическаго творчества, которое имъ чуждо. Между тѣмъ, если вѣрить Михельсу, фигуры Жанетовскихъ картинъ также скульптурны, также натянуты и неподвижны, какъ герои подмостковъ французскаго театра; смотря на нихъ, въ воображеніи рисуются Нюрнбергскія игрушки, — маленькіе человѣчки, лишенные всякой возможности тѣлодвиженія.» Трудно быть болѣе несправедливымъ къ Жанету. Во всѣхъ его картинахъ, на всѣхъ фигурахъ лежитъ печать достоинства и величія, которыхъ незамѣтно у другихъ послѣдователей, брюгенскихъ живописцевъ. Но это мнѣніе Михельса, высказанное имъ въ его *Histoire de la peinture flamande et hollandaise* не удивительно; онъ часто противорѣчитъ себѣ въ своихъ художественныхъ убѣжденіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи фламандской и голландской живописи онъ высказываетъ сожалѣніе, что Францискъ I, къ которому дошла молва о славѣ Михеля Кокси, не поручилъ этому живописцу расписать своего дворца въ Фонтенебло, вмѣсто того, чтобы назначить на это Приматиса «этого жалкаго пачкуна, управлявшаго тогда судьбою французской живописи» говорить онъ. Но Приматисъ, о которомъ съ такимъ пренебреженіемъ отзывается Михельсъ и которому онъ не отказываетъ только въ нѣкоторомъ дарованіи, какъ декоратору, по мнѣнію многихъ знатоковъ, гораздо выше фламандскихъ художниковъ, внесшихъ въ свою родину методу итальян-

скихъ школъ. Правда, что Бернардь Ванъ-Орлей, Михель Кокси и Иоаннь Мабузе посѣщали мастерскую Рафаэля; но, изучая его произведенія, они вынесли съ собою въ Голландію только значеніе наружное, они не проникнулись духовными началами, руководившими кистью этого великаго итальянскаго художника. Напротивъ, Приматись, также, какъ и они, ученикъ Рафаэля, другъ Юлія Романо и притомъ самъ итальянецъ, сохранилъ, въ самыхъ недостаткахъ своихъ что-то истинно художественное и нѣжное, какой-то отбѣнокъ роскошной кисти, которымъ онъ обязанъ, какъ національному художественному гению, такъ и первому направленію, данному его дарованію.

Въ началѣ XVII вѣка, когда дарованіе Рубенса было въ полномъ развитіи и имя его разошлось по всей Европѣ, королева Марія Медичи, принесла въ жертву свои предразсудки, какъ итальянка, избрала его для украшенія живописью знаменитой Люксамбургской галлерей. Менѣе, чѣмъ въ два года, Рубенсъ окончилъ эту работу, для которой другому человѣку недостаточно было-бы цѣлой жизни; его огромныя и роскошныя творенія поразили и изумили французскихъ художниковъ; блескъ его колорита ослѣпилъ ихъ взоры; но натурализмъ, преобладавшій въ его картинахъ и высказывавшійся въ самыхъ изысканныхъ его аллегоріяхъ тривіальностію рисунка и тяжелою формою, отнял у произведеній его половину ихъ обаятельнаго очарованія и поселилъ недовѣріе къ его таланту между художниками, чисто французскими или чисто итальянскими.

Одинъ только человѣкъ, Симонъ Вуэ, не выказалъ равнодушія къ произведеніямъ фламандскаго гения, который въ глазахъ его былъ ничто иное, какъ созданіе итальянскихъ школъ. Симонъ Вуэ обладалъ болѣе смѣлостію и находчивостію, чѣмъ дарованіемъ. Во время пребыванія своего въ Италіи, онъ умѣлъ усвоить себѣ постепенно манеру всѣхъ тогда извѣстныхъ живописцевъ: силу и мрачность Караваджіо, яркость Гвидо, блескъ и легкость Павла Веронеза. Изъ всѣхъ этихъ методовъ живописи Симонъ Вуэ, наконецъ, составилъ себѣ собственный свой стиль, который въ наше время называется *электрическимъ*.

Симонъ Вуэ не преминулъ усвоить себѣ и нѣкоторыя художественныя особенности Рубенса. Онъ заимствовалъ отъ него то, что болѣе всего отличало и его дарованіе, и его фламандскую

трудолюбивую природу, то есть, непринужденность и свободу исполнения, роскошныя до разнообразія аксессуары и нѣкоторые переливы свѣто-тѣней, неизвѣстные итальянскимъ живописцамъ. Въ этомъ-то родѣ, Симонъ Вуэ, назначенный королевскимъ живописцемъ, семь лѣтъ спустя послѣ пребыванія Рубенса въ Парижѣ, исполнилъ многочисленныя работы, порученныя ему королемъ. Родъ и приемы Рубенсовой кисти еще болѣе и полнѣе обозначаются въ произведеніяхъ Лебрена, замѣтившаго Симона Вуэ. Сквозь искусственное величіе, сквозь академическую изысканность его картинъ просвѣчиваетъ видимое вліяніе Рубенса; тотчасъ можно замѣтить, что первый живописецъ великаго короля Франціи, создавая свои огромныя декораціи и рисунки баталій Александра, часто припоминалъ живопись и картины галлерей Медичей. Жувене, осмѣлившійся повторить послѣ Рубенса *Силіе съ Креста* и удачно оправдавшій свою смѣлость, Ларгильеръ и Риго, также не забывали вліянія Рубенса; но ни одинъ изъ этихъ художниковъ достойно не приблизился въ картинахъ своихъ къ произведеніямъ антверпенскаго живописца. Филиппъ Шампанскій, Евстафій Лесюеръ и Николай Пуссенъ одни избѣгли этого фламандскаго вліянія, также точно, какъ не поддались безвкусуному направленію за-альпійской живописи. Они остались вѣрными итальянскому очищенному стилю, соединявшему въ себѣ, вмѣстѣ съ изученіемъ природы, строгое изученіе древности.

Въ XVIII вѣкѣ, фламандское и голландское направленіе рѣзче обозначилось во французской живописи, хотя подражаніе и не высказывалось слишкомъ открыто и явно. Живописцы, подобные Ванло, Франгонару, Буше, унизившіе искусство живописи безвкусіемъ изысканности и низведшіе историческую живопись до лѣстницъ и будуаровъ, нашли выгоднѣйшимъ и легчайшимъ для себя подражать этимъ школамъ, чѣмъ самимъ изучать и воспроизводить ихъ окружающую, отечественную природу. Какъ Риго и Ларгильеръ, они много заимствовали отъ Рубенса, но ихъ колоритъ, часто увлекательный, ничто иное, какъ блѣдный отблескъ того луча, который, рождаясь на палитрѣ великаго голландскаго художника, игралъ потомъ и разливался на полотнѣ въ его творческихъ произведеніяхъ.

У ландшафтныхъ живописцевъ Франціи подражаніе голландской и фламандской школъ не такъ замѣтно; въ картинахъ ихъ

болѣ произвола и прихоти фантазій, чѣмъ подражательности природѣ и существенности. Они заимствовали отъ голландскихъ и фламандскихъ художниковъ только сочетаніе эффекта съ точностію и причудливость ихъ красокъ. Таковы: Ватто, набрасывающій на ландшафтахъ своихъ человѣческія фигуры, начертанныя съ легкостью и смѣлостію Теньера, обладающій колоритомъ сильнымъ и яркимъ, какимъ отличаются Нетчеръ и Тербургъ. Ватто можетъ смѣло стать съ своими картинами на ряду съ знаменитыми и глубокими начертателями природы и мѣстности, именно съ Брейгелемъ и самимъ Рубенсомъ; картины Ватто часто смѣшивались съ произведениями Рубенса. Не менѣе Ватто замѣчательнъ Шарденъ, изображавшій мертвую природу съ такою же точностію и даже большею полнотою, какъ и Везицниксъ; его картины, представляющія внутренней, домашній бытъ и сцены въ немъ происходящія, напоминаютъ картины Нетчера и Николая Гоока (Hoock).—Наименовавъ Ватто и Шардена, нельзя не упомянуть и о Грезѣ (Greuze), этомъ Ванъ-Дейкѣ гризетокъ своего времени, этомъ патетическомъ роскошно-небрежномъ Міерисѣ Франціи, а равно и о Юсифѣ Вернетѣ, который въ своихъ ландшафтахъ соединяетъ кисть Бергема съ кистью Клавдія Лорена, и который придаетъ своимъ морскимъ видамъ движеніе и силу, равную произведеніямъ Парселлиса и Баккюзена (Backhuysen) и глубокомысленность содержанія Гюппа (Cuyp) и Ванъ-денъ-Фелде; всѣ эти художники, всѣ эти живописцы съ такими разнообразными, замѣчательными дарованіями, подражали фламандцамъ и отъ нихъ почерпали и свой родъ отдѣлки, и свое вдохновеніе.

Со времени переворота, произведеннаго въ живописи Менсомъ въ Германіи и перенесеннаго во Францію Виеномъ и Давидомъ, со времени возстанія ихъ противъ живописцевъ XVIII вѣка, которые такъ странно употребляли во зло въ своихъ произведеніяхъ смѣшеніе итальянскаго стила съ наложеніемъ свѣта и тѣни и колоритомъ фламандскихъ школъ, французскіе художники единодушно свергли съ себя всякое чуждое вліяніе, перенесенное къ нимъ изъ за-рейнскихъ странъ. Подражанія древности, изучаемое съ той стороны, которая проявляетъ въ себѣ болѣе величія и которой часто жертвовали граціею и натурою, преобладаетъ во всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ этого періода. — О фламандскихъ и голландскихъ школахъ

не было и помпу; какъ художники Людовика XIV, художники и академики періода Республики и Имперіи торжественно отринули достоинство *производителей уродцевъ*. Хвалить нидерландскую живопись почиталось хулою, подражать ей — преступленіемъ противъ искусства и вкуса. По составу цвѣтовъ и колориту большихъ художественныхъ произведеній этой эпохи можно замѣтить презрѣніе, которое оказывали художники нидерландскимъ школамъ. Но это пренебреженіе было слишкомъ несправедливо и несогласно съ французскимъ характеромъ, измѣнчивымъ и непостояннымъ, чтобы продолжаться слишкомъ долго. Во времена Давида, школа его точно сдѣлалась господствующею во всей континентальной Европѣ, но по смерти его, послѣдователи его раздѣлились на партіи. Двадцать школъ и двадцать способовъ живописи замѣнили академическое единство, созданное Давидомъ. Большая часть основателей новыхъ школъ начали избирать себѣ, между вновь прославленными фламандцами, образцы для подражанія и усвоивали себѣ тотъ особый родъ живописи и ея направленіе, которые болѣе согласовались съ ихъ дарованіемъ и наклонностями. — Такъ Жерико (Gericauld) и Делакруа избрали себѣ примѣромъ и моделью Рубенса; Поль Деларошъ — Ванъ-Эйка и даже Жерарда Дау (Dow) Шефферъ — Рембрандта, Гораций Верне и его школа — Фанъ-дерь-Мелена и Гюнна (Guyn) Гюдень Фанъ-дерь-Фелде, Гнне (Gnignet) Фанъ-Дейка, а большая часть ландшафтныхъ живописцевъ Рюндаля, Гоббелсу, Гусмана, Декбера и Винанта. Но эти отношенія французскихъ школъ къ началамъ и основнымъ правиламъ фламандскихъ школъ не были такъ непосредственны и прямы, чтобы уничтожить всякую оригинальность и творчество французской кисти; между тѣмъ влияніе фламандскихъ художниковъ на произведенія французской живописи не менѣе очевидно; оно проскальзаетъ въ расположеніи плановъ и различныхъ видоизмѣненіяхъ, которые получили всѣ позднѣйшія картины тѣхъ французскихъ живописцевъ, о которыхъ мы говорили выше.

Такія-же отношенія, хотя въ различныхъ степеняхъ, существуютъ между фламандскими и французскими художниками въ живописи портретной и исторической; въ этомъ случаѣ подражаніе явно и сильно высказывается, французскіе художники не только начали изучать простой, матеріальный

способъ исполненія, но начали воспроизводить и даже подражать, и выраженію физиономій, и подробностямъ одеждъ, и положенію и обстановкѣ фигуръ. На поприщѣ живописнаго искусства Франціи явились свои Метзу, свои Тербурги, Жерарды Дау, Остады и даже Юанны Стуны (Stun). Рокланъ идетъ попеременно по слѣдамъ то Міериса, то Алберта Гюипа (Суур) то Ванъ-Дейка, то Рембрандта; Деканъ въ своемъ *Сраженіи Кимровъ съ Гевтонами*, напоминаетъ изображеніе воинскихъ схватокъ Алдторфера; Мессонье выказываетъ выразительность и тонкость кисти Жерарда Дау и вѣрное подражаніе природѣ Нетчера. Всѣ эти живописцы подражали фламандскихъ художникамъ, изучали ихъ, но изучая, болѣе всѣхъ другихъ умѣли, между тѣмъ, сохранить и собственную свою мысль, и силу, и самобытность.

По странному противорѣчію, въ то время, какъ французскіе школы живописи, покинувъ академическія преданія и ученія, подчинились именно фламандской живописи и разточали на картинахъ своихъ ея колоритъ, набрасывали ея тѣни, свѣтъ и отраженія ломанныхъ и прямыхъ лучей, современные фламандскіе школы начали подражать приемамъ и манерѣ французскихъ художниковъ, внесемымъ въ Бельгію самимъ Давидомъ; съ увеличительнымъ стекломъ въ рукѣ, фламандцы и голландцы непрерывно начали копировать съ картинъ древнихъ французскихъ живописцевъ. Поборники французской школы покинули мастерскія Пеллика, Навеза и Одервера, этихъ ревностныхъ представителей метода Давида; стали подражать Горацию Верне, Деларошу, Евгенію Делакруа и Шефферу. Но фламандскіе живописцы нынѣшняго времени, собственно говоря, болѣе копируютъ, тѣмъ подражаютъ своимъ предшественникамъ XVI и XVII вѣковъ. Болѣе всего придерживаются французской школѣ живописцы историческіе; въ числѣ ихъ можно указать на Ваппера, Декейзера и Галле. Вапперъ изображалъ явленія Бельгійской революціи 1830 года. Огромная картина его, представляющая толпы народа на Брюссельской площади, ничѣмъ не отличается отъ французскихъ картинъ той же эпохи, и носитъ одинъ и тотъ же, какъ будто оффиціальныи, отпечатокъ. Его картины, изображающія: *прощаніе Карла I-го съ дѣтьми*, его *Анна Болейнь*, его *Карлъ IX, представленный въ то мгново-*
не, какъ онъ только пересталъ стрѣлять по толпѣ въ Вароо-

ломеевскую ночь, его Лудовикъ XI, любующійся на пляску молодыхъ дѣвушекъ съ терасы своего замка Плесси-ле-Туръ, суть живыя, но слабыя подражанія картинамъ и манерѣ Делароша.

Декейзеръ, уроженецъ окрестной Антверпенской деревни, пастухъ, какъ Жюtto, дебютировалъ въ Антверпенѣ на выставкѣ 1834 года, будучи двадцати одного года, огромною картиною въ тридцать футовъ, изображающую духовное собраніе. Онъ подавалъ большія надежды. Съ тѣхъ поръ Декейзеръ окончилъ и произвелъ множество другихъ картинъ во всѣхъ родахъ. Его *День надгѣтія шпоръ* можетъ похвастаться лучшимъ его живописнымъ произведеніемъ. Нѣкоторыя изъ частей этой картины такъ хороши, что отъ нихъ не отказался бы самъ Горациій Верне и съ гордостію поставилъ бы подъ ними свое прославленное имя. Такова, на примѣръ, та группа, въ которой представленъ графъ д'Артуа, опрокинутый однимъ изъ послушниковъ Тердетскаго аббатства и убиваемый окончательно брюгекимъ мясникомъ. Не совсѣмъ таковъ онъ въ религіозныхъ картинахъ; не смотря на ихъ обстановку, на легкость исполненія, онъ часто бываютъ лишены религіознаго чувства. Колоритъ его блестящъ и сквозистъ, но слишкомъ изнеженъ отраженіями и бликами.

Галле со славою выступилъ на многихъ Луврскихъ художественныхъ выставкахъ; этотъ художникъ легокъ, смѣлъ и обдуманъ и напоминаетъ Ванъ-деръ-Мёлена съ прибавленіемъ къ его методу методы современныхъ французскихъ колористовъ. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ фламандскихъ художниковъ настоящаго времени, и подававшимъ самыя утѣшительныя надежды. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ эти надежды не исполнились даже въ половину.

Живописцы спеціальные и ландшафтныя остались почти все върными чисто фламандскимъ привычкамъ и ученію старинныхъ школъ нидерландской живописи. Большая часть изъ нихъ люди съ дарованіемъ, но ни одинъ рѣзко не отдѣляется отъ толпы особенною геніальностію. Таковъ Фербёкковенъ (Verboeckoven) продолжающій Павла Поттера, примѣшивая къ его методу манеру Омменганка; таковъ Кекекъ (Koekeek) наследовавшій искусство Фанъ-деръ-Гейдена, его зрительное стекло, въ которое онъ разматривалъ все имъ изображаемое, но не сохранившій ни върности взгляда на предметы, ни прочности и полноты тоновъ и полутоновъ, которые такъ отли-

чають произведенія Фавъ-деръ-Гейдена. Каждая былинка, каждая травка, каждый цвѣтокъ, самамалѣйшая неровность древесной коры, сучьевъ и корней, окончены, вырисованы и изображены такъ у Кекека, что могутъ привести въ заблужденіе, могутъ быть приняты за живыя, дышащія растительною жизнію, если ихъ разсматривать каждое порознь; но въ цѣломъ весь этотъ избытокъ искусства высокой подражательности природѣ теряетъ свою силу и представляетъ какую-то неприятную пестроту; кажется, Кекекъ, къ несчастію, не обладаетъ искусствомъ подчинять частностей гармоніи цѣлаго, этимъ творческимъ даромъ, которымъ отличаются, въ высшей степени, произведенія Фавъ деръ-Гейдена и Винанта.

Живописцы Бриасъ и Фавъ-Шендель изъ Роттердама подражаютъ, одинъ Жерарду Дау, другой Шалкену, но подражаютъ такъ, что только выказываютъ одни недостатки, преувеличивая манеру ихъ своими дополненіями. Эти художники срисовываютъ изображаемые ими предметы, какъ будто сквозь микроскопъ, не заботясь, какъ и Кекекъ, ни о чемъ болѣе, какъ о соблюденіи точности частностей, безъ всякаго старанія придать своимъ картинамъ гармонію въ цѣломъ. Но это еще не все. Точно также, какъ старинные фламандскіе живописцы пристращались, во все продолженіе своего художественнаго поприща, къ изображенію какихъ нибудь однихъ и тѣхъ же предметовъ, однихъ и тѣхъ же сценъ и эффектовъ, многіе нынѣшніе фламандскіе художники, какъ будто согласилсь между собою не только воспроизводить одно и то же, но и подражать лишь живописцамъ добраго, стараго времени; каждый изъ нихъ остается вѣрнымъ избранному имъ предмету съ невыразимымъ постоянствомъ.

Такъ Донни изъ Брюгена перерисовываетъ постоянно лунныя сіянія Фавъ-деръ-Неера; Шотель,—морскіе виды Баккюйзена; Шельфутъ — морскіе виды Фавъ-деръ-Фельде; Фермуръ изъ Амстердама подчуетъ публику новыми произведеніями Вувермана, Дикманъ копіями Метзу; Маду копіями Теньера; Лейсъ Юанна Стена (Steen); Фавъ Дель (Van Dael) Венникса и Фавъ Гизума (Huysum). Множество другихъ рѣшаются изображать и повторять картины не только первостепенныхъ, но даже

второстепенныхъ, незначительныхъ художниковъ прошлыхъ вѣковъ. Не трудно постичь, сколько такая система живописи заключаетъ въ себѣ безотраднaго, унижительнаго для искусства и для надеждъ къ цвѣтущему его состоянію въ будущемъ. Живописцы являются не творцами, а жалкими, работѣльными переписчиками, и превращаютъ искусство въ грубое ремесло, потому что безъ вдохновенія, безъ самобытности и оригинальности не можетъ существовать искусство; о немъ даже нельзя составить себѣ приблизительнаго понятія, какъ нельзя составить приблизительнаго понятія о челоуѣкѣ, отдѣливъ отъ него способность мышленія, вымысла и дара слова.

Трудно объяснить, почему до сихъ поръ такая плодovitая школа живописи, какова голландская и фламандская, произведшая столько разнообразныхъ и даровитыхъ художниковъ, осталась безъ историка. Отечественные нидерландскіе писатели, каковы: Карель ванъ-Мандеръ, Арнольдъ Губракель, Лука Гееръ, Заандрертъ и другіе, описывали только какую нибудь отдѣльную эпоху, передавали свѣденіе о какой нибудь отдѣльной отрасли искусства, не заботясь прослѣдить развитіе живописи въ Голландіи и Фландріи съ самаго его начала до нашихъ временъ. Деканъ, писавшій о голландской и фламандской живописи, болѣе біографъ, чѣмъ историкъ. Наконецъ Гото, въ Берлинѣ, Шнаасъ, Фіорилло Ваагенъ и г-жа Іоанна Шопенгауеръ, писатели, излагавшіе тотъ же предметъ позднѣе Декана, хотя и отличаются новымъ, болѣе обширнымъ взглядомъ, но все таки не болѣе, какъ біографы. Двое французскихъ писателей, Гуссе и Михельсъ, недавно предприняли трудъ представить свѣту эту недостававшую Голландіи исторію ея искусствъ; Гуссе уже окончилъ свое сочиненіе, Михельсъ издалъ только еще первую часть и дошелъ до рожденія Рубенса.

Натура, истина! Вотъ два слова, которые ярко и рѣзко опредѣляютъ значеніе фламандскихъ и голландскихъ школъ, и характеризуютъ родъ и степень достоинства и способностей большей части художниковъ, прославившихся своими произведеніями. Эти два слова: натура и истина, объясняютъ вполне, почему, нидерландскія школы, получившія позднѣйшее развитіе, чѣмъ школы итальянскія, могли быть

оригинальны и не подчиняться вліянію итальянскихъ началъ. Нидерландскіе живописцы, безъ сомнѣнія, какъ видно изъ многихъ ихъ картинъ, употребляли во зло подражаніе природы и воспроизведеніе истины и дѣйствительности, но если принять въ соображеніе то участіе и то предпочтеніе, которое съ давнихъ временъ, постоянно оказывалось всѣми народами къ произведеніемъ ихъ кисти, участіе и предпочтеніе, которое освящено давностію и которое вмѣсто того, чтобы ослабить съ постепеннымъ усовершенствованіемъ искусствъ, кажется растетъ и увеличивается со дня на день, нельзя не усмотрѣть, что самое это злоупотребленіе и превеличеніе природы, истины и дѣйствительности, во всѣмъ вѣроятіямъ, имѣетъ въ себѣ какую нибудь особенную, непонятную прелесть. — До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать жизнь и природа, какъ **онѣ** естъ, до тѣхъ поръ, пока кровли будутъ покрывать семейныя очаги, пока добродушіе, патріархальные порювы и народныя обычаи будутъ жить между людьми, участь голландской и фламандской живописи обезпечена; произведенія ея художниковъ всегда найдутъ сочувствіе и подражателей, потому что истина и природа не могутъ измѣняться, какъ вкусъ, какъ потребности и прихоти моды.

Въ то время, когда искусство живописи достигло высшей степени совершенства, оно подверглось новому упадку. Это произошло оттого, что живописцы перестали интересоваться истиною и природою, а начали подражать другъ другу. Они начали копировать другъ друга, и такъ появилось много картинъ, которые не отличались ни оригинальностью, ни силой. Живописцы начали искать славы и богатства, а не истины. Они начали рисовать картины, которые не имели никакой связи съ природою. Они начали рисовать картины, которые не имели никакой связи съ истинною жизнью. Они начали рисовать картины, которые не имели никакой связи съ истинною природою. Они начали рисовать картины, которые не имели никакой связи съ истинною жизнью. Они начали рисовать картины, которые не имели никакой связи съ истинною природою.

Въ то время, когда искусство живописи достигло высшей степени совершенства, оно подверглось новому упадку. Это произошло оттого, что живописцы перестали интересоваться истиною и природою, а начали подражать другъ другу. Они начали копировать другъ друга, и такъ появилось много картинъ, которые не отличались ни оригинальностью, ни силой. Живописцы начали искать славы и богатства, а не истины. Они начали рисовать картины, которые не имели никакой связи съ природою. Они начали рисовать картины, которые не имели никакой связи съ истинною жизнью. Они начали рисовать картины, которые не имели никакой связи съ истинною природою.

ВОСПОМИНАНІЯ АКТРИСЫ

ЛУИЗЫ ФЮШ.

В В Е Д Е Н І Е.

Не записки намърена я представить читателямъ, а только воспоминанія, записанныя въ разные времена, подъ вліяніемъ минуты, въ такихъ лѣтахъ, когда событія должны были неизгладимыми зернами запечатлѣваться въ моемъ умѣ; предметомъ этихъ воспоминаній будутъ искусства и литература моего времени, знаменитыя имена, великія событія; они принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ эпохамъ.

Время, о которомъ я говорю, уже далеко. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я начала обращать вниманіе на происходившее вокругъ меня, я привыкла, въ случаяхъ, выходившихъ изъ вседневнаго круга жизни, записывать въ дневникъ то, что наиболее поражало меня; этому обычаю слѣдовала я всегда въ своихъ путешествіяхъ, на чужбинѣ, въ особенности въ Россіи, гдѣ я писала при свѣтѣ Московскаго пожара, незная даже, дойдутъ ли мои замѣтки до моихъ родныхъ. Приятно перечитывать впоследствии то, что могло ускользнуть изъ нашей памяти; перечитывая свои замѣтки, мы почти всегда смотримъ на вещи совсѣмъ не такъ, какъ смотрѣли на нихъ, когда писали. Лѣта, перемежна обстоятельство даютъ совершенно новый цвѣтъ

(*) Знаменитый артистки, бывшей въ Москвѣ во время 1812 года; участвовавшей въ труппѣ Наполеона, и совершившей ретирату вмѣстѣ съ великой арміей, описанную редакторомъ. *Пантеона* въ N 5 — 1840 года, въ статьѣ «*Придворный театр Императора Наполеона, въ Москвѣ, въ 1812 году.*»

тому, что воображеніе представляло намъ сначала въ слишкомъ яркихъ или слишкомъ мрачныхъ краскахъ.

Такъ при чтеніи *Истории Революціи* Тьера ожили въ моей памяти 1791, 92, 93, 94 годы, и я вспомнила бездну анекдотцевъ, по большей части неизвѣстныхъ историкамъ, которые о нихъ и не заботятся. Эта книга переносила меня въ минувшіе годы моей юности, представляя моему воображенію рядъ живыхъ картинъ, живые образы людей, которыхъ я никогда знавала, которыхъ оплакивала, которые наводили на меня страхъ и ужасъ. По мѣрѣ чтенія, къ каждому новому имени присоединяла я событіе, которое извлекала изъ своего дневника. Все, что относится къ тому времени, заслуживаетъ вниманія и памяти, ибо самое маловажное обстоятельство было тогда событіемъ, и все эти мелочи составляютъ хронику нашего вѣка.

Лучшіе годы моей жизни прошли среди бурь революціи. Какъ женщина, я никогда не проповѣдовала своего образа мыслей; но всегда стояла за угнетенныхъ, и часто подвергалась опасности, помогая имъ. Съ раннихъ поръ имѣла я наблюдательный умъ; моя молодость, врожденная веселость характера представляли мнѣ всегда комическую сторону вещей. Я равно смѣялась крайностямъ роялистовъ и республиканцевъ, корчившихъ изъ себя спартанъ и римлянъ. Надо признаться, что положеніе мое было для того чрезвычайно удобно, между отцомъ и мужемъ. Тотъ, кто сказалъ, будто женщины всегда принимаютъ образъ мыслей людей, которыхъ онъ любитъ, очень ошибался. Я не раздвѣляла мнѣнія ни того, ни другаго. Жизнь обоихъ была на волоскѣ; оба шли, сломя голову, къ гибели противоположными путями, которые непременно свели бы ихъ на эшафотъ, безъ событія 9-го термидора.

Я желаю убѣдить тѣхъ, которые будутъ читать мои воспоминанія, что все эти обстоятельства не имѣютъ никакого вліянія на собственный мой образъ мыслей. Мои связи позволяли мнѣ видѣть графа Тилли, Казалеса, Марию Жозефа Шенъе, Ривароля, Фабра д'Эглантина, жирондистовъ и роялистовъ.

Многіе говорили мнѣ впоследствии: «Мужъ вашъ былъ республиканецъ, а вы принимали роялистовъ; вашъ отецъ былъ роялистъ, а вы были въ дружбѣ съ республиканцами! Почему это?» Потому, что я, какъ женщина, держась обычаевъ своихъ родныхъ, любила бесѣду людей съ умомъ и съ дарованіемъ, за кого бы они ни стояли, имѣла друзей въ той и другой партіи; притомъ, подъ каждымъ знаменемъ

есть несчастные, а я, какъ добрая сестра, желала бы изцѣлить все раны, утолить все скорби.

И не пускалась въ политику; но читала *Дьянія Апостоловъ*, журналъ, бывшій въ то время въ большомъ ходу и отъ души смеялась его шуткамъ надъ противоположною партіею. Мы тогда еще не дожили до того времени, когда женщина, всходя на эшафотъ, должна была по крайній мѣрѣ спросить, за что ей рубили голову, какъ говорила г-жа Сталь Наполеону.

Странна была моя судьба! Взросши въ провинціальномъ городѣ, я должна была повидимому тихо, безмятежно провести свою жизнь. Подула революція, и все измѣнилось; она бросила меня среди новаго міра, въ такомъ возрастѣ, когда человекъ не понимаетъ еще свѣта. Между моими родными было нѣсколько знаменитыхъ артистовъ; Флери былъ двоюроднымъ братомъ моего дѣда, г-жа Сент-Гюберъ была племянницею моей бабушки. Подобное родство между артистами тоже, что наследственный титулъ; подъ ихъ покровительствомъ, я сдѣлалась довольно хорошею пѣвицею. Но революція испугала меня, я бѣжала отъ нея въ Бельгію, гдѣ встрѣтила смуты другаго рода. Одна богатая англичанка повезла меня съ собою въ Шотландію; но, боясь подвергнуть опасности своихъ родныхъ, я оставила отечество Оссіана и Фингаловы гроты, и возвратилась во Францію, чтобы быть свидѣтельницею неистовствъ 10 августа и 2-го сентября. Я поѣхала въ Лиль, городъ осадили; прѣехала въ Булонь, тамъ меня арестовалъ Жозефъ Лебонъ. Возвратилась въ Парижъ, и здѣсь меня ожидали новыя тревоги.

Наконецъ, въ 1806 году, я отправилась въ Россію. Тутъ я провела восемь лѣтъ въ спокойствіи, какимъ давно уже не наслаждалась. Но какъ ужасно было пробужденіе! какая страшная буря послѣдовала за штилемъ! Я спаслась отъ нея какимъ-то непостижимымъ чудомъ; но, какъ будто мнѣ на роду написано было всегда идти противъ вѣтра. Убѣгая изъ Россіи, я должна была пройти по ледянымъ озерамъ Швеціи, среди новыхъ опасностей, въ Пруссіи опять встрѣтиться съ неприятельскими войсками и наконецъ, видѣвъ французовъ въ Россіи, увидѣть и русскихъ въ Парижѣ.

Въ это время я могла нѣсколько успокоиться; но мои средства существованія были разрушены грабежемъ, пожаромъ и всякими несчастіями. Франція не представляетъ никакихъ средствъ тому, кто надолго отлучится изъ нея; возвращаясь, вы видите новое поколѣніе, которое васъ уже знать не хочетъ. Я отправилась въ Англию

къ самому времени смерти прекрасной принцессы Шарлотты, суда английской королевы и коронованія Георга IV.

Эти-то событія, начерченные мною по мърь того, какъ я ихъ видѣла, составляютъ содержаніе моихъ воспоминаній. Они вышли бы въ свѣтъ гораздо ранѣе, еще въ 1832 году, если бы въ то время не поразило меня самое тяжкое несчастіе моей жизни: я лишилась бѣдной Надежды, русской сиротки, которую я взлелывала и любила любовью матери!...

ГЛАВА I.

Дѣдъ мой, Ларъ Флѣри, явился на Французскомъ-театрѣ въ 1749 году. Баронъ только что за нѣсколько лѣтъ оставилъ сцену, на которой еще подвизались Гранваль, г-жи Лекуврѣръ, Клеронъ, Дюкло и другіе знаменитые артисты. Не слишкомъ легкое дѣло было въ то время съ успѣхомъ выступить на этомъ театрѣ. Дѣдъ мой дебютировалъ въ *Сидъ*, въ роли Родрига и въ *Ажеель*, и съ такимъ полнымъ успѣхомъ, что въ томъ же году былъ принятъ и вѣроятно долго пробылъ бы на Французскомъ театрѣ, если бы любовное приключеніе съ одною придворною дамою не свело его съ этого поприща.

Онъ былъ такъ хорошъ ростомъ и лицомъ, что его даже прозвали красавцемъ Флѣри. Знатныя дамы того времени имѣли рыцарственную слабость къ красивымъ актерамъ. Одинъ его товарищъ имѣлъ связь съ одною знатною дамою, которой пріятельница удостоила своего вниманія Флѣри. Свиданіе было назначено въ небольшомъ загородномъ домикъ. Вскорѣ эти таинственныя свиданія стали учащаться; но между тѣмъ, какъ эти господа беззаботно предавались удовольствію быть любимыми, горничныя ихъ красавицъ дали знать обо всемъ ихъ мужьямъ. Оба молодца были подкараулены; и дѣдъ мой, только благодаря быстротѣ ногъ, ушелъ отъ участи своего товарища, котораго похищенія кончились, какъ похищенія любовника Элоизы. Онъ былъ найденъ лежащимъ въ крови, подъ деревомъ, на большой дорогѣ.

Товарищи очень любили Флѣри. Онъ разсказалъ имъ свое приключеніе, и все совѣтовали ему оставить родину до тѣхъ поръ, пока все не будетъ забыто; потому-что оскорбленные были люди сильные, рано или поздно они нашли бы средство его сбыть. Товарищи дали ему

даже средства у ѣхать въ Германію, и положили ему ежегодную пенсію въ тысячу франковъ, которую онъ получалъ до самой смерти, то есть, до 1793 года.

Оставя Парижъ, Флѣри искалъ убѣжища у маркграфини Бейрейтской, сестры Фридриха Великаго. Въ то время былъ французскій театръ при каждомъ германскомъ дворѣ. Эта принцесса, нѣсколько лѣтъ спустя, женила его на дѣвицѣ Клавель, теткѣ знаменитой г-жи Сентъ-Гюберти.

По смерти маркграфини, дѣдъ мой воротился съ женою во Францію. У нихъ было порядочное состояніе, и пенсія отъ Бйерейтскаго двора. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, они поселились въ Мецъ.

Изъ всѣхъ ихъ дѣтей, отецъ мой одинъ избралъ то же поприще, по которому шли его родители. Любовь долженствовала быть такъ же гибельна мужской отрасли нашего рода, какъ Атридамъ. Въ Руанѣ отецъ мой имѣлъ случай написать стихи къ празднику, данному въ честь одного президента Парламента, близкаго родственника канцлера Франціи, Миромениля. Поэтическій талантъ и превосходное воспитаніе доставили ему самый милостивый пріемъ. Онъ понравился одной изъ дочерей президента. Оба были слишкомъ молоды, чгобы взвѣсить гибельныя послѣдствія связи, которая долженствовала быть для нихъ источникомъ бѣдствій; но когда уже невозможно было ея скрыть, они бѣжали въ Германію, въ Штутгартъ. Родственники моей матери выхлопотали королевскій указъ о ссылкѣ ея, и объ арестованіи моего отца. Слѣдовательно имъ и думать нельзя было о возвращеніи во Францію. Обольщеніе, похищеніе были тогда дѣломъ, которымъ не шутили. Немудрено, что отецъ мой и мать безпрестанно боялись, чтобы дочь ихъ не стала со временемъ жертвою ихъ неосторожности.

Они поручили меня одной пріятельницѣ, которая выдавала меня за свою дочь и которая, наконецъ, отдала меня родителямъ моей матери, въ Мецъ. Несмотря на то, что они были въ ссорѣ съ моимъ отцомъ, за горестъ, которую онъ причинялъ имъ, они съ радостью приняли свою внучку. Я получила у нихъ воспитаніе, которое могло считаться превосходнымъ въ то время, когда воспитаніе женщинъ было вообще въ крайнемъ пренебреженіи. Моя бабушка, родомъ саксонка, была женщина рѣдкаго ума, строгихъ правилъ, кроткая и искренно благочестивая. Маркграфиня очень уважала ее.

Я имѣла хорошій голосъ, склонность къ музыкѣ и довольно спо-

собностей, мнѣ негдѣбыло учиться въ Мецѣ. Вся нѣмецкіе владѣтельные князья имѣли въ то время свои придворныя капеллы меня хотѣли пристроить къ капеллѣ князя Цвейбрюкенскаго, тѣмъ болѣе что у меня былъ при его дворѣ дядя, наставникъ наследнаго принца и принца Макса, бывшаго впослѣдствіи королемъ Баварскимъ; но хотя я и родилась въ Германіи, я никогда не была въ состояніи сказать двухъ словъ по-нѣмецки, а быть при капеллѣ нѣмецкаго князя, не зная по-нѣмецки, было бы очень неловко.

Дядя мой былъ тайнымъ совѣтникомъ; это чинъ, который дается въ Германіи лицамъ приближеннымъ къ владѣтельному принцу и пользующимся нѣкоторымъ вѣсомъ; благодаря своему вліянію, онъ составилъ партію болѣе блестящую, чѣмъ выгодную; онъ женился на двинцѣ Марбо де-Термонжъ, двинцѣ знатнаго происхожденія, но почти безъ всякаго состоянія.

У меня была въ Мецѣ подруга, моихъ лѣтъ. Отецъ ея, графъ д'Арросъ, лишившись нѣжно любимой жены, покинулъ свои чертоги, съ которыми были связаны слишкомъ тягостныя для него воспоминанія, и нанялъ квартиру въ домѣ моего дѣда. Онъ посвятилъ всю жизнь свою на воспитаніе, дочери, по методу Жанъ-Жака Руссо. По этому, онъ очень обрадовался, найдя въ томъ же домѣ дѣвочку, почти однихъ лѣтъ съ нею, которая могла съ нею играть и учиться. Это было средство возбуждать въ ней соревнованіе; онъ полюбилъ меня, какъ вторую дочь.

Когда мы разстались, десять лѣтъ спустя, я отправилась къ отцу въ Лангедокъ. Тулуза казалась намъ такимъ отдаленнымъ концемъ земаго шара, что Фанни взяла съ меня слово давать ей подробный отчетъ о всѣхъ великихъ событіяхъ, которыя должны были мнѣ непременно встрѣтиться, потому что безмятежная, однообразная жизнь, которую мы вели дотолъ, была возможна въ одномъ Мецѣ. По крайней мѣрѣ, мы были въ этомъ убѣждены, будто по тайному предчувствію бурной судьбы, ожидавшей меня.

ГЛАВА II.

Не разъ придется мнѣ еще говорить о двинцѣ д'Арросъ; теперь же забѣгу на нѣсколько лѣтъ впередъ, чтобы съ самаго начала познакомить читателей съ двумя другими лицами, которыхъ имена будутъ часто встрѣчаться въ моихъ «Воспоминаніяхъ.»

Когда я приехала во второй разъ въ Парижъ, въ 1790 году, судьбѣ угодно было бросить меня въ кругъ всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей, чрезъ дружбу мою съ двумя женщинами, у которыхъ сходились всѣ лица, прославившіяся впоследствии самыми различными путями. Одна изъ этихъ женщинъ была г-жа Лемуанъ-Дюбарри; другая—Юлія Тальма, первая жена знаменитаго актера, съ которою онъ развелся, чтобы жениться на г-жѣ Пети-Ванговъ.

Всѣ, болѣе или менѣе, знаютъ семейство Дюбарри изъ множества писанныхъ о немъ книгъ; всѣ знаютъ, что графъ Жанъ-Дюбарри женилъ брата своего, графа Гильома, на любимицу Людовика XV; но не всѣмъ извѣстно, что бѣдный мужъ нашелъ утѣшительницу въ прекрасной женщинѣ, которая осталась его вѣрною подругою въ дни несчастія, и которой имени нельзя вспомнить, не вспомявая въ то же время ея благороднаго самоотверженія. Въ началѣ Терроризма, графъ Гильомъ былъ заключенъ въ тюрьму Св. Пелагеи; онъ былъ не такъ старъ, но чрезвычайно разстроенъ въ здоровьи. Г-жа Лемуанъ добровольно послѣдовала за нимъ въ тюрьму, поддерживала его съ тѣмъ рѣдкимъ мужествомъ, которое женщины оказывали въ эти бѣдственные дни. Графъ имѣлъ счастье избѣжать эшафота; когда же смерть г-жи Дюбарри возвратила ему свободу, онъ женился на той, которой былъ обязанъ болѣе, чѣмъ жизнью; она, впрочемъ, была его дальнею родственницею.

Юлія и г-жа Лемуанъ составляютъ два самые занимательные эпизода изъ моихъ воспоминаній; не потому только, что онѣ, во многихъ отношеніяхъ были женщины замѣчательныя, но и потому, что современные писатели, гоняясь, по большей части, за именами, за тѣмъ только, чтобы пизать на нихъ зазорные анекдоты, оставили ихъ безъ вниманія. Юлія Тальма, женщина замѣчательная своимъ умомъ, своими связями со всѣми знаменитостями своего времени, своимъ именемъ, своими несчастіями, заслуживаетъ, чтобы о ней говорили съ болѣею истиною и справедливостью, чѣмъ было говорено досель. Судя потому, что я читала о ней, очень немногіе хорошо знаютъ ее. Наши дружескія сношенія дали мнѣ возможность сохранить о ней нѣкоторыя важныя свѣдѣнія; отъ нея самой слышала я подробности ея перваго выступленія въ свѣтъ, въ которомъ она такъ ярко блистала. Послѣ развода ея съ Тальмою, я почти не разлучалась съ нею и была свидетельницею всѣхъ обстоятельствъ, которыя привожу.

Я познакомилась съ Юліею только въ 1791 году, черезъ годъ

послѣ ея замужества. Она коротко знала родственницу мою, г-жу Сентъ-Губерти, и принимала во мнѣ участіе еще прежде, чѣмъ мы познакомились. Почти подъ ея покровительствомъ вступила я въ свѣтъ, о которомъ не имѣла рѣшительно никакого понятія. Дружба наша стала еще тѣснѣе, во время ея несчастій. Юлія смотрѣла на меня, какъ на сестру. Не взирая на различіе нашихъ лѣтъ, потребность излить свое сердце дѣлала ее сообщительнѣе, а бесѣда ея была такъ привлекательна, что всѣ ея слова врезались въ моей памяти. Она могла мыслить вслухъ передъ молодою женщиною, вполне преданною ей, и въ которой она находила болѣе сочувствія, чѣмъ въ другихъ своихъ знакомыхъ, заботившихся единственно о своихъ удовольствіяхъ, или о пропснствіяхъ дня. Я занимала самое ничтожное мѣстечко въ этомъ блестящемъ обществѣ, подобнаго которому уже не бывать; мало-по-малу, однако-же, оно начало принимать для меня болѣе существенное значеніе, и, не играя въ немъ важной роли, я сблизилась со многими людьми, которые теперь живутъ въ одной исторіи. «Великіе люди исчезаютъ, а свѣтъ идетъ по прежнему», сказалъ лордъ Байронъ. Мнѣ, какъ и другимъ, не мало горя причинили перевороты, смѣнявшіеся съ такою ужасною быстротою; однако-же не смотря на то, это время составляетъ часть моихъ воспоминаній, къ которой я всего охотнѣе возвращаюсь; человеческое сердце и подъ старость хранить какую-то молодость; которая нерѣдко обманываетъ его. Перечитывая строки, писанныя нами за много лѣтъ, мы переносимся въ то время, когда ихъ писали, забываемъ пространство времени, отдѣляющее насъ отъ той эпохи, и подчасъ даже ощущаемъ въ сердцѣ тѣже чувства, которыя волновали насъ тогда. Какъ отрадно, по прошествіи многихъ лѣтъ, увидѣть снова мѣста, гдѣ каждый предметъ напоминаетъ событіе, гдѣ самый ничтожный для другихъ предметъ, есть для насъ завѣтное воспоминаніе, звѣно, связующее насъ съ тѣми, кого мы любили и кого уже нѣтъ. Сколько разъ желала я пройтись еще разъ по дому Шантеренской улицы! Мнѣ кажется, тамъ бродили бы вокругъ меня тѣни тѣхъ, кого я тамъ видала, я бы услышала еще разъ увлекательныя бесѣды Руше, Лавуазье, Кондорсе, Маріи-Жозефа Шенье, Роже-Дюко, Верньо и столькихъ другихъ! Этотъ домъ достоинъ бы считаться историческимъ памятникомъ по сходявшимся въ немъ лицамъ. Особенно драгоценны становятся намъ уже воспоминанія подъ старость. Быстрое теченіе времени заставляетъ насъ по видимому чувствовать потребность утвердить въ памяти эти живые рубежи, обозначающіе

минувшій эпохи. Что въ свое время казалось намъ певажнымъ, получаетъ значеніе отъ смѣнявшихся потомъ событій.

Первую жену Тальмы обыкновенно называютъ Юлією, для отличія отъ второй, которая со славою являлась на Французскомъ театрѣ. Первая прославилась умомъ, качествами души и обществомъ, собиравшимся у нея. Замѣчательно, что каждый разъ, какъ хотѣли прилечь къ ней имя къ многочисленнымъ біографіямъ ея мужа, о ней говорили несправедливо или даже съ явнымъ недоброжелательствомъ. Многое можно бы дополнить, еще болѣе исправить въ біографіяхъ Тальмы.

Біографы много говорятъ о богатствѣ г-жи Тальмы; это одно, въ чемъ они не ошибаются. У нея точно было сорокъ тысячъ франковъ доходу; но она ими пользовалась самымъ благороднымъ образомъ. Если многое должно быть прощено той, которая много любила, то тѣмъ болѣе той, которая благотворительностью и самоотверженіемъ въ дни общихъ бѣдствій выкупила грѣхъ общій со многими дочерями Эввы.

Юлія была бы Аспазією своего вѣка, еслибъ вѣкъ этотъ былъ похожъ на вѣкъ Перикловъ. Она не имѣла ея красоты, но имѣла ея умъ и грацію. Прелесть ея общества привлекала къ ней все, что имѣло значеніе при дворѣ и въ городѣ, и все искали чести ходить въ ея домъ. Первые опыты молодого человѣка, долженствовавшего со временемъ сдѣлаться первымъ актеромъ своего вѣка, восхитили Юлію, которой поэтический умъ такъ сочувствовалъ искусствамъ. Отъ удивленія нетруденъ переходъ и къ любви. Она употребила все свое вліяніе, чтобы склонить на его сторону молодыхъ писателей, посѣщавшихъ ея домъ, и которыхъ самихъ ожидала блестящее поприще, еслибы въ однихъ революція не остановила развитія поэтическаго таланта, обративъ ихъ умъ къ политикѣ, а другихъ не заставилъ молчать страхъ революціонной косы. Съ 1789 года общество Юліи составляли преимущественно тѣ, которые впоследствии названы жирондистами, т. е., приверженцы умѣренной партіи: Верньо, Лувэ, Роже-Дюко, Роладъ, Кондорсе, многіе ученые и литераторы, на-примѣръ, Милешъ, Ленуаръ, славный красавцемъ, Поэтъ Лебрень, Дюси, Лемерсье, Легуве, Битобе, Марія-Жозефъ Шенье, Дюпре, Сент-Альбенъ, Сукъ, Рюфъ, Шамфоръ, и нѣсколько артистовъ, Давидъ, Гара и проч. Это общество не мало содѣйствовало къ быстрому возвышенію Тальмы; безъ нихъ талантъ его, можетъ быть, не скоро пробилъ бы себѣ дорогу. Шенье,

Дюси, Лемерсье и Легуве неусыпно старались облегчать ему его блистательное поприще; всѣхъ же болѣе живописецъ Давидъ, который первый убѣдилъ его бросить пудру, фижмы, шляпы съ перьями, и другіе нелъчные наряды, принятые его предшественниками. Въ этомъ ему содѣйствовали ученые и антикваріи. Собственныя его изысканія о памятникѣхъ грековъ, римлянъ и среднихъ вѣковъ, дали ему возможность составить себѣ костюмы удивительной вѣрности. Чалмы, шлемы и оружіе были весьма цѣнны. Юлія съ радостью отдавала свое богатство для того, чтобы во всемъ содѣйствовать успѣхамъ мужа. Большая галерея ея дома была вся увѣшана турецкими ятаганами, индійскими стрѣлами, гальскими шлемами, греческими кинжалами.

Немногія женщины имѣли даръ Юліи писать письма милья, любовныя, безъ всякихъ притязаній; давать особую прелесть самой ничтожной запискѣ, ее бы можно назвать Севинье нашего вѣка. Но самое прекрасное свойство ея души была готовность служить друзьямъ; для нихъ она съ радостью подвергалась всякой опасности. Сколько разъ она, столь тяжелая на подъемъ, когда дѣло шло о собственныхъ ея выходахъ, скакала въ Парижъ на выручку осужденныхъ; не мало неприятностей приходилось ей преодолевать въ судахъ, ибо вчерашніе друзья перѣдко были хуже враговъ; но мужество неоставляло ее до-тѣхъ поръ, пока она не достигала своей благородной цѣли. Словомъ, она была однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ существъ, которыхъ память должна быть священна для каждаго, кто имѣлъ счастье съ ними встрѣчаться.

ГЛАВА III.

Послѣ Юліи Тальмы, въ наиболее короткихъ отношеніяхъ я была съ г-жею Лемуанъ-Дюбарри. Я должна пересказать нѣкоторыя подробности о ней и ея родныхъ.

Когда графъ Жанъ-Дюбарри, прозванный *le comé*, повѣсою, задумалъ вывести въ люди себя и своихъ родныхъ, женивъ брата на любимицѣ короля Людовика XV, онъ выписалъ его изъ какого-то Лангедокскаго городишка, гдѣ онъ прозябалъ съ сестрою дѣвицею Шопъ. Вся родня перебралась въ Тулузу за своею долею нежданнаго величія и богатства. Одинъ только графъ д'Аржикуръ не захотѣлъ имъ воспользоваться и остался бѣднымъ офицеромъ; за что доморо-

ценные остряки прозвали его графомъ д'Argent-cour (безпятиннымъ). Двицу Шонъ приставили къ временщицъ, чтобы служить ей руководи- тельницею. Она была женщина хитраго, пронырливаго ума, вкрадчиваго обхожденія, и нисколько не походила на прочіихъ членовъ дома, кро- мь графа Жапа; какъ она ни старалась передать свои качества вос- питанницъ, или по крайней мѣрѣ выучить ее держаться въ обще- ствѣ, все оставалось безъ успѣха.

Графъ Гильомъ былъ добрый мальиш, недалежнаго ума, котораго рѣчь сильно отзывалась Лангедокскимъ нарѣчіемъ. Послѣ свадьбы, какъ известно, онъ долженъ былъ выѣхать изъ Парижа; но чрезъ нѣсколько лѣтъ ему позволили возвратиться и онъ купилъ веколѣп- ный домъ въ Бургоньской улицѣ; онъ любилъ хорошо повѣсть и при- нималъ много гостей, которые охотно ходили къ нему, ради хоро- шаго стола. Онъ и неподозрѣвалъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его палаты жили въ крайности двѣ его родственницы, о которыхъ онъ и не слыхивалъ. Мать ихъ была за графомъ Дюбарри и овдовѣ- ла, когда меньшая дочь ея была еще ребенкомъ; не имѣя средствъ воспитать дѣтей, она рѣшилась выдти замужъ за богатаго купца, Лемуана; благодаря его попеченіямъ, меньшая дочь получила прево- сходное воспитаніе. Счастіе въ другой разъ измѣнило имъ; они разо- рились вслѣдствіе банкротства; мужъ не былъ въ состояніи пере- жить этого несчастья, а за нимъ вскорѣ послѣдовала и жена. Стар- шая дочь еще при жизни матери лишилась мужа, съ которымъ жила несчастливо и который былъ случайно убитъ на охотѣ. Ей то г-жа Лемуанъ, умирая, поручила меньшую дочь. Г-жа Дю любила сестру, какъ родную дочь. Не имѣя никакихъ средствъ существованія, онъ стали добывать хлѣбъ шитьемъ бѣлья на магазины. Какъ ни уеди- ненно онъ жили, не могъ однако же не дойти до нихъ слухъ о внезапномъ счастьи, посѣтившемъ ихъ дальнихъ родственниковъ; не могли онъ не узнать, что великолѣпный домъ принадлежалъ графу Дюбарри.

Д-жа Дюбарри рѣшилась обратиться къ нему, хотя и не безъ страху, ибо она знала, какъ скоро почести и богатство очерствля- ютъ сердца родственниковъ. Она должна была скрывать свое намѣ- реніе отъ сестры, которой благородная гордость не допустила бы ее до исполненія его. Собравшись съ духомъ, она явилась къ графу Гильому и просила позволенія объѣниться съ нимъ наединѣ. От- крытая и благородная наружность г-жи Дю говорила въ ея пользу. Побесѣдовавъ съ графомъ и убѣдившись, что имѣетъ дѣло съ доб-

рымъ родственниковъ, она открыла ему цель своего посещенія и просила его помощи и участія.

— «Бѣдная моя сестра, говорила она, которую мать завѣщала мнѣ передъ смертью, получила воспитаніе слишкомъ хорошее для нашего бѣднаго положенія. Она привыкла къ довольству, и мнѣ больно видѣть, какъ она должна работать съ утра до ночи, а иногда и часть ночи, для того, чтобы добывать насущный хлѣбъ. Она скрываетъ отъ меня свои страданія; но я часто замѣчаю на глазахъ ея слезы, которыя сокрушаютъ мнѣ сердце. Еслибы можно пристроить ее къ какой-нибудь богатой молодой дамѣ, ея кроткій нравъ и пріятное обхожденіе скоро доставили бы ей уваженіе и дружбу окружающихъ. Тяжело мнѣ будетъ расстаться съ нею; но я все перенесу съ покорностью, когда дѣло идетъ о счастьи сестры». Графъ былъ тронутъ этимъ великодушіемъ, и рѣшился помочь своимъ родственницамъ.

— «Дайте мнѣ сроку до завтра, отвѣчалъ онъ г-жѣ Діо: я подумаю, какъ это лучше устроить; а между тѣмъ приготовьте сестру вашу къ моему посещенію; я буду у васъ завтра утромъ».

— Возвратясь домой, г-жа Діо не могла долѣе скрывать своей радости и поспѣшила сообщить счастливую вѣсть сестрѣ, которую она, однако-же, вовек не обрадовала. «Расстаться съ тобою, отвѣчала она, жить съ людьми, которыхъ я незнаю, и въ зависимости! Часто ли встрѣчаются сердца, способныя понимать такое положеніе? Я лучше останусь съ тобою и буду жить трудами».

Почти всю ночь разсуждали онъ объ этомъ предметѣ. Графъ, съ своей стороны, также обдумалъ и рѣшилъ свой образъ дѣйствія. На слѣдующее утро онъ пришелъ поѣтить родственницъ; онъ съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть меньшую сестру и нашелъ, что описаніе было не преувеличено. Ея скромность, ея благородство и простодушіе совершенно очаровали его.

— «Послушайте, сказалъ онъ: вы бонитесь зависимости и совершенно правы. Мы въ такомъ положеніи, что можемъ обезпечить судьбу тѣхъ изъ нашихъ родственниковъ, которые нуждаются. Помощью родственника не должно оскорбляться; вотъ что я вамъ предлагаю: я зиму провожу въ Парижѣ, а лето въ Лондонѣ; живите въ моемъ домѣ, вы будете у меня хозяйками. Такимъ образомъ и домъ мой будетъ въ порядкѣ, и вы займете достойное васъ мѣсто».

Дѣвица Лемуанъ колебалась, дѣлала возраженія; но все должно было пасть передъ добродушіемъ и прямою Гильома. Онъ общалъ и пріѣхать въ Тулузу, куда графъ отправился впередъ, приготовить

все къ ихъ приему. Такая внезапная переменна могла бы въ Парижѣ быть перетолкована не въ пользу сестеръ; поэтому было положено, чтобы дѣвица Дюбарри привѣхать въ Тулузу подъ этимъ именемъ; однакоже, къ нему почти всегда присоединяли имя Лемуанъ, которымъ привыкла называть ее сестра.

Дѣвица Дюбарри была прекрасная брюнетка; большіе, черные глаза и надъ ними двѣ черныя, какъ смоль, дуги, будто проведенныя кистью; прелестный ротъ, зубы ослышительной бѣлизны; въ станѣ, въ походкѣ, во взглядѣ, какая-то величественность, невольна внушавшая почтеніе. Можно себя представить, какое ощущеніе должно было произвести прибытіе ея въ Тулузу. Домъ графа былъ поставленъ на большую ногу, также какъ и его помѣстье. Всѣ добивались чести представиться приѣзжимъ, и домъ ихъ сдѣлался скоро самымъ пріятнымъ въ городѣ. Тулуза была тогда городомъ немаловажнымъ; въ ней былъ Парламентъ и многочисленное дворянство. Дюбарри оживляли ее своею роскошною жизнью; ихъ семейство составляло три совершенно отдѣльные круга: кругъ графа Жапа, кругъ графа Гильома и кругъ сестеръ. Они сходились только въ важныхъ семейныхъ случаяхъ. Общество г-жи Лемуанъ было самое пріятное, но въ немъ было мало женщинъ: ихъ пугало имя мужа королевской любимицы. Тогда дѣвица Дюбарри рѣшилась составить себѣ общество въ другомъ кругу, изъ артистовъ; они не мало содѣйствовали пріятности ея вечеровъ.

Графъ Жанъ-Дюбарри, изъ родственниковъ, всѣхъ лучше принялъ новыхъ родственницъ. Когда онъ бывалъ въ Тулузѣ, онъ не пропускалъ ни одного вечера у брата. Самъ онъ въ Тулузѣ старался подражать пышности двора. Домъ его былъ предметомъ любви для всѣхъ приѣзжихъ. Графъ выписалъ мастеровыхъ изъ Парижа для постройки его, и едва онъ былъ отстроенъ, графъ нашелъ, что онъ не оправдываетъ его ожиданій, и велѣлъ его сломать и перестроить вновь. При домѣ были великолѣпные сады и огромный паркъ съ храмомъ въ честь музъ; въ немъ давались музыкальные вечера, для участія въ которыхъ нерѣдко нарочно приглашались изъ столицы извѣстнѣйшіе пѣвцы. Вдали была готическая часовня, которой двери отворялъ посѣтителемъ весьма искусно сдѣланный автоматъ, представлявшій аббата. Вся мебель въ домѣ графа была выписана изъ Парижа и стоила несмѣтныхъ денегъ. Въ очаровательномъ будуарѣ былъ портретъ его жены, представленной въ зеркаль, лежащею на диванѣ, котораго оригиналъ стоялъ противъ зеркала. Графъ

Дюбарри уже въ преклонныхъ лѣтахъ женился на молоденькой двуицкѣ, дворянскаго происхожденія, но чрезвычайно бѣдной, на двуицу Монтуссенъ. Она, впрочемъ, жила постоянно въ Парижѣ, подъ покровительствомъ Калонны, какъ говорила молва. Когда графъ проводилъ зиму въ Тулузѣ, онъ давалъ блестящія балы. Однажды, во время карнавала, ему пришло въ голову, что гости пожелали бы можетъ быть вхаты въ маскарадъ, въ театръ; прежде, чѣмъ кто либо успѣлъ сказать о томъ слово, отворилась дверь въ огромную залу, гдѣ были разложены самыя щегольскіе домино и костюмы: дамамъ стоило только выбирать. Графъ часто вѣзжалъ въ Эвиллонъ, помѣстье, куда удалилась г-жа Дюбарри, по смерти Людовика XV; тамъ также давались великолѣпные праздники.

Графъ Гильомъ Дюбарри, какъ я уже говорила, былъ добрый малый; при случаѣ у него хватало мужества и смѣлости на опасное дѣло, когда онъ могъ помочь ближнему. Вотъ примѣръ. Во время какого-то бунта, одна бѣдная женщина дала пощечину судьѣ. Несчастную схватили, потащили въ ратушу, судили и приговорили къ смертной казни. Когда разнесся о томъ слухъ, народъ объявилъ, что дастъ скорѣе себя перерезать, чѣмъ позволить исполнить приговоръ. Графъ Гильомъ тотчасъ сѣлъ въ карету, отправился въ ратушу, ворвался въ тюрьму, вырвалъ несчастную жертву изъ рукъ старшины и, снабдивъ ее деньгами, выслалъ изъ Тулузы въ безопасное мѣсто. Послѣ этого онъ сталъ кумиромъ своего роднаго города.

ГЛАВА IV.

Пора мнѣ возвратиться къ воспоминаніямъ дѣтства. Мнѣ едва было одиннадцать лѣтъ, когда г-жа Сент-Губерти приехала въ Мецъ, навѣстить свою тетку, г-жу Клавель, и получить отъ нея разные семейные документы. Она заставила меня пѣть. Такъ какъ у меня былъ по лѣтамъ моимъ необыкновенный голосъ, то она такъ полюбила меня, что хотѣла взять съ собою въ Парижъ, общая теткѣ сдѣлать изъ меня хорошую пѣвицу и отдать меня на руки лучшимъ музыкантамъ. Она уѣхала, а я съ того дня стала думать объ одной музыкѣ; прежде сольфеджи наскучали мнѣ; съ тѣхъ же поръ, какъ г-жа Сент-Губерти сказала, что они необходимы, я пѣла сольфеджи ст утра до ночи. Я не смѣла сказать своимъ роднымъ, съ какимъ я

нетерпѣніемъ ждала времени, когда меня слѣдовало отправить въ Парижъ, это значило бы желать съ ними разстаться; я до сихъ поръ упрекаю себя въ радости, которую я изъявила, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, они рѣшились; это было съ моей стороны почти непростительною неблагодарностью, потому что они были ко мнѣ такъ добры! Это было въ 1788 году; мнѣ было четырнадцать лѣтъ, семейство наше пользовалось всеобщимъ уваженіемъ, родные мои были заслуженные артисты, снискавшіе себѣ трудомъ хорошее состояніе; чего мнѣ было болѣе. Но увы! таково человѣческое сердце! Новизна въ молодости имѣетъ для насъ такую непреодолимую прелесть! Она заставляетъ насъ забывать прошедшее и жить въ одномъ будущемъ. Я отправлялась, какъ голубь баснописца, не предвидя ожидавшей меня участи.

Я никогда не выѣзжала изъ Меца, онъ былъ для меня цѣлымъ міромъ! Кромѣ монастыря, въ которомъ я провела нѣсколько лѣтъ, моего семейства, дачи моего дѣда, дома графа д'Арро и баловъ, на которыхъ я бывала зимою, для меня ничего не существовало на землѣ; можете себѣ представить мое изумленіе при каждомъ новомъ предметѣ, встрѣчавшемся мнѣ; я ничего не читала изъ путешествій, кромѣ Робинсона Крузо, а изъ романовъ кромѣ *Марианны* Мариво. Слышала я о дилижансахъ, но не обращала на это никакого вниманія и рѣшительно не имѣла о нихъ понятія. Есть возрастъ въ жизни, въ которомъ свѣтъ проходитъ мимо нашихъ глазъ, а мы ничего не видимъ.

Я съѣла въ дилижансѣ въ десять часовъ вечера, въ декабрѣ, съ заплаканными глазами и съ сжимавшимся сердцемъ. Со мною ѣхала пожилая женщина, которая должна была сдать меня на руки г-жѣ Нонтель, женѣ учредителя дилижансовъ. Когда разсвѣло, я стала осматривать окружавшія меня лица; спутница моя сидѣла рядомъ со мною, забывшись въ уголь; нѣсколько мужчинъ другъ противъ друга; а противъ меня въ углу было нѣчто похожее на дикаго звѣря, покрытое шерстью съ ногъ до головы. Мнѣ казалось страннымъ, чтобы звѣрей возили въ дилижансахъ, назначенныхъ для людей, какъ вдругъ звѣрь поднялъ престранное лицо. Я въ испугъ отодвинулась назадъ, забывъ, что за мною стѣна кареты, и лицо мое вѣроятно приняло престранное выраженіе, потому что молодой офицеръ, сидѣвшій въ противоположномъ углу, немогъ удержаться отъ хохота. Всѣ проснулись, и я узнала, что это пугало было ничто иное, какъ польскій жидъ, котораго шуба, шерстью вверхъ, меховая шапка, и

борода до пояса, давали ему совершенно видъ дикаго звѣря; это прозваніе осталось ему на все время путешествія. *Нась* иначе и не звали, какъ *Красавицей* и *Звѣремъ*. Онъ и не подозрѣвалъ остротъ, которыя сыпались на него, потому что не понималъ по-французски ни полслова, а товарищъ, исправлявшій при немъ должность толмача, не бралъ на себя лишняго труда.

Таково было первое вступленіе мое въ этотъ новый для меня свѣтъ. Нантѣль и его жена приняли меня очень дружески, я пробыла у нихъ нѣсколько дней, въ ожиданіи возвращенія г-жи Сент-Губерти. Дѣдъ далъ мнѣ письмо къ женѣ знаменитаго актера Моле. Она также приняла меня очень хорошо; но мнѣ было насторого запрещено ходить къ ней одной и принимать какія либо приглашенія до прибытія г-жи Сент-Губерти, которая въ то время давала представленія въ Марсели. Дѣдъ мой боялся волокитства Моле, который слылъ страшнымъ *Донъ-Жуаномъ*. Знаменитый острякъ, маркизь Бьевръ, безпрестанно трунилъ надъ его любовными похождениями.

Въ ожиданіи прибытія г-жи Сент-Губерти, хозяева мои нѣсколько разъ возили меня въ театръ. Менѣ всего поразили меня (сознаюсь со стыдомъ) Французскій театръ; не смотря на то, что давали Мольерова *Облагороженнаго мѣщанина*, и въ немъ играли Превиль, Дюгазонъ, г-жа Белькуръ и всѣ первые артисты; это не дѣлаетъ чести моему вкусу въ то время. Правда, что я видала эту пьесу въ Мецѣ и была еще подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній дѣтства. Притомъ, не въ мои лѣта было цѣнить такія дарованія. За то опера совершенно околдовала меня; она мнѣ казалась осуществленіемъ того, что я читала въ *Тысячъ одной ночи*. Я ничего не замѣчала, что дѣлалось вокругъ меня; мое удивленіе и восхищеніе, мое вниманіе, мои безпрестанные распросы въ междуудѣйствіяхъ очень забавляли всѣхъ сосѣдей. Давали *Ифигенію въ Авлидѣ* и балетъ *Мирзу*.

ГЛАВА V.

Г-жа Сент-Губерти была въ то время на апогее своей славы: она была увѣнчана въ роли Дидоны, чего еще не случалось въ Большой Оперѣ. Въ талантѣ ея видно было что-то необычайное, и я, въ свои лѣта, была такъ поражена имъ, что совершенно переняла ея манеру пѣнія; часто, для забавы, ставили меня за ширмы, для полноты обмана. Ея образъ выговариванія словъ въ пѣніи показался бы

неестественнымъ въ наше время, когда почти ни у одного пѣвца не разслышишь ни слова; но она это считала необходимымъ для того, чтобы ее можно было понимать въ такой обширной залѣ. Притомъ, это придавало удивительную энергію ея игрѣ, въ особенности въ отрывочныхъ, внезапныхъ фразахъ. Выраженіе ея фізіономіи было превосходно; она безъ словъ, однимъ взглядомъ, вырывала у публики неистовыя рукоплесканія въ *Альцестѣ*, когда она слушала голосъ, возвышающій, что царь долженъ умереть, если кто другой не обречетъ себя на смерть вмѣсто него; или въ *Дидонѣ*, когда Ярбъ предупреждаетъ ее о замышляемой измѣнѣ Энея. Въ минуты одушевленія, она была истинно трагическою актрисою, въ родѣ Монвеля и Тальмы; въ пѣніи же еще труднѣе передать трагическій характеръ, когда одинъ стихъ повторяется по два и по три раза. Но она умѣла при каждомъ повтореніи давать мысли новый отбѣнокъ. Я никого не слыхала съ тѣхъ поръ, кто бы такъ хорошо умѣлъ пѣть речитативы; одинъ развѣ Дюпре напоминаетъ ее отчасти. Ариадна, оставленная Тезеемъ, была также изъ лучшихъ ея ролей. Но всего изумительнѣе было, послѣ величественной царицы Кароагенской, и послѣ отчаянной Ариадны, видѣть ее въ *Деревенскомъ сахарѣ*, простою, сельскою дѣвушкою, равно наивною въ радости и въ горѣ. Въ разговорномъ пѣніи, она казалось, пѣла вовсе не по нотамъ; а между тѣмъ, не смотря на всѣ свои отступленія, она, какъ опытная музыкантша, всегда сходилась съ тактомъ.

Безпрестанно говорятъ, что Тальма первый совершилъ преобразование въ костюмахъ; но г-жа Сент-Губерти еще до него начала списывать ихъ съ греческихъ и римскихъ статуй. Она уже откинула пудру и фижмы, въ чемъ не трудно убѣдиться, порывшись въ костюмахъ того времени. Правда, что она дѣйствовала не такъ рѣшительно, какъ Тальма; но ему за то помогали Давидъ и революція.

Г-жа Сент-Губерти пеклась обо мнѣ, какъ родная мать. Когда я пѣла, для перваго дебюта, въ духовномъ концертѣ, въ апрѣль 1788 года, послѣ четырехъ-мѣсячнаго упражненія подъ руководствомъ Пиччини, успѣхомъ своимъ я была обязана преимущественно ея имени и моимъ лѣтамъ. Она полагала на меня огромныя надежды; но революція, которая уже готова была разразиться, должна была разрушить предстоящую мнѣ будущность.

Около этого же времени г-жа Сент-Губерти представила меня г-жѣ Лемуанъ-Дюбарри, у которой сходился цвѣтъ музыкальныхъ знаменитостей. Тутъ я встрѣчалась между прочими, съ графомъ Тильи,

съ Глюкомъ, съ Риваролемъ, съ Гретри, съ принцемъ де-Линьемъ и съ несчастнымъ Кюссе, даровитымъ поэтомъ-музыкантомъ, который, несколько лѣтъ спустя, былъ депутатомъ и погибъ на эшафотъ.

Такъ-какъ во всѣхъ умахъ уже было замѣтно нѣкоторое броженіе, то отецъ мой, который въ это время уже былъ вторично женатъ, не хотѣлъ, чтобы я оставалась въ Парижѣ. Тетка взяла меня съ собою въ Тулузу, гдѣ она намѣревалась дать нѣсколько представлений. Она заставила меня играть нѣкоторыя, небольшія роли, въ пьесахъ, нарочно для меня поставленныхъ, на-примѣръ: нимфу водъ въ *Армидь*, кулидона въ *Орфей* и сестру Дидоны. Кстати; я тутъ припоминаю довольно забавное происшествіе. Господа городскіе старшины вздумали торжественно изъявить свое уваженіе великой артисткѣ; затѣя ихъ была такъ смѣшна, что многія лица, въ особенности же мой отецъ, старались всѣми силами, если не отговорить ихъ, то, по крайней мѣрѣ, убѣдить, дожждаться конца представленія, чтобы не прервать хода пьесы: но они никого не хотѣли слушать. По ихъ настоянію, я должна была выдти на сцену съ наперстницею Дидоны, принести огромную корзину цвѣтовъ, на которыхъ лежалъ золотой вѣнецъ, и сказать Карфагенской царицѣ слѣдующую рѣчь, сложенную однимъ изъ нихъ: «Милая сестра, прими эту дань, которую господа старшины подносятъ тебѣ отъ имени благодарнаго отечества.» Г-жа Сент-Губерти кусала губы, чтобы сохранить надлежащую важность; публика не смѣла смѣяться надъ почестію, оказанною великой артисткѣ гг. старшинами, несмотря на нелѣпую ея форму, и хранила глубокое молчаніе: между тѣмъ я догадалась возложить вѣнецъ на голову пѣвицѣ; тогда вся зала огласилась единодушными рукоплесканіями и пьеса пошла своимъ порядкомъ.

На прощаніе г-жѣ Сент-Губерти былъ данъ великолѣпный праздникъ. Съ тѣхъ поръ я ее болѣе не видала; въ 1790 году она оставила Оперу и уѣхала съ графомъ д'Антрегомъ, съ которымъ обвинчалась въ Лозаннѣ. Этотъ бракъ былъ гибеленъ для нея; она была зарѣзана вмѣстѣ съ мужемъ, въ своемъ домѣ, въ Баннертеррасѣ. Объ этомъ несчастномъ происшествіи много писано; но почти всѣ рассказы не точны. Когда возвращаешься на родину послѣ десятилѣтняго отсутствія, должно готовиться ко многимъ переменамъ; въ особенности, когда прекращеніе переписки лишило возможности слѣдить за происшествіями. Такъ было и со мною въ 1812 году, по возвращеніи моемъ изъ-за-границы; я не могла сдѣлать шагу, чтобы не от-

крыть новаго горестнаго обстоятельства; судьба, казалось, усьевала ими мой путь.

Роковымъ годомъ былъ для меня 1812, я возвращалась изъ Россіи, гдѣ такъ внезапно, такъ мгновенно разрушились все мои виды на будущее. Едва прибывъ въ Франкфуртъ, узнала я о смерти дяди, того самаго, который такъ ласково принялъ меня, за десять лѣтъ, при первомъ моемъ проѣздѣ. Жена его вскорѣ последовала за нимъ, а ихъ имѣніе перешло къ родственникамъ г-жи Флѣри. Въ Мецѣ нашла я отца въ состояніи совершеннаго слабоумія; замѣчательный фактъ: часто люди съ рѣдкимъ умомъ и съ богатою фантазіею, подъ конецъ жизни впадаютъ въ слабоуміе; то же было съ Монвелемъ и со многими другими.

Эти несчастія были еще въ порядкѣ природы, обреченней насъ на горестныя утраты; но какъ приготовиться въ несчастіямъ, происходящимъ отъ злобы людей? Могла ли я думать, когда была свидѣтельницею торжествъ г-жи Сент-Губерти, видѣла ее предметомъ благоговѣнія всей Франціи, осыпаемою почестями, какихъ не видала ни одна артистка, что она сдѣлается жертвою политическихъ интригъ, погибнетъ отъ руки мерзавца, хотѣвшаго этимъ спастись отъ собственнаго позора.

Извѣстіе объ этомъ сильно опечалило меня; я вспомнила счастливое время, проведенное мною при доброй родственницѣ! Какъ скоро сообщенія были восстановлены, я отиравилась въ Лондонъ, въ надеждѣ получить болѣе вѣрныя свѣдѣнія о причинахъ этого злодѣяства. Все рассказы согласовались въ главномъ обстоятельствѣ; но ни одинъ не былъ точенъ въ отношеніи подробностей, которыя, по видимому, были облечены въ непроницаемую тайну. Надо было довольствоваться одними догадками и предположеніями. Я видѣлась въ Лондонѣ съ знаменитою пѣвицею Боллингтонъ, которая была въ дружбѣ съ моею теткою; освѣдомляясь въ домъ, гдѣ жили графъ и графиня, когда привѣзжали въ Лондонъ. Никто не могъ сказать мнѣ ничего положительнаго. Уже много времени спустя, редакторъ лондонскаго *Монитера*, далъ мнѣ прочесть статью своей газеты, въ которой все обстоятельства дѣла были изложены довольно подробно и вѣрно.

Извѣстно, что графъ д'Антрегъ былъ преданъ душою и тѣломъ дому Бурбоновъ; до революціи онъ былъ очень богатъ, служилъ въ военной службѣ и былъ украшенъ орденомъ св. Людовика. Онъ былъ человекъ обширнаго ума и пламеннаго воображенія; при первой вспышкѣ революціи 1789 года, онъ тотчасъ сталъ въ ряды ея,

вмѣстѣ съ Мирабо. Засѣдая въ Учредительномъ Собраніи, въ качествѣ депутата отъ дворянства своей провинціи, онъ отличался въ числѣ его ораторовъ. Когда же политическія происшествія приняли оборотъ, несогласный съ его образомъ мыслей, онъ оставилъ Францію и переехалъ въ Швейцарію. Въ Лозаннѣ онъ женился на г-жѣ Септ-Губерти; но бракъ этотъ былъ объявленъ только въ 1797 году, послѣ арестованія графа въ Триестѣ. По случаю этого брака г-жа Септ-Губерти получила ленту Чернаго-Орла, чего до нея не удостоивалась ни одна женщина, кромѣ г-жи Кипо, получившей орденъ св. Михаила, за прекрасный духовный концертъ ея сочиненія, поднесенный королеву Маріи Лещинской.

Въ 1793 году графъ д'Антрегъ былъ въ Венеціи, потомъ назначенъ секретаремъ посольства въ Испанію, гдѣ онъ пробылъ до заключенія міра. Тогда его назначили къ посольству въ Россію; онъ поѣхалъ въ Вѣну, но дорогою былъ схваченъ и заключенъ въ Миланскую цитадель. Наполеонъ, говорятъ, нашелъ въ бумагахъ его доказательство сообщничества его съ Пиннегрио въ дѣлѣ Моро. Для объясненія одного обстоятельства нужна была подпись графа, но ее не успѣли у него выманить, даже обещаніемъ свободы. Однакоже онъ нашелъ средство бѣжать изъ цитадели, тайнымъ содѣйствіемъ, какъ подозрѣвали, генерала Кельмена. Въ 1801 году графъ прибылъ въ Лайбахъ, а потомъ въ Вѣну. Онъ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Фоксомъ, Гренвилемъ и Каннингомъ. Поэтому не трудно предположить, что онъ былъ окруженъ лицами, которыя изъ разныхъ видовъ старались наблюдать за всеми его дѣйствіями и выведывать его тайны, подкупая слугъ. Одинъ венеціанскій эмигрантъ, изъ числа тѣхъ подлыхъ душъ, которыя ловятъ рыбу въ мутной водѣ, подкупилъ деньгами и обещаніями камердинера графа, Лоренцо, пользовавшагося его довѣріемъ. Лоренцо сообщалъ ему всѣ письма, какъ самого графа, такъ и приходившія на его имя, распечатывалъ ихъ и удерживалъ съ нихъ конверты, которые послѣ его смерти и были найдены въ его сундукѣ. За нѣсколько дней предъ совершеніемъ убійства, два незнакомца приходили за камердинеромъ и долго сидѣли съ нимъ въ трактирѣ.

Графъ и графиня были тогда въ Баньеръ-Террасъ, въ Суррейскомъ графствѣ. Наканунъ роковаго дня онъ получилъ денешу, за особенною печатью, вслѣдствіе которой долженъ былъ на слѣдующій день ѣхать въ Лондонъ. Утромъ все было готово къ отъезду. Лоренцо, видя, что продѣлки его должны открыться, бросился на

графа съ кинжаломъ и нанесъ ему два удара, отъ которыхъ онъ упалъ въ крови на лѣстницѣ; боясь, чтобы онъ не очнулся, убійца воротился на верхъ за пистолетомъ, потомъ побѣжалъ за графиней, и ударилъ ее кинжаломъ въ грудь въ то самое время, какъ она садилась въ карету, за тѣмъ ввроятно, чтобы она не могла обвинить его. Онъ, по видимому, совершенно растерялся, ибо, какъ скоро услышалъ тревогу, произведенную убійствомъ, то самъ застрѣлился. Графъ и графиня умерли отъ ранъ черезъ нѣсколько часовъ.

Это злодѣяніе совершилось въ министерство лорда Ливерпуля и Кастльри; причины его были долго тайною. Эмигранта, который, говорятъ, имѣлъ только венеціанское имя, а родомъ былъ изъ Швейцаріи, сильно подозрѣвали въ участіи въ преступленіи; онъ нѣсколько лѣтъ спустя, выбросился въ окно. Не угрызения ли совѣсти побудили его къ самоубійству?

ГЛАВА VI.

Я, однако-же, совсемъ потеряла изъ виду Тулузу; возвращаюсь къ своимъ запискамъ. Вотъ письмо, которое я писала въ Мецъ, своей подругѣ Фанни д'Арросъ.

Графиня Фанни д'Арросъ.

Тулуза.... декабря 1788 года.

«Я писала тебѣ изъ Парижа, любезная Фанни, что г-жа Сент-Губерти представила меня г-жѣ Лемуанъ-Дюбарри; я опять встрѣтилась съ нею здѣсь, къ Тулузѣ. Моя мачиха очень часто бываетъ у нея; ея домъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ. Съ перваго разу видно, что она изъ Парижа: въ ея нарядѣ и обхожденіи есть какая-то изящная простота, резко отличающая ее отъ здѣшнихъ провинціалокъ. Мнѣ очень пристало такъ отзываться о провинціалкахъ; не правда-ли? Чтожъ дѣлать! съ тѣхъ поръ, какъ я побывала въ Парижѣ, невольно говорится: *мы парижане*. Г-жа Лемуанъ очень полюбила меня; не смотря на огромное различіе лѣтъ, я съ нею такъ развязна, она такъ хорошо умѣетъ сблизаться со мною, что мнѣ даже кажется, будто и я что нибудь смыслю и значу, между тѣмъ, какъ съ другими я все такая же глупая дѣвчонка, какъ и прежде. Она обѣщала взять меня въ свое помѣстье, гдѣ она даетъ прекрасные сельскіе праздники. Я видѣла у нея маркиза де-Граммона, перваго городского старшину изъ дворянъ.—Это челоѣкъ лѣтъ

сорока пяти; въ свое время былъ хорошъ собою; онъ очень почтенной наружности, пока не говорить, за то разговоръ его ужасно отзывается деревенщиною. То-ли дѣло принцъ де-Линь! Что до Казалеса, (*) это драгунскій офицеръ, маленькій и толстенный; говорятъ, онъ очень уменъ; я не имѣла случая этого замѣтить, потому что онъ вѣчно спитъ; знаю только, что трудно найти другаго такого разсѣяннаго и нецеремоннаго оригинала; но ему все спускается. Видѣла также графа Жапа, котораго до сихъ поръ знала только по наслышкѣ. Не знаю, какъ тебѣ объяснить впечатленіе, которое онъ произвелъ на меня при первой встрѣчѣ; его рѣчь такъ странна, обхожденіе его такъ вольно, что незнаешь, какъ ему отвѣчать, у него вѣчно на языкѣ герцогъ Ришельё, который теперь губернаторомъ въ Бордо. Онъ съ годъ, какъ женатъ на молоденькой, хорошенькой, по бѣдной дворянкѣ, дѣвицѣ Монтуссенъ. За нимъ всегда шлетется, какъ тѣнь, какой-то родственникъ его жены, графъ Лаказъ, надъ которымъ все ужасно смѣются.

Я чуть не забыла сказать тебѣ, что я видѣла также знаменитую Дюбарри, о которой мы столько наслышались еще въ дѣтствѣ. Вотъ какъ это случилось. Дѣвица Шонъ просила моего отца къ себѣ, чтобы поручить ему сочинить интермедію къ празднику въ честь г-жи Дюбарри, въ помѣстьѣ герцога д'Эгвильона. Отецъ далъ и мнѣ небольшую роль, въ которой я должна была пѣть прелестные куплеты. Послѣ представленія, меня повели къ г-жѣ Дюбарри; она еще очень хороша, хотя и не молода; лицо у нея прелестное, только она слишкомъ полна. Глаза кроткіе и выразительныя, а когда она улыбается, видны зубы ослѣпительной бѣлизны. Герцогъ д'Эгвильонъ также прекрасный мужчина, приветливъ и угодливъ, какъ настоящій придворный. Кромѣ графа Гильома, и г-жи Лемуанъ, тутъ было все семейство: графъ Жанъ, его сестры и одинъ изъ его шуриновъ, настоящий оперный мужикъ въ шитомъ золотомъ кафтанѣ. Всѣ поздравляли меня, ухаживали за мною; г-жа Дюбарри подарила мнѣ нѣсколько парижскихъ коробочекъ, атласный парадъ и муфту съ лебяжьими опушками.»

Къ ней же.

«Тулуза.... января, 1789 года».

(*) Никто не думалъ, въ то время, что Казалесъ будетъ играть такую роль въ Учредительномъ Собраніи; и трудно было предположить, чтобы этотъ разсѣянный, лѣнивый чудакъ могъ быть на что нибудь пригоденъ.

«Я должна рассказать тебѣ презабавный эпизодъ о господахъ городскихъ старшинахъ, которые частенько забавляютъ на свой счетъ здѣшнюю молодежь. По уставамъ и льготамъ Французскаго театра, итальянцы не могутъ играть ни трагедій, ни комедій, развѣ только когда въ нихъ участвуетъ арлекинъ; вотъ почему онъ такъ часто является въ пьесахъ Мариво, къ крайнему неуваженію вѣроятности; но артистамъ Французскаго театра, въ ихъ себялюбивой сѣсьи, дѣла нѣтъ до другихъ. Въ священной трагедіи *Самсонъ* также является арлекинъ; эта пьеса играется рѣдко, потому что сопряжена съ огромными издержками; это кладъ, который актеры приберегаютъ на свои бенефисы, и котораго чудеса долго и долго еще будутъ привлекать толпу. (*) Пораженіе Филистимлянъ ослиною челюстью, разрушеніе дворца Самсономъ, въ особенности же бой арлекина съ индѣйскимъ пѣтухомъ всегда будутъ для публики лучшею потѣхою. Вскорѣ послѣ торжества въ честь г-жи Сент-Губерти, о которомъ я тебѣ уже писала, давали *Самсона*. Индѣйскому пѣтуху, видно, надоело драться, для потѣхи зрителей; онъ улетѣлъ и усѣлся на бортъ ложи господъ старшинъ, будто хотѣлъ приотиться подъ ихъ крылышкомъ. Весь партеръ зашѣлъ въ одинъ голосъ:

Où peut-on être mieux, qu' au sein de sa famille?

Гдѣ лучше быть, какъ не въ родной семьѣ?

«Луиза Флери.»

Наша переписка была прервана довольно долго; наконецъ, я получила письмо отъ молодой графини д'Арросъ, последнее, въ которомъ она извѣщала меня о близкомъ своемъ замужствѣ. Это извѣстіе должно бы обрадовать меня, а вмѣсто того оно меня опечалило; письмо моей милой подруги казалось мнѣ лебединою пѣсней;

(*) Тогда еще неимѣли повятія о нынѣшнемъ богатствѣ декораций и костюмовъ. Дворецъ, комната, дѣсь, деревня, темница, составляли весь запасъ театра. Гардеробъ самыхъ знаменитыхъ трагиковъ состоялъ изъ бѣлаго атласнаго платья, съ красными подосами—для римлянъ, изъ латъ, досинныхъ брюкъ и шлема—для рыцарей, испанскаго костюма и самаго забавнаго наряда, слышавшаго турецкимъ. Когда я приѣхала въ Парижъ, въ 1789 году, въ *Психеѣ* Амуръ являлся въ короткихъ тафтяныхъ брюкахъ, темнаго цвѣта съ прляжками изъ дорогихъ камней на подвязкахъ, и въ черныхъ башмакахъ, шитыхъ золотомъ. Въ *Мидасовомъ судѣ*, Гретри-Аполлонъ спускался на облакъ, завигой и напудренный по послѣдней модѣ.

такъ оно было полно безотчетной грусти и тоски. Бѣдная Фанни, прежде такая безпечная и веселая! Сердце мое сжималось, я не могла понять тайнаго чувства, которое томило его. Вотъ ея письмо:

Мець... ноябрь 1789 г.

«Кажется, милая Луиза, твоя новая дружба заставляетъ тебя забывать старыхъ друзей. Хотя я болѣе года уже не получаю отъ тебя писемъ, я не могу, однако-же, не возвѣстить тебѣ, подругѣ моего дѣтства, величайшаго событiя моей жизни. Я выхожу за-мужъ. Я надѣюсь быть счастлива съ мужемъ, но мнѣ надо будетъ разстаться съ отцомъ, и эта мысль отравляетъ мое счастье. Я выхожу за сына г-на Борекера, котораго ты часто видала у насъ; онъ стоитъ съ полкомъ въ Франшъ-Конте. Отецъ предоставилъ мнѣ совершенную свободу располагать моею рукою, и не хотѣлъ нисколько стѣснять меня въ выборѣ. Но ни подарки, ни приготовления, ни хлопоты, сопровождающiя всегда свадьбу, не могутъ разсѣять моей тоски; я думаю, она происходитъ отъ мысли о скорой переменѣ моего образа жизни и привычекъ дѣтства. Дай Богъ, чтобы это не было тайнымъ предчувствiемъ. Прощай, милая Луиза, ты не повѣришь, какъ мнѣ тяжело, что ты не со мною; ты удивилась бы переменѣ моего нрава, прежде такого веселаго и беззаботнаго! Я увѣрена, что ты желаешь мнѣ счастья въ моей новой жизни; дай Богъ, чтобы твои желанiя были услышаны!

«Фанни д'Арросъ.»

Графиня Фанни д'Арросъ была дѣвушка рѣдкой красоты; ея отецъ, умный и благородный старикъ, ревностный приверженецъ энциклопедистовъ и врагъ дворянскихъ предубѣждений, прослылъ въ своей провинци *философомъ*; однако-же, какъ на него ни кослись, это никому не мѣшало посѣщать его вечера; тутъ можно было послушать довольно пзрядной музыки, почитать новыхъ поэтовъ, потанцовать; какъ же устоять противъ такихъ искушенiй? Графъ много путешествовалъ, былъ въ Индiи, и тамъ женился на женщинѣ рѣдкой по красотѣ и по сердцу; но она умерла въ родахъ. Графъ былъ чрезвычайно друженъ съ домомъ генерала Борекера, ознаменовавшагося защитою Вердена, въ первыя войны Республики. Фанни была почти вмѣстѣ воспитана съ его сыномъ, и отцы еще дѣтми прочили ихъ другъ для друга; дѣйствительно, молодой Борекеръ же-

нилса на Фанни въ 1789 году; нѣсколько лѣтъ спустя, молодые супруги должны были оставить родину; они эмигрировали и поселились въ небольшомъ нѣмецкомъ городкѣ, недалеко отъ Меца. Хотя молодой Борекеръ не хотѣлъ идти съ оружіемъ противъ отечества, онъ тѣмъ не менѣе находился въ спискѣ эмигрантовъ; мать его была при смерти, а сестра, не понимая, какой опасности онъ подвергался, умоляла его приѣхать тайно въ Мецъ, чтобы закрыть глаза умирающей. Онъ повхалъ, не смотря на советъ жены, которая, зная его любовь къ матери, не смѣла удерживать его слишкомъ настойчиво. Негодай, бывшій нѣсколько лѣтъ въ услуженіи въ его домъ, выдалъ его; онъ былъ схваченъ и приговоренъ къ смерти, почти безъ суда, на основаніи одного имени. Кто-бы ожидалъ, что сынъ защитника Вѣрдена погибнетъ на эшафотѣ? Не даромъ же тайное педчувствіе щемило сердце бѣдной Фанни, когда она писала мнѣ последнее письмо.

Это происшествіе сильно огорчило меня, хотя я узнала его много лѣтъ спустя; ибо о такихъ вещахъ никто не смѣлъ писать. Молодая графиня удалась въ Италію. Что съ нею случилось потомъ, я никогда не могла узнать. Происшествія того времени иногда такъ разбрасывали людей, что перьдко случалось съ изумленіемъ встрѣчать живыхъ людей, которые давно считались мертвыми.

ГЛАВА VIII.

Г-жа Лемуанъ отправилась въ Парижъ, взявъ съ себя слово сообщать ей извѣстія и анекдоты о нашихъ обычныхъ посетителяхъ; вся моя переписка съ этого времени до 1798 года ведена почти исключительно съ нею.

Г-жѣ Лемуанъ-Дюбарри, въ Парижѣ.

Тулуза.... ноября 1789 г.

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы возвратились съ Баньерскихъ водъ, а вы уехали въ Парижъ, мы только скучаемъ и тоскуемъ. Не бываетъ уже у насъ веселыхъ вечеровъ, какъ на дачѣ; вы были душою этихъ столичныхъ удовольствій, которыя намъ, бѣднымъ провинциаламъ, явились только мелькомъ, какъ лучъ изъ обѣтованной земли. Мнѣ очень хотѣлось посмотреть Парижъ, когда васъ тамъ небыло; по судите сами, какъ я должна желать этого теперь, когда

ваша дружба и собирающееся у васъ общество дадутъ двойную цѣну его удовольствіямъ. Если я не въ такихъ лѣтахъ, чтобы моя бѣсѣда могла занимать другихъ, то я могу цѣнить окружающихъ меня. Только въ Парижѣ можно встрѣчать знаменитыхъ артистовъ и видѣть блескъ придворной жизни. Кстати о дворѣ и принцахъ, если вы хотите, чтобы я вамъ писала обо всемъ, что дѣлается въ нашемъ кругу, я должна рассказать вамъ, какую шутку сыгралъ со мною Казалесь; не смотря на то, онъ начинаетъ мнѣ правиться болѣе прежняго; онъ очень веселъ и любезенъ; надо, однако-же, сознаться, что если онъ меня смѣшитъ, то за то иногда и дурачитъ меня, и я подозреваю, что онъ считаетъ меня немножко глуповатою.

«Вы знаете, что принцы въ провинціи считаются диковиною, и что хотя дядя мой воспиталъ двоихъ, я ихъ видала очень не много. Я воображала, что принцъ долженъ быть окруженъ многочисленною свитою, ходить въ золотѣ и въ крестахъ, и не можетъ сдѣлать шагу безъ этихъ пышныхъ принадлежностей. Нѣсколько дней назадъ, Казалесь сказалъ мнѣ за тайну, что въ Тулузу ждутъ одного принца, и что онъ будетъ у маркиза де-Граммона. Я хотѣла узнать, не смѣлся-ли онъ надо мною, стала спрашивать и меня увѣрили, что это правда. — «Какъ же мнѣ увидать его?» — «Очень просто; вы часто бываете на дачѣ съ вашею матушкою; вы получите приглашеніе на этотъ день.» Дѣйствительно, мы получили приглашеніе, и утромъ отправились на дачу съ нѣсколькими другими дамами. Послѣ обѣда мы пошли наверхъ, переодѣться. Сшедши внизъ, я села противъ двери, ожидая, при малѣйшемъ шумѣ, что дверь отворится и войдетъ принцъ со всею свитою. Подлѣ меня стоялъ какой-то молодой офицеръ, и ужасно надѣдалъ мнѣ своимъ пошлымъ разговоромъ; я ему почти не отвѣчала. Наконецъ, вышедши изъ теревнїя, я подошла къ Казалесу, и спросила, скоро ли придетъ принцъ. — «Да вы разговаривали съ нимъ все время, съ тѣхъ поръ, какъ сошли внизъ», отвѣчалъ онъ. Этотъ несчастный офицеръ былъ принцъ изъ дому Рогановъ, путешествующій съ своимъ гувернѣромъ. Хорошо-же подшутили надо мною; недоставало только васъ, чтобы совершенно одурачить меня. Несмотря на то, я горю нетерпѣніемъ видѣться съ вами, потому что вы однѣ все оживляете; а между тѣмъ мнѣ остается сказать вамъ съ грустью: до радостнаго свиданія.»

Ваша Луиза.

«Казалось одурачилъ меня; но за то и я хорошо отплатила ему вчера. Вы знаете, какъ онъ лѣнивъ и какъ любить поволочиться за всеми хорошенькими, женщинами. Онъ уже нѣсколько дней щеголялъ повомодною булавкою съ стекляннымъ медальономъ для волосъ; всѣ подшучивали надъ бьюкуримъ локономъ, вставленнымъ въ него. Вчера, довольно поздно, онъ показывалъ намъ фокусы на картахъ; я вдругъ замѣтила, что цвѣтъ волосъ перемѣнился, и изъ бьюкураго сталъ чернымъ, какъ смола. Я мигнула г-жѣ Л., которая подошла къ Казалесу, и вскричала: «Какъ! уже?» Но всего мнѣ, что онъ и не подозрѣвалъ подмѣны, и не могъ понять, какъ это сдѣлалось. Можете себѣ представить, какъ его преслѣдовали насмѣшками, которыхъ онъ не предвидѣлъ; досталось ему и отъ меня за принца Рогана со свитою. Онъ вздумалъ учить насъ фокусъ-покусамъ; но наткнулся самъ на штукарку, которая и его научить; только онъ не сознается.»

Къ ней же.

«Новый притязаній, наконецъ, оживилъ нѣсколько наши вечера. Это Ролень-де-Савуа, генераль-адвокатъ Гренобльскаго парламента, человекъ съ необыкновеннымъ умомъ, съ такимъ умомъ, какой вы любите, и какой дается не многимъ. Что онъ ни скажетъ, всему умѣетъ дать оригинальный характеръ. Надо вамъ рассказать первое наше свиданіе съ нимъ, чтобы васъ тотчасъ съ нимъ познакомиться. Это было на свадьбѣ графа Лаказа, или скорѣе на его помовкѣ, вѣдь вы знаете, что графъ, изъ уваженія къ общественной нравственности, женился на своей любовницѣ. Онъ счелъ обязанностью, подобно Монкаду, въ *Школѣ мещанъ*, пригласить всю родню своей гризетки. Это общество, признаюсь, было для насъ не очень замѣчательно; но графъ былъ отъ него въ восторгѣ. Мы надѣялись, по крайней мѣрѣ, встрѣтить часть нашего круга; но тутъ небыло почти ни одной знакомой намъ женщины. Когда мы вошли въ залу, молодая танцевала съ графомъ Келюсомъ; а вокругъ, около стѣны сидѣло собраніе самыхъ разношерстныхъ лицъ, словно шпалеры. Я села подлѣ матушки, мнѣ было ужасно досадно, и я готовилась проскучать весь вечеръ. Вдругъ, обернувшись печально назадъ, замѣтила я человека, котораго нигдѣ еще не видала; въ провинціи это что-то необыкновенное, потому что всѣ знаютъ другъ друга. Лицо его поразило меня, хотя въ немъ небыло ничего замѣ-

чательнаго, кромѣ весьма умныхъ глазъ, и фізіономіи порядочнаго чело-
вѣка; онъ, по-видимому, не зналъ никого, кромѣ хозяина дома, и
искалъ, кому бы высказать свои наблюденія; это онъ говорилъ намъ
впоследствии.»

«Смѣлось спросить васъ, сударыня, сегодня-ли свадьба, или бы-
ла вчера?»

— Сегодня только подписываютъ контрактъ.

— И балъ?

— Какъ видите.

— Извините меня; я еще повичекъ въ здѣшнемъ краю; маркизь
де-Граммонъ привезъ меня сюда изъ театра и оставилъ среди тол-
пы незнакомыхъ. На лѣстницѣ я встрѣтилъ эту даму (и онъ ука-
залъ на невесту, которая была вся въ бѣломъ, чуть не въ подвѣ-
нечномъ нарядѣ); она шла съ родными; точно свадьба въ оперѣ
Дезертеръ. Я было подаль ей руку, но она отказала, и принуди-
ла меня идти впередъ; съ тѣхъ поръ я нищу когонибудь, кто-бы
меня наставилъ на путь, потому что я на каждомъ шагу боюсь сдѣлать
какую-нибудь глупость.

Комически-глупое выраженіе, съ которымъ онъ это говорилъ,
такъ противорѣчило его лукавой улыбкѣ, что я расхохоталась во все
горло, и съ этой минуты мы стали пріятелями. Матушка рассказала
ему, какъ бѣднаго Лаказа увѣрили, что онъ обольстилъ эту
молодую дѣвушку, (что весьма сомнительно), и что для успо-
коенія совѣсти онъ долженъ на ней жениться, онъ на это весьма
охотно согласился, несмотря на совѣты друзей и сопротивленіе род-
ственниковъ; но какъ онъ въ такихъ лѣтахъ, что долженъ самъ по-
нимать, что дѣлаетъ, его наконецъ все оставили и только смѣются
надъ нимъ.

Вся возраженія, вся замѣчанія г-на Ролена отличались остро-
уміемъ и оригинальностью. Словомъ, этотъ вечеръ, въ который мы
собирались скучать до смерти, былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ
послѣ вашего отъезда.

Г-нъ Ролень вхожъ во все лучшіе дома нашего города; по
когда только возможно, старается проводить вечеръ у насъ, также
какъ и г-нъ Катманъ, изъ благодарности, говоритъ онъ, за наше
гостепримство при первой встрѣчѣ. Онъ очень сошелся съ моимъ
отцомъ.

ГЛАВА VIII.

Такъ какъ я намврена говорить о себѣ, только когда это даетъ мнѣ случай лучше показать нѣкоторыя замѣчательныя личности, и какъ мое замужество нисколько не интересуеъ публики, то я скажу только въ двухъ словахъ, что вышла за-мужъ за Фюзи, въ Тулузѣ. Мы оба были еще очень молоды и отецъ мой былъ совершенно правъ, когда не рѣшался дать намъ свое согласіе. Фюзи скоро сталъ жалеть о свободѣ холостой жизни. Мнѣ было сдѣлано выгодное предложеніе давать концерты въ Бельгій; онъ совѣтовалъ мнѣ принять его, тѣмъ болѣе, что я не играла въ комедіи, и следовательно, мнѣ нечего было дѣлать въ Марсели, куда онъ самъ былъ ангажированъ. И такъ, онъ уѣхалъ въ Марсель, а меня оставилъ у отца до отъезда моего въ Брюссель.

Пѣвицамъ въ то время платили не такъ щедро, какъ теперь; однако-же, хорошими пѣвицами дорожили. Глукъ, Саккини и Пиччини произвели переворотъ въ музыкѣ; методы итальянская и нѣмецкая начинали идти въ ходъ, тѣмъ болѣе, что театръ его высочества, на которомъ пѣли итальянцы, былъ въ большой модѣ; въ этой школѣ образовались Гара, Мартенъ, г-жи Сіо и Розина. Изъ итальянской-же и нѣмецкой школы вышли Меюль, Госсекъ, Десюёръ и Бозльдѣ; они были бы, разумется, великими композиторами во всякое время, потому-что получили гений отъ Бога; но они по этимъ великимъ образцамъ развили свою мелодію и инструментовку. Для г-жи Сент-Губерти написалъ Пиччини впервые оперную арію. Кто воображаетъ, будто въ то время всѣ пѣли, какъ Ленѣ, очень ошибается; всѣ смѣялись надъ его крикливымъ, мѣрнымъ голосомъ, и публика терпѣла его только ради его теплоты и одушевленія; онъ былъ бесспорно дивный актеръ, но нестерпимый пѣвецъ. Лаисъ, Шеронъ, Шардини, г-жа Шеронъ уже отличались гораздо лучшею методію. Съ тѣхъ поръ музыка и искусство пѣнія, разумется, много ушли впередъ; когда разъ попадешь на путь, потомъ уже стоитъ только идти; съ лѣтами можно утратить средства, но направленіе остается; этому примѣромъ служили Гара, Мартенъ, а въ настоящее время Поншаръ. Гара обладалъ такими прекрасными способностями, что уже хорошо пѣлъ, прежде, чѣмъ успѣлъ получить основательное образованіе. Онъ былъ придворнымъ пѣвцомъ королевы и часто пѣвалъ съ нею вмѣстѣ. Известно, что онъ былъ ужасный оригиналь

и ничего не хотѣлъ знать на свѣтъ, кромѣ своего искусства. Однажды кто-то, говоря о музыкальных вечерахъ при дворѣ, сказалъ: «Вы кажется пѣвали такую-то піесу съ королевой?»—Какъ-же! отвѣчалъ онъ съ умиленіемъ; бѣдная королева... какъ она фальшивила!» Г-жа первая развилъ во всемъ ихъ объемъ дивныя средства г-жи Менвиль-Фодоръ, заступившей въ Парижъ мѣсто г-жи Барилли, которая была великою пѣвицею во всякое время.

Итальянцы лучше другихъ пѣвцовъ сохраняютъ свѣжесть голоса до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Г-жѣ Марра было за шестьдесятъ лѣтъ, когда она пѣла со мною прекрасный дуэтъ изъ *Митридата*; голосъ ея былъ еще удивительно обширенъ, мягокъ и гибокъ. Я многимъ обязана ея советамъ и примѣру.

Но самый изумительный примѣръ сохраненія голоса въ старости, это жена старика Пиччини. Каждый четвергъ собирались у него все его ученики и съ семействомъ его составляли многочисленный концертъ, и исполняли, по большей части, его произведенія. Любимымъ его сочиненіемъ былъ *Атисъ*, который, по настоящему, едва ли не всѣхъ слабѣе. Однажды, не достало одной пѣвицы; онъ позвалъ жену, и просилъ ее взяться за партію неявившейся. Одно уваженіе наше къ почтенному главѣ этого семейства удержало насъ всѣхъ, молодыхъ женщинъ, отъ хохоту. Г-жѣ Пиччини было семьдесятъ пять лѣтъ; она была непростительно безобразна, даже для своихъ лѣтъ; горбатая, съ коротенькою шеєю, толста до уродства; къ этимъ достоинствамъ присоединялся нарядъ, по которому можно было почесть ее кухаркою мужа, чѣмъ она отчасти и была, ибо всегда хлопотала въ кухнѣ, и почти не входила ни въ гостиную, ни въ кабинетъ мужа. Вышедши за-мужъ въ весьма молодыхъ лѣтахъ, какъ водится въ Италіи, она имѣла столько дѣтей, что семейство уже состояло изъ трехъ поколѣній. По зову мужа, она сняла передникъ, въ которомъ несла огурцы, чтобы отварить ихъ въ уксусъ, и подошла къ фортепьяно. Когда она начала соло, изъ этой безобразной массы раздались такіе свѣжіе, такіе пѣжные звуки, какихъ не могла издать ни одна изъ ея дочерей и внучекъ. Мы не вѣрили ушамъ. Я нѣсколько разъ закрывала глаза руками, и тогда мнѣ казалось, будто я слышала пѣніе дѣвъ Сіона. И такъ она пѣла весь вечеръ.

— Ну, каково? сказалъ намъ Пиччини: что вы скажете про мою старую колдунью?...

— Что она пожалуй околдуетъ хоть кого, отвѣчала я.

Пиччини жилъ въ то время въ домъ одного сборщика податей, на Вандомской площади; эти люди гордились тѣмъ, что могли оказывать гостеприимство великимъ композиторамъ. Умеръ-же онъ едва не въ нищету, въ отелъ Данжвиле, гдѣ ему дали пріютъ изъ милосердія, со многими другими артистами, живописцами и литераторами. Онъ сочинялъ до послѣдней минуты жизни; постель его была покрыта исписанными листами нотной бумаги. По смерти его дали представленіе въ пользу его семейства, играли одну изъ его оперъ; по театръ былъ почти пустъ; въ другое время онъ былъ бы биткомъ набитъ. Тоже самое случилось и съ дочерью актера Моле. Всѣ умы были увлечены политикою, и если кто отъ времени до времени вспоминалъ объ искусствѣ, такъ это только затѣмъ, чтобы забыть на минуту общія бѣдствія.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, чтобы пользоваться уроками Пиччини, я наконецъ отправилась въ Брюссель. Всѣ поздравляли меня съ выѣздомъ изъ Франціи, гдѣ должно было ожидать страшнаго переворота. Но страна, въ которую я приѣхала, была ничуть не спокойнѣе; я въ этомъ могла убѣдиться въ первый же вечеръ, въ театрѣ, потому, какъ публика принимала каждый стихъ, который можно было применить къ настоящему положенію дѣлъ. На слѣдующій день встрѣтила я принца де-Линя, котораго знала еще въ Парижѣ. «Въ плохую пору приѣхали вы въ Брюссель, сказалъ онъ мнѣ. Мнѣ жаль, что я посоветовалъ капельмейстеру Фистуму пригласить васъ; мы завтра ѣдемъ въ Гагу.»

Дѣйствительно, революція дѣлала быстрые успѣхи. Я сначала отправилась въ Антверпенъ. Проезжая черезъ Мейрскую площадь, на которой я должна была жить, я увидѣла разставленные пушки; на площади и по улицамъ не было ни души, городъ казался совершенно пустымъ. Можно себя представить, какъ пріятно было мнѣ въѣзжать въ городъ среди такихъ военныхъ приготовленій. Однако-же, меня увѣрили, что пушки было выставлены только изъ предосторожности, и что на улицахъ ни въ какое время не бывало много народу. Окна на площадь были закрыты ставнями; всѣ жители удалились въ задніе покои, выходявшіе окнами на дворъ или въ садъ. Это давало площади невыразимо печальный видъ. На слѣдующій день, услышавъ движеніе на улицѣ, я посмотрѣла въ окно и увидѣла вдали крестный ходъ, за которымъ неслась безчисленная толпа народа.

Бельгійская революція нисколько не походила на французскую; первымъ источникомъ ея была религія. Духовенство было во главѣ

движенія и совершало крестные ходы, чтобы благодарить Бога послѣ победы. Кто боялся, былъ запираемъ съ семействомъ въ цитадель, подъ покровительствомъ гарнизона. Между тѣмъ, народъ грабилъ дома; но надо сознаться, что этотъ грабежъ нисколько не походилъ на воровство; всѣ вещи изъ домовъ выбрасывали за окна, собирали въ огромныя кучи, и сжигали; случалось, что кто-нибудь вполголоса предлагалъ другому купить дорогую вещь за грошевую цѣну, и тогда бѣда неосторожному, который давался на такую ловушку.

Несмотря на эти беспорядки, на театрѣ давались представленія, и я не могла среди этой печальной драмы не смѣяться отъ души довольно забавному случаю. На Французскомъ театрѣ давали оперетку: *Сельское испытаніе*. Жюкей г. Дела-Франса долженъ подать Денизъ букетъ, въ которомъ спрятана записка. Вместо букета, онъ подалъ ей огромный медальонъ на тяжелой цѣпочкѣ, и сказала. «Г-нъ Дела-Франсъ посылаетъ вамъ этотъ портретецъ.» При этихъ словахъ зала огласилась криками: *Да здравствуетъ Вандеркотъ*, (*) и бѣдная Дениза принуждена была надѣть на шею цѣпь съ портретомъ, который по росту, можно бы принять за щитъ Мамбриковъ. И каждый разъ, какъ она обращалась лицомъ къ публикѣ, крики возобновлялись.

Черезъ нѣсколько дней, по приездѣ моемъ, меня пригласили въ Гентъ, пѣть гимнъ бельгійскихъ патріотовъ. Этотъ гимнъ, котораго напѣвъ сочиненъ однимъ извѣстнымъ композиторомъ, произвелъ эффектъ, превосходившій даже всякія ожиданія. Онъ былъ потребованъ на слѣдующій день; но на слѣдующій день было не до того; это былъ день ужаснѣйшаго кровопролитія. Въ городѣ было только два австрійскихъ полка, защищавшіе цитадель; это были полки Бендера и Клерфета: армія была далеко отъ города, и нельзя было предполагать, что она намѣрена подойти, потому что патріоты были заняты въ другомъ мѣстѣ. Однако, какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ оппозиціонная армія дѣлала уже неожиданныя нападенія, то можно было и здѣсь бояться чего нибудь подобнаго. Дѣйствительно, въ то время, какъ этого наименѣе ожидали, горсть патріотовъ напала на цитадель. Комендантъ принялъ это за военную хитрость, и вообразилъ, что армія стоитъ за городскими воротами; и въ самомъ дѣлѣ, какъ поверить, чтобы горсть молодыхъ людей вздумала про-

(*) Бельгійскій Лафайетъ.

известить атаку. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія, гарнизонъ положилъ оружіе и вышелъ изъ цитадели. Побѣдители, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать войско, принялись прославлять побѣду и пить за здоровье австрійцевъ. Между тѣмъ, гарнизонъ увидѣлъ свою ошибку; въ дасадѣ, онъ разсвѣлся по городу, сталъ вламываться въ дома и рѣзать кого попало. Люди, способные нести оружіе, были все внѣ города; оставались одни беззащитные граждане. Суматоха была ужасная, все бѣжали, сами не зная куда. Намъ присоветовали запереться въ театрѣ, погасивъ лампы; и въ самомъ дѣлѣ, никому не могло придти въ голову, что мы тамъ; это было, кажется, первый примѣръ, что театръ былъ неприкосновеннымъ убѣжищемъ. Мы просидѣли въ немъ всю ночь въ ужасномъ безпокойствѣ; ибо не знали, что дѣлалось въ городѣ, а у многихъ мужья и отцы были въ опасности. Нѣтъ жестокостей, которыхъ бы не совершили эти два полка, по справедливости названные Гентскими кровопійцами; они бросали дѣтей въ печи, или выкидывали ихъ на штыкахъ за окна; рѣзали стариковъ, сами офицеры раздѣляли неистовую ярость войска. Три молодыя дѣвушки, изъ одного изъ первыхъ домовъ города, узнавъ офицера, который бывалъ въ домъ ихъ родителей, бросились къ нему, умоляя его о защитѣ. Онъ отвернулся безъ отвѣта. «По крайней мѣрѣ, спасите матушку!» вскричала одна; несчастная мать лежала безъ чувствъ на рукахъ дочерей; солдаты бросились къ ней со штыками. «Не могу,» отвѣчалъ офицеръ, отходя въ сторону. Солдаты еще съ болыною яростью бросились на несчастныхъ.

Конца бы не было, если бы я хотѣла разсказать все подобныя злодѣяства, совершенныя двумя австрійскими полками надъ беззащитными гражданами.

Я отправилась въ Антверпенъ, гдѣ готовились не менѣе грозныя событія. Въ цитадели, которая командуетъ всемъ городомъ, находился сильный гарнизонъ; въ нее заперлись все, кому угрожали местию патріотовъ. Съѣстные припасы были почти истощены, и гарнизонъ грозился, въ случаѣ непропущенія подвозовъ съ продовольствіемъ, стрѣлять по городу раскаленными ядрами. Къ деревьямъ на гуляньи, къ стѣнамъ домовъ безпрестанно прибывали новыя объявленія, въ подзорную трубу не трудно было видѣть приготовленія къ исполненію угрозы. Такъ какъ опасно было доводить гарнизонъ до послѣдней крайности, то городскія ворота отворили, и впустили обозъ съ провіантомъ. Я воспользовалась этимъ, чтобы выдти изъ города, сѣла въ Бриггскую лодку, и отправилась въ Брюссель. Оча-

ровательный перевъздъ, спокойныя живописныя ландшафты, лежавшія на моемъ пути, нѣсколько оживили и успокоили мое воображеніе, взволнованное столькими тревогами и ужасными зрѣлищами.

ГЛАВА IX.

Бельгійскія безпокойства принудили меня поспѣшить возвращеніемъ во Францію. Я должна была остановиться въ Аміенѣ, гдѣ меня ждали Сень-Жоржъ и Ламотъ, заключившіе со мною контрактъ для концертовъ страстной недѣли. Мой мужъ также прихалъ ко мнѣ на встрѣчу изъ Парижа; онъ долженъ былъ дать нѣсколько представлений на праздникахъ. Между Аміеномъ и Абвилемъ было прекрасное помѣстье, принадлежавшее виконту Рюго. Виконтъ затыля праздникъ въ честь маркизы Шамбона, только что оправлявшейся послѣ тяжелой болѣзни, и прихалъ самъ просить меня принять небольшую роль въ пьескѣ, сочиненной по этому случаю. Маркиза Шамбона была одною изъ первыхъ красавицъ своего времени, и всѣ обожали ее за любезность и доброе сердце. Праздникъ устроивался безъ ея вѣдома, и она слѣдовательно не должна была и подозрѣвать присутствія участвовавшихъ въ немъ лицъ. Поэтому мнѣ отвели для житія хорошенькій павильонъ въ саду, въ которомъ былъ устроенъ театръ. Роли, хотя съ грѣхомъ пополамъ, но были уже разучены, и мы собрались на репетицію. Авторы водевильчика, Жанлисъ (братъ маркиза де-Сильери, мужа знаменитой писательницы) и Вокленъ, ввели въ мою роль всѣ напѣвы самыхъ модныхъ романсовъ; остальное были истертые куплеты, пѣтые въ пьесахъ Писа и Барре, при рожденіи театра Водевила. Большая часть этихъ напѣвовъ была мнѣ неизвѣстна, всѣ твердили вокругъ меня: «какъ жаль, что нѣтъ Мильена, онъ бы сыгълъ; нѣтъ напѣва, котораго бы онъ не зналъ, и надо послушать, какъ онъ ихъ поетъ». Я еще не знала Мильена; по этимъ отзывамъ я вообразила, что онъ одинъ изъ лучшихъ гостинныхъ пѣвцовъ, корифей аматеровъ, и съ нетерпѣніемъ ждала его появленія. Вдругъ раздалось со всѣхъ сторонъ: «Вотъ онъ, вотъ онъ!» И вижу я, входитъ коротенькій человекъ, весьма невзрачной наружности; всѣ бросаются къ нему съ просьбою показать одинъ водевильный напѣвъ и онъ затягиваетъ его самымъ козлинымъ голосомъ, точно полишинель въ балаганѣ. Мнѣ стало такъ смѣшно, что я принуждена была выбѣжать изъ комнаты, чтобы не расхохотаться ему въ глаза;

онъ же побѣждалъ за мною, говоря: «Смѣйтесь, смѣйтесь, сударыня, безъ церемоній, сколько душъ угодно; голосъ мой производитъ это дѣйствіе на каждаго, кто слышитъ меня въ первый разъ.»

Я извинилась, какъ умѣла, и репетиція пошла своимъ порядкомъ. Мильтенъ игралъ роль деревенскаго балы, и я скоро убѣдилась, что онъ былъ такой же плохой актеръ, какъ и пѣвецъ.

— Что это за чудакъ такой? спросила я Воклена.

— Какъ! развѣ вы не знаете? отвѣчалъ онъ: да этотъ человекъ весьма ученый антикварій, натуралистъ, ботаникъ, словомъ, человекъ весьма замѣчательный.

— Чтожъ, онъ такъ скверно поетъ?

— Вотъ ужъ женскій вопросъ! Да откуда вы взяли, что если онъ ученый антикварій, то долженъ хорошо пѣть?

— Нѣтъ, не то; но ему бы вовсе не следовало пѣть, потому что онъ смѣшонъ.

— Когда узнаете его хорошенько, онъ покажется вамъ еще смѣшнѣе. Въ немъ нѣтъ и слѣда педантизма, напротивъ, онъ человекъ веселаго нрава и любезный, въ особенности съ дамами; всѣ хорошенькія женщины отъ него безъ ума.

— Я очень рада, что не принадлежу къ числу хорошенькихъ женщинъ, потому что вовсе не желала бы быть отъ него безъ ума.

Праздникъ былъ весьма великолѣпенъ и хорошо устроенъ; это былъ впрочемъ одинъ изъ послѣднихъ праздниковъ того поколѣнія; ибо не по днямъ, а по часамъ приближалась грозная эпоха. Въ это время послы Типпо-Сайба были предметомъ всеобщаго любопытства. Нѣкоторые изъ гостей воспользовались этимъ, чтобы немного позабавиться надъ своими знакомыми. Доставъ великолѣпные наряды, вѣрно списанные съ пословъ, они явились къ маркизъ; въ препровожденіи Воклена, который, какъ знатокъ восточныхъ языковъ, вызвался представить ихъ и служить имъ толмачемъ; онъ сказалъ маркизъ, что знаменитые чужестранцы, осмотрѣвъ все, что было любопытнаго во Франціи, не хотѣли проѣхать мимо жилища одной изъ прекраснѣйшихъ и любезнѣйшихъ парижанокъ, не засвидѣтельствовавъ ей своего почтенія, и не поднесши ей какого нибудь любопытнаго произведенія своего отечества. Это было въ день роженія маркизы, и никто не могъ нахвалиться этой новой въживостью виконта Рюго. Господа эти такъ хорошо исполнили свои роли, что многіе дались въ обманъ и поспѣшили въ мой павильонъ, звать меня взглянуть тихонько на пословъ; я однакоже тотчасъ узнала

Сеп-Жоржа. Все эти господа были превосходные актеры — любители.

Вечеромъ, г. Жанлисъ провизировалъ стихи въ честь маркизы; сохранивъ костюмъ молодой крестьянки, которую я играла въ водевилъ, я рассказывала въ этихъ стихахъ весь чудеса, которыя я видѣла въ этотъ день. Маркиза Шамбона очень любезно благодарила меня.

— Мы имѣемъ еще виды на васъ, продолжала она: мы хотимъ играть *Свадьбу Фигаро*; я буду играть графиню, г. Рюго Альмавиву, герцогъ д'Аркуръ — Фигаро, вы же, мы надѣемся, возьмете себя роль Сусанны и займетесь постановкою пьесы. Само собою разумется, что я не позволю вамъ оставаться въ павильонъ. Мильенъ займетъ ваше мѣсто, а вамъ уступитъ свои комнаты подлѣ моихъ покоевъ.

— Попрошу васъ только объ одномъ, сударыня, сказалъ мнѣ Мильенъ: не слишкомъ разстроивать порядокъ въ разной дряни, которую вы найдете на больномъ столѣ: въ моихъ букажкахъ, коробкахъ и растеняхъ, собранныхъ въ большой книгѣ.

— Можете быть увѣрены въ моемъ уваженіи къ вашему травнику; я сама иногда собирала травы.

— Какъ вы занимаетесь цвѣтами! Это мнѣ очень пріятно; мы будемъ собирать ихъ вмѣстѣ; авось либо, это мнѣ повезетъ лучше пѣнія.

— Вѣрю, отвѣчала я смѣясь; въ этомъ дѣлѣ я буду вашею ученицею; мы помѣняемся ролями.

Съ этого времени, дѣйствительно, полюбила я такъ страстно ботанику, что она стала лучшимъ моимъ развлеченіемъ въ годину несчастія и горести.

Я никакъ бы не подумала тогда, что этотъ самый человекъ, такъ насмѣшившій меня при первой встрѣчѣ, долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ короткихъ моихъ друзей, котораго память будетъ мнѣ дорога до самой смерти. Но много мнѣ нужно было времени, чтобы убѣдиться въ его прекрасныхъ свойствахъ. Когда онъ былъ схваченъ въ 1793 году, я придумала весьма любопытное средство, давать ему разныя вѣсти.

Маркиза Шамбона была типомъ модныхъ женщинъ, такъ называемыхъ *petites maitresses* прошлаго вѣка. Знатныя женщины были кокетки; но непреодолимому инстинкту кокетство ихъ было не то что вынужд; знатные люди не заботились ни о чемъ серьезномъ, это

былъ вѣкъ мелочей; они жили для одного удовольствія. Женщины знать не хотѣли ни о наукахъ, ни о литературѣ; въ ихъ способности сосредоточивались въ желаніи нравиться, блистать, затмѣвать соперницъ красотою и щегольствомъ; заставить говорить о своемъ вкусѣ, о нарядѣ, котораго никто дотолѣ не видывалъ, и который щеголиха считала за долгъ бросить, какъ скоро онъ явился на другой. Любили, правда, литературу и музыку, покровительствовали искусствамъ, но единственно потому, что это было въ обычаѣ и смотрѣли на эти предметы, какъ на игрушку, которая хороша, пока не прошла на нее мода. Каждая дѣвица, получившая хорошее воспитаніе, должна была играть на фортепяно, на арфѣ, рисовать; но какъ скоро она была замужемъ, все бросала. Хорошенькая женщина раздѣляла мнѣніе старинной пѣсни: когда женщина умѣетъ нравиться, ей не нужно другихъ наукъ. Наука кокетства обращала большое вниманіе на драпировку покоевъ, на цвѣтъ мебели, который долженъ былъ гармонировать съ цвѣтомъ лица и волосъ хозяйки, съ ея большей или меньшей свѣжестью. Что, напримеръ, могло быть убійственнѣе желтаго цвѣту для блондинки, или зеленаго для той, у которой яркій румянецъ на щекахъ. Отдергивался ли занавѣсъ, то было математически исчислено, на сколько онъ долженъ былъ закрывать или пропускать свѣту; искусно расположенные зонтики на свѣчахъ не позволяли ихъ яркому свѣту бросать слишкомъ сильную тѣнь на лицо красавицы, чтобы не покрыть его бороздами. Кресла, диванъ ставились въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; словомъ, живописецъ такъ не забываетъ о полномъ эффектѣ своей картины, сколько хорошенькая женщина заботилась обо всемъ, что могло вредить или благоприятствовать ея прелестямъ.

Спальня была убрана съ роскошью, доходившею до изысканности, потому что обычай позволялъ красавицъ въ спальнѣ, не вставая съ постели, принимать утренніе визиты. Поэты прошлаго вѣка довольно восхваляли эти визиты у постели, въ которыхъ курился красавицъ первый энзимъ. Какъ скоро красавица просыпалась, по первому звонку являлась ея главная куафистка, которую шапочка, подобранная коса и спензеръ, не позволяли принимать за хозяйку; живо и ловко вынимала она изъ картона купальнѣй чепецъ, замѣняла имъ измятый чепчикъ проснувшейся красавицы и накидывала на нее щегольской халатъ; между тѣмъ другія горничныя убирали стеганное отласное одѣяло и подушки, и замѣняли ихъ богатыми шитыми кисеями, на шелковомъ подбѣе одного цвѣта съ за-

навѣсами. За тѣмъ ставили цвѣты на спальныя столики, жардиньерки подлѣ кровати, клали духи въ курительницу и отдергивали двойныя занавѣсы на столикъ, чтобы красавица могла взглянуть на присланный наканунѣ романъ и на лежащія подлѣ нея на столикѣ записки. Въ Англии сочли бы крайне непристойнымъ, чтобы женщина принимала мужчинъ въ своей спальнѣ; врачу даже дозволяется входить въ это свѣтилице только когда больная не въ силахъ выйти въ гостиницу; это право имѣеть одинъ отецъ; даже родные братья рѣдко впускаются, а двоюродные никогда.

Около двухъ часовъ являлись посѣтители: женщины, занимавшія не столь высокую степень въ іерархіи большаго свѣта, и потому вызвавшія по утрамъ, и щеголи, бѣгавшія по спальнямъ въ верховомъ платьѣ. Жилетъ, галстухъ и круглая шляпа были терпимы въ дамскихъ покояхъ только для утреннихъ визитовъ. Говорили о томъ, какъ собирались провести день, рассказывали городскія новости; а для большей пріятности бесѣды, приправляли ее малою толикою злословія.

По окончаніи визитовъ, красавица надѣвала утренній капоть и отправлялась въ свою молеельню. Это таинственное убѣжище освѣщалось алебастровою, шарообразною лампою, разливавшею блѣдный свѣтъ на подобіе вечерней зари. На небольшомъ алтарѣ, уставленномъ цвѣтами, стояли распятіе и образъ Богородицы; напротивъ скамейка, обитая бархатомъ, съ такою же подушкою; молитвенникъ съ прекрасными картинками и съ дорогими рѣзными застежками; на полкѣ красовались проповѣди Боссюета, Ансильона, Фленше и другія душеспасительныя книги; курильницы, въ которыхъ горѣли благовонныя вещества, наполняли пріятнымъ ароматомъ этотъ домашній храмъ, куда красавица приходила умиляться въ дни счастья, искать утѣшенія въ дни горести. Въ воскресенье и праздничныя дни дамы ходили къ поздней обѣднѣ; а постомъ на проповѣдь моднаго проповѣдника; лакей несъ передъ ними подушку и молитвенникъ. Женщины всѣхъ сословій строго соблюдали свои религіозныя обязанности; не мысало бы, разумѣется, при этомъ не стараться имъ нускать пыль въ глаза своимъ великолѣпьемъ; но церковь и ея служители сами были окружены такимъ великолѣпьемъ, что можно было извинить роскошь женщинъ.

Выходя изъ молеельни, красавица надѣвала легкій халатъ и отправлялась въ уборную, которая была убрана особымъ образомъ; стѣны были увѣшаны модными картинками, изображавшими от-

жившіе паряды, которые кажутся такъ смѣшны, когда прошло ихъ время. «Боже милостивый, думаешь иногда: неужели и я носила эту уродливую прическу?»

— И вы носили сударыня, и она была вамъ очень къ лицу. — Быть не можетъ.» Прелестный туалетъ былъ уставленъ духами, порошками, лакированными или серебрянными коробками, рѣзными ящичками изъ слоновой кости, цвѣтными хрустальными флаконами; словомъ, самыми богатыми и щегольскими игрушками. Со всѣхъ сторонъ разбросаны были душистые сачеты, разставлены искусственные цвѣты. Зеркала, окруженныя картинками Буше; на плафонъ амурѣ и граціи; и, наконецъ, щегольской каминъ съ колонками. Освѣщеніе этого причудливаго будуара было верхо́мъ науки кокетства. Тутъ красавица отдавала свои волосы искусной рукѣ парикмахера, ожидавшаго ее уже болѣе часу; это былъ непременно ученикъ Леонара, котораго одно имя обогатило цѣлыя сотни его собратій. Парикмахеръ забавлялъ красавицу своею болтовнею, приносилъ ей вѣсточки, выдавалъ ей туалетныя тайны ея соперницъ; она хохотала, не думая о томъ, что точно такъ же выдать онъ и ея тайны; но ему все спускалось, а онъ перьдко употреблялъ свои преимущества во зло; это былъ шутъ царицы модъ.

Но во всемъ своемъ цвѣтѣ являлось великолѣпие модныхъ красавицъ весною, на Лоннанскомъ гуляньи. Это гулянье, которое нисколько не походило на нынѣшнее, было весьма важнымъ дѣломъ для щеголихъ. Дворянство, чиновники и банкиры составляли три совершенно различные класса, которыхъ наряды рѣзко отличались между собою, хотя всѣ они гонялись за подражаніемъ другъ другу.

Освободившись изъ рукъ куафѣра, красавица одѣвалась, чтобы ѣхать гулять; для гулянья былъ определенныи, простенькій нарядъ; широкій, закрытый шелковый капотъ, обшитый блондами, сборчатая шляпа на косточкахъ и полувуаль для защиты отъ солнца; зимою атласный капотъ на ватѣ, бѣлый кашшоуъ, муфта или вѣрть. Она ѣздила въ каретѣ по бульвару или садилась на скамейку въ Тюильрийскомъ саду, гдѣ около нея немедленно собирался кружокъ щеголей, молодыхъ празднотцевъ, какихъ вездѣ такъ много. Она возвращалась съ гулянья къ обѣду; если обѣдала дома, то оставалась въ утрешнемъ нарядѣ, если только не собиралась съ визитами или на балъ; въ такомъ случаѣ являлись великолѣпные уборы и наряды, какиѣ мы часто видимъ на театрѣ въ старыхъ комедіяхъ, за исклю-

ченіемъ шляпокъ à la Henri IV, которыхъ на театрѣ еще не приняи. Эти бархатныя шляпки, поднятыя спереди на брильянтовомъ или жемчужномъ шнуркѣ, и украшенныя бѣлыми перьями, считались верхомъ щегольства.

Изъ старыхъ хроникъ извѣстно, что Лоннанское аббатство основано сестрою святаго Людовика, Изабеллою. Здѣсь-то были устроены первые духовные концерты, они давались на страстной недѣли, по почамъ, въ среду, въ четвергъ и пятницу. Свѣжіе звучные голоса молодыхъ дѣвушекъ пѣли богохвалебныя гимны. Эти концерты были запрещены архіепископомъ; гулянье же сохранилось, и скоро не только вошло въ моду, но сдѣлалось бышеною страстью. Концерты стали давать на оперномъ театрѣ; другихъ увеселеній на страстной недѣль не было.

По склонности женщинъ того времени къ роскоши, можно судить о чудесахъ, какія представляло Лоннанское гулянье. За долго до того, щеголиха только о томъ и думала, какъ бы придумать новую моду, никому еще не приходившую въ голову; она тайлась даже отъ парикмахера, какъ отъ предателя, которому можно было открыть свой планъ только въ минуту исполненія; призывала на помощь модистку и портниху, по цѣлымъ часамъ совѣщалась съ ними о своихъ стратегическихъ комбинаціяхъ, и покупала ихъ молчаніе на вѣсъ золота. Она несомнѣвалась въ побѣду. А между тѣмъ, какъ часто случалось, (какъ и во всякомъ планѣ, котораго исполненіе требуетъ участія нѣсколькихъ постороннихъ лицъ), что тайна ея была продана болѣе щедрой соперницѣ, и слѣдствіе этой измѣны было пораженіе, срамъ, отчаяніе! Какой стыдъ приѣхать въ Лоннанъ, или на вечеръ, и увидѣть на другой уборъ или платье, надъ которымъ она размышляла, которыя она обдумывала, какъ бы объявленіе войны или мирный трактатъ! Она возвращалась домой пристыженная, оскорбленная, опечаленная до глубины души; сердце ея обливалось кровью при одной мысли, что ея выдумка такъ скоро переята или предупреждена. Если же соперница была замѣчена прежде нея, или, при сравненіи копій съ оригиналомъ, въ судяхъ было замѣтно хотя минутное колебаніе, кому отдать преимущество,—о! тогда это было такое отчаяніе, что друзья ставили себѣ въ обязанность на слѣдующій же день явиться утѣшать обиженную, разсѣять ее; ибо слухъ о случившемся не могъ не разнестись въ тотъ же вечеръ; красавица неявлялась къ ужину, который она обыкновенно оживляла своею любезностью и остро-

уміемъ; она страдала страшно мигренью; обожатели ея тщетно вы- бивались изъ силъ, чтобы заставить ее забыть кровавую обиду, сдѣланную ее поемъшницею всего моднаго свѣта. Что касается до мужа, о немъ и говорить нечего; онъ едва показывался въ покояхъ жены, а ужаснать съ нею было бы верхомъ невѣжества. Онь испол- нялъ свои обязанности личіе себя при другой, можетъ быть, утѣшала ее въ томъ же горь, за которое трюнилъ надъ женою; что разу- мѣется, не мало содѣйствовало къ усиленію ея досады. Только че- резъ несколько дней рѣшалась она выйти изъ спальни и то не на- че, какъ въ больномъ неглиже. Вотъ еще одна изъ великихъ тайнъ навѣки погибшей науки кокетства!

Это неглиже было совсѣмъ не то, что утреннее неглиже обычно- венныхъ дней; оно было такъ расчитано, чтобы каждому ясно ука- зывало на нездоровье, и на оправленіе отъ болъзни, чтобы внушало участіе. Когда на красавицѣ являлся длинный кисейный цешуарь, обшитый кружевомъ, изъ подъ котораго выглядывали крошечныя ножки, обутыя въ стеганныя или подбитыя мехомъ туфли; большой кружевной чепецъ, подъ которымъ волосы, осыпанные легкимъ сло- емъ пудры, были подобраны подъ гребенку, отпуская съ боковъ двѣ-три строптивыя пряди; длинные рукава, завязанные у кисти ленточкою; платочекъ на шею; бѣлая мантилья на вѣать; капи- зонъ или сборчатая шляпа. — можно-ли было изъ этого наряда не догадаться, что красавица была нездорова. Вся это знали, все тол- пились около прелестной больной и она скоро забывала свой том- ный видъ, слушая тысячи пустяковъ, которыми все наперерывъ старались ее разсѣять. При ней обыкновенно бывала пріятельница, или компаньонка, никогда не отличавшаяся красотою. Друзья остав- ляли больную не прежде, какъ усадивъ ее въ карету и взявъ съ нея слово быть вечеромъ въ ея аборированной ложь, въ Оперѣ или во Французскомъ театрѣ, въ томъ же прелестномъ неглиже, кото- рый ей былъ такъ къ лицу; но который, не смотря на то, она за- мѣняла шелковымъ капотомъ и блондовымъ чепцомъ, съ легкою наколкою изъ шерстянаго газа, подвязанною подъ подбородкомъ. Нынче уже неумѣютъ дѣлать этихъ прелестныхъ газовъ, нисколь- ко не похожихъ на то, что теперь называютъ газомъ; они были рыжевато-бѣлаго цвѣта и точно паутина. Прону покорно нынче узнать, что женщина оправляется отъ болъзни или выходитъ изъ ванны, когда все женщины одѣваются одинаково съ утра до ночи,

кроме развѣ на балу или въ Итальянской оперѣ; да и тамъ моды ужасно однообразны.

Въ то время одиѣ развратныя женщины перенимали наряды знатныхъ дамъ; не одна Лаиса или Фриня прошлаго вѣка могла бы выдержать сравненіе съ прелестницами древней Греціи. Роскошь ихъ превосходила даже роскошь знатныхъ женщинъ, которыхъ мужья журили за мотовство, расточая между тѣмъ золото своимъ любовникамъ.

Среди этой-то праздной, безпутной жизни, революція вдругъ разразилась на безпечное общество, налетѣла на бѣдныхъ женщинъ, какъ коршунъ на слабыхъ горлицъ. Ихъ разбросало по разнымъ странамъ, и на чужбинѣ долго еще онѣ сохранили свою прежнюю страсть къ роскоши и бездѣйствію. Но эмиграція и разореніе, наконецъ, заставили ихъ опомниться. Кто умѣеть съ достоинствомъ переносить несчастіе, почерпаетъ въ немъ опытность и мужество: онѣ переродились въ его суровой школѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя что нибудь вынесли изъ своего воспитанія, стали усовершенствовать свои познанія и таланты, и передавать ихъ ученикамъ; онѣ перенесли въ страны, давнія имъ убѣжище, изящный вкусъ, пріятливость и обходительность, которыми всегда отличались француженки. Въ талантахъ своихъ и трудѣ нашли онѣ средство содержать себя и свои семейства. Онѣ дѣлались гувернантками, давали уроки французскаго языка, музыки, пѣнія. Г-жа Делатуръ-дю-Пень, женщина молодая, прекрасная, богатая, привыкшая ко всей роскоши свѣтской жизни, стала въ сѣверо-американскихъ штатахъ фермершею; ѣздилла на ослѣ, въ огромной соломенной шляпкѣ, въ городъ, продавать плоды, масло и сливочный сыръ, пользовавшійся довольно громкою славою; въ такомъ видѣ явилась она Талейрану. Кто читалъ поэму аббата Делиля о *Сострадѣніи*, вѣроятно помнитъ прелестный эпизодъ, посвященный ей. Большая часть женщинъ переносили это время горестей съ твердостью, безъ ропота; въ особенности въ Вандеѣ, явили примѣры мужества, сдѣлавшіе бы честь и не ихъ полу; напримеръ, г-жа де-Ларошжакленъ, или та крестьянка, которая поставивъ боченокъ пороху среди избы и собравъ вокругъ себя своихъ дѣтей, съ пистолетомъ въ рукѣ, отразила солдатъ, хотѣвшихъ ворваться въ ея жилище. Мелочность ума можетъ не имѣть вліянія на сердце, не разрушать силы души. Раздупленные офицеры прошлаго вѣка, садившіеся за пильцы и приводившіе въ восхищеніе красавицъ своимъ искусствомъ вырѣзать пти-

чекъ и домики, доказали свою храбрость въ день битвы; молодой Д'асса, французскій Деций, бросившійся въ огонь и на штыки, крича: «За мною оверицы, на врага!» былъ вѣроятно такимъ же гостинымъ щеголемъ.

Я впоследствии видала Мильена у Юли Тальмы, которой онъ, разумется, рассказалъ неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное на меня его пьесомъ, на праздникъ маркиза Шамбона. Мильенъ былъ человекъ весьма пріятный; въ учености его не было и тѣни педантизма; безпрестанно встрѣчался онъ въ обществѣ, до котораго былъ страстный охотникъ, и въ то же время успѣвалъ заниматься антикварными изслѣдованіями въ Королевскомъ Музеумѣ, котораго онъ былъ консерваторомъ, читалъ курсы ботаники, археологін, естественной исторіи, ризбиралъ старья рукописи и издавалъ «Энциклопедическій сборникъ». Его любезность, веселость, и занимательная беседа дѣлала его кумиромъ молодыхъ женщннъ. Все утро посвящалъ онъ труду, а вечеромъ предавался удовольствію, съ ревностью человека, которому нужно было отдохнуть отъ утомительнаго труда; за то ужъ, когда онъ работалъ, никто не смѣлъ его тревожить, и напрасно было бы просить его о чемъ либо, наиримвръ, показать античный музей въ неположенное время. Разъ онъ отвѣчалъ мнѣ почти грубо: «Античный кабинетъ можно видѣть въ положенные дни; меня же каждый день; но надо умѣть выбрать время.»

Мильенъ былъ преданъ друзьямъ, и давалъ имъ очень полезныя совѣты; я многимъ обязана ему, онъ внушилъ мнѣ любовь къ наукамъ; а это удовольствіе, которое переживаетъ молодость, не даетъ замѣчать быстрое теченіе годовъ, доставляетъ намъ утѣшеніе въ горести и укрѣпляетъ нашъ духъ противъ напастей судьбы. Когда, размышляя о настоящемъ, человекъ имѣетъ въ виду прошедшее, мечта его создаетъ лучшее будущее, котораго ему можетъ быть не видать; но какой-то благодѣтельный духъ указываетъ его вдали и тогда становится легче доживать вѣкъ.

Въ 1790 году, на литературѣ, на искусствахъ, на модахъ, на всемъ была печать того энтузіазма, который внушало молодымъ людямъ вѣрованіе въ римское величіе. На Французскомъ-Ришельевскомъ театрѣ давали только *Брута*, *Смерть Цезаря*, *Виргинію* и новыя трагедіи въ томъ же родѣ: *Кайя Грайха*, *Эпихариду* и *Нерона*; на оперномъ театрѣ *Мильтіада при Марафонѣ*, *Горація Коклеса*. Чтобы понимать то, что происходило вокругъ насъ, надо было учиться; женщины принялись за исторію, о которой большая

часть, въ томъ числѣ и я, знали только, что когда-то ей учились, въ дѣтствѣ. Когда же явились подражатели гоненій Брута и Силлы, мы изъ сравненія поняли дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Въ особен-ности бѣдствія 1792, 93 и 94 годовъ, обращали наше вниманіе на римскую исторію. Мильенъ былъ моимъ руководителемъ въ чтеніи и ученіи; но, признаюсь, я предпочитала исторію Греціи; въкъ Перикловъ приводилъ меня въ восторгъ. Любимымъ моимъ чтеніемъ были *Анахарсисъ*, сочиненіе доктора По, комедіи Плавта и Менавдра.

Когда Денонъ возвратился изъ Египта, я читала его книгу у Мильена, еще до выхода ея въ свѣтъ. Тутъ я ближе познакомилась съ Озирисомъ и Изидою и во мнѣ проснулася опять страсть къ ботаникѣ, которую я было оставила; притомъ ботаника въ это время вошла въ моду. Всѣ первыя модницы составляли травники, ходили слушать курсъ ботаники Мильена въ Ботаническомъ Саду, и учиться рисовать цвѣты у Ванъ-Спадонка. Это напоминаетъ мнѣ забавный случай. Я уже говорила, что Мильенъ былъ моимъ руководителемъ въ ученіи; но слишкомъ серьезныя вещи не могли долго занимать меня. Случай свелъ меня съ одною дамою, также занимающеюся собираніемъ раствнй; мужъ ея былъ некогда при посольствѣ въ Остъ-Индіи, и она вывезла оттуда много любопытныхъ свѣдѣній о цвѣтахъ и раствняхъ. Она сообщила мнѣ нѣкоторыя изъ нихъ, и я вздумала составить символическій травникъ подъ названіемъ: *Женскія Думы*. Съ каждымъ днемъ дѣлала я новыя открытія; это была прелюбопытная систета письма шифромъ. Когда я привела совершенно въ порядокъ свои богатства, я съ гордостью показала свое открытіи Мельену, который, какъ можно себя представить, посмѣялся надъ моею глупою затѣею.

— Но, говорила я, развѣ древніе не придавали цвѣтамъ символическаго смысла? Въ Германіи до нынѣ приписываютъ таинственное значеніе дереву, посаженному въ день рожденія ребенка; оно съ нимъ растеть, и родные радуются, когда оно зелено, грустятъ, если оно сохнетъ: какъ будто какой-то магнетизмъ связываетъ эти два разнородные существа. И сколько цвѣтовъ, которыхъ одно названіе означаетъ известную мысль! Наготокъ, кипарисъ, плакучая ива не суть-ли нѣмыя символы горести? Дѣвушки въ деревняхъ, не гадаютъ-ли о будущности по полевой маргариткѣ. Каприфоля выражаетъ упорство; незабудка называется этимъ именемъ на всѣхъ языкахъ

— Вы съ ума сошли, отвѣчалъ мнѣ Мильенъ; что вамъ за охо-

та заниматься этимъ вздоромъ, вместо того, чтобы заняться деломъ?

Этотъ отвѣтъ разрушилъ мою радость, и я дала себѣ слово, впредь не сообщать своихъ открытій строгому учителю. Однако-же, онъ былъ похожъ на тѣхъ мужей, которые смѣются надъ женами, когда онѣ раскладываютъ карты, а между тѣмъ сами поглядываютъ туда-же изподлѣбья.

— Что-же, — сказала онъ мнѣ однажды, — подвигается-ли наука символовъ? Надо издать эту *Дамскую Флору*, я ручаюсь за успехъ.»

Наука наша была очень пемудренная и самая невинная. Увы! онъ не предвидѣлъ, что эти пустяки, надъ которыми онъ такъ смѣялся, должны были сдѣлаться средствомъ сообщенія съ друзьями, страдавшими въ темницахъ, въ особенности въ Люксамбургской, изъ которой, по положенію ея, можно было очень далеко видѣть.

Каждый день средняя аллея, противъ дворца, была полна женщинъ, дѣтей и стариковъ; трудно было видѣться сквозь желѣзныя рѣшетки, по чего не видаль глазъ, то угадывало сердце. Вечеромъ люди блуждали вокругъ, какъ безмолвныя тѣни; протянутая веревка не позволяла подходить ближе, а часовые разставленные въ небольшихъ разстояніяхъ, слѣдили за каждымъ взглядомъ, за каждымъ движеніемъ этихъ несчастныхъ. Находились однакоже средства обманывать ихъ бдительность. Изъ одного изъ этихъ оконъ г-нъ К. подстерегалъ взглядъ молодой, нежно любимой жены, державшей одного ребенка за руку, а другаго на рукахъ. Она внушила мнѣ невольное участіе; она это поняла и старалась заговорить со мною; въ будъ люди становятся сообщительнѣе. Замѣтивъ, что у меня всегда были въ рукахъ цветы, она спросила о ихъ назначеніи; я объяснила ей то, что сейчасъ рассказывала. Можно себѣ представить, какъ она обрадовалась этому открытію. Съ этой минуты, мы стали употреблять все усилія, чтобы какъ нибудь передать алфавитъ цветовъ; это было дѣло не легкое, потому что самая простая вещь возбуждала подозрѣніе. Однакоже, съ помощью денегъ, мы уломали наконецъ одного изъ прислужниковъ заключенныхъ.

— Въ этомъ не можетъ быть никакой опасности, говорила я ему; въ цветахъ небудетъ никакихъ записокъ; да и если бы были, ихъ не трудно увидѣть. А между тѣмъ заключенному будетъ такъ пріятно получить букетъ цветовъ, который напомнитъ о женѣ и дѣтяхъ.

Наконецъ онъ согласился. Мы этимъ по-крайней-мѣрѣ развлекали себя самихъ. Я не суевѣрна, но случай приводитъ иной разъ такія странныя столкновенія, что, если они могутъ приложиться къ предмету нашихъ мыслей, имъ невольно вѣрится. Если даже не вѣрнись, приятно искать этого отношенія случайныхъ явленій къ занимающему насъ предмету. Когда-же душа истомлена страданіемъ, она еще легче поддается этой слабости; тогда каждая мысль больному воображенію кажется небеснымъ вдохновеніемъ. Казанова вообразилъ-же, что въ числѣ и расположеніи буквъ одного итальянскаго стиха, скрывался день и часъ его освобожденія. Если великіе люди столько разъ увлекались такимъ мечтами, намъ ли не простительны онъ, бѣднымъ женщинамъ, живущимъ чувствомъ.

Увы! скабіоза, символъ вдовства, и ноготокъ возвѣстили мнѣ смерть К. Я долго скрывала ее отъ бѣдной вдовы, которая, къ счастью, въ это время была больна и не сходила съ постели. Она узнала свое несчастіе только когда роковая тележка увезла столько жертвъ, что уже невозможно было чего либо не знать или скрывать чтонибудь.

Женщинамъ того времени не отдають полной справедливости: сколько я знала такихъ, которыя жили въ несогласіи и даже врозь съ мужьями; а какъ скоро мужья были въ опасности, онъ ничего не щадили для облегченія ихъ участи, проводили по цѣлымъ днямъ въ прихожихъ лицъ, отъ которыхъ могли ожидать какойнибудь помощи. Г-жа Дюбуиссонъ, напримѣръ, нѣкогда такая прихотливая, разборчивая и избалованная, не смотря на дождь, на снѣгъ, на грязь, таскалась во всякую пору по всему Парижу, переносила униженія и оскорбленія, чтобы вымолить какоенибудь облегченіе участи мужа. Это было бы очень понятно, еслибы она жила съ нимъ въ согласіи; но они давно уже жили врозь, онъ въ Парижѣ, а она въ Брюссель, и не заботились другъ о другъ. Но при первой вѣсти о его опасности, она прискакала въ Парижъ и, не могши спасти его, умерла вскорѣ послѣ него съ горя. Въ такія минуты дружба воскресаетъ и всѣ неудовольствія забываются.

ГЛАВА X.

Люди, которыхъ я встрѣчала наиболее въ домъ маркизы Шамбона, отличались вообще умомъ и любезностію; нѣкоторые изъ нихъ играли немаловажныя роли въ обществѣ. Но не всѣ, подобно Милье-

пу, обладали болѣе рѣдкими качествами души, внушающими уваженіе и дружбу. Графъ Шили, какъ и Шансене, нажилъ себя множество враговъ своимъ рѣдкимъ остроуміемъ. Когда ему случалось кого нибудь не возлюбить, онъ говорилъ самыя оскорбительныя вещи, не заботясь о томъ, что язвительныя колкости его попадали не въ бровь, а прямо въ глазъ. Страшно было затронуть его, потому что онъ всегда былъ наготовѣ, и безпрестанно огрызался, то вправо, то влево. Онъ былъ недурень собою, статный, красивый мужчина и ужасно избалованъ женщинами, не смотря на его умъ, это приучило его къ самонадеянности и небрежности, доходившими иногда до грубости. Онъ долго сохранилъ удивительную молоджавость; въ пятьдесятъ лѣтъ, ему едва давали тридцать. Несмотря на все эти средства нравиться, онъ былъ очень непріятенъ (*).

Ривароль былъ также довольно самонадеянъ, но гораздо любезнѣе графа Тили; онъ былъ мастеръ отпускать тѣ мягкія остроты, которыя врѣзаются въ памяти навсегда. Одна умная дама, въ присутствіи которой онъ осмѣлился сказать, что нелюбилъ умныхъ женщинъ, а предпочиталъ имъ хоть дурочку, но съ свѣженькимъ пятнадцатилѣтнимъ личикомъ, написала ему въ альбомъ:

Cette morale peu sévère

Séduira plus d'un jeune coeur;

Il est commode et doux de n'employer pour plaire

Que ses quinze ans et sa fraîcheur.

Mais un amant que l'esprit indispose

Peu'il être constant? Oh non!

Celui qui pour aimer ne cherche qu'une rose

N'est sûrement qu'un papillon.

Ривароль былъ однимъ изъ редакторовъ *Длинній Апостолювъ*, вмѣстѣ съ Шансене, Мирабо-бочкою (Топпеау), и другими. Мирабо получилъ это прозвище за свою богатырскую дородность и невоздержность, если вѣрить народной молвь, ибо въ частныхъ обществахъ я объ этомъ ничего не слыхала. Впрочемъ, онъ былъ также человекъ съ талантомъ. Все литераторы, участвовавшіе впоследствии въ этомъ знаменитомъ журналѣ, сходились у маркизы Шамбона.

Критическій умъ Шансене былъ тѣмъ грознѣе, что онъ часто попадалъ очень вѣрно; онъ никому не давалъ спуска; за то артисты не любили его. Остроты его переходили изъ устъ въ уста, изъ дому

(*) Графъ Тили застрѣлился въ Брюсселѣ, во время Реставраціи.

въ домъ, и расходились такимъ-образомъ по всемъ сословіямъ. Такъ какъ онъ всегда были язвительны, то ихъ никогда не забывали; случилось, что онъ были тупы и грубы, какъ на примѣръ, слѣдующая. Какая-то дѣвица Дюфе дебютировала въ Комической Оперѣ, она выбрала роль Люсетта, въ *Мнимомъ колдовствѣ*, ради большой арии, начинающейся словами; «Какъ молнія коварная надежда...» Шансене стоялъ у входа балкона, прислонившись къ колоннѣ, и слушалъ зѣвая; де-Нарбонъ, очень интересовавшійся дебютанткою, подошелъ къ нему, пыхтя отъ восторга, и сказалъ: «Не правда-ли, Дюфе, спѣла арию, какъ молнія?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ критикъ, а просто, какъ поросенокъ. Сосѣди, подслушавшіе это сужденіе, немедленно распустили его по залъ.

Шансене былъ вѣчно въ долгу, и чтобы освободиться отъ докучливыхъ заимодавцевъ, онъ отпускалъ имъ самыя школьническія шутки. Видя кого нибудь изъ нихъ изъ окна, онъ накалялъ замокъ отъ своей двери, такъ, что несчастный жестоко обжигалъ себя руку, иногда отъ боли оступался и катился съ лѣстницы, ругаясь и угрожая должнику тюрьмою, которой онъ нисколько не боялся.

Другой разъ, увидавъ одного изъ самыхъ настойчивыхъ кредиторовъ, и замѣтивъ, что скоро долженъ пойти дождь, онъ надѣлъ шинель, и вышелъ навстрѣчу своему врагу, на дворъ. Дождь пошелъ ливнемъ и кредиторъ принужденъ былъ съ досадою отступить, между тѣмъ, какъ Шансене напѣвалъ ему вслѣдъ изъ оперы *Дидоны*:

Ah! que je fus bien inspiré

Quand je vous recus dans ma cour.

Я никогда не видала подобнаго веселчака, Шансене; веселость не измѣнила ему почти на самомъ эшафотѣ. Когда его везли на казнь, онъ закричалъ принцу Сальму, ѣхавшему впереди: «Дай же, братецъ, на водку своему возницѣ, онъ еле тащится.» А президенту Фукье-Тенвилю, вельвшему ему молчать: «Да полноте же шутить; вѣдь тутъ другаго за себя не поставишь, какъ въ національной гвардіи.»

Послѣ праздника у маркизы Шамбона, я возвратилась въ Аміенъ, гдѣ Сен-Жоржъ и Ламотъ ждали меня для своихъ концертовъ. Сен-Жоржъ и Ламотъ жили точно Орестъ и Пиладъ, они были неразлучны. Ламотъ, первый валторнистъ своего времени, былъ бы также, говорятъ, первымъ стрѣлкомъ, еслибъ не было Сен-Жоржа, который обязанъ былъ своему необыкновенному искусству въ стрѣль-

бъ, въ катаньи на конькахъ, въ верховой ѣздѣ и танцованьи, громкимъ именемъ, которымъ онъ пользовался съ самаго прибытія своего во Францію. Онъ служилъ образцомъ всемъ молодымъ людямъ и иначе не ходилъ, какъ въ сопровожденіи цѣлой толпы своихъ почитателей. Сенъ-Жоржъ часто давалъ публичные концерты; въ нихъ были исполняемы многія кантаты и пѣсни, для которыхъ онъ самъ писалъ и слова и музыку; романсы его въ особенности были въ большомъ ходу. Онъ былъ одаренъ музыкальнымъ чувствомъ, въ высочайшей степени, и выраженіе было главнымъ достоинствомъ его исполненія. Самый блестящій успѣхъ имѣла его кантата для скрипки, подъ названіемъ: *Любовь и смерть бѣдной птички*. Первая часть этой небольшой пасторали открывалась блестящею пѣсней, полною легкости, игривости, украшеній и фюритуръ; пѣніе птички выражало радость при возвращеніи весны, которую она встрѣчала восторженною пѣснейю. За тѣмъ следовала вторая часть, въ которой птичка щебетала свою любовь; это была мелодія, полная выраженія, изги и обаянія. Казалось, птичка передъ глазами нашими порхала съ ветки на ветку, преслѣдуя жестокою возлюбленную, которая уже избрала себѣ другаго друга, и наконецъ стрѣлою улетѣла съ избранникомъ своего сердца. Третью часть составляла смерть бѣдной птички: ея жалобы, печаль, стоны, ея воспоминанія прежняго счастья, въ которыхъ повторялись иногда отрывки ея пѣсни радости. Потомъ голосъ ея мало-по-малу слабѣлъ, и наконецъ совершенно замиралъ. Она падала съ своей уединенной ветки и умирала, испустивъ нѣсколько пронзительныхъ стоновъ. Эта была послѣдняя пѣснь бѣдной птички, ея послѣдній вздохъ.

Въ 1791 году я заключила новое условіе съ Ламотомъ и Сен-Жоржомъ, на концерты въ Лилль. По окончаніи ихъ, Сен-Жоржъ предполагалъ возобновить ихъ въ Турне, гдѣ было тогда сборное мѣсто эмигрантовъ; эти господа не позволили ему давать концертовъ, потому что онъ былъ креоль; ему посоветовали даже подъ рукою, не оставаться слишкомъ долго въ городѣ.

Возвратясь въ Парижъ, Сен-Жоржъ составилъ полкъ изъ мулатовъ, надъ которымъ ему дали начальство; онъ опять побывалъ въ Лилль, во время осады, и полкъ его храбро дрался съ австрійцами. Потомъ дошелъ до меня слухъ, будто Сен-Жоржъ и Ламоть отправились въ Сан-Доминго, гдѣ революція была въ полномъ разгарѣ; рассказывали даже, будто они были повѣшены во время какого-то возмущенія. Проню много времени; я давно считала ихъ умер-

ними, давно пожалела о нихъ, какъ вдругъ однажды, сидя съ одною пріятельницею въ Пале-Рояль и читая газету, я случайно подняла глаза на двухъ мужчинъ, сидѣвшихъ противъ меня, и вскрикнула, какъ будто предо мною привидѣніе; это были Сен-Жоржъ и Ламоть.

— Ужъ не считали ли вы насъ повышенными? сказалъ Сен-Жоржъ; давно мы не видались!

— Не то, что повышенными, отвѣчала я, но умершими, и приняла васъ за пришлецевъ съ того свѣта.

— Мы и то пришлецы, правда не съ того свѣта, а издалека, отвѣчали они.

Послѣ того я еще нѣсколько разъ видѣлась съ ними, пока судьба не разбросила насъ опять въ разныя стороны. По возвращеніи моемъ изъ Россіи, въ 1813 году, Сен-Жоржа уже не было въ живыхъ, а Ламоть былъ при дворѣ герцога Беррійскаго. Послѣ несчастной кончины герцога, онъ отправился въ Мюнхенъ, гдѣ Евгеній Богарне принялъ его очень благосклонно; но ему суждено было пережить и этого покровителя. Я видѣла его, когда провзжала черезъ Мюнхенъ въ 1821 году, Баварскій король оставилъ его при прежнемъ мѣстѣ; онъ-то мнѣ показывалъ иррекранный театръ, на которомъ дается большая опера. Король былъ страстный охотникъ до музыки и на этомъ театрѣ часто давали его собственныя оперы; но зала представляетъ весьма печальный видъ, потому что она всегда почти пуста.

ГЛАВА XI.

Возвращаюсь къ своей перепискѣ съ г-жею Лемуанъ-Дюбарри:

Г-жѣ Лемуанъ-Дюбарри, въ Тулузѣ.

•Парижъ, въ маѣ 1790.

«Вотъ я опять въ Парижъ и первымъ долгомъ считаю писать вамъ о политикѣ, (въ которой я ничего не смыслю и которою мнѣ уже прожужжали уши), и о послѣдствіяхъ ея, въ особенности о тѣхъ, которыя касаются искусствъ и литературы. Поговариваютъ о декретѣ, которымъ разрѣшено будетъ давать старыя пьесы и на другихъ театрахъ, кромѣ тѣхъ, которые исключительно присвоили себѣ это право. Мнѣ кажется, это будетъ очень полезно, и дастъ

возможность выказаться многими талантами, которые до сихъ поръ остаются въ неизвестности, потому что имъ не даютъ явиться въ благоприятномъ свѣтъ. Литераторы всеми силами стараются, чтобы декретъ состоялся; это должно рѣшиться на дняхъ, и я тотчасъ васъ извѣщу.

«Л. Ф.»

Къ ней же.

«Я была вчера во Французскомъ театрѣ; давали *Карла IX*, о которомъ я столько слышалась. Это первая значительная роль, созданная Тальмою. Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ этимъ великимъ актеромъ, побесѣдовать съ нимъ; наконецъ представился случай, котораго я, разумется, не упустила. Тальма такъ любитъ свое искусство, что не пропускаетъ ни одного случая играть; а какъ онъ очень хорошо играетъ комедию, то его часто приглашаютъ давать представленія въ Версали и Сеп-Жерменъ. Остальныя роли занимаютъ любители и нѣсколько актеровъ, которые, не будучи ангажированы, могутъ располагать своимъ временемъ. Изъ Парижа вздять смотреть Тальму въ тѣхъ роляхъ, которыхъ онъ не играетъ на Французскомъ-театрѣ. Мнѣ недавно предложили играть субретку въ *Воспитанницѣ*; Тальма игралъ маркиза. Я, разумется, приняла предложеніе, потому что это для меня истинное счастье. Г-жа Тальма (онъ недавно женился) сама приѣхала за мною въ каретѣ; она пріятная женщина, и съ перваго разу мнѣ чрезвычайно полюбилась. Есть люди, съ которыми видишься въ первый разъ, а кажется, будто онъ давно знакомы; это влеченіе также невольно и необъяснимо, какъ отвращеніе, которое внушаютъ нѣкоторыя другія лица; но рѣдко случается, чтобы это первое ощущеніе впоследствии не оправдалось.

«Собираются открыть новый театръ на Ришельевской улицѣ; на немъ ставятъ сочиненія Пиго-Лебрёна, *Картежницу*, *Сироту*, *Шарля и Каролину*.

«Л. Ф.»

Къ ней же.

«Я часто бываю у Юли Тальмы; она прелюбезная женщина и умѣетъ сродниться съ каждымъ возрастомъ; она очень полюбила меня, и я горжусь ея дружбою. Благодаря ей одной, я могу перенести ваше отсутствіе; притомъ, она для меня прекрасная путеводительница;

ея совѣты всегда благоразумны и вѣрны; она такъ хорошо знаетъ свѣтъ! У нея я встрѣчаюсь со множествомъ людей, которые дадутъ большіе занимательности нашей перепискѣ.

«Такъ какъ вы требуете, чтобы я писала вамъ обо всемъ, что занимаетъ меня, то я начну съ успѣховъ Тальмы, которому вы пророчили такую славную будущность; вы знаете, какъ онъ умѣетъ выказаться даже въ самой ничтожной роли. Публика всегда видитъ его съ удовольствіемъ и при каждомъ случаѣ высказываетъ свою любовь; такъ было на дняхъ въ пьесѣ *L'Impromptu de campagne*, въ которой онъ игралъ роль влюбленнаго. Когда баронъ говоритъ ему: «У васъ есть талантъ, и вы по чести, будете приняты на Французскій театръ,» публика приложила эти слова къ нему, и три раза возобновляла свои рукоплесканія, а его товарищи, подтвердили выборъ публики, и приняли его единодушно. Но ему никогда не дадутъ раскрыть вполнѣ свои дивныя способности, никогда не позволятъ явиться въ значительной роли. Молодые литераторы, составляющіе общество Юліи Тальмы, охотно бы давали ему хорошія роли въ своихъ пьесахъ, но этого было-бы довольно, чтобы преградить имъ путь на Французскій театръ. Я объ этомъ поговорю съ вами подробнѣе въ другой разъ.

«Л. Ф.»

Къ ней же.

«Декретъ, о которомъ такъ давно толкуютъ, наконецъ вышелъ. Не можете себя представить, какой онъ произвелъ переворотъ. Молодые люди разорвали дымку, за которою играли и пѣли на одномъ бульварномъ театрѣ. Актеры театра Божоле, которые до сихъ поръ на сценѣ играли только пантомимую, между тѣмъ, какъ говорили и пѣли за кулисами, вдругъ заговорили и запѣли сами. Всѣ мечутся, какъ угорелые.

«Г. Ренье, по прозванію *Кузенъ-Жакъ* (онъ сохраняетъ это прозвище въ своей газетѣ) уже началъ. Всѣ театры ангажируютъ известнѣйшихъ артистовъ; говорятъ, блестящія предложенія сдѣланы педовольнымъ Французскаго театра; литераторы очень желаютъ этого, потому что это освободитъ ихъ отъ прежнихъ притѣсненій при постановкѣ пьесъ.

«Л. Ф.»

«P. S. Что я говорила вамъ въ началъ письма, теперь вполне подтвердилось. Сеп-Жерменское предмѣстье въ страшномъ переполохѣ; все вопіетъ противъ неблагодарности артистовъ, и преимущественно Тальмы, за то, что онъ посмѣлъ требовать, чтобы ему дали амшлуа или отпустили его. Дюгазонъ, его другъ и учитель, подстрекаетъ его скинуть все оковы, не позволяющія ему вполне развить свой талантъ. Французскій театръ опирается на заключенномъ съ нимъ контрактъ; говорятъ, дѣлю не обойдется безъ процесса. Въ городѣ только и рѣчи, что объ этомъ, каждый, смотря по-своему мнѣнію, стоитъ за ту или другую сторону; Давидъ, Шеье, Дюси, словомъ все друзья Тальмы, советуютъ ему идти на проломъ, но успѣетъ-ли онъ? Я скоро напишу вамъ это, а между тѣмъ до свиданія.

«А. Ф.»

Между тѣмъ, какъ я писала г-жѣ Дюбарри-Лемуанъ объ этомъ переворотѣ въ драматическомъ мірѣ, театръ Воспитанниковъ-Оперы возрождался въ новомъ видѣ; ему нужны были пѣвицы, ангажировали меня. Съ свободою театровъ была завоевана свобода все играть, но воспитанники должны были преимущественно играть французскіе переводы итальянскихъ оперъ, расчетъ былъ вѣрный, ибо итальянская опера-буффа была въ большой чести, а очень немногіе въ то время понимали по-итальянски; следовательно, публика ходила къ намъ понимать пьесы, играемыя въ Тюильрійской залѣ; тамъ сначала играли итальянцы.

Такъ какъ мы должны были играть переводы, то намъ разрѣшенъ былъ входъ на репетиціи новыхъ оперъ; это образовало нашъ вкусъ; ибо у итальянцевъ были превосходные пѣвцы, Менгоцци, Виганони, Ноццари, г-жи Балетти и Морикелли и, наконецъ, дивный Рафанелли, котораго слава свѣжа до сихъ поръ, котораго игра въ *Тайномъ бракѣ* или въ *Севильскомъ цирюльничкѣ*, была такъ полна комизма и такъ чужда фарсовъ. Превиль, наслышавшись о немъ, рѣшился посмотреть его въ роли Бартоло, которую онъ могъ оцѣнить до самыхъ послѣднихъ подробностей. Въ сценѣ, когда Бартоло открываетъ «такъ рѣдко открывающуюся ставню,» Превиль замѣтилъ, что онъ сначала смахнулъ носовымъ платкомъ пыль съ окна. «Вотъ актеръ, размышлявшій о роли; онъ достоинъ своей славы!» подумалъ Превиль, и дѣйствительно, онъ остался отъ него въ восторгъ и часто повто-

рять это замечаніе своимъ ученикамъ. «Вотъ какъ надо играть, говорилъ онъ; мало того, что вы будете порядочно говорить заученую роль; вы должны обращать вниманіе на самыя мелкія подробности, которыя могутъ дать роли колоритъ дѣйствительности.» Рафаелли былъ очень доволенъ тѣмъ, что заслужилъ одобреніе такого великаго комика.

Барилли съ трудомъ замѣнилъ Чапаелли; онъ, однако-же, былъ очень недурной актеръ, и имѣлъ прекрасный голосъ, между тѣмъ, какъ у его предшественника голосу совсѣмъ не было. У Менгоцци также голосъ былъ незавидный; но онъ былъ такъ хорошо вышколенъ, что искусствомъ замѣнялъ то, чего не дала ему природа. Онъ сочинилъ множество арій и романсовъ, бывшихъ въ большой модѣ. Я ему очень благодарна за многіе полезныя совѣты; вообще, я должна отдать справедливость итальянцамъ; они всегда были готовы служить мнѣ своимъ знаніемъ и искусствомъ.

Въ послѣдствіи явились г-жи Стриназачи, Такинарди и прелестная Барилли, бывшая кумиромъ публики, не только за свой талантъ, но и за прекрасныя свойства души, доброту и благотворительность. Смерть рано похитила ее у искусства; за гробомъ ея шли всѣ несчастные, которымъ она ежедневно помогала; они оплакивали ее, какъ мать, и не заказными слезами, потому что они пришли незваные; весь кварталъ Одеона впалъ въ уныніе при вѣсти о смерти своей благодѣтельницы.

Потомъ была г-жа Грасенни, которой величавая, гордая осанка такъ шла къ ролямъ царицъ. Чтобы судить о ея рѣдкой красотѣ, надо видѣть ея портретъ, писанный г-жею Лебрёнъ-Виже. За нею слѣдовала г-жа Каталани; я потомъ встрѣтилась съ нею опять въ чужихъ краяхъ, и она была также добра, такъ же приветлива и услужлива. Едва ли какая артистка пользовалась такимъ уваженіемъ, какъ она; ее любили за ея сердце столько-же, какъ за ея талантъ, за дивное горло, которое, по увѣренію нѣкоторыхъ врачей, устройствомъ своимъ подобно горлу соловья.

Желаніе поговорить объ итальянскихъ пѣвцахъ отвлекло меня отъ моего дебюта на театрѣ Воспитанниковъ оперы; возвращаюсь къ нему. Свобода играть всякія пьесы, позволяла мнѣ выбирать роли. Какъ ученица Пиччини, я была довольно увѣрена въ себѣ, чтобы не бояться трудной роли; я потребовала ролей *Барышни-служанки*, которую до того на французскомъ языкѣ играла одна г-жа Даррини, Даморо своего вѣка, и *Коллеты* въ «*Сельскомъ знахарѣ*,

которую я учила подъ руководствомъ г-жи Сент-Губерти. Подступая къ пьесамъ большихъ театровъ казалось тогда такую непонятною дерзостью, что самое знатное общество съехалось въ театръ посмѣяться надо мною.

Дюбюиссонъ, авторъ *Тамасъ - Кули-хана*, переводилъ для насъ итальянскія либретто. Это былъ человекъ суровый и грубоватый, настоящій бука, впрочемъ очень доброй души. Увидѣвъ объявленіе о моемъ дебютѣ въ *Барышню-служанку*, онъ приѣхалъ къ нашему импресарию, у котораго я въ этотъ день обѣдала, и первымъ словомъ его было:

— Съ ума вы сошли, что ставите *Барышню-служанку*? какая безразсудная смѣетъ браться за роли г-жи Давриньи?

— Да та же, которая должна пѣть у насъ роли синьоры Балетты.

— Это совсѣмъ другое дѣло; на эти пьесы будутъ ѣздить, чтобы знакомиться съ ихъ содержаніемъ; тутъ не будутъ сравнивать исполнителей.

— Такъ я вамъ скажу, сударь, кто эта безразсудная, я сама!

— Вы? тѣмъ хуже для васъ: васъ освищутъ.

— Увидимъ; развѣ пѣвцы, дебутирующіе въ Комической Оперѣ, не выбираютъ ролей любимыхъ артистовъ?

— Тамъ совсѣмъ другое дѣло.

Слишкомъ долго было бы пересказывать все любезности, которыя онъ насаждалъ мнѣ по этому случаю. За столомъ его посадили подлѣ меня, и я, по женской слабости, употребила все средства, чтобы побѣдить его предубѣжденіе; я объяснила ему, что побудило меня выбрать эту роль, и просила его не пугать меня.

— Я тутъ въ сторонѣ, отвѣчалъ онъ, смягчившись: а публика... Хотя бы вы были лучшіе предшественницы (въ чемъ я сомнѣваюсь), никто въ этомъ не сознается.

— Что же дѣлать? представленіе уже объявлено. Впрочемъ, я такъ еще молода, что если теперь не повезетъ, я еще могу поправить неудачу.

День представленія приближался. Я умоляла дирекцію не пускать постороннихъ лицъ на репетицію. Боясь преждевременныхъ критикъ, я не пѣла большихъ арій *Барышни-служанки*, а только ригурели и выходы. Надо, однако-же, сознаться, что чѣмъ ближе подходилъ часъ, тѣмъ болѣе ободрялось мое мужество; еслибы я дала во-

лю боязни, я бы навѣрное была побѣждена. Такъ какъ я была тверда въ музыкѣ, то умѣла соразмѣрять свои силы и знала, на что могла пускаться. Зала была полна; первые балконы были заняты какимъ-то Граммономъ и его пріятелями. Онъ управлялъ общественнымъ мнѣніемъ и известнѣйшіе артисты участвовали въ его музыкальныхъ вечерахъ. У него былъ на дачѣ, близъ Парижа, небольшой домашній театръ, на которомъ часто дѣлали пробы новыхъ оперъ, какъ читаютъ рукопись въ обществѣ до представленія. Другой балконъ, противъ него, былъ занятъ обычными посѣтителями театра; они разговаривали такъ громко, что можно было разслушать каждое слово. Я сошла только, какъ мнѣ следовало выдти на сцену; я была хорошо одѣта, и говорить, недурна собою; это произвело движеніе въ залъ, довольно для меня благопріятное (женщина въ этомъ отношеніи не ошибется). Всѣ лорнеты были наведены на меня; всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы я начала; но я среди всей этой толпы искала одного, буку Дюбюиссона. Онъ сидѣлъ противъ меня, въ оркестрѣ, опершись подбородкомъ на палку. Выходъ Цербины открывается речитативами, ссорой лакея съ субреткою; по этому еще судить нельзя; но въ первой аріи, хотя она и не важна уже можно выказаться пѣвицею. Мнѣ аплодировали слегка, будто для одобренія; Дюбюиссонъ сидѣлъ неподвижно: онъ ждалъ кантабиле. Я пропѣла его съ выраженіемъ, безъ фіоритуръ; мнѣ сильно аплодировали, и самъ бука проворчалъ: «гм! не дурно:» Это ободрило меня и придало отваги на бравурную арію, которою начинается второе дѣйствіе. Ритурнели старыхъ оперъ безконечны; это имѣетъ свою пользу, тѣмъ, что даетъ пѣвцамъ время оправиться отъ перваго страха.

Я замѣтила, что фізіономіи въ ложахъ были уже не такъ неприязненны, и что партеръ былъ очень хорошо расположенъ ко мнѣ; я отважилась. «Надо отважиться, подумала я на сальто-миргале, а тамъ будетъ, что будетъ.» Успѣхъ мой былъ самый полный; чѣмъ меньше публика отъ меня ожидала, тѣмъ довольнѣе она осталась; вокругъ меня раздавался шопотъ: «хорошій голосокъ, гибкость, метода, все, какъ следуетъ.» Послѣ втораго дѣйствія пріятельской, герцогъ Граммонъ сошелъ на сцену, осыпалъ меня, увѣряя, что я буду со временемъ замѣчательною пѣвицею; наконецъ онъ просилъ меня, *сдѣлать ему честь*, посвятить его музыкальные вечера, и съ тѣхъ поръ сталъ столько же расхваливать меня, сколько прежде порицалъ.

Среди всего этого дыму похвалъ, я не видѣла того, кого желала видѣть; наконецъ я отыскала его; онъ стоялъ въ углу и разговаривалъ съ директоромъ. Не давъ мнѣ времени сдѣлать ему вопросъ, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «хорошо!» Признаюсь, это одобреніе было мнѣ дороже всѣхъ похвалъ, которыми меня осыпали. Само собою разумѣется, что съ этого времени мнѣ аплодировали каждый разъ, что бы я ни пѣла. Герцогъ Граммонъ пригласилъ меня на первый свой вечеръ; онъ узналъ, что я пятнадцати лѣтъ дебютировала въ духовномъ концертѣ, что я была близкою родственницею г-жи Сень-Губерти и ученицею Пиччини; чего же еще больше? Для моего спокойствія не мѣшало бы, чтобы онъ все это узналъ раньше.

Вскорѣ послѣ этого представленія, я едва не лишилась голоса отъ воспаленія въ груди. Врачи совѣтовали мнѣ отказаться отъ пѣнія, по крайней мѣрѣ, на цѣлый годъ. Это обстоятельство было первою причиною перехода моего на новый театръ, открывшійся въ Ришельевской улицѣ, подъ управленіемъ Гальяра и Дорфеля. Дѣвица Фиа сошла со сцены, вслѣдствіе смерти Бордье; некъмъ было ее замѣнить; дебютъ жены Монвеля былъ неудаченъ; дѣвица Сень-Перъ была больна; и такъ мнѣ дали роль субретки въ возобновленной пьесѣ: *Открытая война*. Нелегкое было дѣло исполнять роль, такъ прославленную дѣвицею Фиа. Я старалась выхвать на музыкѣ; авторъ позволилъ мнѣ вставить романсъ въ сценѣ у окна; этотъ романсъ упрочилъ мой успѣхъ.

Съ этого дня я сдѣлалась рѣшительно первою пѣвицею того театра. Дюси поручилъ мнѣ въ *Отелло* пѣть за кулисами пѣсню *объ исп.*, за дѣвицу Дегарсенъ. За то въ прологъ соединенія обоихъ театровъ, Дюгазонъ говорилъ меня: «А, тебя я знаю, ты дебютировала въ пѣніи.»

Начало было хоть куда на амплуа субретки.

ГЛАВА XII.

Я еще была въ труппѣ Воспитанниковъ-оперы, когда праздновали первую годовщину разрушенія Бастильи. Приближался знаменитый праздникъ Федерации, а работы не подвигались. Весь Парижъ былъ приглашенъ принять въ нихъ участіе: мужчины, женщины, дѣти, все отправились работать на Марсово поле; каждое сословіе шло особен-

ною корпораціею, между ними отличалось сословіе драматическихъ артистовъ; каждый мужчина выбиралъ себѣ даму, подавалъ ей ле-гонькую лопатку, украшенную лентами и цвѣтами и все весело отправлялись въ походъ подъ музыку. Въ Парижѣ все обращается въ забаву и въ моду; дамы придумали даже особый нарядъ, выдерживавшій пыль, ибо въ первые дни бѣлыхъ платьевъ вечеромъ узнать нельзя было; онѣ замѣнили ихъ сѣрыми кисейными блузами; сѣрые полсапожки и шелковые чулки, легкій трехцвѣтный шарфъ, и соломенная шляпа съ широкими полями, вотъ какой былъ костюмъ артистокъ. Къ намъ присоединилась часть нашихъ водевилистовъ; моимъ кавалеромъ былъ Кузень-Жакъ; онѣ написали мнѣ даже стихи на этотъ случай. Мы копали, свозили землю въ тележкахъ, потомъ сами садились въ тележки и кавалеры привозили насъ на прежнее мѣсто; только на повѣрку вышло, что вмѣсто того, чтобы ускорять работу, мы только мышали и замѣдали ее. Насъ скоро уволили отъ посѣщенія Марсова-поля, къ крайнему нашему сожалѣнію; потому что эти прогулки насъ очень забавляли.

Я не видала праздника Федерациі. Вотъ что я писала о немъ г-жѣ Лемуанъ-Дюбарри:

«Въ газетахъ найдете вы довольно подробностей, чтобы обойтись безъ моихъ; притомъ, я не могу говорить какъ очевидица, потому что не была на праздникъ. Такіе праздники меня не соблазняютъ, я боюсь толпы. Знаю только, что весь день шелъ проливной дождь. И такъ я буду писать только о праздникъ, который былъ данъ у Мирабо въ честь Марсельскихъ федератовъ. Я играла въ пьесъ, написанной къ этому случаю; но, что наиболее поразило меня на этомъ праздникъ, это не собственное мое присутствіе, какъ некогда Венеціанскаго отажа въ Версали, а самъ Мирабо, съ которымъ я въ первый разъ имѣла случай говорить; и, не смотря на вашу ненависть къ нему, я скажу вамъ, что онѣ меня совершенно очаровалъ. Сколько кротости, сколько выраженія въ этомъ безобразномъ съ перваго взгляда лицѣ! сколько ума въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи! я не удивляюсь, что онѣ могъ внушить такую страстную любовь своей Софіи.

«Знаю, вы скажете: «Вотъ и она, пожалуй, влюбится!» На этотъ счетъ будьте спокойны; до того не дойдетъ, но мнѣ чрезвычайно пріятно съ нимъ бесѣдовать. Я представляла его себѣ со всемъ другимъ человѣкомъ; мнѣ не случалось встрѣчать его у Юліи Тальмы; съ тѣхъ поръ, какъ онѣ погрузился въ политику, и сталъ знаме-

нитымъ ораторомъ, онъ почти не бываетъ въ обществѣ. Юлія бываетъ у него, и всегда отзывается о немъ съ восторгомъ; онъ живетъ въ ея домѣ, въ Комартеньской улицѣ.

«Надо вамъ разсказать забавный случай, бывший на театрѣ Пале-Рояля, въ тотъ день, какъ Мирабо повелъ марсельскихъ федератовъ смотреть *Бастона и Баера*. Ихъ было очень много, и зала была такъ полна, что часть ихъ принуждены были посадить на сценѣ. Большая часть не имѣли рѣшительно никакого понятія о драматическомъ представленіи; за то посмотрѣли бы вы съ какимъ вниманіемъ они слѣдили за пьесою. Баера игралъ нѣкто Валуа, провинціальный актеръ съ замѣчательнымъ талантомъ (*).

«Федераты наши такъ заслушались пьесы, что даже забыли, что они на театрѣ. Въ сценѣ, гдѣ раненнаго Баера, лежащаго на носилкахъ, настигаетъ Авогаръ съ своею шайкою, подосланннй умертвить его, и Баеръ встрѣчаетъ его словами» иди, предатель, жду тебя!» всѣ федераты вскочили, обнажили палаши и окружили Баера. Неожиданность этого заступленія доставила огромный успѣхъ этой новой развязкѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались неистовыя рукоплесканія, и если Боеръ не увѣрилъ бы своихъ защитниковъ, что онъ не подвергается ни малѣйшей опасности, Авогару и его шайкѣ, пожалуй, пришлось бы плохо.

«Л. Ф.»

ГЛАВА XIII.

Я читала въ разныхъ современныхъ запискахъ такіе невѣрные разсказы объ открытіи театра Ришельевской улицы, что мнѣ, надеюсь, будетъ позволено поговорить объ этомъ событіи, какъ очевидно, ибо я принадлежала къ нему въ то время, когда отступники театра Сень-Жерменскаго предмѣстья пристали къ его основателямъ.

(*) Валуа былъ изъ числа провинціальныхъ актеровъ, ангажированныхъ на этотъ театръ, до поступленія Тальмы, вслѣдствіе выхода части актеровъ стараго Французскаго театра. Валуа былъ человекъ съ большимъ талантомъ; по этому онъ не хотѣлъ быть подставнымъ Тальмѣ и возвратился въ провинцію.

Вотъ въ точности какъ все было; какъ я сама видѣла и слышала отъ участниковъ.

Гальярь и Дорфѣль были директорами театра Разнообразія въ Пале-Рояль; на немъ игрались еще только пьесы комическаго содержанія, въ которыхъ блистали Волянжъ, Больё и Бордье. Открывшаяся въ это время революція подала имъ надежду быть вскорѣ во главѣ новаго французскаго-театра; ибо всѣмъ была уже въ тягость тиранинн стараго французскаго-театра, и молодые литераторы, встрѣчая непреодолимья препятствія представленію своихъ пьесъ, очень желали новаго театра. Гальяру и Дорфелю отдали для того залу, которую герцогъ Орлеанскій строилъ въ Ришельевской улицѣ. Они готовы уже были открыть ее и ждали только декрета о свободѣ театровъ. У нихъ уже было нѣсколько хорошихъ артистовъ для новаго ихъ репертуара: Мишо, котораго до нынѣ помнятъ на Французскомъ театрѣ; дѣвица Фіа, очаровательная субретка, достойная болѣе обширнаго поприща; супруги Сень-Клеръ и нѣкоторые другіе. Сверхъ того, они старались ангажировать лучшихъ актеровъ съ провинціаль-ныхъ театровъ, которые имѣли въ то время богатый репертуаръ драматическій и комическій. Монвель, только-что возвратился изъ Швеци; онъ хотѣлъ снова поступить въ труппу Сень-Жерменскаго предмѣстья, но строгій уставъ французскаго театра этого не допускалъ. Само собою разумѣется, что новый театръ, учреждавшійся для состязанія съ нимъ, не могъ упустить этого счастливаго случая; Монвело сдѣлано весьма выгодное предложеніе. Онъ его принялъ, и даже игралъ на ихъ театрѣ до его преобразования; онъ дебютировалъ въ *Людвикъ XII*, *роллисткой* траги-комедіи Колло-д'Эрбуа. Впрочемъ, эта роль, и *Пессимистъ* Пиго-Лебрёня, были единственными ролями Монвеля на этомъ театрѣ. Дѣвица Конта, видя его въ *Людвикъ XII*, сказала сосѣду: *Contemplez de Bayard l'abaissement auguste*. Между театрами королевства былъ такой строгій духъ іерархіи, что актеры одного театра считали безчестнымъ играть на другомъ.

Театръ Ришельевской улицы назывался сначала театромъ Пале-Рояля; онъ открылся въ маѣ, 1790 года. Передъ открытіемъ, директора дали великолѣпный праздникъ артистамъ. Когда явились Тальма, Дюгазонъ, г-жа Вестрисъ и дѣвица Дегарсень, всѣ догадались, что они скоро отдѣлятся отъ Сень-Жерменскаго театра, потому-что они принадлежали къ числу недовольныхъ; однако-же они перешли только черезъ годъ. Праздникъ былъ данъ въ залѣ новаго те-

атра; въ галлерей бюстовъ и въ фойе танцовали и ужинали; игроки поселились въ актерскомъ фойе. Онъ былъ устроенъ почти также, какъ теперь; только съ тѣхъ поръ уничтожили двѣ ложи въ концѣ, чтобы открыть окна; и у камина поставили перегородку и образовали корридоръ, ведущій въ актерскія ложи.

На праздникъ были приглашены нѣкоторые литераторы и журналисты; въ томъ числѣ Горсасъ, который былъ такъ забавно воспѣтъ, въ сатиру *Горсасовы сорочки*. Когда тѣтки короля, принцессы Аделанда и Викторія эмигрировали, Горсасъ писалъ въ одномъ журналѣ, что все, что онъ вывезли изъ Франціи, принадлежало народу; и кончалъ фразою: «даже сорочки, которыя у нихъ на тѣлѣ, и тѣ наши.»

Увы! когда повезли его на эшафотъ, безпощадная толпа плала ему вслѣдъ пѣсню о *Горсасовыхъ сорочкахъ*!

Разъ я исчисляла кому-то артистовъ, принадлежавшихъ къ этому театру въ 1790 и 91 годахъ, и изъ которыхъ теперь нѣтъ ни одного: — «Да вамъ развѣ уже за сто лѣтъ?» возразилъ мой собесѣдникъ. — За сто, не за сто; но поколѣнія быстро смѣняются на Театрѣ, ибо они не могутъ оставаться на сценѣ долѣе известнаго періода, не подвергаясь опасности пережить свою славу; это намъ показали многіе великіе артисты.

Бываютъ, однако-же, такіе счастливые таланты, которые доживаютъ свой вѣкъ, не утрачивая своей силы. Этимъ преимуществомъ пользуются особенно люди, получившіе отъ природы богатые дары, которыхъ не истребило ученіе; ибо излишняя изысканность вредитъ естественности, самое трудное дѣло — *не перехитрить!* «Уму не научишь», — сказалъ какой-то писатель; точно также не научить чувству, теплотѣ, простотѣ выраженія, вкусу. Искусный учитель охраняетъ отъ ошибокъ, указываетъ на хорошія качества, исправляетъ недостатки, и это уже немаловажная услуга; но онъ не даетъ, чего не дала природа. Истинный талантъ то же, что краснорѣчіе; онъ убѣждаетъ, потрясаетъ, увлекаетъ. На глазахъ нашихъ явилась молодая дѣвушка, которая постигла все это. Къ счастью своему, она не видала своихъ предшественницъ, а умный учитель (*) умѣлъ развить въ ней богатые дары, которыми щедро надѣлила ее природа. Она поняла, что царица не выражаетъ своихъ чувствъ неистовыми криками и утомительными для слушателя всхлипываніями;

(*) Сансонъ, артистъ Французскаго-театра.

что однь сильныя страсти, напримвръ, ревность или обманутое честолюбіе, могут увлечь ее за предѣлы приличія. Если внимательно разсмотримъ характеры, созданныя великими мастерами классической школы, то увидимъ, что дѣйствительно всѣ порывы страсти удерживаются въ нихъ чувствомъ собственнаго достоинства, гордостью, боязнію, или политическою скрытностью. Одна материнская любовь не знаетъ никакой мѣры; Клитемнестра не разбираетъ словъ. Но Герміона, ести увлекается бѣшенствомъ презрѣнной любви, то только послѣ сцены ироніи, которую такъ хорошо передаетъ Рашель. Агриппина взвѣшиваетъ каждое слово, когда упрекаетъ Нерона въ неблагодарности; Клеопатра, кляня себя и судьбу, не забываетъ, что она царица.

Такою же благородною простотою отличался Монвель; Тальма самъ сознавался, что совѣты и примвръ Монвеля обратили его на этотъ-же путь.

Въ списокъ актеровъ, которыхъ я видѣла, первый долженъ былъ предстать мнѣ Монвель; онъ оставилъ послѣ себя такую блестящую память, что можно, пожалуй, подумать, что нечего болѣе о немъ сказать; но всѣ подробности домашней жизни великаго артиста любопытны, въ особенности, когда онъ въ тѣсной связи съ его искусствомъ. Я могу гордиться тѣмъ, что запомнила его наставленія; ибо онъ часто нисходилъ для меня съ высоты своего искусства, чтобы помогать мнѣ совѣтомъ въ его прелестныхъ операхъ. «Множество жестовъ, говорилъ онъ мнѣ между прочимъ, вредить игрѣ фізіономіи; во взглядъ гораздо болѣе выраженія, когда онъ не сопровождается бесполезнымъ жестомъ, уничтожающимъ его дѣйствіе.» И онъ приводилъ мнѣ въ примвръ дѣвицу Севаль въ сценѣ Эмили съ Цинною, когда ему исчисляють, кого изъ ихъ единомышленниковъ потребовалъ къ себѣ Августъ; она слушала, со вниманіемъ, оперши локоть на руку и отвѣчала медленно, не глядя на нихъ, будто про себя:

Mandez.... les chefs de l'entreprise...

Tous deux en même tems,

Потомъ быстро оборачивала голову къ Циннѣ и говорила:

Vous êtes découverts....

Это производило потрясающій эффектъ. Также прекрасна она была

въ *Семирамидѣ*, когда, увидѣвъ письмо въ рукахъ Арзаса, говорила ему:

D'où le tiens tu?

— Des dieux.

— Qui l'écrivit?

Mon père.

— Que dis-tu?

Это была одна изъ ея самыхъ поразительныхъ сценъ. Какую благородную простоту Монвель являлъ въ сценѣ Августа съ Цинною! какую энергію въ донъ Диегъ, въ *Сидъ*! какъ трогателенъ онъ былъ въ *Фенелонъ*! Зато, когда онъ произносилъ стихи:

Où prenez vous ce ton qui n'appartient qu'à vous!

Публика всегда прилагала его къ нему самому. Или въ *Аббатъ Лепе*, когда онъ говорилъ: «Разсказъ мой будетъ немного дологъ», въ залъ всегда отвѣчали: «Тѣмъ лучше.»

Я помню, когда эта пьеса еще только ставилась, я спросила его однажды, какой эпизодъ избралъ авторъ. Онъ съ обычною готовностью сталъ разсказывать содержаніе пьесы. Я слушала съ большимъ вниманіемъ; разсказъ его былъ такъ увлекателенъ, онъ такъ оригинально излагалъ всѣ подробности: «Вотъ вамъ разсказъ изъ моей роли, сказалъ онъ наконецъ: я ее повторилъ отъ слова до слова.» Я ушамъ не вѣрила; мое изумленіе очень его насмѣшило. Можно по этому судить, какъ непринужденна, какъ естественна была его рѣчь и какой эффектъ она должна была производить на театрѣ.

Искусство актера самое неблагодарное; что онъ можетъ оставить послѣ себя, кромѣ темнаго воспоминанія? Живописецъ можетъ ждать славы отъ времени; сколько разъ произведенія его бывали вполне оцѣнены только послѣ его смерти! Литература можетъ измѣниться въ своемъ направленіи, вкусъ очищается, но все таки остаются памятники, которыхъ не истребятъ вѣка; истинно прекрасное остается прекраснымъ во все времена. Каждая эпоха имѣла своихъ писателей; если современники, увлекаясь всякою новизною, не признавали ихъ, время, истребляющее предубѣжденія и духъ партій,

отдасть имъ справедливость. Но чего можетъ ждать отъ будущаго знаменитый актеръ? Еще нѣсколько лѣтъ, когда исчезнетъ настоящее поколѣніе, что останется отъ Лекена, отъ Тальмы, г-жи Сентъ-Губерти, отъ Монвеля, отъ дѣвицы Конта? Одно темное, съ каждымъ днемъ теряющееся, преданіе; да и на то новое поколеніе будетъ смотрѣть, какъ на болтовню стариковъ.

По мърв удаленія картины, краски сливаются, и если что нибудь остается въ нашей памяти, то это преимущественно недостатки. Много разъ случалось мнѣ слышать о Монвелѣ отъ людей невидавшихъ его; и всегда они говорили: «онъ былъ слишкомъ худъ; недостатокъ зубовъ вредилъ произношенію: притомъ вкусъ мѣняется; вопросъ еще: эти таланты, восхищавшіе современниковъ, удовлетворили ли бы насъ?» Я думаю, удовлетворили бы, потому что въ истинномъ талантѣ есть нѣчто вѣчное, неизмѣнное, поражающее весь классъ зрителей. Сколько разъ слышала я, на безденежныхъ представленіяхъ, какъ простолюдины говорили: «Смотри, вотъ не церемонятся-то; точно у себя дома!» и въ трагедіяхъ аплодировали всегда кстати, руководствуясь врожденнымъ инстинктомъ прекраснаго, которое нерѣдко научаеъ насъ лучше всякаго ученія.

Когда Монвель поставилъ на Французскомъ театрѣ свою комедію *Влюбленный Бука*, Лагарпъ былъ главнымъ редакторомъ *Французскаго Меркурія*, въ которомъ онъ чинилъ судъ и раздавалъ хвалу и хулу съ явнымъ пристрастіемъ. Встрѣтивъ Монвеля при выходѣ изъ театра, онъ остановилъ его, наговорилъ ему тѣмъ любезностей на счетъ его пьесы, осыпалъ ее похвалами, увѣряя, что ему легко и пріятно будетъ высказать въ своемъ журналѣ выгодное мнѣніе объ этомъ произведеніи, потому-что онъ въ этомъ случаѣ будетъ только отголоскомъ мнѣнія всей публики. Можете себѣ представить изумленіе и негодованіе Монвеля, когда на слѣдующій день пришли къ нему нѣсколько пріятелей и принесли номеръ *Меркурія*, въ которомъ Лагарпъ ругалъ его безъ пощады. Это лицемеріе тѣмъ болѣе взбѣсило Монвеля, что онъ не напрашивался на похвалы редактора, и могъ вѣрить ихъ искренности. Авторское самолюбіе не прощаетъ обиды: онъ далъ себѣ слово отомстить ему при первомъ случаѣ. За случаемъ дѣло не стало. Вскорѣ послѣ этого происшествія явилась трагедія Лагарпа: *Бармесиды*; она рѣшительно упала, а Монвель написалъ на нее пародію, которая нѣсколько недѣль привлекала весь Парижъ на одинъ изъ бульварныхъ театровъ. Пародія кончалась похоронами Бармесидовъ; послѣдній изъ

нихъ шель за гробами братьевъ, играя погребальный маршь *на арфу*. Когда все исчезли въ огромной ямъ, онъ самъ бросался туда же съ своею арфою. Послѣ этого Лагарпъ и Монвель до самой смерти косились другъ на друга.

Еще до отъезда своего въ Швецію, Монвель подарилъ Комическую-оперу многими прелестными произведеніями, изъ нихъ самымъ замѣчательнымъ была оперетка *Блезъ и Бабета*, въ которой превосходно играла г-жа Дюгазонъ. Самъ Монвель рассказывалъ мнѣ, что въ день перваго представленія этой пьесы, на Французскомъ театрѣ было чрезвычайное представленіе, и онъ долженъ былъ играть роль Метрамана, въ комедіи Пирона; онъ былъ не совсемъ спокоенъ на счетъ участи своей пьесы и потому никогда такъ хорошо не говорилъ, какъ въ этотъ разъ, монолога, въ которомъ поэтъ изображаетъ, что происходитъ въ душѣ бѣднаго автора передъ колеблющеюся публикою, то шумною, то мертвенно-безмолвною. Въ концѣ пьесы, когда служанка говоритъ: «Вотъ передъ вами авторъ, осыпанный свистками!» кто-то изъ публики, только что пріѣхавшій изъ Комической-оперы, закричалъ, задыхаясь: «Неправда, осыпанный рукоплесканіями!» Публика приняла эту вѣсть единодушнымъ браво; все актеры, бывшіе на сценѣ, обняли Монвеля, и они, и зрители радостно поздравляли его съ успѣхомъ.

Пріятно въ такихъ случаяхъ быть актеромъ и авторомъ. Послѣ втораго представленія, публика вызвала его единодушно и онъ принужденъ былъ выдти.

Нѣсколько шалуновъ сговорились сыграть съ Монвелемъ ту же шутку, которая была нѣкогда сыграна съ авторомъ *Тысячи одной ночи*. Бабета въ его пьесѣ повторяетъ нѣсколько разъ слова: «Онъ твердилъ на своемъ рожкѣ ту пѣсенку, что напѣвала Лизета.» Шалуны пришли ночью подъ его окна и разбудили его, требуя, чтобы онъ сказалъ имъ, что за пѣсню напѣвала Лизета. Онъ принялъ шутку, какъ следовало и видя, что накрапывалъ дождь, пригласилъ ихъ къ себѣ; ибо, сказалъ онъ эта пѣсня:

Il pleut, il pleut, bergère

Идетъ дождь пастушка.

Потомъ онъ велѣлъ подать шалунамъ ужинъ и растался съ ними дружески; они извинялись передъ нимъ, прибавляя, что не въ силахъ были сожалѣть о шалости, доставившей имъ такое пріятное знакомство.

ГЛАВА, XIV.

Артисты истинно милы и любезны только пока у нихъ пѣть другаго добра, кромѣ того, что даетъ имъ талантъ. Какъ скоро они пускаются въ обороты, въ спекуляціи, дѣлаются людьми съ вѣсомъ, надо проститься съ ихъ золотою безпечностью.

До 1790 года, жалованье актеровъ было очень ничтожно въ сравненіи съ теперешнимъ. Только знаменитости первой величины получали по шести, восьми-десяти тысячъ франковъ. Поэтому, у кого небыло своего состоянія, независимаго отъ таланта, тотъ что получалъ, то и проживалъ; иногда даже ему не хватало.

Мишо былъ очень друженъ съ моимъ мужемъ. По возвращеніи моемъ изъ Брюсселя, онъ представилъ мнѣ свою молодую жену, хорошенькую, но ревнивую, какъ чортъ; и то сказать, что ей было за что ревновать его. Мужья наши были очень рады свести насъ, чтобы самимъ быть посвободнѣе. Мы были небогаты, потому что мужья наши были охотники помотать, а мы были еще слишкомъ молоды, чтобы уметь этому помочь, за то мы были богаты веселостью и безпечностью своего возраста. Были бы у насъ наряды, объ остальномъ мы не заботились.

Мишо былъ изъ числа тѣхъ людей, для которыхъ все въ жизни одна шутка. Онъ всемъ шутилъ, всему смѣялся и смѣшилъ другихъ, что было уже не малымъ благомъ въ то время, не болно богатое весельемъ. У него былъ преоригинальный покрой ума, дѣлавшій его столь же забавнымъ въ пріятельскомъ кругу, какъ и на сценѣ. Его открытое, всегда веселое лицо, выразительный голосъ, часто извлекавшій невольную слезу наивнымъ словомъ, или трогательнымъ рассказомъ, придавали ему всегда колоритъ истины, какую бы онъ роль ни игралъ. Во время республики, онъ часто рассказывалъ намъ анекдоты, которые Богъ знаетъ откуда выкапывалъ и морилъ ими со смѣху. Когда управленіе нашего театра перешло въ руки Сажере, актеры стали очень неисправно получать жалованье; Мишо сочинилъ по этому случаю презабавную сатиру; онъ говорилъ собравшимся товарищамъ:

Es tu payé de fructidor? — Non.

Es tu payé de thermidor? — Point.

On me doit encore vendémiaire.

Moi, je crains beaucoup pour brumaire.

Всь: — Cela doit-il durer longtems?

Режиссоръ — Jouez toujours, mes chers enfans.

Добрыхъ жандармовъ, которыми такъ прославился Одри, Мишо сочинилъ, когда еще объ Одри небыло и помину; надо однакоже отдать справедливость Одри, что онъ умѣлъ ими воспользоваться: Мишо написалъ ихъ для забавы товарищей.

Когда я возвратилась, въ 1813 году, изъ-за границы, Мишо разбогатѣлъ, но сталъ не тотъ: въ немъ уже не было той артистической безопасности, того разгула, за который мы такъ любили его встарину. Онъ бросилъ свою прелестную Софію, сталъ человѣкомъ осѣдлымъ, помѣщикомъ!

Волажъ былъ изъ тѣхъ одностороннихъ актеровъ, для которыхъ пишутъ пьесы нарочно, могущія имѣть успѣхъ только при ихъ игрѣ; не разъ видано даже, что такіе актеры достигали громкой славы. Волажъ прославился преимущественно ролями старыхъ законниковъ, крючковыхъ, (актеромъ Пуантю) которымъ онъ далъ совершенно новый характеръ. Подвижность его фізіономіи была изумительна; онъ игралъ одинъ все семейство Пуантю; онъ такъ живо мѣнялъ лицо и костюмъ, что могъ уходить со сцены съ одной стороны, и почти въ ту же минуту возвращаться съ другой; онъ первый пустилъ въ ходъ этого рода пьесы, въ которыхъ явилось ему съ тѣхъ поръ столько подражателей, между прочимъ, Ганри Монье. Слава Волажа была такъ велика, что его наконецъ стали считать способнымъ на всякаго рода пьесы. Тогда предъ нимъ открылось болѣе обширное поприще, его ангажировали на театрѣ Фавара, на которомъ играли еще комедію и преимущественно пробавлялись репертуаромъ Мариво. Въ труппѣ этого театра было нѣсколько хорошихъ артистовъ; имъ захотѣлось пріобрѣсти содѣйствіе любимца публики. Тогда, какъ и нынѣ, воображали, что кто хорошъ въ одномъ какомъ-либо родѣ, долженъ непременно быть хорошъ и во всякомъ другомъ; многократный опытъ еще не убѣдилъ артистовъ въ томъ, что въ Парижѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, актеръ, мѣняя театръ и, слѣдовательно, публику, лишается всѣхъ своихъ преимуществъ; это доказалъ примѣръ многихъ водевильныхъ актеровъ, въ томъ числѣ и Волажа. Публика бросилась на первый его дебютъ, на второй уже ея было мнѣе, а роль его совсѣмъ забыли, и онъ радъ радехонекъ былъ, что могъ возвратиться къ прежней своей сферѣ и продолжать свое поприще въ провинціи и за границую.

Что касается до Бордье, онъ можетъ быть успѣлъ бы въ комш-

ческих роляхъ, на Ришельевскомъ театрѣ; потому-что у него былъ такой же природный талантъ, какъ у Мишо, но болѣе многосторонній. Игра его въ пьесахъ Дюманьяна, которыя уже подходили отчасти къ строгой комедіи, доказала, что этотъ родъ былъ ему по силамъ.

Въ то время, какъ я прѣехала въ Парижъ, Бордье только-что погибъ въ Руанѣ жертвою народнаго возмущенія. На мѣсто его выписали изъ Марсели Фюзи. Я мало знала талантъ Бордье, потому что во время пребыванья своего въ Парижъ, у г-жи Сентъ-Губерти всего менѣе посѣщался театръ Разнообразія. Когда же я прѣехала вторично, Бордье уже не было; но вотъ что говорили о немъ Мишо и Дюманьякъ, хорошо знавшіе его:

Бордье только-что сталъ оправляться отъ тяжелой болѣзни, отъ которой лучше было бы ему умереть; одинъ изъ его пріятелей пригласилъ его, для совершеннаго исправленія здоровья, къ себѣ въ деревню, близъ Руана; онъ вовсе не думалъ давать представленія, но знакомые такъ настаивали, что онъ принужденъ былъ согласиться. Молодежь такъ полюбила его, что безпрестанно увлекала на пирушки и праздники. Возвращаясь однажды вечеромъ съ пріятелями съ охоты, онъ замѣтилъ въ городѣ необыкновенное волненіе; (скоро узнали, что жители рѣшительно возстали противъ властей). Во главѣ возстанія былъ одинъ адвокатъ съ которымъ Бордье былъ въ тѣсной дружбѣ; прежде, чѣмъ онъ могъ опомниться, онъ былъ самъ увлеченъ толпою, стремившеюся къ ратушѣ. Войска скоро разогнали толпу; нѣсколько человекъ было схвачено, въ томъ числѣ адвокатъ и Бордье. Въ числѣ зачинщиковъ было нѣсколько молодыхъ людей изъ первыхъ домовъ города. При изслѣдованіи дѣла, всѣ они были устранены, адвокатъ и Бордье были казнены въ примѣръ другимъ и для предупрежденія подобныхъ безпорядковъ на будущее время. Надъ нимъ исполнилось предсказаніе, которое онъ такъ часто повторялъ въ *Итригантахъ* Дюманьяна; «увидите, что меня повѣсятъ, за тѣмъ, чтобы свести концы въ чужомъ дѣлѣ.»

Дѣвица Фіа, которая была помолвлена за Бордье, отказалась отъ театра; это была чувствительная потеря.

Дѣвица Кондель получила отъ природы всѣ условія, которыя могли сдѣлаться образцомъ совершенства. Очаровательный станъ, благородная осанка, черты и бѣлизна свидѣтельствовали о ея креольскомъ происхожденіи. Она превосходно играла на фортепяно и на арфѣ, была умна и образована; нѣсколько ея сочиненій имѣли значительный успѣхъ на театрѣ.

Комическій талант ея выходилъ изъ ряду обыкновенныхъ талантовъ. Ко всему этому она присоединяла самый кроткій нравъ и благородную душу; словомъ, всѣхъ ея качествъ стало бы на десять очаровательныхъ женщинъ; но, на бѣду, одинъ недостатокъ разрушалъ все, какъ будто злая волшебница сказала ей при рожденіи: «Мои сестры дали тебѣ всевозможные дары; но меня не пригласили на крестины, и я за это накажу тебя; будетъ у тебя недостатокъ, который затмитъ всѣ твои прекрасныя качества: отъ самолюбія ты слова не скажешь, какъ другая, такъ будешь всѣхъ попрекать своими талантами, что ихъ никто не станетъ признавать, каждое твое совершенство подастъ новый поводъ къ насмѣлкѣ, не довольствуясь собственными своими глупостями, люди станутъ навязывать тебѣ еще и чужія.» Дѣйствительно, такъ и было. Двѣца Кандель два раза была замужемъ, но не нашла счастья въ супружествѣ, потому-что искала счастья, существующаго только въ романахъ или въ горличьихъ гнѣздахъ. Я встрѣтилась съ нею впоследствии въ Англии; она была по прежнему умна, добра, любезна и по прежнему смѣшна.

Трудно повѣрить, чтобы человекъ былъ веселъ и развязенъ въ обществѣ, и вялъ, и скученъ на сценѣ; таковъ былъ однако же Шанвиль, племянникъ Превіля. Если-бы онъ былъ на театрѣ также забавенъ, какъ въ актерскомъ фойе, онъ имѣлъ бы огромный успѣхъ. Съ нимъ, Мишо, Тальмою и Дюгазономъ можно было забыть самую занимательную пьесу. Дюгазонъ въ особенности имѣлъ нестоимый запасъ шутокъ и остротъ, которыя онъ отпускалъ не затѣмъ, чтобы забавлять другихъ, а для собственной потѣхи. Онъ съ невыразимымъ искусствомъ перенималъ чужія ухватки и движенія. Когда онъ игралъ лакея въ *Ньмомъ*, рассказывая разговоръ обоихъ отцовъ, онъ представлялъ поочередно того и другаго; а когда они послѣ того выходили сами, сходство было такъ поразительно, что весь театръ хохоталъ до слезъ. Но всего лучше показалъ онъ намъ однажды свою способность въ фойе, передразнивая д'Эгрфѣля, известнаго любимца, неотвязнаго спутника канцлера Камбасереса; это былъ старичекъ, маленькаго росту, почти квадратный; живые, круглые глаза, коротенькія руки и быстрыя движенія давали ему самый комическій видъ. Однажды онъ пришелъ въ фойе и сталъ весьма живо разговаривать съ Дюгазономъ, мотая, по обыкновенію, руками. Дюгазонъ вперилъ въ него глаза, и, показывая видъ, будто слушаетъ его съ большимъ вниманіемъ, сталъ въ тоже время перенимать всѣ его позы, движенія!

голосъ, и это на самой серединѣ многолюдной залы. Стоявшіе поближе стали мало-по-малу замѣчать эту сцену двухъ созій, и спышили вонь, чтобы не расхохотаться; это продолжалось довольно долго и одинъ только д'Эгрфель ничего не подозрѣвалъ.

Въ фойе часто хаживали литераторы и пріятели артистовъ; тутъ можно было всегда ждать ласковаго пріема, и весело провести время. Самые постоянные посѣтители были прозваны *Кавалерами лампы* (*chevaliers du quinquet*). Предсѣдателемъ ихъ былъ Тальма; онъ никогда не уходилъ прежде, чѣмъ была погашена послѣдняя лампа; а какъ онъ былъ очень любезенъ и забавенъ, то ему никогда не приходилось гасить ее одному.

(Продолженіе впереди).

ГАБТАНО ДОНИЗЕТТИ

НОВЫЙ ПЕРИОДЪ

ИТАЛЯНСКОЙ МУЗЫКИ.

Статья Скюдо.

Музыка и въ особенности музыка итальянская, понесла, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, огромную потерю: Донизетти умеръ въ Бергамо; авторъ *Анны Болейнъ*, *Луции ди Ламермуръ*, *Фаворитки*, *Любовнаго напитка*, *Дона Паскуале* и множества другихъ прелестныхъ партитуръ, играющихся почти на всѣхъ европейскихъ театрахъ, почилъ въ цвѣтъ лѣтъ и таланта, истощенный трудомъ, огнемъ вдохновенія, а можетъ быть и неумѣренностію въ удовольствіяхъ.

Донизетти принадлежитъ къ тому поколѣнію драматическихъ композиторовъ, которое завладѣло итальянскою сценою послѣ того, какъ гений Россини умолкъ. Пѣвецъ *Луции*, Беллини, МеркадANTE, Пачини и Верди, составляютъ группу замѣчательныхъ, разнообразныхъ талантовъ, оспоривающихъ вниманіе публики съ того дня, какъ Пезарскій маэстро бросилъ съ презрѣніемъ перо, написавшее последнее, великое его твореніе: *Вильгельма-Телля*. Въ чемъ заключается сущность музыкальнаго движенія, совершившагося въ Италіи въ эти девятнадцать лѣтъ, какую роль играютъ въ немъ произведенія Донизетти, чѣмъ онъ отличается отъ своихъ сподвижниковъ и какое

мѣсто онъ долженъ занять въ исторіи искусства?—Вотъ вопросы, которые мы попытаемся разрѣшить въ нашей статьѣ.

Гаэтано Доницетти родился въ 1798 году, въ городѣ Бергамо, во владѣніяхъ старой Венеціанской республики. Городъ этотъ славится тѣмъ, что онъ отчизна многихъ великихъ пѣвцовъ, изъ которыхъ мы назовемъ только двухъ самыхъ извѣстныхъ, Давида отца и Рубини. Хотя отецъ его, мелкій чиновникъ, не имѣлъ ничего для содержанія большой семьи, кромѣ скуднаго жалованья, Доницетти получилъ однако-же хорошее воспитаніе. Склонность его къ искусствамъ проявилась весьма рано; но, что странно, не музыка наиболее влекла его юное воображеніе. Онъ хотѣлъ быть архитекторомъ; онъ страстно любилъ рисованіе и занимался имъ съ уснѣхомъ во все продолженіе своей трудолюбивой жизни. Отецъ, съ своей стороны, желалъ, чтобы онъ посвятилъ себя званію адвоката, считая это самымъ вѣрнымъ путемъ къ благосостоянію и уваженію согражданъ. Въ душѣ молодаго артиста должна была также произойти та плодотворная борьба между голосомъ природы и родительскою властью, какую Провидѣніе обыкновенно посылаетъ великимъ художникамъ, съ самой колыбели, чтобы заранѣе приготовить ихъ къ борьбѣ, которая ожидаетъ ихъ въ стремленіи къ идеалу. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, отецъ Гаэтано наконецъ позволилъ ему повиноваться тайному призванію. Первоначальное свое музыкальное образованіе онъ получилъ въ консерваторіи, основанной въ его городѣ 18-го марта 1805 года, и преобразованной 8-го іюля 1811 года, подъ управленіемъ Іоганна-Симона Майера. Майеръ, знаменитый драматическій композиторъ, пользовавшійся въ свое время довольно громкою славою, посвятилъ юнаго Доницетти въ первыя тайны гармоніи; онъ выучилъ его искусству акомпанированія, научилъ его понимать и цѣнить творенія великихъ мастеровъ, развязалъ крылья его фантазіи. Приготовившись умными, основательными наставленіями этого добросовѣстнаго художника, котораго Доницетти всегда уважалъ какъ отца, и съ которымъ онъ былъ постоянно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, онъ отправился въ Болонью, дополнить свое музыкальное образованіе подъ руководствомъ аббата Маттеи. Станиславъ Маттеи, былъ некогда монахомъ Францисканскаго ордена; онъ продолжалъ въ Болонской консерваторіи ученіе отца Мартини, котораго былъ лучшимъ и любимымъ ученикомъ. Этотъ отецъ Мартини, оставившій намъ *Исторію музыки* и нѣсколько теоретическихъ сочиненій, пользующихся уваженіемъ всѣхъ теоретиковъ, былъ од-

нимъ изъ самыхъ ученыхъ музыкантовъ XVIII вѣка; пятьдесятъ лѣтъ занималъ онъ должность капельмейстера при церкви св. Франциска въ Болоньи, и учредилъ тутъ училище, которое прославилось основательностію преподаваемого въ немъ ученія и множествомъ хорошихъ профессоровъ, вышедшихъ изъ него. Отецъ Мартини пользовался европейскою славою и былъ въ перепискѣ съ знаменитѣйшими лицами своего времени, напримѣръ, съ Фридрихомъ II и папою Климентомъ XIV. Самые известные ученые, самые великіе композиторы съ почтениемъ испрашивали его совета и ссылались на его ршенія; стоитъ только вспомнить Глука. Отецъ Мартини, умершій въ маститой старости, 4 августа, 1784 года, имѣлъ счастье благословить и венчать чуднаго отрока Моцарта. Будущему автору Дона Жуана было четырнадцать лѣтъ, когда онъ получилъ изъ рукъ почтеннаго ученаго, въ 1770 году, дипломъ на званіе члена Болонской Филармонической Академіи.

По упраздненіи въ Италіи монастырей, въ 1798 году, аббатъ Маттеи, которому учитель его ввѣрилъ храненіе истиннаго ученія, принужденъ былъ содержать себя и престарѣлую мать уроками композиціи. Вскорѣ онъ такъ прославился своимъ преподаваніемъ, что когда въ Болоньи, въ 1804 году, учреждена была коммунальная консерваторія, ему предложили въ ней кафедру контрапункта. Въ этомъ то заведеніи, подъ умнымъ руководствомъ аббата Маттеи, образовалась большая часть извѣстнѣйшихъ композиторовъ нашего вѣка: Пилотти, Тезеи, Тадоллини, Морлакки, Пачини, Россини. Увѣряютъ, будто Россини, съ возвращенія своего въ Болонью, посвящаетъ часть своего свободнаго времени восстановленію въ прежнемъ видѣ училища, бывшаго колыбелью его генія. И такъ, на разстояніи тридцати лѣтъ другъ отъ друга, являлись въ Болонью поклониться блюстителямъ стараго ученія два избранные отрока, долженствовавшие изумить міръ и стать рядомъ въ исторіи искусства, создавъ, одинъ *Свадьбу Фигаро* и *Дона-Жуана*, другой *Севильскаго цирюльника* и *Вилгельма Телля*.

Доццетти приехалъ въ Болонью въ 1815 году. Уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ Россини оставилъ консерваторію, и его Танкредъ пронесъ уже имя его по всей Италіи. Послѣ трехъ лѣтъ ученія, Доццетти также выступилъ на поприще, въ Венеціи, въ 1818 году, оперою *Эпри о ди Боргонья*, которая была принята довольно хорошо; ему еще не было двадцати лѣтъ. Въ 1822 году онъ написалъ въ Римѣ *Зораиду ди Грената*, благодаря блестящему успѣху которой

онъ былъ уволенъ отъ конскрипціи, какъ австрійскій подданный. Затѣмъ, онъ объѣздилъ значительнѣйшіе города Италіи, импровизируя вездѣ новыя партитуры, съ тою невѣроятною легкостью творчества, которая свойственна большей части его соотечественниковъ и которая рождаетъ иногда вѣчно-дивныя творенія, каковы: *Нина* Пензелло или *Тайный бракъ* Чимарозы, но чаще истощаетъ самыя богатыя природы.

Въ 1831 году Доницетти встрѣтился въ Миланѣ съ Пастою, Рубини и Галли и написалъ для нихъ *Анну Болейнъ*, съ которой начинается новый періодъ его творческой дѣятельности. Эта опера имѣла огромный успѣхъ, несмотря на присутствіе въ Миланѣ Беллини, и на энтузіазмъ, возбужденный незадолго передъ тѣмъ его *Сонамбулою*, недавно написанною, также для Пасты и Рубини. Съ этого дня Доницетти и Беллини стали оспаривать вѣнецъ, отъ котораго отказался Россини, и который онъ бросилъ, какъ бесполезное бремя. Въ 1833 году Доницетти былъ во Флоренціи и писалъ *Парижину*, для дѣвицы Унгеръ, тенора Дюпре и превосходнаго баритона Козелли. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился въ Миланѣ и написалъ *Лукрецію Борджіа*, въ которой есть нѣсколько замѣчательныхъ номеровъ. Въ началѣ 1835 года приѣхалъ онъ въ первый разъ въ Парижъ; Беллини жилъ тамъ уже два года, и задушевная нежность и теплота его мелодій покорила ему все сердца. Доницетти трудно было побѣдить неблагоприятныя его таланту предубѣжденія парижской публики, и хотя знатоки ясно видѣли въ его *Маріно Фальеро* первоклассныя красоты и достоинства, и первыя представленія его были довольно успѣшны, однакоже эта опера не могла долго выдерживать соперничества съ *Пуританами*, данными за нѣсколько мѣсяцевъ передъ нею, въ январѣ 1835 года. Поэтическая партитура Беллини вскружила все головы, истощила весь энтузіазмъ дилетантовъ. Доницетти долженъ былъ возвратиться въ Италію, оставивъ поле сраженія за соперникомъ. Онъ поѣхалъ въ Неаполь въ концѣ того же 1835 года. Тутъ онъ имѣлъ счастье встрѣтиться съ г-жею Персіани, Дюпре и Козелли, тремя артистами, которыхъ средства были ему уже знакомы. Имѣя подъ руками занимательное либретто, онъ принялся за работу и въ шесть недѣль создалъ одну изъ самыхъ очаровательныхъ партитуръ нашего времени: *Лучію ди Ламермуръ*, лучшее произведеніе его фантазіи, въ которое онъ влилъ самыя задушевыя свои мелодіи, и явилъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ блестящія стороны своего таланта. Успѣхъ этой оперы при первыхъ

представленіяхъ былъ первынителенъ; но потомъ она обошла всю Европу, возбуждая вездѣ всеобщее удивленіе и восторгъ. Дюпре впервые явился въ ней первокласснымъ пѣвцомъ; немудрено, что его строгій, строгій стиль имѣлъ полезное вліяніе на самого композитора.

Въ 1840 году Доццеттн опять прнвхалъ въ Парнжъ; но на этотъ разъ ему предшествовала громкая слава; ибо его *Лучн* была представлена съ французскимъ текстомъ, на театрѣ Возрожденія. Беллини уже не было; онъ умеръ чрезъ полгода послѣ созданія *Пуританъ*, доказавъ этою партитурою, что его таланту была доступна не одна элегія, но и болѣе глубокія и разнообразныя идеи и чувства. Доццеттн везъ съ собою три новыя партитурн, чтобы съ ихъ помощью снова приступить къ парижской публикѣ, которой благоклонность не удалось ему снискать за пять лѣтъ передъ тѣмъ. Эти три оперы были: *Дочь полка*, *Мученики* и *Фаворитка*. *Мученики* были имъ написаны въ Неаполь и предназначались бѣдному Нурри, который самъ составилъ либретто изъ Корнелева *Полевкта*; но неаполитанская цензура ихъ не пропустила. *Фаворитка* называлась первоначально *L'ange de Nisida*, и назначалась для театра Возрожденія; но потомъ композиторъ прибавилъ къ первымъ тремъ дѣйствіямъ четвертое, и отдалъ ее на театрѣ Большой-Оперы. Эти три произведенія представлены въ томъ же году, но ни одно изъ нихъ не произвело сильнаго впечатлѣнія на слушателей; даже *Фаворитка*, составляющая нынче одно изъ главныхъ украшеній репертуара Большой-Оперы, только съ теченіемъ времени стала твердою ногою въ добромъ мнѣніи публики.

Насладившись нѣскольکو мѣсяцевъ успѣхомъ *Фаворитки*, Доццеттн отправился обратно въ Італію, побывавъ въ Вѣнѣ и написавъ тамъ *Лунду ди Шамуни*, которая была принята вѣнцами съ живымъ энтузіазмомъ и доставила автору почетное званіе придворнаго капельмейстера. Въ 1843 году, онъ опять повхалъ въ Парнжъ. Едва онъ успѣлъ выдти изъ дорожной кареты, какъ долженъ былъ опять сѣсть за работу и писать *Дона Шискуале* для Італьянской оперы. Говорятъ, что на эту живую, веселую партитурн, которая слушается такъ же легко, какъ была создана, Доццеттн употребилъ одну недѣлю; и что послѣ этого, когда ему рассказывали, что Россннн написалъ *Севильскаго цирюльника* въ двѣ недѣли, онъ отвѣчалъ шутя. «Это меня нѣсколько не удивляетъ: онъ такой лѣнтяй!»

Еще публика не успѣла нахохотаться досыта на дурачества старика

дона Паскуале, котораго такъ хорошо игралъ Лаблашъ, какъ дирекція Большой-Оперы, застигнутая въ распλοхъ, и незная, чѣмъ наполнить приближавшійся зимній сезонъ, обратилась къ Донизетти съ просьбою написать для нея большую оперу. Маэстро принялъ предложеніе по обыкновенію своему, не задумываясь, и въ два мѣсяца написалъ громадную партитуру *Дона Себастьяна*. Въ этой оперѣ много прекрасныхъ мѣстъ; не смотря на то, она ушла съ самыхъ первыхъ представленій, что должно приписать скучному лебретто, плохой обстановкѣ и слабому исполненію. Между тѣмъ, усиленная работа (ибо у Донизетти отбирали *Дона Себастьяна* по листкамъ, по мѣрь написанія, и отиравали въ переписку) нанесла гибельный ударъ здоровью композитора. Выходя съ главной пробы, Донизетти сказалъ сопровождавшему его пріятелю: «Я чувствую себя нехорошо; *Донъ Себастьянъ* убилъ меня!»

Не смотря на то, онъ отправился въ Вьну, куда звали его обязанности по должности капельмейстера. Всѣ знакомые приняли его съ восторгомъ; императорская фамилія ласкала его. Но уже въ это время замѣчали въ немъ несомнѣнные признаки умственного расстройства, которые еще усилились по возвращеніи его въ Парижъ, въ 1845 г. Друзья часто встрѣчали его на улицъ, грустнаго, мрачнаго, съ угасшими глазами, въ сопровожденіи слуги. Въ январь 1846 года его принуждены были отправить въ лечебницу для умалшененныхъ, въ Иври, гдѣ онъ пробылъ до 17 июня 1847 года; въ это время его перевели въ другую лечебницу. Наконецъ, въ сентябрь того же года, родственники, съ разршенія врачей, рѣшились отвезти его на родину. Дорогою, въ Брюссель, испыталъ онъ первый ударъ паралича, потомъ въ Бергамо, 4 апрѣля 1848 года, второй ударъ, отъ котораго онъ умеръ на седьмой день. Ему было пятьдесятъ лѣтъ. Похороны его были весьма великолѣпны: всѣ жители Бергамо хотѣли проводить его до послѣдняго жилища; въ немъ столько же оплакивали добраго, любящаго челоуька, какъ и знаменитаго композитора.

Кротость, привѣтливость Донизетти, его живой, образованный умъ, вполне оправдывали эту общую къ нему любовь и уваженіе. Всѣ члены австрійской императорской фамиліи обходились съ нимъ почти какъ съ подобнымъ себѣ; эрцгерцогъ Карлъ считалъ его другомъ. Эти прекрасныя свойства души, дѣлавшія его самымъ пріятнымъ челоуькомъ въ обществѣ, являлись онъ и въ семейной жизни. Къ памяти отца питалъ онъ всегда безграничное уваженіе и тщательно берегъ бездѣлушки, полученныя отъ него на память; у него было нѣсколько

сестеръ и три брата, изъ которыхъ старшій главный директоръ военной музыки въ Турціи. Онъ былъ женатъ на дочери одного римскаго адвоката, которая, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества, умерла въ 1835 году отъ холеры; онъ имѣлъ отъ нея двоихъ дѣтей, умершихъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Тогда всю свою любовь онъ перенесъ на брата жены, Вассели, и смотрѣлъ на него, какъ на роднаго сына. Все эти свойства возвышались еще истинно-художнической организаціею. Донизетти пѣлъ очень пріятно, какъ почти все итальянскіе композиторы, и много и серьезно занимался механизмомъ чловѣческаго голоса; онъ даже написалъ сочиненіе объ этомъ предметѣ и посвятилъ его французскому институту. Онъ превосходно аккомпанировалъ и разбиралъ чужую музыку съ изумительною бѣгlostью. Необыкновенная чувствительность къ успѣху заставляла его всегда сомнѣваться въ своихъ силахъ и бояться за судьбу своихъ произведеній. Въ день перваго представленія *Фаворитки*, онъ прошатался до втораго часу ночи въ Елисейскихъ поляхъ, чтобы не видѣть и не слышать, какъ самыя завѣтныя иллюзіи его души подвергнутся пересудамъ незнакомой толпы; онъ первый изъ итальянскихъ композиторовъ уклонился отъ обычая, съ незапамятныхъ временъ введеннаго, чтобы композиторъ самъ дирижировалъ оркестромъ въ три первыхъ представленія новой оперы.

Сочиненія Донизетти весьма значительны; кромѣ множества небольшихъ пьесъ для пѣнія, кантатъ, оперъ, онъ написалъ однѣхъ оперъ болѣе шестидесяти; сверхъ того, онъ оставилъ по смерти неизданную оперетку въ однѣмъ дѣйствіи и не оконченную партитуру *Герцога Альбы*. Постараемся оцѣнить достоинства и показать характеръ этого плодовитаго композитора, которому преждевременная смерть не позволила, можетъ быть, достигнуть полнаго развитія таланта.

Въ то время, когда Донизетти выступалъ на драматическое поприще, то есть, въ 1818 году, Россини былъ въ полномъ цвѣтѣ своего творчества и славы; онъ уже создалъ *Танкреда*, *Севильскаго цирюльника*, *Сороку-воровку* и *Отелло*, и вступалъ во второй періодъ своей дѣятельности, котораго выраженіемъ были *Дѣва озера*, *Моисей*, *Зельмира* и *Семирамида*. Неувлечясь удивленіемъ, которое возбуждалъ въ Италиі такой рядъ великихъ произведеній, не ослѣпиться такимъ яркимъ свѣтомъ, могла бы только натура, одаренная исполнскою силою; притомъ, если бы Донизетти и дана была та могучая оригинальность, которая присвоиваетъ себѣ все, что заимствуетъ, онъ все таки не могъ бы избѣжать вліянія Россиніевыхъ произведеній на раз-

внѣ его таланта. Дѣйствительно, въ исторіи искусства мы безпрестанно видимъ, что самыя могучіе гении начинаютъ съ того, что подражаютъ художникамъ, преимущественно пользующимся любовью публики или тѣмъ, къ которымъ влечетъ ихъ тайное сочувствіе, происходящее отъ сходства ихъ творческой силы. Молодость рѣдко бываетъ оригинальна; она живетъ сначала чувствами и идеями, которыя почерпаетъ изъ семейства или изъ общественной среды, въ которую поставила ихъ судьба. Медленно и только когда время укрѣпитъ его силы, гении разбиваетъ связывавшія его дотолѣ оковы, очищаетъ вскормившіе его элементы и начинаетъ проявлять свою самобытность. Каждый человекъ, начинавшій новый періодъ въ исторіи человеческого ума, долженъ былъ лепетать на языкъ своей кормилицы, прежде, чѣмъ дойдетъ до языка собственной своей души. Моцартъ образовалъ свой волшебный стиль, подражая въ молодости Георгу Бендъ, Эмануилу Баху, Генделю, Глуку и Гайдну; Бетговенъ вдохновлялся Моцартомъ, а Россини обобралъ половину своихъ современниковъ: Майера, Пэра, Дженерали, оставилъ ихъ далеко за собою и слилъ заимствованный у нихъ мелодическій запасъ съ инструментальнымъ запасомъ, который онъ заимствовалъ изъ нѣмецкой школы. Подражаніе есть потребность человѣческой природы; это дѣйствіе, которымъ жизнь угасающихъ поколѣній передается поколѣніямъ, вступающимъ въ жизнь. Люди обыкновенные потребляютъ идеи прошедшаго и передаютъ ихъ въ цѣлости, не прибавляя къ нимъ ничего; люди же избранные оплодотворяютъ наслѣдство предковъ дѣятельностью своего гениа. Такимъ образомъ совершается движеніе человечества впередъ, безъ разрыва съ завѣтомъ отцовъ.

Однако-же, подражаніе бываетъ двоякое; двоякимъ образомъ можно присвоивать идею, принадлежавшую первоначально другому: невольно, вдохновеніемъ, вслѣдствіе сродства гениевъ; или умышленно, обдуманнѣмъ дѣйствіемъ ума, пытающагося похитить тайну жизни, втихомолку захватить чужое добро, чтобы похвалиться имъ. Въ первомъ случаѣ, подражаніе законно, плодотворно; это постиженіе ума умомъ, сродненіе одной души съ творчествомъ другой, соединеніе поколѣній въ духовной сферѣ, проявленіе закона, необходимаго для прогресса человеческого духа. Во второмъ случаѣ, подражаніе бесплодно, потому что такіа подражатели перенимаютъ одну букву образца, которому хотятъ подражать, и, неспособные чувствовать, стараются обмануть людей, принимая личину и поддѣлываясь подъ языкъ чуждой имъ страсти; такіе подражатели хищники, которымъ никто не повѣритъ,

между тѣмъ, какъ другіе ученики основываютъ собственные школы. Древность выразила это свойственное значеніе подражанія по духу и по формѣ, прекраснымъ, глубокомысленнымъ мнѣемъ. Когда Прометей задумалъ создать человека изъ глины и воды, онъ замѣтилъ въ существѣ, которое создали его руки, небольшой недостатокъ: тотъ же недостатокъ, какъ у лошади Роланда: оно было лишено движенія. Прометей долженъ былъ возвратиться на небо, чтобы похитить искру жизни для оживленія своего человека. Тоже случается съ подражателями: они могутъ заимствовать у учителя хитрости выраженія, но одинъ истинный ученикъ, законный сынъ, можетъ воспроизвести гений отца.

Короткое, но блестящее поприще Доницетти можно раздѣлить на два, ярко отличающіеся періода; въ первый, съ 1818 года, онъ только подражалъ, болѣе или менѣе удачно и искусно, идеямъ и манеръ Россини; во второй, съ 1831 до 1845 года, не отступая на отръзъ отъ Россини, онъ, однако же развиваетъ своеобытный характеръ своего таланта, присоединяетъ его къ наслѣдію предшественниковъ. Изъ шестидесяти слишкомъ оперъ Доницетти, самыя замѣчательныя и извѣстныя суть: *Анна Болейнъ*, *Паризина*, *Лукреція Борджіа*, *Луція*, *Марино Фальеро*, *Фаворитка*, *Любовный напитокъ* и *Донъ Паскуале*. Въ каждомъ изъ этихъ произведеній есть прекрасныя мѣста; въ *Марино Фальеро*, въ *Лукреціи Борджіи* и въ *Мученикахъ* есть даже нумера, отличающіеся рѣдкою возвышенностью идей и фактуры. Но, по нашему мнѣнію, самымъ полнымъ выраженіемъ качествъ Доницетти могутъ служить, въ серьезной оперѣ *Анна Болейнъ*, *Луція* и *Фаворитка*, въ оперѣ буффъ: *Любовный напитокъ* и *Донъ Паскуале*.

Анна Болейнъ, какъ мы уже говорили, была написана въ Миланѣ, для Пасты, Рубини и Галли. Сюжетъ, заимствованный изъ англійской исторіи, прекрасно выбранъ для того, чтобы выставить въ полномъ свѣтѣ главныя качества этихъ трехъ артистовъ. Въ первомъ дѣйствіи особенно замѣчательны полный задушевный романсъ: *Deh! non voler, costringere*; арія несчастной *Анны Болейнъ Come innocente giovane*, въ которой такъ трогательно выражаются воспоминанія дѣтства и первой любви и разочарованіе почестями и величіемъ; дальѣ знаменитая арія Перси: *Da quel di che lei perduta*. Сердце сжимается тоскою при словахъ:

Ogni terra ov'io m'assisi
La mia tomba mi sembrò

Аллегро этой арии едва ли не лучше еще аданте. Наконецъ нельзя не упомянуть о квинтеть, которымъ заключается первое дѣйствіе. Въ особенности очаровательно въ немъ адажіо; въ финальной стреттѣ уже замѣчается то счастливое расположеніе голосовъ, изящная, непринужденная ихъ группировка и постепенное ихъ усиленіе, составляющія одно изъ главныхъ достоинствъ Доизетти. Во второмъ дѣйствіи замѣтимъ только арію: *Vivi tu, te ne scongiuro*, въ которой такъ неподражаемъ былъ Рубини. Кто не слышалъ его въ этой аріи, полной граціи, грусти и страсти, тотъ не имѣетъ понятія о всемъ могуществѣ искусства пѣнія.

*Lucia di Lamermur*ъ безусловно лучшее произведеніе Доизетти, и по концепціи, и по отдѣлкѣ; ни въ одной его партитурѣ не найдете такого единства, такой стройности, не встрѣтите столько мелодій, излившихся изъ самаго сердца; ни одной онъ не обрабатывалъ съ такою добросовѣстностью. Каждый нумеръ очарователенъ и соответствуетъ положенію лицъ. Интродукція, въ которой обрисовывается энергическій характеръ Аштона, написана хорошо и вполне согласуется съ мрачною и нежною драмою, которую она должна приготовить. Дуэтъ Лучіи и возлюбленнаго ея, Эдгара, полонъ страсти, въ особенности аллегро, которое давно уже сдѣлалось достояніемъ всѣхъ народовъ. Дуэтъ для баритона и сопрано, Лучіи и брата ея Аштона, также очень хорошъ, хотя нѣсколько сбиваетъ на давно знакомыя мелодіи, именно на дуэтъ изъ *Элизы и Клаудіо*, Меркаданте. Финалъ вѣреваго дѣйствія представляетъ первоклассныя красоты; вставленный въ него секстетъ одна изъ самыхъ драматическихъ пьесъ, какія существуютъ въ оперномъ репертуарѣ. Что можетъ быть поразительнѣе фразы Эдгара:

T'amo, ingrata, t'amo ancor?

Тутъ каждое слово, каждая нота есть стонъ скорби, потрясающій слушателя до глубины души. Расположеніе голосовъ въ этомъ секстетѣ чудо искусства. Стретта полна энергій. Кто не помнитъ проклятія, которое Рубини произносилъ съ такимъ неистовымъ отчаяніемъ:

Maledetto sia l'istante!

Въ третьемъ дѣйствіи опять прекрасный дуэтъ и финальная арія,

которую Эдгаръ поетъ передъ смертью, близъ замка своей возлюбленной. Никто еще такъ не выражалъ послѣдняго стопа любви, дѣвственныхъ восторгъ и божественныхъ надеждъ сердца, готоваго перейти въ лучший міръ. Знаменитый теноръ Моріани приводилъ всю Италію въ восторгъ этою арією, которую онъ передавалъ съ рѣдкимъ талантомъ; въ его устахъ это была мелодія Платона, переданная христіанскою душою.

Фаворитка далеко не такъ полна и удачна, какъ *Луція*. Стиль ея неровень; рядомъ съ самыми возвышенными идеями встрѣчаются идеи пошлыя, которыя разрушаютъ единство концепціи, необходимое условіе истинно прекраснаго творенія. Романсъ перваго дѣйствія: *Un ange, une femme inconnue*, трогателенъ; въ дуэтъ Фернанда и Леопоры хорошо только аллегро: *Toima seule amie*, въ которомъ есть теплота чувства. Романсъ короля въ третьемъ дѣйствіи: *Pour tant d'amour*, недурная каватина, которою весьма удобно пощеголять виртуозу. Агданте аріи Леопоры *Omon Fernand*, въ болѣе чистомъ и строгомъ стилѣ; но слѣдующее за нею аллегро пренюхая кабалетта. Финаль третьяго дѣйствія и предшествующій ему хоръ полны энергіи и драматизма. Танцы легки, плавны и изящны. Только въ четвертомъ дѣйствіи, писанномъ въ благопріятную минуту, въ Парижѣ, прѣвляется вся пѣжность и теплота чувства, свойственныя таланту Доницетти. Хоръ монаховъ, которымъ оно открывается: *Les cieux s'emplissent d'étincelles*, замѣчателенъ по глубокому религиозному чувству. Романсъ *Angesi pur* первоначально принадлежавшій къ неоконченной партитурѣ *Герцога Альбы*, прелестное произведеніе. Что же касается до финальнаго дуэта Леопоры и Фернанда, и въ особенности аллегро, когда они, обнявшись послѣднимъ, предсмертнымъ объятіемъ, восклицаютъ:

C'est mon rêve perdu
Qui rayonne et m'enivre...

Это одинъ изъ самыхъ дивныхъ порывовъ страсти, когда либо выраженныхъ музыкаю.

Комическія оперы Доницетти несравненно слабѣе серьезныхъ; подражаніе Россини въ нихъ очевидно на каждой страницѣ. Въ *Любовномъ напитокѣ*, въ первомъ дѣйствіи есть хорошенкій дуэтъ шарлатана Дулькамара съ крестьяниномъ Неморино, и финаль, полный замысловатыхъ подробностей и непринужденной веселости. Во

второмъ дѣйствіи опять очень хорошенкій дуэтъ Дулькамара съ кокетливою Адипою, и всѣмъ извѣстный романсъ *Una furtiva lagrima*.
 Донъ Паскуале еще слабѣе *Любовнаго папика*; въ немъ есть однако-же два живые, веселые дуэта, прелестный квартетъ и серенада, сдѣланная пародною.

Въ инструментовкѣ Донизетти много блеска; иногда бываетъ въ ней энергія, но нѣтъ оригинальности; она не отличается ни счастливымъ выборомъ инструментовъ, ни занимательностью модуляцій, ни новостью гармоніи. Очевидно, что онъ слишкомъ пренебрегалъ оркестромъ; притомъ онъ писалъ такъ поспѣшно, что не успѣвалъ прибирать краски, соображать гѣни. Онъ вполне обладаетъ искусствомъ аккомпанировать голосамъ, не утомля ихъ, но онъ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ устарѣлымъ формуламъ и ходамъ, къ кресчендо, къ крикливымъ, испошленнымъ инструментамъ, которые раздражаютъ чувствительность нервъ, упоютъ слухъ цѣною чувства и наслажденія духовнаго. Донизетти слишкомъ спѣшилъ жить и творить, чтобы ждать въ безмолвіи блаженнаго часа вдохновенія. Родившись нѣсколькими годами послѣ Россини, онъ сначала подчиняется вліянію этого великаго мастера и воспроизводитъ съ очаровательною наивною и съ искусствомъ его идеи и формы. Потомъ сильно дѣйствуютъ на него успѣхи Беллини, явившагося въ 1827 году, и подъ вліяніемъ этихъ двухъ, столь различныхъ между собою геніевъ, онъ создаетъ *Атту Болейнъ*, въ которой нельзя не признать трогательной мечтательности, простой и нѣжной мелодіи, отличающихъ автора Пи рата, Сонамбулы и Пурптанъ. Наконецъ, возмужавъ въ опытѣ, достигши полнаго развитія своего таланта, Донизетти сбрасываетъ иго вѣшняго впечатлѣнія и въ минуту вдохновенія создаетъ лучшее свое твореніе: *Лучію ди-Ламермуръ*, въ которой самыя счастливыя свои идеи соединяетъ съ самою тщательною отдѣлкою. Всѣ послѣдующія его произведенія носятъ больше или меньше очевидную печать этой прелестной партитуры, плода литературныхъ идей и музыкальнаго движенія, проявившихся въ Италіи съ 1830 года, то есть, съ отреченія Россини. Здѣсь кстати будетъ обозначить въ немногихъ словахъ характеръ этого движенія и оцѣнить достоинство главныхъ композитровъ, его возбудившихъ, или подчинившихся ему.

Когда Россини выступилъ на музыкальное поприще въ 1812 году, великіе итальянскіе композиторы второй половины XVIII вѣка уже не существовали или не писали, ибо Паззелло умеръ въ 1816 году. Среди безчисленныхъ, блѣдныхъ подражателей, раздѣлившихъ

ихъ наследіе и воспроизводившихъ ихъ обвѣтнательныя формы, три чело-
вѣка, одаренные болѣе оригинальнымъ талантомъ, оспаривали вла-
дычество моды: Майеръ, Пэръ и Джерерали. Майеръ, родившійся въ
какой-то Баварской деревушкѣ, въ 1794 году выступилъ на попри-
щѣ итальянской оперы и стяжалъ довольно громкую славу нѣско-
лькими партитурами (*Джиневра Шотландская, Медел, Алал*
и Бьяла роза и проч.) которыя до сихъ поръ не забыты знато-
ками. Болѣе обильная оркестровка, чѣмъ у большей части современ-
никовъ, нѣкоторое искусство въ сценахъ и совокупныхъ мѣстахъ,
мелодическія идеи, короткія, обрѣзанныя, но не чуждыя ни блеску,
ни возвышенности, ни даже нѣкоторой мечтательной нежности, въ
которой, можетъ быть, кроется искра нѣмецкой чувствительности,
вотъ отличительныя черты произведеній Майера. Пэръ, умершій въ
1839 году, въ Парижѣ, членомъ Французскаго Института, былъ бо-
лѣ искуснымъ музыкантомъ и имѣлъ болѣе богатое воображеніе,
чѣмъ Майеръ. Онъ родился въ Парижѣ въ 1771 году; въ 1797
былъ призванъ въ Вѣну, гдѣ имѣлъ случай слышать оперы Моцар-
та, онъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе и заставилъ поло-
бить болѣе энергическую и разнообразную оркестровку, чѣмъ у
большой части его современниковъ. *Гризельда, Камилла, Агне-
са*, лучшія его произведенія, были плодомъ этого двойственнаго на-
правленія его таланта, примиреніемъ между нѣмецкою и итальянскою
школами. Джерерали, напротивъ, чистый итальянецъ; у него уже
замѣтно то увлеченіе, то ослѣпительное мерцаніе мелодіи и даже
отчасти тотъ живой стиль, которые долженствовали быть удѣломъ
его преемника.

Среди этихъ-то гремучихъ, натянутыхъ и довольно скудныхъ со-
держаніемъ музыкальныхъ формъ, явился Россини и смѣлою рукою
юности сталъ брать свое добро, гдѣ бы оно ни попадалось, ибо что
онъ ни заимствовалъ, все умѣлъ себя усвоить, на все наложилъ пе-
чать своей оригинальности. Многочисленныя и разнообразныя про-
изведенія его отличаются блескомъ воображенія, обиліемъ и свѣ-
жестью мотивовъ, могуществомъ акомпанимента и новостью гармо-
ніи, движеніемъ, великолѣпиемъ и ясностью, которыя онъ умѣетъ
придавать языку страсти. Россини, гений чисто итальянскій, пропи-
танный буйнымъ, чувственнымъ духомъ своего времени; Россини на
отрѣзъ отделился отъ своихъ предшественниковъ; онъ выступаетъ
изъ XVIII вѣка будто изъ туманной, мирной долины и идетъ къ
удушающему съ нетерпѣніемъ завоевателя. Это новый Бонапартъ, схо-

дщій съ снѣжныхъ вершинъ Альпъ на завоеваніе роскошныхъ равнинъ Ломбардіи.

Философское и литературное движеніе, разразившееся, какъ возгласъ свободы, по паденіи французской имперіи, начало прошикаться въ Италію около 1820 года. Это движеніе, возникшее изъ духа независимости и изъ потребности воскресить идеаль человеческой природы, затоптанной деспотизмомъ, это слияніе странныхъ ученій, религіознаго энтузіазма, воспоминаній прошедшаго, наивной, задушевной мечтательности, повѣявшее изъ за горъ, чувственнымъ духомъ сѣверныхъ народовъ, стремившихся покорить растлвную цивилизацію южныхъ племенъ, породило цѣлую школу ревностныхъ нововводителей, во главѣ которыхъ стоятъ Манцони и Сильвіо Пеллико. Опираясь на то начало, что искусства должны быть выраженіемъ истинныхъ, заветныхъ ощущеній души, эти талантливые писатели, пропитанные недавно переведенными сочиненіями Гёте, Шиллера, Байрона и Вальтеръ-Скотта, старались дать своей родной литературѣ болѣе глубокое, дѣвственное и логическое направленіе, обновить всѣ формы поэзіи и фантазіи. Музыка не замѣдила также подчиниться общему направленію умовъ и творцомъ этого преобразованія ея былъ Беллини.

Винченца Беллини родился въ Катанѣ, 3-го ноября 1802 года, и получилъ свое музыкальное образованіе въ Неапольской консерваторіи, сначала подъ руководствомъ Тритто, а потомъ Цингарелли. Послѣ ободрительнаго приѣма, сдѣланнаго его оперѣ *Біанка и Джернандо*, представленной въ 1826 году на театрѣ Св. Карло, онъ былъ приглашенъ въ Миланъ, и написалъ въ слѣдующемъ году *Пирата* для Пасты и Рубини. Эта опера имѣла огромный успѣхъ, и познакомила Италію съ именами Беллини и его давняго истолкователя. Въ 1828 году онъ написалъ въ томъ же городѣ *Страпьеру*, а въ 1831 *Сонамбулу*. Эта дивная партитура, написанная также для Пасты и Рубини, была представлена на Конобіанскомъ театрѣ, и возбудила живѣйшій восторгъ. Увѣрившись, послѣ столькихъ успѣховъ, въ своихъ силахъ, Беллини рѣшился расширить свое поприще, приступить къ предмету болѣе возвышенному, и написалъ *Норму*, послѣднюю роль Пасты. Въ 1833 году онъ переехалъ въ Парижъ, побывавъ въ Лондонѣ, возвратился въ Парижъ въ 1834 году и написалъ *Шуританъ*, для четырехъ великихъ артистовъ, составлявшихъ тогда славу итальянской оперы, Гризи, Тамбурини, Лаблаша и своего любимца Рубини. Эта опера

была его лебединою пѣснью, послѣднимъ изліаніемъ его поэтической души; черезъ полгода его не стало. Кроткая, задумчивая натура Беллини, его мелодическій талантъ, въ которомъ болѣе нежности, чѣмъ силы, болѣе теплоты чувства, чѣмъ разнообразія, не подвергся вліянію Россини, а вдохновился непосредственно композиторами XVIII вѣка. Всего ближе онъ подходитъ къ Паизелло; у него таже нежная мечтательность, тотъ-же заушанный характеръ мелодіи. Это средство всего виднѣе въ *Сонамбуль*, которое болѣе какой либо партитуры выразила индивидуальность юнаго маэстро; она родная дочь *Нины* и сердце ея еще волнуется скорбью матери. Одаренный рѣдкою музыкальною организаціею, которой пошибное и неразумное воспитаніе не дало развиться надлежащимъ образомъ, Беллини не только почерпалъ въ своемъ сердцѣ обворожительныя, упоющія мелодіи, но иногда нападалъ на оригинальныя гармоніи, какъ, напримѣръ, въ квартетъ *Пуританъ*, лучшимъ его произведеніи съ точки зрѣнія искусства. Инструментовка его, по большей части, слаба, но всегда благородна; элементы ея онъ почерпаетъ въ оркестровкѣ Россини, а иногда и Вебера, напримѣръ, въ интродукціи *Пуританъ*. Произведенія его, разнообразныя и болѣе элегическаго, чѣмъ истинно драматическаго характера, отличаются декламаціею простою, неискusstvenной, но полною искренняго чувства, мелодіею, мало развитою, чуждою чувственной роскоши и блеску Россини, но проникающею въ самое сердце, потому-что она не плодъ искусства, а невольное изліаніе собственной его души. Сынъ благословенной небомъ земли, слышавшійся съ дѣтства тѣхъ унылыхъ напѣвовъ, которые съ незапамятныхъ вѣковъ повторяютъ Сицилійскіе пастухи, проникнутый тою спокойною, свѣтлою думою, которую внушаютъ подъ южнымъ небомъ вечерняя заря и широкій горизонтъ моря, и которой слѣдъ уже замѣтенъ въ Теокрытѣ, въ мадригалахъ Джезуальдо, въ XVI вѣкѣ, а всего болѣе въ Перголезе и въ Паизелло, Беллини слилъ эти родные звуки своего южнаго вдохновенія съ туманною, паптеистическою мечтательностью нѣмецкой и англійской литературы, и изъ этого вліянія родилось очаровательное цѣлое, полное обаянія и таинственности.

Джузеппо Верди, послѣдній, по времени, изъ итальянскихъ композиторовъ, и котораго произведенія кружатъ нынче головы его соотечественникамъ, представляетъ, по характеру своего таланта, рѣзкую противоположность съ Беллини. Родился онъ въ окрестностяхъ Милана, и первымъ началамъ музыки учился, какъ увѣряютъ, у старика дяди,

сельскаго священника, который заставлялъ его еще ребенкомъ при-
 бирать аккорды на органъ приходской церкви; остальнымъ онъ обя-
 занъ Богу и собственному опыту. Первою его извѣстною оперою
 былъ *Навуходносоръ*, представленный съ огромнымъ успѣхомъ въ
 Миланѣ. Съ тѣхъ поръ онъ написалъ съ дюжину оперъ, возбуди-
 вшихъ неистовый восторгъ во всѣхъ городахъ Италіи, кромѣ Неаполя.
 Въ отчизнѣ Россіи нынче слушаютъ одну музыку Верди; рѣзкія его
 мелодіи раздаются на всѣхъ площадяхъ. Авторъ *Навуходносора*,
Эрнани, *Фоскари*, *Ломбардцевъ*, соединяетъ съ серьезнымъ, пытли-
 вымъ умомъ воображеніе болѣе возвышенное, чѣмъ богатое. Идеи
 его не чужды яркости и даже силы, но онъ вращается въ слишкомъ
 тѣсномъ кругу; а какъ онъ не умѣетъ разнообразить ихъ искуснымъ
 развитіемъ, то долженъ скоро возвращаться къ первоначальной фор-
 мулѣ, что есть признакъ скудности фантазій. Верди любитъ драмати-
 ческіе эффекты, очевидно гоняется за ними; но если они ему иногда
 даются, то они производятся не постепеннымъ усиленіемъ тѣней, по
 примѣру великихъ мастеровъ, а внезапнымъ раздраженіемъ матеріаль-
 ной силы звука, почти независимымъ отъ его воли. Слишкомъ часто
 прибѣгаетъ онъ къ *унисону*, мѣжду тѣмъ, какъ унисоно, будучи по
 существу своему приѣмомъ слишкомъ простымъ и однообразнымъ,
 должно употребляться весьма осмотрительно, для того только, чтобы
 дать слуху отдохнуть послѣ слишкомъ сложной и обильной гармоніи.
 Оркестровка Верди вмѣстѣ шумна и пуста; она или слишкомъ гро-
 мозвучна, или слишкомъ скудна. Онъ любитъ сопровождать человѣ-
 скій голосъ самыми пошлыми инструментами, на примѣръ рожкомъ,
 котораго черезъ чуръ рѣзкія звуки, въ особенности при рубленыхъ,
 скачущихъ ритмахъ, безпрестанно встрѣчающихся въ Вердиевой му-
 зыкѣ, болѣе достойны маскарада, чѣмъ серьезной драмы. Неумнѣемъ
 своимъ обращаясь съ человѣческимъ голосомъ, который онъ под-
 вергаетъ самымъ труднымъ гимнастическимъ упражненіямъ, Верди
 нанесъ гибельный ударъ искусству пѣнія. Вообще талантъ его, ли-
 шенный гибкости и мягкости, воспитанный на непонятыхъ ученіяхъ
 нѣмецкой и французской школы, изобличаетъ вѣкъ паденія драмати-
 ческой музыки

Что касается до Джіовани Пачини, автора *Нюбы*, *Послѣдняго дня Помпеи*, *Сафо* и еще десятковъ трехъ болѣе или менѣе извѣстныхъ оперъ, такъ это безцвѣтный подражатель Россіни. Остается сказать слово о Меркаданте, музыкантъ образованномъ и технически искусномъ, но которому не дано дара оригинальности. Долго шель онъ

по слѣдамъ Россини, потомъ пытался поддѣлываться подъ манеру Беллини; выпче же гоняется за жалкою честию быть послѣдователемъ Верди. Первая удачная его опера *Элиза и Клаудіо*, до сихъ поръ остается лучшимъ его произведеніемъ.

Изъ этого краткаго очерка видно, что характеръ итальянской школы чрезвычайно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ Россини положилъ перо. Вліяніе иностранныхъ литературъ и новыхъ теорій драматическаго искусства, побудили соотечественниковъ Чимарозы гоняться за напряженнымъ выраженіемъ страсти, бросить изображеніе нежныхъ, тихихъ ощущеній, и пуститься въ рисовку мрачныхъ порывовъ души. Светлою фантазіею итальянцевъ овладѣлъ какой то мистицизмъ. Ихъ мелодіи стали простѣе, получили болѣе теплоты и задушевности; по за то онѣ уже не такъ богато развиты, не такъ ярки и роскошны, не такъ возвышенны, какъ мелодіи Россини. Дуэты, тріо, и вообще всѣ совокупныя мѣста стали писаться по болѣе тѣсному образцу. Искусство развить тему до послѣднихъ ея выводовъ, посредствомъ сцѣпленія эпизодовъ и модуляцій, забыто, инструментовка стала грубѣе и утратила полноту и художественное разнообразіе, которымъ мы удивляемся въ *Отелло* или *Семирамидѣ*. Словомъ, музыка упала въ рукахъ преемниковъ Россини, драматическое выраженіе обдѣнло и заразилось преувелеченіемъ и однообразіемъ мелодрамы; итальянская опера ниспала съ своего прежняго величія и получила въ музыкѣ тоже значеніе, какое въ живописи имѣютъ такъ называемыя *tableaux de genre*.

Въ этой то средѣ долженъ былъ дѣйствовать Донизетти. Онъ превосходитъ Беллини въ искусствѣ и оригинальности; плодovitѣе и разнообразіе МеркадANTE и Верди, и несравненно выше Пичини и прочихъ композиторовъ его разряда, словомъ, мѣсто его, первое послѣ того недосягаемаго мѣста, которое принадлежитъ одному гению. Въ исторіи искусства онъ будетъ слѣдовать непосредственно за Россини, котораго онъ лучшій подражатель, и будетъ жить съ своею *Лучією*, одною изъ лучшихъ партитуръ нашего вѣка. Чтобы однимъ словомъ очертить благородство его сердца и задушевную нежность его таланта, стоитъ только подписать подъ его портретомъ слова изъ финальной аріи *Лучіи*

O bell' alma innamorata!

СЛЖХОТВОРЕЖІА.

Тополь.

Сладко грудь прохладой дышетъ.
Солнце свѣтитъ ярко въ небѣ чистомъ.
Утро тихо; вѣтеръ не колышетъ.
Ни листка на деревъ тѣнистомъ.
Тополь подъ окномъ стоитъ высокою,
Тѣнь свою раскинулъ онъ широко.

И какъ будто въ свой приютъ онъ манитъ,
Будто шепчетъ о какомъ-то счастьи,
О странѣ, гдѣ все цвѣтетъ, не вянетъ,
Гдѣ нѣтъ бурь и темныхъ дней ненастья,
Гдѣ все жизнь, любовь, цвѣты и звуки
И отрада есть для тайной муки.

И душа наполнилась мечтою.
Къ тополю прикованъ взоръ печальный...
Грудь кипитъ... понесся бы стрѣлою
Къ жизни невозвратной, къ жизни дальней,
Отнялъ бы у ней, что сердцу мило,
Что оно давно похоронило.

И подъ тѣнью тополя широкой
Я къ одной бы груди преклонился,

Излился бѣ душой въ нее глубоко
 И опять бы жизнью въ ней упился.
 И за этотъ мигъ одинъ было
 Умеръ бы, не вымолвивъ ни слова.

Д. Треховъ.

Изъ Горация

Parcius junctas quatuor fenestras....

Рѣже у оконъ твоихъ молодежь собирается. Рѣже
 Шумный ихъ говоръ тебя пробуждаетъ отъ сладкой дремоты.
 Дверь покорила замку: а бывало она то и дѣло
 Звонко на петляхъ визжитъ ...

Ниче, какъ длинная ночь разольется широко по небу,
 Рѣже и рѣже къ тебѣ долетаютъ призыванья влюбленныхъ,
 Рѣже ты слышишь теперь: «Умираю отъ страсти безумной!...»
 Ты же — о Лидія! — спишь....

Скоро настанетъ пора: ты совсѣмъ отцвѣтешь... и тогда-то,
 Въ улицѣ темной бродя и знобимая вѣтромъ холоднымъ,
 Вспомнишь неволью о тѣхъ, на которыхъ ты прежде смотрѣла
 Съ явнымъ презрѣнемъ... Тогда

Сердце твое какъ огонь, запылаетъ мятежною страстью:
 Будетъ оно день и ночь безпрестаннымъ желаньемъ терзаться;
 Кровь потечетъ у тебя, какъ по жиламъ степной кобылицы,
 Ищущей въ степи коня. .

Тщетно ты взглянешь назадъ!... Въдѣ румяная молодость любитъ
 Мирты цвѣтущіе: листь, отлученный грозою отъ ветки,
 Гордо кидаетъ она, не заботясь о немъ, въ волны Эбра,
 Спутника мертвой зимы ...

С. Дуровъ.

Призракъ

Нѣтъ, не тебя въ вечерней тишинѣ
 Я обнималъ дрожащую рукою!
 Но тѣнь твоя не первый разъ ко мнѣ
 Является бесѣдовать со мною.
 Все тотъ же ликъ, и блѣдный и худой,
 Все ту же мысль онъ, молча, выражаетъ:
 Что гдѣ нибудь мы встретимся съ тобой,
 Что съ тѣломъ въ насъ душа не умираетъ

А. Брюссій.

Юношѣ.

Ты молодъ и любимъ... тепло тебѣ на свѣтъ!
 Надежда и восторгъ тебѣ волнуютъ кровь.
 Ты вѣришь всѣмъ мечтамъ, какъ золотой монетѣ,
 Ты думаешь, что жизнь прекрасна, какъ любовь
 Безпечный, какъ дитя, ты чувствуешь небрежно
 И вѣришь ты во все, въ чемъ вѣры даже нѣтъ.
 Но скоро, можетъ быть, обманутый надеждой,
 Ты проклянешь себя, друзей, любовь и свѣтъ!
 Ты проклянешь себя... за то, что счастьемъ вѣрилъ,
 За то, что жизни цѣль твой умъ не разгадалъ;
 Ты проклянешь друзей... за то, что лицемѣрилъ
 Твой каждый милый другъ, твой каждый идеалъ,
 Ты проклянешь любовь... за то, что видѣлъ ясно
 Подъ маскою любви корысть и клевету;
 Ты проклянешь весь свѣтъ... за то, что ты, несчастный,
 Въ немъ счастья искалъ, а встрѣтилъ — суету!

Н. Толубинъ.

Тоска.

РУССКАЯ ПѢСНЯ

Загубили волю,
 Съ горемъ повнчали,
 Бросили на долю
 Мнѣ однѣ печали!

Дали мнѣ бабенку —
 Просто — умираеть!
 Да еще избенку —
 Вся ужъ протекаетъ!

Кто-жъ за мной что видѣль?
 Въ чемъ я провинился?
 А-ль кого обидѣль?
 Али пьянъ напился?

Али въ день воскресный
 Въ церквѣ не молился?
 Такъ свидетель крестный:
 Съ нимъ я становился.

Жилъ, кажись, я честно,
 Въ полѣ не лѣнился,
 Шли дѣла чудесно,
 Пѣлъ, да веселился!

Съѣли, погубили
 Люди меня злые,
 Силою женили,
 Вороги лихіе!

Зналъ-бы я да вѣдалъ —
 Лучше бы за брата
 Горя я отвѣдалъ:
 Выставилъ солдата!

Нѣтъ житья съ старухой:
 Цѣлый день бранится!..
 Стану же съ сивухой
 Горемъ я дѣлиться!

С. Соловьѣвъ.

Могильный цвѣтокъ.

Много лѣтъ мнѣ цвѣтокъ дорогой
 О быломъ въ душу сладостныхъ грезъ.
 Онъ разцвѣлъ у плиты гробовой,
 На холодной могилѣ онъ взросъ.
 Онъ впоенъ не весенней росой,
 А струей жгучихъ слезъ;

Онъ убитъ не налетной грозой,
 Не полуденнымъ зноемъ спаленъ,
 Онъ не острою скошенъ косой
 И не бурею въ степь унесенъ:
 Онъ засушенъ душевной тоской,
 Жаромъ сердца сожженъ.

Я съ могилы сорвалъ мой цвѣтокъ,
 Въ полномъ цвѣтѣ, весенней порой,
 И его все у сердца берегъ,
 Гдѣ темно, какъ въ снѣгѣ гробовой:
 И цвѣтокъ мой увялъ и поблѣкъ
 На могилѣ живой.

Н. Г. Трековъ.

Лапонія.

Страна холодная, страна печальная!
 Земля безплодная, земля опальная!
 Какъ грустно видѣть мнѣ, какъ тяжело всгрѣчать
 Ужасной бѣдности вездѣ, на всемъ печать:
 На скудныхъ пажитяхъ, поляхъ черньющихъ,
 На лицахъ жителей въ нуждѣ дряхлющихъ.
 Свинцовой скукою, тоской томительной
 Наполненъ воздухъ здѣсь. Судьбой язвительной
 Даны странѣ пустой — граниты голые,
 Улыбки мертвыя, сердца тяжелыя,
 Глаза потусклыя, идеи темныя,
 Болота топкія, лѣса огромныя,
 Поля, гниющія безъ агрономіи...
 Картины жалкія пустыни и бездомія!
 Увижу васъ и жжетъ тоска безплодная...
 Страна опальная, страна холодная!

В. Зотовъ.

Предразсудки.

(Съ нѣмецкаго.)

Отъ предковъ и отцовъ въ наследіе прямое
 Пріяли много мы нелѣпостей и лжи,
 И слѣпо вѣримъ имъ, какъ будто во святое,
 Безъ разсужденія, какъ дѣти, отъ души.
 И предразсудки тѣ намъ кажутся не дикі,
 И заблужденья тѣ намъ вовсе не смѣшны;
 Съ восторгомъ мы твердимъ безсмысленные крики,
 Хвалу тому, надъ чѣмъ смѣяться бы должны;

И преклоняемъ языческимъ кумирамъ,
 Благоговѣемъ мы предъ странной славой ихъ.
 И тупостью идей кичась предъ цѣлымъ міромъ,
 Мы въ заблужденіяхъ упорствуемъ своихъ...
 Когда же кто нибудь, въ предвѣдѣнны высокомъ,
 Намъ смѣло истину святую возгласитъ,
 И доказавъ ее и ясно, и глубоко,
 Кумиры разобьетъ и ложь разоблочитъ,
 Невнемя истинъ, кося въ заблужденіи,
 Съ ожесточеніемъ мы споримъ съ нимъ во всемъ,
 И оскорбленное общественное мнѣнье
 Зоветь его, кляня, невѣждой и лжецомъ...
 И мы перекричимъ: за насъ и общій голосъ,
 И длинный рядъ годовъ, и грѣхъ, намъ всѣмъ родной. .
 А онъ, какъ невзначай межъ плевель взросній колось,
 Передъ толпой одинъ съ повинной головой!

М. Миронскій.

КРИТИКА.

«Фопъ-Визнъ». Сочиненіе князя Петра Вяземскаго

Ridendo castigat mores, говаривали во время оно о театрѣ, применяя эти слова особенно къ комедіи. Но мы не думаемъ, чтобы театръ когда нибудь былъ школою нравственности, чтобы комическій писатель когда нибудь былъ моралистомъ. Нѣтъ! не исправленіе зрителей должно быть цѣлю комедіи, а вѣрное и полное изображеніе жизни и страстей человѣческихъ. Пороки, слабости, смѣшные обычаи и привычки, все это входитъ въ область комедіи, все это ея достояніе. Но цѣль ея—не исправлять недостатки, а только изображать ихъ вѣрно и рельефно. Однако-же не всѣ смотрятъ на комедію съ этой точки зрѣнія, не всѣ даютъ ей такое широкое поприще, такое обширное опредѣленіе. Всякой народъ, какъ и всякій чело-вѣкъ, смотритъ на вещи сквозь очки своихъ обычаевъ и привычекъ; кромѣ таго, каждая эпоха накладываетъ на мнѣнія свой особенный отпечатокъ. Тоже было и съ комедіею. Не будемъ слѣдить за развитіемъ ея въ древности, оставимъ въ покоѣ условныя понятія о ней грековъ и римлянъ; это дѣло стороннее для насъ, потому-что комедіи греческая, имѣвшая представителя своего въ Аристофанѣ, была преимущественно политическою и, слѣдовательно, значеніе ея обуславливалось государственною жизнью грековъ, почти независимо отъ жизни общественной; у римлянъ же комедія была растеніемъ пересаднымъ, тепличнымъ, такъ, что даже грубая національность Плавта отзывается щепетильными правилами и приемами греческихъ комедій временъ упадка. Не говоримъ уже объ Теренціи,

въ которомъ не найдете ничего латинскаго, кромѣ языка. Впрочемъ понятно, что римляне не могли усвоить себѣ комедіи: у нихъ государство не терпѣло сатиры и насмѣшекъ, а общества не было; жизнь же семейная была тщательно скрыта отъ любопытнаго глаза и малѣйшая попытка сдернуть завѣсу съ внутренняго, домашняго быта почиталась оскорбленіемъ. Да и какой вольноотпущенникъ посмѣлъ бы въ счастливые годы республики вывести на позоръ римскаго сенатора или тогу всадника (eques) вѣчнаго града? Дорого заплатилъ бы онъ за подобную попытку, тѣмъ болѣе, что и во времена растлвнн римляне не слинкомъ уважали театрѣ. Вспомните, какъ Тацитъ, римлянинъ образованный, отзывается объ немъ. (*) и вы поймете, почему у этого народа небыло комедіи.

Но не такъ было во времена новыя, когда создались иное общество, иные нравы. Комедія стала ступеню ниже, но раскинулась шире и просторнѣе. Прочъ политическія теоріи Аристофана! прочъ грубыя погрѣмунки Плавта и утонченности Александрійской школы! Дайте намъ челоуька, челоуька свободнаго, какъ воздухъ, но все-таки скованнаго страстями и приличіями, челоуька съ его личнымъ воззрѣніемъ на міръ, съ его разнообразными причудами и странностями, дайте намъ челоуька живаго, какъ онъ есть, а не политическій или философскій символъ, не сухую отвлеченность, не мертвую аллегорію. Не хотимъ вашихъ теорій, комики, политики и философы, хотимъ жизни, жизни и жизни!

И вотъ создалась комедія новая, комедія общественная въ обширномъ значеніи этого слова. Но каждый народъ по своему понялъ задачу, по своему и рѣшилъ ее. Не вдругъ, а постепенно отличались комическіе элементы въ условную форму, не вдругъ, а постепенно устанавливались нестройныя начала, изъ которыхъ каждый народъ творилъ свою особенную комедію. Такъ родились маски итальянцевъ, такъ произошла испанская комедія, комедія интриги или, по народному выраженію, комедія плаща и шапки (de care et de l'épee), такъ образовалась у французовъ комедія типовъ, такъ создали англичане настоящую комедія нравовъ. Каждый изъ этихъ родовъ былъ вѣрнымъ и точнымъ выраженіемъ народныхъ понятій и требованій, хотя не все одинаково полно изображали жизнь и общество. Меньше всѣхъ удовлетворительна комедія итальянская, это прямое слѣдствіе политической раздѣльности терри-

(*) Tacit., Annal., XIV, 43, 20, 24; XV, 32, 33, Hist., III, 62.

торіи, обусловливаемой исторіей, географическимъ положеніемъ страны, различіемъ характера и нравовъ, даже различіемъ языка. Каждая область, каждый городъ дали итальяскому театру представителя своего, маску; олицетвореніе мѣстнаго характера, мѣстныхъ повѣрій и недостатковъ. Но хотя взятыя съ натуры, эти маски были не живые люди съ своимъ индивидуальнымъ развитіемъ, а личности отвлеченныя, сборныя. Пьерро, арлекины, пульчиннели получили определенный, условный характеръ, стѣснявшій свободу творчества и оставлявшій комику только возможность переѣшивать эти куклы и ставить ихъ въ вѣчно новыя, въ безконечно разнообразныя положенія. Наконецъ, даже перестали писать эти пьесы: сами актеры, нерѣдко передъ представленіемъ, составляли планъ комедіи и потомъ въ живой и свободной импровизаціи вышивали по данной канвѣ прихотливыя и затѣйливыя арабески. Много шума, много движенія, много смѣлыхъ шутокъ, мѣткихъ остротъ, много сатирическихъ выходовъ въ этихъ комическихъ *embroglio*, но мало дѣйствія, мало драмы. Не таковы французскія *типицескія комедіи*. Притомъ же, онѣ представляютъ болѣе общечеловѣческое и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе художественное выраженіе, если не жизни и общества, то, по крайней мѣрѣ, людскихъ страстей, людскихъ пороковъ, людскихъ слабостей и недостатковъ. Если хотите, лица французскихъ комедій еще менѣе люди, чѣмъ персонажи итальянскаго театра. Отбросивъ мѣстный колоритъ, играющій такую важную роль въ условныхъ характерахъ масокъ, эти лица все-таки сдѣлались не живыми, органическими существами, а отвлеченными типами страстей и пороковъ, на подобіе героев Менандра и Теренція. Къ тому же, строгое соблюденіе трехъ единствъ лишило французскія комедіи и наружнаго, чисто вышшняго движенія итальянскихъ фарсовъ. Монологи и длинныя тирады, начиненныя нравственными сентенціями, убили въ нихъ жизнь, такъ, что весь интересъ сосредоточился на развитіи одной страсти, на положеніи главнаго лица, взятаго отдѣльно отъ общества и дѣйствующаго независимо отъ времени и мѣста. Прочіе персонажи сдѣлались какими-то условными существами, безъ образа и характера, даже самъ герой или лучше сказать, главный типъ пьесы обрисовывался не вполнѣ, а въ профиль; авторъ бралъ въ челоуѣкъ одну сторону, одну страсть и выражалъ ее въ высшей степени развитія, отбрасывая все другія черты характера, какъ совершенно ненужныя. Отъ этого, по-видимому, эта страсть должна-бы выступить ярче и рельефнѣе, предстать во всей полнотѣ и паготѣ,

по вышло напротивъ. Взятая отдельно отъ человека, она являлась чѣмъ-то отвлеченнымъ, безтѣлеснымъ и, если можно такъ выразиться, распылялась въ пѣсь, не производя никакого впечатлѣнія на зрителя. И почему-же? Потому, что онъ не находилъ въ такой отвлеченной картинѣ страсти ничего человѣческаго и, не встрѣчая живаго существа, которое возбуждало-бы его сочувствіе, слушалъ пѣсу также хладнокровно и спокойно, какъ мы смотримъ на дикія бѣснованія плохаго трагическаго актера, размахивающаго «мечемъ картоннымъ». Ошибочно судятъ нѣкоторые, полагая, что изображеніе человека вне условій времени и мѣста, есть комедія общечеловѣческая; это даже не комедія нравовъ, въ полномъ значеніи этого слова, а картины страсти. Человекъ такъ тѣсно связанъ условіями своего быта, условіями общественными и семейными, что оторвать его отъ его страны, отъ его вѣка, выдвинуть изъ среды, въ которой онъ дѣйствуетъ, значить разорвать весь тайный, незамѣтный нити его существованія, однимъ словомъ, убить его. А комика ли дѣло вскрывать мертвый, неподвижный трушъ? Не лучше-ли ему, не обязанъ-ли онъ слѣдить игру мускуловъ въ живомъ тѣлѣ?..

Мы не думаемъ этимъ унижать достоинство комическихъ писателей французской школы. Никогда не приходило намъ на мысль, да и смѣшно бы было, возставать, напримѣръ, противъ Мольера. Напротивъ, перечитывая его, мы всегда удивлялись, какъ при такихъ слабыхъ данныхъ, при такихъ стѣснительныхъ условіяхъ, могъ онъ создать такъ много истинно великаго, глубоко комическаго. И невольно приходитъ на думу, что бы создалъ онъ, еслибы не подрѣзаны были его мощныя крылья!

Тѣсная рама и мелочныя условія французской комедіи не могли удовлетворить пылкаго воображенія испанцевъ, не дружелюбно слушавшихъ и вольныя *lazzi* итальянскаго театра. Для ихъ полуевропейскаго, полуафриканскаго характера нужна была сцена болѣе широкая, кисть болѣе свободная и размахистая. Духъ рыцарства, особенно развившійся въ этомъ народѣ, и мечтательность, привитая къ нему арабами, требовали иной пици; чтеніе рыцарскихъ романовъ породило любовь къ дивнымъ приключеніямъ, къ запутаннымъ завязкамъ, а національная гордость поставила выше всего *честь* и щекопливый *point d'honneur*, играющій роль древней судьбы (*fatum*) въ испанской комедіи. Даже, потерявъ свой первоначальный рыцарскій характеръ, она осталась чѣмъ-то особеннымъ по своему оригинальному складу, по запутанности и сложности интриги, по множеству

сводныхъ лицъ и часто излишнихъ эпизодовъ. Напрасно старался даровитый Бомарше слить ее съ французскою типическою комедіею: ей было душно въ тѣсной рамѣ трехъ единствъ и очень часто узкое платье лопалось по швамъ или давило полное жизни тѣло. А между тѣмъ многого недоставало испанской комедіи: недоставало ей наблюдательности, истины характеровъ и положеній, вѣрной рисовки страстей и пороковъ и, наконецъ, болѣе тѣсной связи съ обществомъ. Бомарше хотѣлъ пополнить этотъ недостатокъ бойкостью сатиры, забывая, что сатпра еще не комедія. Вотъ почему комедіи его, хотя и имѣли успѣхъ заслуженный, какъ своевременныя произведенія умнаго и ѣдкаго пера, но не стали и никогда не станутъ въ ряду образцовыхъ комическихъ произведеній. Но все таки эта попытка ввести драму и разнообразіе въ комедію типическую была въ то время подвигомъ важнымъ, еще неоцѣненнымъ по достоинству.

Въ Англии протестантизмъ и политическая самостоятельность рано развили духъ анализа и пробудили наблюдательность. Характеръ англичанина — положительный, холодный, чуждый мечтательности; его пытливый умъ искалъ на сценѣ не пустаго развлечения, а вѣрной картины общества или смѣлаго ршенія жизненныхъ вопросовъ. Англійскій комизмъ состоитъ не въ игрѣ словъ, не въ островахъ, не въ смѣшныхъ положеніяхъ, не въ живописи страсти, не въ запутанности интриги, а въ отчетливой рисовкѣ общества, въ рельефномъ изображеніи рѣзкихъ контрастовъ жизни и характеровъ. Англичанинъ хочетъ видѣть на сценѣ полную картину челоука съ его страстями, достоинствами и недостатками. Привычный къ борьбѣ, онъ ищетъ ее и въ комедіи, не требуя непременно наказанія порока и торжества добродѣтели: сильный внутреннимъ нравственнымъ чувствомъ, онъ не боится выставить жизнь, какъ она есть, безъ бѣлизъ и румянъ приличія. Но пусть эта жизнь развивается передъ нимъ полно и отчетливо, не сбиваясь на одну тему, не взбираясь на одинъ копейку. Пусть одна страсть господствуетъ надъ другими, но не подавляя ихъ. Такъ Шейлокъ Шекспира такой-же скряга, какъ и Гарпагонъ, но скупость его выражается не словами, а поступками, по въ немъ живутъ и другія страсти, въ его душѣ есть другія струны, которыя мощно отзываются, когда ихъ задѣваетъ желѣзная рука судьбы или случая. Мы видимъ въ немъ подобнаго намъ челоука, изъ тѣла и крови, способнаго любить и ненавидѣть, созданнаго для жизни, а не для олицетворенія скупости. Таковъ Фальстафъ, герой *Виндзорскихъ проказницъ*, таковы все лица Шекспи-

ра, выхваченные живьемъ изъ современнаго общества. Потому-то и вѣчны его созданія, что въ нихъ дѣйствуютъ люди изъ плоти и крови, съ страстями всѣхъ временъ и съ предрасудками и привычками своего вѣка. Отъ нихъ вѣгъ жизнь, потому что они перенесены въ созданіе поэта не вырванные съ корнемъ изъ общества, а вмѣстѣ съ обществомъ, въ которомъ родились, дѣйствовали и умерли. Преходящая вѣщность не мѣшаетъ имъ быть высокими идеалами, но придаетъ общимъ человѣческимъ чертамъ характеръ жизни и дѣятельности. Вотъ комедія англичанъ, истинная комедія нравовъ, и ее-то поставляемъ мы высшею степенью комическаго творчества. Теперь посмотримъ, какую форму дала комедіи русская литература, или которую изъ данныхъ формъ развила она, на основаніи своихъ народныхъ элементовъ.

Русская литература никогда не была самобытною, въ томъ смыслѣ, въ какомъ была самобытною, напримѣръ, литература греческая. Она не выработала изъ собственныхъ своихъ началъ ни особеннаго, свойственнаго ей содержанія, ни особенной, свойственной ей формы. Въ форму готовую, въ содержаніе данное, можетъ быть, вложила она свою заповѣдную идею, но во всякомъ случаѣ эта форма и это содержаніе родились не изъ народныхъ стихій. Такъ было и съ литературою римскою, достигшею въ послѣдствіи самостоятельности но лишенной все-таки самобытности, потому-что главные элементы ея были всегда проникнуты эллинскимъ духомъ. Такъ, при чтеніи Эпиды не покидаетъ васъ великая тѣнь Гомера, и его гений просвѣчиваетъ сквозь всю поэму, какъ зимнее солнце сквозь окно, покрытое снѣжными узорами. Такъ содержаніе поэзіи Горация напоминаетъ Анакреона, хотя поэтъ Августа выше по-таланту пѣвца нѣги и сладострастія. Такъ даже строгій и суровый Тацитъ напоминаетъ Ксенофонта, не смотря на весь контрастъ событій временъ упадка Имперіи съ громкими подвигами *Алибазиса* и съ приторно-философскими сценами *Киропедіи*. Но та разница между литературою римлянъ и нашею, что въ римской одинъ духъ оживляетъ весь эпохи, одинъ духъ проникаетъ весь произведенія, мощный духъ эллинскаго искусства, эллинской жизни, а у насъ образецъ смѣняется образцомъ, подражаніе подражаніемъ и все проходятъ блѣдными тѣнями, какъ картинки китайскаго фонаря. Отъ этой измѣчивости мы, можетъ быть, ближе къ самобытности, чѣмъ римляне, подчинившіеся одному направленію и признавшіе его необходимымъ и единымъ; мы пытаемъ все и, можетъ-быть, попытаемся извлечь изъ нѣдръ русской жи-

ни русскую форму, русское содержаніе. Правда, уже пытались мы совершить этотъ подвигъ, но до сихъ поръ почему-то эти пощтыки кончались перемъною оригинала, а не переходомъ отъ подражанія къ оригинальности.

Этимъ-то путемъ попытокъ постоянно шла у насъ комедія, вращаясь въ магическомъ кругу, изъ котораго не находила выхода. Прежде всего попалась намъ подъ руку классическая комедія французовъ и съ легкой руки Сумарокова, утвердилась на нашей почвѣ. Мольеру, Детушю, Пикарю, Мариво Коленъ-д'Арлевилю служили образцами нашимъ комикамъ, безцеремонно выбравшимъ изъ нихъ цѣлыя сцены, цѣлые характеры, иногда акты! Это называлось заимствованіемъ и считалось столь же законнымъ, какъ теперь передѣлка водевилей на русскіе нравы. Но наступила другая эпоха: классицизмъ палъ и мы получили свободу въ созданіи, т. е. право подражать не однимъ французамъ. Пошли комедіи интриги (впрочемъ въ самомъ маломъ количествѣ), комедіи шекспирскія, комедіи всевозможныя! Наконецъ все это надѣло и мы бросились на оригинальность, на русскіе нравы и создали нѣчто въ родъ итальянскихъ масокъ. Но у насъ маска не выраженіе отдѣльной, мѣстной національности, а условный типъ несуществующаго класса людей. Въмѣсто венеціанца Панталона, вмѣсто болонца доктора, вмѣсто бергамцевъ Арлекина и Бригеллы, вмѣсто неаполитанца Пульчинеллы у насъ явились четыре самостоятельныя маски, взятыя не изъ жизни, а изъ досужаго воображенія доморожденныхъ комиковъ. Чиновникъ, купецъ, помѣщикъ и офицеръ — вотъ четыре маски нашей Талии, вотъ краеугольные камни нашего комизма! Такъ родилась наша современная комедія, странная амальгама французскаго классицизма съ итальянскими фарсами. Смѣйтесь, если вамъ смѣшно, а право есть надъ чѣмъ погрузить и призадуматься.

Три раза пытались люди съ талантомъ пересоздать русскую комедію и все три попытки совершились безплодно; первой удивлялись, не понимая ее; вторую отвергли наши комики, третьей-же не поняла и не приняла публика. Я думаю, вы уже догадались, что дѣло идетъ о Фонъ-Визинѣ, Грибоѣдовѣ и Гоголѣ. Первый изъ нихъ въ тѣсную раму типической комедіи втиснулъ народные характеры, оставивъ все-таки такъ называемыя первыя роли условнымъ характерамъ. Классическіе влюбленные и благородные отцы или резонеры остались центромъ пьесы, хотя по естественному порядку вещей весь интересъ сосредоточился на лицахъ, выхваченныхъ изъ жизни. Этого не со-

знавалъ впрочемъ самъ Фонъ-Визинъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его (*).

«Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей: *Недоросль*, одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ...» Не думаемъ. Даровитый комикъ нашъ жестоко ошибался, приписывая успѣхъ *Недоросля* самымъ скучнымъ сценамъ, которыя и въ чтеніи всякой изъ насъ часто пропускаетъ. Фонъ-Визинъ не посмѣлъ поднять руку на форму и содержаніе французской комедіи и только второстепеннымъ лицамъ придавъ русскую рѣчь, русскій складъ ума, русскія понятія.

Грибоевъ былъ смѣлье. Имѣя передъ глазами примѣръ Бомарше, онъ и главнымъ персонажамъ далъ не условный, но уже живой человѣческій характеръ и языкъ. Бойко заговорили его лица, но стройная сатирическая картина современнаго общества втѣснилась все-таки въ прежнюю форму, правда, подновленную и расширенную. *Горь отъ ума* представляетъ много сходства съ *Свадьбой Фигаро*, но сходства внѣшняго, въ расположеніи сценъ, въ разнообразіи характеровъ, въ блестящихъ остроуміи, въ меткости и бойкости сатиры. Но *Свадьба Фигаро* затрогиваетъ больше струнъ; она возвышается мѣстами до комедіи политической и, несмотря на нѣкоторыя длиноты, въ ней болѣе движенія и драмы. Грибоевъ не нашелъ послѣдователей и попытка его, возбуждая восторгъ въ зрителяхъ и въ читателяхъ, не нашла отзыва въ рядахъ нашихъ комиковъ.

Третья попытка совершилась въ наше время: виновникъ ея, Гоголь, писатель съ талантомъ и съ рѣдкою наблюдательностію. Онъ какъ будто созданъ для драматической литературы. Его юморъ, рѣзко выказывающій жизненныя разногласія, и противорѣчія, но не проникающій въ ихъ причины, вполне соответствуетъ требованіямъ сцены, гдѣ слишкомъ глубокій анализъ не можетъ имѣть успѣха. На театрѣ мѣсто не философу, а наблюдателю, не причинамъ, а результатамъ, ярко освѣщеннымъ и рельефно выставленнымъ. Всѣ эти условія находимъ мы въ драматическихъ созданіяхъ Гоголя, погрѣщающихъ, впрочемъ, отсутствіемъ движенія, если не отсутствіемъ драмы. А между тѣмъ, изъ всѣхъ его комедій одна *Ревизоръ* имѣлъ успѣхъ и то не такой, какого стоитъ. Почему-же? Не потому-ли, что онъ не прилисъ по плечу актерамъ и публикѣ Александринскаго

[*] Письмо къ Стародуму. Сочиненія Фонъ-Визина. Москва 1830. Т. III, стр. 60.

театра? Не потому-ли, что онъ слишкомъ резко выдаются изъ вседневнаго репертуара нашей драматической труппы? Не потому-ли, что еще актеры и публика не дозрѣли, одни для выполнения, другая для оцѣнки подобныхъ созданий? Вотъ вопросы, которые мы постараемся разрѣшить въ особой статьѣ (*), а теперь приступимъ, послѣ слишкомъ длиннаго, но необходимаго по нашему мнѣнію предисловія, къ книгѣ г-на Вяземскаго.

Это прекрасное произведеніе, дѣлающее честь и автору его и литературѣ нашей, заняло-бы почетное мѣсто и между критико-біографическими трудами иностранныхъ писателей. Г-нъ Вяземскій не ограничивается біографическимъ очеркомъ Фонъ-Визина и оцѣнкою его таланта и произведеній, но возсоздаетъ все общество того времени, съ его характеромъ и образомъ жизни, съ его понятіями и предразсудками, съ его прошедшимъ и будущимъ. Онъ вызываетъ изъ могилъ всѣхъ замѣчательныхъ современниковъ Фонъ-Визина, славныхъ дѣятелей великой Екатерининской эпохи и въ краткихъ, но меткихъ и вѣрныхъ очеркахъ изображаетъ ихъ положеніе и значеніе въ современномъ имъ мѣрѣ. Смѣлый скальпель анализа глубоко проникаетъ подъ опытною рукою философа-наблюдателя и выставляетъ наружу сокровеннѣйшія тайны жизни и общества. Много животрепещущихъ вопросовъ попадаетъ на длинномъ пути даровитому изыскателю и каждый изъ нихъ вызываетъ острое слово, умную мысль. Всякой фактъ осматриваетъ и обсуживаетъ онъ, если не всегда вѣрно, то всегда добросовѣстно и сознательно. Не со всемъ можемъ мы согласиться, о многомъ готовы поспорить съ почтеннымъ авторомъ, но вездѣ видимъ добросовѣстное изученіе предмета, вездѣ видимъ искренность убѣжденія, любовь къ своему труду и высокое понятіе о благородномъ призваніи литератора. Тѣмъ не пріятнѣе было намъ встрѣтить въ подобномъ произведеніи рѣдкія, правда, выходки противъ новаго поколѣнія и современной журналистики, выходки, какія мы привыкли встрѣчать развѣ только въ нижнемъ этажѣ кой-какихъ газетъ, нападающихъ на все новое, потому-что новое не признаетъ ихъ авторитетовъ. Напрасно г-нъ Вяземскій говоритъ, что новое поколѣніе отвергаетъ все старое, совершенное до него: нѣтъ! оно не отвергаетъ прошедшаго, не унижаетъ трудовъ отцовъ и дѣдовъ, но съ уваженіемъ воздастъ имъ должное, не увлекаясь про-

[*] Пантеонъ намѣренъ представлять читателямъ рядъ критическихъ статей о Сумароковѣ, Княжнинѣ, Озеровѣ, Грибоедовѣ, Гоголѣ и другихъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ нашей драматической литературы.

чем слепым авторитетом. Оно не ушибает ветеранов нашей литературы и если нападает на произведения некоторых из них, то не за льта, а за вопиющую бездарность. Горько, когда писатель благородный и добросовестный возстает против юных сподвижников своих, въ трудномъ дѣлѣ литературы, и какъ-бы бросаетъ имъ перчатку. Нѣтъ! мы не примемъ вызова, а умеренностію и справедливою покажемъ, что заслуживаемъ другой отзывъ. Радужно встрѣтимъ мы прекрасный трудъ г-на Вяземскаго и съ радостію, съ готовностію отведемъ ему почетное мѣсто среди замѣчательнѣйшихъ книгъ нашей эпохи и нашей литературы. Онъ увидитъ, что нельзя вѣрять возгласамъ газетныхъ крикуновъ и что теперь, какъ и всегда, молодое поколѣніе идетъ впередъ, научаясь опытомъ своихъ предшественниковъ и умѣя уважать достойныхъ изъ нихъ. Прочь отъ насъ чувство вражды къ прошедшему, прочь отъ насъ гнѣвъ и зависть, все, что недостойно челоука и его высокой натуры!

Сочиненіе г-на Вяземскаго, замѣчательное само по себѣ, неменѣе замѣчательно и по приложеніямъ, которыми обогатилъ его авторъ. Особенно любопытны показались намъ письма Фонъ-Визина къ графу П. И. Панину, брату министра иностранныхъ дѣлъ, Интересны также письма Салтыкова, графа Воронцова и графа Разумовскаго къ И. И. Шувалову и подробности о пребываніи *Дидеро* въ Петербургѣ. Укажемъ также на письма къ Фонъ-Визину разныхъ лицъ, большею частію резидентовъ и министровъ нашихъ при разныхъ дворахъ. Все это полно интереса и придаетъ новое достоинство книгѣ почтеннаго автора.

Окончимъ статью нашу коротенькою характеристикою Фонъ-Визина, мастерски начертанною даровитымъ его биографомъ (*).

«Что сказано Лагарпомъ о Мольерѣ, еще съ большею справедливостію можетъ быть у насъ примѣнено къ Фонъ-Визину: похвала «писателя заключателя въ его твореніяхъ. Можно сказать, что похвала Мольеру заключается въ предшественникахъ и преемникахъ «его.» По истинѣ, читая Фонъ-Визина, чувствуешь часто недостатки его; читая писавшихъ у насъ для комической сцены прежде и послѣ его, удивляешься одному его превосходству. Фонъ-Визинъ не былъ рѣшительно драматикомъ, не былъ и комикомъ, даже какъ-то, на примѣръ, Княжнинъ; по крайней мѣрѣ, въ художественномъ отно-

(*) Фонъ-Визинъ стран. 204.

шени, последний был изобретательнее его въ распоряженіи, въ хозяйственномъ устройствѣ комедіи. Басня, обихихъ комедій нашего автора слаба и блѣдна, въ картинѣ его есть игривость и яркость, но нѣтъ движенія: это говорящая картина — и только; но и то говорятъ въ ней не всегда участвующія лица, а часто говоритъ самъ авторъ. Все это правда; но живое чувство истины, мастерское изображеніе портретовъ съ натуры, хотя и не во весь ростъ, удачная съемка русскихъ нравовъ, безъ примеси красокъ чуждыхъ или неестественныхъ, свобода и оригинальность, съ которою выливается у него комическая фраза, русская веселость, которая должна существовать, какъ есть русская физиогномія, физическая и нравственная, все это образуетъ характеръ автора и отличительное достоинство его, неоспоримое, неотъемлемое. Въ слогъ его есть какое-то движеніе, какая-то комическая мимика, приспособленная съ большимъ искусствомъ къ дѣйствующимъ лицамъ его. Определить, чѣмъ состоитъ она, не возможно, но чувство ее постигаешь.»

ЮМОРИСТИКА.

УЛИЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ.

Физиологическій очеркъ.

Слухомъ земля полнится, говоритъ пословица; зная по изустнымъ преданіямъ, что у насъ довольно всего, и золота, и хлѣба, и радущія, что у насъ даже все очень легко получить, кромѣ почтовыхъ лошадей, многие иностранцы условились почитать Россію за страну принявшую на себя званіе древней Колхиды и стремятся въ нее со всѣхъ сторонъ, чтобы настричь себѣ какъ можно болѣе золотого руна. По волнамъ морей, по пыли и грязи дорогъ, кто на собственныхъ ногахъ, лишенныхъ отъ поспѣшнаго хода послѣднихъ подмѣтокъ, кто въ жидовской фурѣ или на тяжелой телегѣ, отвсюду собираются къ намъ Аргонавты, попробовать счастья и, если не возвратиться Крезами, такъ, по крайнѣй мѣрѣ, заpastись нѣсколькими парами приличныхъ сапогъ. Начиная съ французскихъ промышленниковъ, прѣзжающихъ занять мѣсто гдѣ нибудь въ магазинѣ или парикмахерской лавкѣ и съ отчаяніемъ, что нѣтъ свободной ваканціи, поступающихъ въ гувернеры къ дѣтямъ степныхъ помѣщиковъ, до садовцевъ, приносящихъ, за двѣ тысячи верстъ, иностранныя зашадни для русскихъ мышей, какой — народъ не-

грѣлся нашимъ солнцемъ, не добръль отъ нашего хлѣба, бросая изъ своихъ кармановъ своимъ пограничнымъ собакамъ или больной картофель, или мякинный корки. Не-куда, такъ въ Россію! говорятъ невольно-добровольные переселенцы, какъ говоримъ мы — некуда, такъ къ матушкѣ за-пазуху — и толпою снѣшать предложить намъ свои услуги, научать средствамъ прожить въ нѣсколько лѣтъ накопленное вѣками состояніе, забавлять какъ дѣтей и тѣшить насъ то фокусами, по пѣснями, то звуками, какъ будто мы не имѣемъ въ услуду ушей собственныхъ пѣсень. Мы за все равно благодаримъ ихъ и снѣшимъ дать имъ средства пожить у насъ весело и привольно, испытать всѣ удобства и удовольствія, и потомъ вѣхать во свояси, рачая намъ комплименты, что мы *медведи*. Давно ли еще блаженствовали Французы повара, и ихъ убило соперничество русскихъ кухмистеровъ; давно ли торжествовали нѣмцы портные, но ихъ сгубили ярославскіе Федоровы да Никитины, тоже изъ Лондона и Парижа, давно ли плавали, какъ сыръ въ маслѣ, сапожники, но и ихъ уничтожили тверскіе тимряки. Все проходитъ, какъ сонъ, все мѣняется съ убѣжденіями и временемъ.

Теперь прошло время блаженства для такихъ господъ, мы начали оцѣнять свое и вѣкъ нашъ, переходя отъ одной страсти къ другой, изъ философа сдѣлавшись меломаномъ, курить уже фиміамъ только передъ одними артистами. Особенно дамы. Этимъ кажется онъ хотѣтъ загладить ошибку своего пола, отъ котораго, какъ извѣстно, погибъ древній артистъ Орфей.

Мы отнюдь не смѣемъ говорить, въ предлагаемомъ здѣсь очеркѣ, объ артистахъ, прибывшихъ къ намъ на пароходахъ или въ почтовыхъ каретахъ, не испытавшихъ вполнѣ ни всю прелесть холода, ни всю поэзію голода и жажды, которую испытываютъ шарманщики. Это люди совсѣмъ другіе, обреченные волею судебъ и предопредѣленія на золотые вѣнки и цвѣточные букеты, на восторженные крики, производящіе не только хрипоту, но иногда и совершенную потерю голоса въ дилетантическомъ горлѣ ихъ поклонниковъ. Это такіе счастливыя, пріѣзды которыхъ въ какойнибудь городъ производитъ всегда много хлопотъ о достачъ себѣ билетовъ, нарядовъ и денегъ, чтобы ихъ послушать, и порождаетъ самыя громкія и прибыльныя газетныя объявленія.

Вновь прибывшая изъ-за границы первая волянка, пер-

вый гудокъ и даже первый барабанъ у насъ оцѣнены по достоинству, не только тѣми, которые почитаютъ непременною обязанностію быть на всѣхъ концертахъ, но даже и тѣми, кто нигдѣ неупивался какъ гармоніею, кромѣ на дачахъ у Гильмана и Германа; потому не стоитъ труда напрасно брать пера для описанія ихъ быта, привычекъ и вседневнаго образа жизни. Прекрасный номеръ въ самомъ дорогомъ и извѣстномъ трактирѣ, ловкій лакей для прислуги, секретарь для хлопотъ, коляска или карета, чтобы показаться по городу, а вечеромъ, въ обществѣ или на Невскомъ, приятно льстящія самолюбію рѣчи, въ родѣ слѣдующахъ:

— Ахъ, ма снѣге, сколько у него чувства! Какія прелестныя руки!

— О, снѣг аші, ты не повѣришь, у него въ пальцахъ будто самъ дьяволъ сидитъ.

Вотъ и весь физиологическій очеркъ этихъ великихъ мужей современнаго меломанизма, увозящихъ отъ насъ за границу наше уральское золото, которое одно не хулятъ они, смѣясь надъ нами на своей родинѣ, гдѣ, можетъ быть, прескромно засядутъ въ какомъ нибудь очень обыкновенномъ оркестрѣ.

Нѣтъ, не объ истинныхъ талантахъ и артистахъ намъ рѣчи мы говорить здѣсь, не о тѣхъ людяхъ, о пріѣздахъ которыхъ можно узнать въ газетахъ точно также подробно и скоро, какъ о появленіи гдѣ нибудь саранчи и другихъ замѣчательныхъ небесныхъ и земныхъ событіяхъ; мы здѣсь постараемся очертить только орфеевъ кочующихъ. Оставя въ сторонѣ даже путешествующихъ музыкантовъ, оглашающихъ дворы звуками оркестра, состоящаго изъ разбитыхъ скрипокъ, ломаныхъ трубъ и неизбѣжнаго контрбаса, людей иногда наряженныхъ подъ шинелями индейцами и дамъ, странствующихъ съ арфами на плечахъ, занимающихся кромѣ музыки и другими непродолжительными ремеслами обратимъ вниманіе читателя на людей поманутно подвергивающихся на глаза, на племя будто отверженное, перебивающагося чуть ли не хуже цыганъ, не говоря уже о жидкахъ, которые не вездѣ перебиваются удачно и счасливо. Это савояры — шарманщики.

Эти-то артисты мелькаютъ теперь предъ нами; ихъ блѣдныя, тощія лица, ихъ черные волосы, въ безпорядкѣ спутанными прядями вадающіе по угловатымъ плечамъ, ихъ разнообразныя одежды, напоминающія, то маслянич-

наго арлекина, то оборвыши провинціального казачка, то длиннополаго семиариста, не заслужили еще ничего вниманія, кромѣ развѣ вниманія уличныхъ мальчишекъ, называющихъ ихъ насмѣшливо гаерами и дворниковъ, которые гоняють ихъ со дворовъ своихъ метлами, да гулякъ, подчюющихъ ихъ виномъ. По всей справедливости, необходимо дать имъ хотя маленькое мѣсто для большой извѣстности.

Какъ бѣдные, они не заслужили еще права, чтобы танцовали и веселились въ пользу ихъ благополучія; не обратили на себя участвующаго взора. Одна только участь, сходная съ участью почтеннаго представителя ихъ Орфея, достается имъ въ удѣлъ; ихъ, положимъ, не разтерзываютъ до смерти Вакханки, но за то рвутъ все дворковыя собаки и собственные однокорытники: обезьяны, крысы и сурки, царапающіе имъ лицо и пальцы, когда хозяева не въ состояніи накормить ихъ.

Кто невидаль предъ собою людей этихъ, таскающихъ на спинѣ то шарманку, то какой-то инструментъ въ родѣ гитарки, которой звуки до того мелодичны, что, по всемъ вѣролтіямъ, изобрѣтеніе этаго инструмента получило свое начало въ тартарѣ, гдѣ, какъ надо полагать, злые духи будятъ имъ вздремнувшихъ грѣшниковъ; и, наконецъ, какую-то гармоническую кунсткамеру, предъ которой на устроенной сценѣ, слушатель можетъ быть вмѣстѣ и зрителемъ, любуясь за дешевую цѣну пляской Геркулеса, подпрыгивающаго вмѣстѣ съ стоящимъ подлѣ него на заднихъ лапахъ козломъ; на турецкаго султана, прохаживающагося въ полонезѣ съ тощимъ жидомъ, рядомъ съ умирающимъ Наполеономъ, и многихъ другихъ, очень живыхъ особъ, прискакивающихъ на стальныхъ спичкахъ.

Если кто, желая раннимъ утромъ подышать здоровымъ дымомъ каретныхъ кузницъ и поинтересоваться перспективою, идущею съ Адмиралтейства чрезъ Обуховъ мостъ, пойдетъ часовъ въ девять утра на Вознесенскій проспектъ, тотъ можетъ, каждый день, насладиться торжественнымъ выходомъ этихъ орфеевъ, для стяжанія себя, если не лавровъ и рукоплесканій, такъ, по крайней мѣрѣ, грошей и толчковъ.

Толпами, начиная отъ приземстаго мужчины подъ борою лѣтъ, въ желтой жилеткѣ или цвѣтной дѣтской курткѣ, до малепькихъ мальчишекъ, согнувшихъ вдвое подъ тяжестью своей ноши и придерживающихъ рукою длинную, волочащіяся полы изношенныхъ и брошенныхъ уже пре-

жними хозяевами сюртуковъ, вступаютъ эти разнощики звуковъ и гармоній на Вознесенскій мостъ, чтобы оттуда разбѣжаться по всему пространству Петербурга.

Пристукивая отъ холода пальцами, какъ кастаньетами, они затягиваютъ пронзительный арія и начинаютъ вертѣться прегъ воротами и окнами домовъ, то поднявъ головы, какъ будто раземагривалъ небесное пространство, то перегнувшись до земли, чтобы посмотреть, нтъ ли въ какомъ-нибудь подвалѣ охотника, если не послушать ихъ, такъ, по крайней мѣрѣ, бросить имъ изъ всей силы грошъ съ одобрителными увѣщаніями: — Прими Христа ради, только убирайся, да не рви по поламъ ушей. И плетется дальше удовлетворенный артистъ, присвистывая соловьемъ или подпрыгивая и вертѣясь, какъ кубарь на одной ножкѣ, подъ опасеніемъ быть раздавленнымъ чьимъ-нибудь рысакомъ.

— Пуръ ламуръ дедѣ, пищить онъ дорогою, встрѣчая русскаго купца, идущаго изъ лавки своей нтъ въ десятый разъ чай, съ людьми ему нужными, прыгая передъ нимъ, хрустя своими костями и прося на ломаномъ тожкомъ нарѣчій хлѣба, болѣе для своего животнаго, чѣмъ для себя.

— Вишь ты некрещенная собака, молвить купецъ, добрые люди еще не успѣли кусочка въ горло пропустить, а онъ уже чай себѣ сътъ и пьѣвъ, и скоморошничаетъ для забавы; прочь ты, тараканье семя! и то у насъ весь хлѣбъ объѣли. И идетъ себѣ далѣе купецъ, не предполагая никакъ, что конвульсивно-сжатая рука едва можетъ повертывать веселую пѣсню, что отъ постоянно неудовлетворяемаго аппетита, грудь его едва дышетъ и что ослабшая, вертящаяся съ такимъ проворствомъ, изъ надежды получить бѣдную ленту за трудъ и искусство, нога, едва можетъ быть, чувствуетъ свои окостѣвѣвшіе пальцы въ дыривомъ башмакѣ.

Ни одной улицы, ни одного переулка, ни одного дома не пропустятъ кочующіе артисты, не испытавъ повсюду своего дневнаго счастья. Имъ даже, особливо лѣтомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ позавидовать любая почтовая лошадь. Люди, пользующіеся свѣжимъ воздухомъ, подъ тѣнію пыли всевозможныхъ острововъ, каждодневно имѣютъ удовольствіе видѣть шарманщиковъ; пройти двадцать верстъ натошакъ орфею также легко, какъ какой-нибудь столичной барышнѣ протанцовать нѣскольکو десятковъ кадрилей.

Въ этихъ путешествіяхъ кочующихъ орфеевъ преслѣдуетъ иногда одно только несчастіе: артистическое соперничество тирольскихъ виртуозовъ, играющихъ на мѣдныхъ трубахъ и гитаристовъ, и жителей Неаполя и Рима, поющихъ за гривенникъ, подъ открытымъ небомъ, арии изъ всѣхъ существующихъ оперъ, почти также хорошо, какъ если бы любители заплатили за нихъ цѣну русскаго опернаго билета. Люди эти, также шарманщики и таскатели рыль, (такъ называется маленькій инструментъ, похожій на гитару, съ органнымъ ключемъ, издающій адскіе звуки) добывая себѣ пропитаніе помощью своихъ легкихъ, часто колотятъ мимоходомъ бѣдныхъ савояровъ и бросаютъ имъ въ догонку грязь и камень.

Но эти маленькія неурядности артистической жизни нисколько не ослабляютъ дѣятельности кочующихъ орфеевъ. Не столько жадные, какъ русскіе торбанисты, не выучившіеся еще вполне ни у русскихъ поденщиковъ, ни у русскихъ извозчиковъ привычкѣ невольно срывать съ языка: «мало, баринъ, прибавьте еще что-нибудь», савояры за двѣ копейки, брошенные имъ въ грязь, а иногда, подъ неловкій часъ, въ голову, съ выраженіемъ благодарности три раза готовы, какъ - то особенно, перекувырнуть надо лбомъ свою шляпу и поиграть еще, въ дополненіе удовольствія, какую - нибудь пронзительную пѣсню.

Улицами и закоулками почти только и ограничивается все поприще савоярскихъ артистовъ. Они не публикуютъ о себѣ даже въ газетахъ, какъ о людяхъ, *могущихъ исполнять званіе музыкантовъ, относительно танцевъ и баловъ*, и если когда приглашаются куда, то приглашаются часто въ кругъ такихъ неблагодарныхъ слушателей, отъ которыхъ рѣдко получаютъ такую плату, которая бы могла избавить ихъ отъ всякихъ дохмотьевъ на бѣдныхъ, проникаемыхъ всюду вѣтромъ, одеждахъ.

При громкомъ возгласѣ подгулявшихъ мастеровыхъ:

— Шпилера сюда, подавай шарманщика! савояры робко входятъ въ подвалы, заключающіе въ себѣ наши національныя таверны и становятся между пьяной толпой.

— А ну-ка плясовую, веселенькую, кричатъ ему съ разныхъ сторонъ ослепые голоса.

— Жалобную, вопять съ другой.

— Польку, вѣмчура, провозглашаютъ съ третьей.

— Съ присвистомъ.

— Съ лаемъ.

— Съ воемъ.

И бѣдный савояръ, вращая кругомъ испуганными глазами, не понимая вполнѣ грозныхъ приказаній, начинаетъ повертывать первую попавшую арію.

— Не ту, другую.

Шарманщикъ перемѣняетъ ладъ.

— Не ту.

— Вотъ тебѣ за это, бѣсенокъ.

— Пардонъ мнѣ бонъ мусье, пищагъ притиснутый савояръ: пуръ ламуръ дедье.

И бѣжить безъ оглядки савояръ, спрятавъ подъ фалды свою рѣдкость и приглашая, изъ подъ нихъ, проходящихъ посмотреть на нее. Эти показы всегда почти бѣваютъ безвозмездны.

— Славная штука, говорятъ проходящія сибирки, ну! ступай съ Богомъ. Больше ничего нѣтъ? что же ты стоишь?

— Пети су, мусье.

— Что?

Савояръ показываетъ знаками, что ему бы пріятно было имѣть грошъ.

— Вишь ты разлакомился, тебя просили что ль показывать; самъ подчиваль, такъ не будь цыганомъ; намъ деньги достаются работою, не то что тебѣ; знаешь цѣлый день только галокъ по верхамъ считать.

— А ну-ка мусье, дай послушать, какъ ты играешь, говорятъ другія проходящія сибирки, завидя шарманщика, стоящаго въ бездѣйствіи, съ глазами, устремленными на окна и отыскивающими въ нихъ любителей музыки: покажи-ка, какая у васъ музыка.

— Славно, братъ, славно, а ну-ка другую.

Савояръ заводитъ другую мелодію.

— Важно, замѣчаютъ сибирки, дай Богъ тебѣ здоровья, потышилъ.

Савояръ наклоненіемъ головы просить вознагражденія.

— Что, прерываютъ сибирки; развѣ тебя нанимали? Тебя изъ чести просили сыграть, такъ будь доволенъ, что тебя поблагодарили, вишь какая лакомка!..

И часто маленькіе савояры, голодные, утомленные, поздною ночью возвращаются въ сырой подвалъ свой, вмѣщающій ихъ цѣлыми десятками, возвращаются къ половинѣ столько же голодныхъ и утомленныхъ своихъ товарищей, не имѣя ни одного сочувствующаго серд-

ца, чтобы на немъ сложить половину тяжелой, гнетущей ихъ грусти, кромѣ жалобы хрюкающихъ своихъ свинокъ, да такихъ же, какъ и они, голодныхъ обезьянъ. Свернувшись клубкомъ, какъ котенки, на засаленной рогожѣ, посланной на полу, савояры забываются томительнымъ сномъ, судорожно сжавъ въ дрожавшихъ, покрытыхъ потомъ рученкахъ своихъ, свою единственную надежду, свое единственное утѣшеніе, свое единственное средство къ существованію и единственнаго покровителя — сурка, обезьяну или заморскую свинку, замѣняющихъ имъ и родныхъ и благодѣтелей.

И чудныя грезы, замѣняющія мучительную, безразсвѣтную существованность, какъ единственный даръ счастья за его непривѣтливость, носятся надъ усталой, безталанною головою ребенка. Видятся ему среди душной, затхлой атмосферы подвала, свободныя небеса его родины; гордыя скалы, сверкая бѣлыми серебристыми иглами, какъ будто радостно привѣтствуютъ возвратившагося странника; съдая старуха мать, окруженная полунагими ребятишками, одною рукою сжимаетъ его на груди своей, а другую ищетъ въ карманахъ русскаго золота. Вотъ оно уже блеститъ въ рукахъ ея; вотъ уже закурмелъ давно нетопленный очагъ; запахъ мяса и сытныхъ кушаний достигаетъ до обонянія ребенка. Эти кушанья уже на столѣ, эти кушанья уже во рту его. . . веселая пѣсня довольства и счастья льется трельми изъ его гармоническаго горла, далекія горы вторятъ имъ, небо родины принимаетъ ихъ въ свое голубое пространство, — и вотъ ему хочется пить послѣ сытнаго обѣда. . . жажда пресыщенія мучить, томить его — савояръ съ сильнымъ движеніемъ простираетъ руку, но рука его хватаетъ совсѣмъ несытныи кусокъ. Слухъ его поражаетъ жалобный пискъ: пятерней своей онъ придавилъ свою крысу или сурка. Не страхнувъ еще съ себя обаяніе сна, онъ хочетъ продолжать свои поиски, но уже поздно. Въ тусклое окно уже брезжить сумрачный, мокрый день, сожители его — нарядились уже въ свои лахмотья. . . и ему самому пора идти за хлѣбомъ себѣ и своему животному.

Савояръ грустно почесываетъ голову.

— Бѣль такой сытныи обѣдъ, говоритъ онъ; и также голоденъ и дѣль же мать, дѣль же братья, дѣль мол избушка и мое золото!

— Ah tu l'aurai! Ah tu l'aurai! напѣваетъ онъ, безсо-

знательно, выходя на обычное путешествие и на обычную, неопредѣленную жизнь, имѣя къ перспективѣ цѣлый Петербургъ и всѣ его окрестности, для благополучія и своего желудка и своего кармана.

— Вотъ, подумаешь, счастливые! замѣчаютъ чернорабочіе, идущіе почти также рано, какъ и кочующіе орфеи, по разнымъ улицамъ — вотъ, подумаешь, истинно счастливые! Чай въ своей сторонѣ и гроша не зарабатывали, иные изъ нихъ чай и въ дворники не годились, а тутъ, посмотришь, какъ у бабушки за пазухой, и одѣты павлиномъ, и пляшутъ себѣ, да поютъ, вмѣстѣ съ нѣтухами; глядишь, годовъ черезъ десятокъ домой и поѣдутъ на четверкъ вятскихъ или казанокъ, да вмѣсто благодарности, что они спокойно довели, еще, можетъ, и ругнутъ ихъ по своему на чьмъ свѣтъ стоитъ....

— Пурь замурь де дѣ, монь бонь мусье, дрожить въ ухахъ разсуждающаго голось савояра.

— Прочь ты, дармоедъ! отвѣчаютъ сердитые на судьбу ремесленники: нашель у кого просить; ты, братъ, проси у такихъ счастливецевъ, какъ вы, которые себѣ пригоршнями забираете въ карманъ пятиалтынники, а у меня братъ для тебя денегъ нѣтъ.

Такъ продолжаютъ разсуждать про себя ремесленники, не трогаясь ни звуками, ни прыжками козы съ Наполеономъ, ни турецкимъ нашею съ русскимъ казачкомъ.

Всѣхъ жалостливѣй и щедрѣй къ саволрскимъ виртуозамъ, отбросивъ музыкальныя понужденія, мелочные торговцы, продающіе канаты, либо муку, либо табакъ и сигары, съ присовокупленіемъ къ нимъ галантерейныхъ вещей: гитарь, лайковыхъ, иллюстрированныхъ побѣдами нашими, кошельковъ, масокъ, ваксы, карандашей, которые не пишутъ и разныхъ другихъ принадлежностей, какъ туалета, такъ и роскоши. Къ этимъ сострадательнымъ людямъ должно отнести также и большую часть гостинодворцевъ.

Но какъ тѣ, такъ и другіе, бросая куда нибудь въ грязь саволрамъ должную дань ихъ искусству, состоящую изъ полкопѣйки и, въ крайнемъ случаѣ, изъ копѣйки серебромъ, всегда имѣютъ обыкновеніе прибавлять къ своему пожертвованію очень назидательный и предупредительный совѣтъ.

— На, и убирайся скорѣй прочь, да если ты въ дру-

гой разъ посмѣешь у меня передъ лавкой тѣсниться, да покупателямъ входить помѣшаешь, то я и тебя и твою облизану аршиномъ смѣряю. Алонь, маршь, мусье...

Но и этотъ расчетливый даръ промышленности часто ускользаетъ изъ рукъ савояровъ отъ ихъ непредусмотрительности, отъ ихъ незнанія коммерческаго начала, по которому и полкопѣйки принимается въ расчетъ, какъ часть единицы, безъ которой не можетъ составиться цѣлаго.

И часто протянутая, отверзтая рука, оторванная отъ адской гитары и отъ лихорадочной больной шарманки, опять принимается вертѣть ключъ, получая въ награду только идеальное богатство.

— Есть сдача? полкопѣйки, есть? раздается громкій вопросъ, и пальцы съ темнѣющею, заплеснѣвшею копѣйкой кружатся передъ глазами савояра. Пожатіе плечами показываетъ противное.

— Нѣтъ, такъ ступай съ Богомъ; жиренъ будешь, если всякій тебѣ такъ много давать будетъ; самъ виноватъ, зачѣмъ не принесъ сдачи. Идетъ себѣ dalje савояръ, безответно и безропотно затаивъ въ душѣ надежду, что, авось, тотъ же самый человѣкъ, который съ нимъ такъ торговался днемъ изъ полкопѣйки, когда нибудь вечеромъ будетъ бросать ему и рубли, и полтинники, чтобы потѣшить прекрасный полъ; что этотъ же человѣкъ, можетъ быть, для отваги и разломаетъ у него шарманку, но заплатитъ ему за нее втрое.

Потерявъ казимъ-нибудь случаемъ возможность продолжать dalje свое артистическое поприще за разрушеніемъ гитарки, шарманки или лишаясь питающихъ ихъ животныхъ, обезьянъ, крысъ, сурковъ, и наскучивъ просить у проходщихъ на ихъ погребеніе, савояры принимаются за другое занятіе... Они начинаютъ продавать на улицахъ и островахъ, въ коробкахъ, разные пряники, пиперменты, вмѣстѣ съ духами, ваксой и помадою, смотря по тому, кто до чего охотникъ. Они совершенно тогда перерождаются; они дѣлаются изъ вертлявыхъ солидными и до того неповоротливыми, что иной можетъ подумать, не несуть ли они въ своей коробкѣ мыльные пузыри, которые можетъ уничтожить само-малѣйшее вольное движеніе. И только гортанныя трели, издаваемая предъ каждымъ проходящимъ и замѣняющія у савояровъ обычай русскихъ пряничниковъ, исчислять

скороговоркою всю свою лавку, могут навести гуляющих на предположеніе, что этотъ кочующій кондитеръ есть ничто иное, какъ преображенный кочующій орфей.

Другихъ занятій, кромѣ должности канатныхъ плясунъ, кажется, не избираютъ себѣ савояры. По крайней мѣрѣ, они никогда не упражняются ни въ хожденіи по улицамъ съ мышками для подалнія, ни въ искусствѣ смотрѣть, кто какіе носитъ въ карманѣ платки.

Но довольно говорить о такихъ орфеяхъ; стоитъ ли изъ за-нихъ, безцвѣтныхъ и ничего незначащихъ противъ нашихъ артистовъ, людей, готовыхъ разомъ исполнять всевозможныя ремесла, утомлять себя такимъ продолжительнымъ описаніемъ.

ТОЛВИНЪ.

...иногда итакъ случалось, что въ одинъ вечеръ въ театрахъ бывало до пятидесяти представлений. Это было въ то время, когда театры были въ самомъ разгарѣ своего успѣха. Но къ сожалѣнію, это продолжалось недолго. По истеченіи нѣкотораго времени театры начали терять свою популярность, и въ концѣ концовъ остались только нѣсколько театровъ, которые и по сей день существуютъ въ Парижѣ.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

Парижъ. Справедливо говорятъ, что будь бѣда хоть за плечами, мы ей не вѣрнемъ, пока она насъ не обхватитъ кругомъ. То же было съ здѣшними театрами. Напрасно всѣ газеты три мѣсяца твердили, что театры не въ силахъ выдержать критическихъ обстоятельствъ, постигшихъ ихъ вслѣдствіе февральскихъ происшествій; напрасно директоры числами доказывали, что каждый вечеръ они должны приплачивать въ такое время, на которое они обыкновенно рассчитываютъ для покрытія недоимокъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, нѣкоторые даже рѣшительно отказывались отъ продолженія этой бесполезной борьбы. Временное правительство только хвалило ихъ усердіе къ общему благу, и обѣщало ихъ за то награждать, но не принимало никакихъ дѣятельныхъ мѣръ для вспоможенія имъ. Только когда театрамъ не стало физической силы держаться долѣе и когда, въ одно прекрасное утро, всѣ до одного объявили, что по естествену несчастныхъ обстоятельствъ они принуждены прекратить

представленія, на неопредѣленное время, засутились го-снода правители. Двадцать пять дней безъ театру! Можете себѣ представить, что это такое для парижанъ, привыкшихъ, чтобы афишки каждый день предлагали имъ сдѣшкомъ двадцать мѣстъ, гдѣ убить вечеръ. Національное Собраніе рѣшилось прибѣгнуть къ единственному средству поддержать парижскіе театры, славу Франціи и всего просвѣщеннаго міра (французы, въ особенности парижане, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, убѣждены въ міровомъ значеніи своей драмы и театра, и въ превосходствѣ ихъ передъ всѣми драмами и театрами въ свѣтъ). Это средство — денежное вспоможеніе, хоть сколько нибудь уравновѣсило расходы театровъ съ ихъ сборами, въ продолженіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, остающихся до зимняго сезона, который можетъ дать другой оборотъ ихъ дѣламъ. Національное Собраніе опредѣлило на этотъ предметъ сумму въ 180 тысячъ франковъ. Эта сумма должна быть распредѣлена на двадцать одинъ театръ. Большой Оперъ удѣлено 170 тысячъ франковъ; театру Республики 105 тысячъ; Комической Оперъ 80 тысячъ; Одеону 45 тысячъ, остальнымъ театрамъ, смотря по степени ихъ важности и расходовъ, отъ 4 до 35 тысячъ. Одинъ только театръ Національной Оперы, основанный Аданомъ и Миркуромъ, не удостоился щедротъ Національнаго Собранія; потому что закрытіе его было слѣдствіемъ не обстоятельствъ, а неразумнаго управленія директорвъ. Впрочемъ, несчастнымъ артистамъ, которыхъ закрытіе его лишило почти средствъ пропитанія, обѣщано также вспоможеніе; самый же театръ, кажется, на вѣки кончилъ свое существованіе, начавшеся съ такимъ шумомъ и съ такими обѣщаніями.

Вслѣдствіе этой мѣры Національнаго Собранія, обезпечившей существованіе театровъ до болѣе благоприятнаго времени, всѣ театры немедленно открылись болѣе или менѣе блистательно.

Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя требовать отъ театровъ много новостей, а тѣмъ болѣе капитальныхъ произведеній; поэтому нашъ перечень новыхъ пьесъ будетъ на этотъ разъ довольно скуденъ.

« Театръ Республики » далъ для своего открытія комедію - пословицу Алфреда Мюссе: *Il ne faut jurer de rien* (Ня въ чемъ не должно божиться заранѣе.) Прелестный репертуаръ этого остроумнаго писателя рѣшительно завоевываетъ сцену Французскаго театра; за это поблагодарить надо г-жу Алланъ, которая первая перенесла его пословицы на сцену. Хотя все эти пьесы уже лѣтъ десять печатаны, но довозвращенія г-жи Алланъ изъ Петербурга, онѣ считались остроумными, оригинальными фантазіями игриваго ума, вовсе непригодными для сценическаго представленія. Въ настоящей пьесѣ она, впрочемъ, не выдалась: мѣсто ея заняла талантливая г-жа Мантъ. Эта же пьеса показала въ новомъ свѣтѣ рѣдкое дарованіе недавно ангажированной, молодой артистки, Амедины Лютеръ. Мы не станемъ рассказывать содержанія комедіи Мюссе, потому что оно почти неуловимо; все ея достоинство въ крайней простотѣ завязки и развязки, и въ подробностяхъ, полныхъ живаго, игриваго ума и наблюдательности, которыя ткуются, какъ паутина по этой легкой основѣ. Къ сожалѣнію, при переходѣ на театр, пьеса утратила цѣлое дѣйствіе и нѣсколько сценъ. Такое изувѣченіе ея кажется намъ тѣмъ удивительнѣе и бесполезнѣе, что и при немъ видно, что она не назначалась для театра.

Театръ «Одеона» открылся новою пьесою Шарль Лафона, подъ названіемъ: *Вернеръ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подражаніе Байрону. *Вернеръ или наслѣдство*, одно изъ самыхъ слабыхъ произведеній британскаго поэта, это была дань мелодраматическому вкусу времени. Самъ Байронъ отзывался объ этой трагедіи очень невыгодно, и рассказываетъ ея происхожденіе слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія вышло собраніе повѣстей двухъ сестеръ: Софіи и Генріеты Лей, написанныхъ въ духѣ романовъ г-жи Радклифъ. Повѣсти эти произвели фуроръ въ читающей публикѣ; въ особенности же одна повѣсть сильно потрясала все воображенія своимъ мрачнымъ колоритомъ, убійствами, преступленіями, привидѣніями и тому подобнымъ. Лорду Байрону показалось, что эта повѣсть должна произвести сильный эффектъ на сценѣ, вотъ онъ и сдѣлалъ изъ нея тра-

гедію, стараясь впрочемъ, какъ можно ближе держаться подлинника. Разумѣется, что Байронъ не могъ не наложить на пьесу печати своего гения, тѣмъ болѣе, что въ ней былъ одинъ характеръ, Вернеръ, нѣсколько схожій съ тѣми характерами, въ которыхъ онъ любилъ высказывать свою душу. Пьеса все-таки остается произведеніемъ слабымъ, а переводъ или подражаніе г. Лафона еще въ десятеро слабѣе. На сценѣ ей также плохо повезло; потому что трудно найти актера, способнаго вполне передать лирической характеръ Вернера, эту смѣсь энтузіазма и невѣрія, любви и мизантропіи, составляющую основу любимыхъ характеровъ Байрона. И такъ, Вернеръ едва ли долго будетъ держаться на сценѣ.

На театрѣ «Водевиля» явились *Два поцѣлуя*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Доллара*, и *Перегѣдь съ квартиры*, водевиль въ одномъ дѣйствіи *Леонса* и *Ню*.

Какой-то графъ, старый волокита, проситъ своего пріятеля и ученика въ дѣлѣ волокитства, одолжить ему свою квартиру, чтобы принять новую возлюбленную и возжечь новую жертву богу удовольствія. Виконтъ безъ труда соглашается, но потомъ одумывается и рѣшается отбить у стараго разбойника его мамзель Паскалину. Сказано, сдѣлано. А надо вамъ сказать, что у графа есть невѣста, Луиза, молодая дѣвушка, только что выпущенная изъ монастыря, тайный предметъ любви виконта. Тетуска Луизы, узнавъ о продѣлкахъ будущаго своего племянника, неизвѣстно изъ какихъ честныхъ видовъ, подослала вмѣсто Паскалины Луизу, снабдивъ ее наставленіями своей опытности. Въ этомъ интересномъ свиданіи она получаетъ вѣжной поцѣлуй отъ виконта.—Но графъ узнаетъ измѣну своего пріятеля, бѣсится и старается вывѣдать отъ своей невѣсты, что происходило въ это достопамятное свиданіе; черезъ чуръ невинная дѣвушка рассказываетъ ему все въ подробности; особенно памятенъ ей поцѣлуй въ щеку, доставившій ей такое пріятное ощущеніе, то она проситъ жениха дать ей другой; оказывается, что этотъ второй поцѣлуй совсѣмъ не то, что былъ первый, онъ бросаетъ ее въ лихорадку, между тѣмъ, какъ отъ перваго чувствовала она одно невырази-

мое удовольствіе. Результатъ не трудно угадать; виконтъ женится на Луизы, а графъ довольствуется до поры до времени мамзель Паскалиною. Остроуміе, двумысленности намеки, спасли этотъ плохой водевиль.

Что касается до *Переѣзда съ квартиры*, это пьеса очень посредственная, и если она не упала, такъ это благодаря игрѣ двухъ главныхъ лицъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Этьенъ, разсѣянный какъ поэтъ, забылъ, что хозяйнѣ ему отказалъ отъ квартиры; пора ему съѣзжать, а онъ еще и не думалъ пріискивать себѣ другую квартиру. Является его преемникъ, или вѣрнѣе преемница, а такъ какъ это хорошенькая гризетка, то онъ тотчасъ уступаетъ ей квартиру, а чрезъ полчаса устроиваетъ дѣло такъ, что и ему съѣзжать незначѣмъ; передъ окончаніемъ пьесы новые знакомцы отправляются къ меру, для скрѣпленія на вѣки союза своихъ сердець.

Много кричали заранѣе о водевилѣ *Фредерика: Тридцать шесть часовъ сна*, (на театрѣ Гимназій); на повѣрку вышло, что онъ ничтоженъ до крайности. Г. Дюбууаръ приѣзжаетъ въ Парижъ жениться; ему смерть хочется спать; а вмѣсто того, онъ долженъ выслушать условія будущаго тестя, вызовъ соперника, сознаніе невѣсты, что она любитъ другаго. Послѣдняго онъ впрочемъ сквозь сонъ не дослушалъ; за тѣмъ онъ ложится спать, а когда просыпается, невѣста его уже вышла за другаго, а соперникъ самъ приходилъ торопить его на дуэль. Онъ проспалъ тридцать шесть часовъ. Отсюда и пьеса называется *тридцать шесть часовъ сна*; вѣрнѣе бы *тридцать семь*, потому-что авторъ очевидно не принялъ въ расчетъ часу, который проспала публика.

Статуя Республики, въ двухъ картинахъ, *Клервилля* и *Полеа*, давняя на театрѣ Монпансье, по настоящему должна бы принадлежать къ репертуару какаго нибудь цирка или балагана, а не театра. Это просто святая на скорую руку рама, въ которую вставлено нѣсколько патріотическихъ кушетовъ самой топорной работы, и множество живыхъ картинъ, въ томъ числѣ живыя статуи *Республики* и *Свободы*.

Жюль Барбье, молодой писатель, котораго комедія: *Поэтъ*, имѣла небольшой успѣхъ на Французскомъ театрѣ, къ общему удивленію, перенесъ нынче свое поприще на театръ Разнообразія; онъ, впрочемъ, правъ; если Французскій театръ зачастую кормить своихъ посѣтителей водевилями безъ куплетовъ, отчего бы театру Разнообразія не давать маленькихъ комедій съ пѣніемъ? Новое произведеніе Барбье называется: *Первое кокетство*, комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. Молодой виконтъ Л. женится; свадьбу уладилъ его дядя; виконтъ мало жалуется свою невѣсту, которая, въ своей стороны, любить его безъ ума; се очень огорчаетъ его невниманіе; наконецъ, горничная, которая въ этихъ дѣлахъ посмѣтливѣе ея, совѣтуетъ ей пококетничать съ другимъ. Она тѣмъ легче на это соглашается, что этотъ другой старый дядя, слѣдовательно человѣкъ неопасный, и притомъ такой, котораго довольно весело подурочить. Хитрость увѣнчивается полнымъ успѣхомъ; виконтъ открываетъ въ своей невѣстѣ достоинства, которыя онъ прежде и не подозревалъ и влюбляется въ нее безъ памяти. Помучивъ его еще нѣсколько, она, наконецъ, кладетъ оружіе и водевиль кончается, какъ всѣ водевили, прошедшіе, настоящіе и будущіе — свадьбою.

Вслѣдъ за этою новизною, театръ Разнообразія пустилъ другую, менѣе удачную: *Вотрень* и *Фризь-пуле*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Кабо* и *Икара*. Герои пьесы два мошенника, которые, будучи не въ ладахъ съ полиціею, и не видя возможности долѣе держаться въ столицѣ, отправляются попытать своего счастья въ провинцію. На большой дорогѣ находятъ они два чемодана; одинъ набитъ камнями; въ другомъ, кромѣ платья, рекомендательное письмо къ одной содержательницѣ пансіона, ожидающей изъ Парижа учителя испанскаго языка и учителя танцованія. Что можетъ быть лучше для нашихъ пройдохъ; они же у самыхъ воротъ содержательницы пансіона. Напяливъ весьма подозрительные наряды, молодцы являюся къ г-жѣ Сент-Бюзъ, которая остается ими очень довольна; воспитанницы также въ восторгѣ отъ Вотренова испанскаго языка, набраннаго изъ тюремъ, и отъ ультра-эксцентрическихъ танцевъ Фризь-Пуле. Двѣ изъ нихъ доходятъ даже до такого энтузіазма,

что готовы бѣжать съ учителями. Дѣло идетъ до сихъ поръ, какъ нельзя лучше; но племянникъ г-жи Сент-Бюзъ, помощникъ королевскаго прокурора; онъ получаетъ приказаніе схватить двухъ бѣглыхъ злодѣевъ, которыхъ примѣты явно обнаруживаютъ нашихъ молодцовъ; пронохавъ это, они спѣшатъ убраться поскорѣе, въ сопровожденіи громкихъ свистковъ публики. Этотъ водевиль только немножко перекроенъ изъ напечатаннаго уже прежде. У насъ въ Петербургѣ онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ переводѣ, подъ названіемъ: «*Натуральная школа.*»

Предъ самымъ закрытіемъ театровъ, на Большой-сценѣ была поставлена новая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, какаго-то новаго композитора, *Бенуа*. Опера называется *Привидѣніемъ*. Либретто, принадлежащее перу Жермена Демавилья, одного изъ многочисленныхъ сотрудниковъ Скриба, не отличается богатствомъ и новостью вымысла. Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, во время пребыванія тамъ французскихъ войскъ. Одинъ французскій офицеръ, Роже, долженъ былъ жениться на донь Кларѣ Торельясъ; но за нѣсколько дней до свадьбы, отрядъ его получилъ приказаніе немедленно идти въ походъ, такъ - что онъ не успѣлъ предупредить невѣсты о своемъ отъѣздѣ. Гордая испанка, думая, что онъ измѣнилъ ей, распустила слухъ о своей смерти, для того, чтобы отомстить невѣрному. Сообщникомъ ея долженъ быть ея дядя, Альваръ, предводитель гверильясовъ, непримиримый врагъ французовъ. Роже съ другимъ офицеромъ возвращается въ замокъ Торельясъ, посѣтитъ мѣсто, ознаменованное его любовью; имъ говорятъ, что замокъ брошенъ, потому что въ немъ стало являться привидѣніе. Этого довольно, чтобы возбудить въ путникахъ желаніе переночевать въ замкѣ. Въ то самое время, какъ трусъ Нуньесъ, погонщикъ муловъ, котораго они сплюю потащили съ собою, рассказываетъ имъ о страшныхъ предѣлахъ привидѣнія, оно является, садится за столъ и пьетъ шампанское. Но Роже узналъ въ привидѣній свою возлюбленную, объясняется съ нею, оправдывается, и Клара спасаетъ его отъ ярости Альваровыхъ гверильясовъ, представъ имъ привидѣніемъ и приказавъ удалиться. Старая погудка на новый ладъ!

На эту канву Бенуа написалъ музыку, обличающую въ немъ совѣтливаго, ученаго музыканта, владѣющаго

оркестромъ, во которому рѣдко дается вдохновеніе; въ особенности ощутителенъ этотъ недостатокъ въ вокальной части. Балетная музыка его игрива и свѣжа; инструментовка обильна, отчетлива, изящна; но какъ скоро доходитъ до пѣнія, его мелодія неопредѣленна, модуляція шатка. Первое дѣйствіе, за исключеніемъ марша, балетныхъ нумеровъ, и баллады Нуньеса, вообще гораздо слабѣе втораго. Капитальный нумеръ партитуры, квартетъ явленія привидѣній; въ немъ менѣе ощутительны недостатки композитора; модуляція тверда, рисунокъ оркестра производятъ потрясающій эффектъ. Послѣ него лучшія мѣста два терцета и арія Роже въ началѣ втораго дѣйствія, и его же молитва, когда онъ узнаетъ Клару. Вообще партитура даетъ композитору болѣе права на уваженіе артистовъ и знатоковъ, чѣмъ на любовь публики.

Этимъ ограничиваются, покаместъ, всѣ новости здѣшнихъ театровъ; въ скоромъ времени обѣщаютъ нѣсколько пьесъ, о которыхъ заранѣе разказываютъ чудеса. На театрахъ «Большой оперы» балетъ *Амазонки*, который, говорятъ будетъ еще великолѣпнѣе *Возстанія въ Серали*; на театрѣ «Республики», *Клубъ эманципированныхъ женщинъ*, комедія Мери; на «Историческомъ театрѣ» новая комедія Альфреда Мюссе: *Подсвѣтчикъ*; на театрѣ «Амбигю» драма Эйжса Сю: *Чортова гора*.

«Водевиль» обновляетъ свою труппу; надѣются, что въ нее снова поступятъ прежніе любимцы публики: Феликсъ, Барду, Монталанъ, г-жа Дошъ и дѣвица Натали, вышедшія вслѣдствіе несогласій съ прежнею дирекціею.

Комическая Опера утратила одну замѣчательную артистку, дѣвицу Гримвъ; она перешла въ Большую Оперу, и дебютировала самымъ блистательнымъ образомъ въ роли *Алисы*. Труппа Большой Оперы умножается съ каждымъ днемъ замѣчательными талантами; поговариваютъ еще о скоромъ ангажированіи новой пѣвицы, г-жи Видсманъ, баритона Марье, бывшаго тенора «Комической-Оперы» и танцовщицы Клади, изъ Мадрида.

На мѣсто дѣвицы Грамъ «Комическая-Опера» ангажировала г-жу Югальдъ-Боссъ, съ которою парижская

публика уже дивно познакомилась въ концертахъ. Она дебютировала въ *Черномъ долино*; голосъ у нея обширный, сильный, звучный, гибкій и хорошо обработанъ; жаль только, что она слишкомъ старается щеголять своими контральтовыми нотами, которыя у нея хороши, но все-таки не чистый контральтъ. Какъ актриса, ей еще недостаетъ развязности и навыку.

Знаменитый Дюпре, по возобновленіи своего контракта съ «Большою-Оперою» являлся еще только одинъ разъ, и очень неудачно. Давали *Вильгельма Теля*; Дюпре пропѣлъ первое дѣйствіе голосомъ очевидно утомленнымъ и истощеннымъ. По опущеніи занавѣса, вышелъ режиссеръ, и объявилъ почтеннѣйшей публикѣ, что Арнольдъ по усталости и (неотлучной) боль горла не можетъ продолжать роль и покорнѣе просить позволенія передать ее Пультье. И такъ, пьеса продолжалась съ Пультье; отчаянные дюпреисты нахмурили лбы; но люди безпристрастные вовсе не были въ накладъ отъ этой неожиданной переменны. Странное дѣло! охота же людямъ силою оставаться на сценѣ, когда и лѣта, и истощеніе силъ, и замѣчанія постороннихъ, безпристрастныхъ людей, говорятъ имъ ясно, что пора сойти съ помостовъ и уступить мѣсто другимъ, пока рядъ неудачъ, подобныхъ этой и гамбургской, не затмитъ ихъ славы. Дюпре не первый, и къ сожалѣнію, не послѣдній примѣръ этой человѣческой слабости.

ВОНАВЕНТУРА.

АНГЛІЯ.

Лондонъ. На дняхъ лондонская публика простилась съ Макреди; онъ ѣдетъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, чтобы проститься съ тамошними своими почитателями, а потомъ совершенно оставить сцену. Такое торжество, какимъ было это прощальное представленіе, доселѣ никто не испытывалъ, кромѣ Гаррика; только въ началѣ первой пьесы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за-

лы поднимался ропотъ неудовольствія; такъ что Макре-ди принужденъ былъ обратиться въ слушателямъ и пред-ложить тѣмъ изъ нихъ, кто *былъ недоволенъ тѣсною*, получить обратно деньги и выдти изъ театра. Послеъ это-го, порядокъ возстановился, и представленіе, только по временамъ прерывалось единодушными рукоплесканіями. Безпорядокъ былъ произведенъ нѣсколькими лицами, же-лавшими отомстить Макреди за то, что онъ публично протестовалъ противъ безрасуднаго возстанія на Гостей-на и его трупъ. Еще до представленія было роздано множество безыменныхъ объявленій, въ которыхъ гро-зились наказать его за отступничество отъ *интересовъ отечественныхъ артистовъ*. Подобный случай былъ лѣтъ за сто съ Гаррикомъ, также вслѣдствіе вражды англій-скихъ актеровъ съ французскими.

Программу этого представленія составляли Шекспировъ *Генрихъ VIII*, и комедія Кольмана: *Ревнивая жена*. Къ сожалѣнію, обѣ пьесы были сокращены, потому что ина-че онѣ были бы слишкомъ длинны для одного предста-вленія. По нашему, это вовсе не художественное обра-щеніе съ пьесою, тискать ее въ опредѣленные предѣлы, не щадя костей и тѣла. Но Макреди нужно было, при прощаніи съ публикою, показать свой талантъ и въ тра-гедіи, и въ комедіи. Дѣйствительно, сколько онъ былъ поразителенъ и величественъ въ роли кардинала Вольсея, въ борьбѣ его съ судьбою, въ усиліяхъ удержать почести и вырывающуюся изъ его рукъ милость королевскую, столько же онъ былъ уморителенъ въ рольъ слабаго Ок-лея, который подъ башмакомъ жены бьется изъ того только, какъ бы не упустить изъ рукъ мнимую свою су-пружескую и отеческую власть.

Англійская сцена много теряетъ въ Макреди; ибо, несмотря на многіе недостатки, въ которыхъ можно его упрекнуть и какъ артиста, и какъ директора, надо ему однако-же отдать справедливость, что немногіе такъ пос-тоянно, такъ упорно шли къ предположенной себѣ цѣли; а цѣль его была прекрасная: исправить испорченный вкусъ публики, представляя ей какъ можно чаще произведенія великихъ англійскихъ драматурговъ въ самой тщательной

обстановкѣ. Обстоятельства не позволили ему уйти очень далеко по этому пути, но нельзя не благодарить и за начало; авось найдется болѣе счастливый продолжатель, которому удастся вывести современную англійскую драму изъ коленъ подражанія и посредственности.

На Королевской - итальянской оперѣ даютъ *Свадьбу Фигаро*. Женни Линдъ исполняетъ роль Сусанны; что она въ ней очаровательна, говорить нечего; наивный, задушевный характеръ ея таланта будто созданъ для Моцартовой музыки. Мы сомнѣваемся, чтобы какая либо пѣвица такъ просто и такъ вѣрно передавала тѣ Сусанну, которую имѣлъ въ виду композиторъ, при созданіи этой дивной оперы. Графиню играла синьора Крувелли, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оправдываетъ местное вниманіе къ ней публики. Колетти немножко холоденъ и слишкомъ серьезенъ въ Альмавивѣ; за то Беллетти (Фигаро) и Лаблашъ (Бартоло) восхитительны.

Олимпійскій театр замѣнилъ на лѣто свою тяжелую тригическую труппу, на легкую водевильную, которая начала свои представленія довольно удачно; во всякомъ случаѣ, публика не много потеряетъ въ его трагической труппѣ.

Директоръ *Геймаркетскаго* театра, Усбетеръ, вида со всѣхъ сторонъ страшный набѣгъ на лондонскіе театры Французовъ, итальянцевъ и нѣмцевъ, лезетъ изъ кожи, чтобы поддержать хоть одинъ театръ для кровной англійской драмы; онъ обѣщаетъ къ осени новую труппу, въ которой будутъ участвовать Кинъ съ женою. Этого, самый Усбетеръ, съ г-жею Вестрисъ и ея мужемъ, Чарльзомъ Матьюзомъ, директорами «Лицея», былъ главнымъ зачинщикомъ сдѣланнаго Гостейну приѣма. Негодованіе на заморскихъ артистовъ, впрочемъ, не ограничивается одними драматическими труппами; имъ заражается иногда и опера; такъ въ труппѣ Лумлея, на Королевскомъ театрѣ, завязался споръ не на животъ а на смерть между Гардони и англійскимъ теноромъ Ривзомъ, кончившійся не въ пользу отечественной партіи. Лумлея безъ дальнихъ разсужденій отказалъ Ривзу.

СМѢСЬ.

ПРОТИВНИКЪ ВЕБЕРА.

(Разсказъ Гектора Берлюза)

Въ 1822 году, я жилъ въ Латинскомъ - Кварталѣ. Господинъ Фетисъ, въ своей «Биографіи музыкантовъ» говоритъ, что я занимался тогда юридическими науками, но гораздо вѣрнѣе было бы сказать, что я учился медицинѣ. Въ то время, въ театрѣ Одеона мы, молодые энтузіасты, приходили въ неописанный восторгъ отъ оперы «Фрейшюцъ», которую поэтъ Кастиль-Блазъ переделалъ подъ названіемъ «Robin des Bois». Не смотря на то, что созданіе Вебера много пострадало отъ такой дерзкой передѣлки, я былъ не въ состояніи удержатъ свои музыкальные порывы всякій разъ, какъ только давали эту оперу. Скальпель мой валялся на столѣ, и я давно пересталъ думать объ анатомическомъ сварядѣ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, Дюбуше, который сдѣлался потомъ знаменитымъ врачомъ, часто ходилъ со мною въ театръ и разделялъ мой музыкальный восторгъ. Разъ вечеромъ, не помню, въ шестое или седьмое представленіе «Фрейшюца», возлѣ насъ очутился, не

знаю какими судьбами, длинный, вытообразный франтъ, рыжій, съ невѣролтными руками. Во второмъ актѣ, онъ началъ шикать въ ариі *Агаты*, утверждая, что это безумная музыка, и что всл опера, кромѣ *вальса* и еще *хора охотниковъ*, нигуда не годится. Далѣе онъ не могъ рассуждать, и вылетѣлъ за дверь, самъ не понимая, какъ произошло это быстрое переименіе. Но мы хорошо знали, гдѣ была эта движущая сила: въ то время, мы по-своему рѣшали нѣкоторые вопросы и расправлялись очень - лаконически.

— Негодяй! вскричалъ Дюбуше, поправляя свой галстухъ, который нѣсколько скривился въ продолженіе этой экспедиціи. — Я знаю этого молодца... Да смѣшно было бы удивляться его невѣжеству: онъ привыкъ завертывать ромашку въ улицѣ Сен-Жакъ.

Громкій смѣхъ и аплодисманы раздавались въ цѣломъ партерѣ. Черезъ полгода, рыжій москотильщикъ почувствовалъ въ животи нѣстерпимыя колики, послѣ пло-

тнаго ужина, даннаго его хозяиномъ, по случаю его свадьбы. Бѣдняка стащили въ больницу, тамъ его пичкали микстурами, залечили... до смерти, и не схоронили, Богъ знаетъ, чему...

Случайно этотъ умершій, но все еще не покойный юноша, попался на глаза пріятелю Дюбуше, который, разумеется, узнавъ своего стараго знакомаго. Жестокосердый лекаръ больницы *Благогес-тиса*, вмѣсто того, чтобъ уронить слезу сожалѣнія на останки своего падшаго врага, поспѣшилъ купить покойника за пять франковъ и передалъ его анатомическому прозектору, сказавъ: «Францъ! приготовьте мнѣ этого молодца, только, пожалуйста, почище, да высушите хорошенько: это мой добрый пріятель.»

Прошло пятнадцать лѣтъ... Пятнадцать лѣтъ!... Какъ долго тянется жизнь, когда нѣтъ человѣка, которому можно было бы дружески подать руку! Директоръ Большой-Оперы предложилъ мнѣ пересмотрѣть партитуру *Фрей-шюца* и поставить его на сцену. Въ то время наблюдалъ за костюмами, декорациями и прочимъ Дюпоншель, и я пошелъ къ нему переговорить о нѣкоторыхъ принадлежностяхъ сцены, представляющей волчью долину.

— Послушайте, почтеннѣйшій, сказалъ я Дюпоншелю — вѣдь намъ надобно для заклинанія Саміеля мертвую голову, да еще скелетъ. Надѣюсь, вы возьмете на себя трудъ доставить картонный черепъ, и тоже остовъ, нарисованный на холстѣ, знаете, какъ въ Донъ - Жуанъ!

— Откуда же, любезный другъ, взять намъ другихъ-то скелетовъ, кромѣ холстинныхъ, отвѣчалъ Дюпоншель. — Вѣдь другихъ и не употребляется на сценѣ.

— Почему же? ... а я доста-

ну вамъ другой, достану вамъ настоящій, натуральный скелетъ, настоящую голову мертвеца, а для Саміеля — настоящаго человѣка, не изъ мяса и костей, но только изъ однихъ костей... А! что вы на это скажете?

— Прекрасно! Я очень былъ бы радъ, еслибъ вамъ удалось приобрести эту диковинку.

— Ужъ предоставьте мнѣ распоряжаться. Можете надѣяться на успѣхъ.

Я съѣлъ въ кабриолетъ и поехалъ къ доктору Видалю, профессору анатоміи.

— Не можешь ли одолжить мнѣ скелетъ?

— Нѣтъ. Но если хочешь, возьми вонъ этотъ черепъ нѣмецкаго ученаго, который, какъ я слышалъ, умеръ отъ скуки, не смотря на всю свою премудрость. Только, пожалуйста, обходись съ этимъ сокровищемъ поосторожнѣе; это славная голова, и мнѣ хочется сбереечь ее. Смотри же, не потеряй головы, слышишь!

— Не бойся; я отвѣчаю за себя и за нее.

Хоть я никогда не носилъ на головѣ докторской шляпы, какъ ученый, однакожъ спряталъ къ себѣ въ шляпу чужую докторскую голову, и поѣхалъ домой.

На бульваръ случайно встрѣтился мнѣ Дюбуше, котораго я почти совершенно позабылъ. При видѣ стараго пріятеля, у меня сверкнула въ головѣ прекрасная мысль.

— А, вздрастуй! Давно не видались! здоровъ ли? Спасибо, такъ-себѣ, и т. д. Но поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. Что дѣлаетъ нашъ меломанъ?

— Какой меломанъ?

— А тотъ! ... поминишь, москотящій, котораго мы протурнули изъ Одеона, когда онъ вздумалъ шикать *Агамъ*... Словомъ, тотъ

самый, изъ котораго ты сдѣлалъ препаратъ

— А, знаю, знаю! Ничего, стоитъ себя преважно у меня въ кабинетѣ, чрезвычайно счастливый своею судьбою. Вся косточки цѣлы, блестять, какъ хрусталь. Великолѣпный экземпляръ! только голова немпожко пострадала.

— Знаешь, одолжи мнѣ этого молодца! Мнѣ онъ нуженъ на короткое время. Малый общается много; я опредѣлю его въ Большую - Оперу и заставлю дебютировать въ великолѣпной роли.

— Какъ?

— Увидишь.

— Какъ? Ты хочешь вынести тайну на публичную сцену? Не дурно! Впрочемъ, что тутъ разговаривать: придетъ время — узнаю. Значить, съ подмостокъ на помосты! Дьяволъ! скелеть не заставитъ себя дожидаться. Прощай!

Дѣйствительно, черезъ четверть часа явился ко мнѣ москотильщикъ и немедленно былъ отправленъ въ Оперу.

И вотъ онъ лежитъ въ досчатомъ ящикѣ... Напрасно мѣсяцъ улыбается надъ нимъ теплыми лучами... Гатино!

— Что прикажите? закричалъ театральнй прислужникъ, разбившій сценическую ветошь.

— Не-уже-ли я заснулъ прежде, чѣмъ увидѣлъ его?

— Кого, господинъ Берлюозъ?

— Открой ящикъ.

— Что у васъ тамъ?

— Дикій стрѣлокъ; кто приблизится къ нему, побѣжитъ прочь. Осторожь! Вотъ такъ! Сними крышку. Если луный свѣтъ не обманываетъ меня, остовъ покрытъ лакомъ. Видишь эти кости?

— Да.

— Земной ерокъ ихъ кончился.

— Да, малый расквитался. Что же мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Знаешь ли, я думаю подарить тебѣ этого молодца.

— То-есть, какъ, на-примѣръ?

— Онъ былъ злодѣй и заслужилъ небесное наказаніе.

— Какъ?

— Завтра онъ долженъ отправиться въ адскую неугасимую печь.

— Умилосердитесь, сжаьтесь надъ несчастнымъ!

— Завтра ... Онъ ... или-ты ...

— О, въ такомъ случаѣ, пускай лучше онъ.

— И я думаю тоже. И такъ завтра утромъ онъ въ первый разъ явится въ Оперу.

— Это какал-то загадка!

— Впрочемъ, Гатино, ты можешь разрѣшить эту загадку. Отведи ему пріятный уголокъ, гдѣ-бы онъ могъ удобно постоять и протянуть длинныя, сухія кости.

— Слушаю.

— А потомъ... приготожь желѣзный коль да четыре восковыя свѣчки, которыя во время оно, такъ искусно лилъ этотъ молодець, потому-что, надо вамъ сказать, онъ торговалъ свѣчами и пряностями. И такъ, запасите четыре восковыя свѣчи съ толстою свѣтильной. Это не трудно найти.

— Разумѣется.

— Габбитое стекло церковной рамы я даю тебѣ въ подарокъ.

— Чувствительно благодаренъ.

— Да не забудь воткнуть желѣзный пруть въ спину этому дебианту, чтобъ онъ стоялъ на вытяжку и держался прямо, какъ господинъ Петипа, когда онъ замышляетъ пируеть.

— Хорошо.

— Понимаешь... возьми четыре штуки восковыхъ свѣчей, скрути ихъ въ видѣ факела и всунь ему въ руку.

— Ужь я заставлю его держать; на этотъ счетъ не беспокойтесь.

— А такъ-какъ у него черепъ несовсѣмъ въ исправности, то

мы одолжимъ ему другой, попове.
— Очень-хорошо.

— Это чудесная голова. Бывшій хозяинъ ея умеръ отъ голода. Старая исторія, Богъ съ нею! Старые обломки должно уважать, говоритъ принцъ Оттокаръ. Бѣднѣйкъ, чтобъ выдти изъ нищеты, разбилъ себя голову. Но при всемъ томъ, что у насъ такъ часто разбиваются головы, исторія-то вышла прегадкая. Смерть п разрушеніе были заключительною мелодіей. Она повторяется каждый день, а наши умники все-таки не возьмутъ себя этого въ голову. . . . Да что тутъ еще тосковать о чужомъ горь! Право, хандра для меня противная гостя. Что же касается до этого лавочника, то сдѣлай у него на маковкѣ маленькой разръзъ: ничего не убьжить оттуда, не безпокойся; даже каша не было въ головѣ лавочника. . . . И такъ, сдѣлай же разръзъ, чтобы Бушѣ въ роли Каспара, могъ проткнуть пожомъ эту голову, во время заклятія въ волчьей долинѣ.

— Очень-хорошо.

Сказано, сдѣлано. И съ-тѣхъ портъ, каждый вечеръ, какъ только наступаетъ страшное мгновеніе, когда Бушѣ грозно становится на черепъ и произноситъ: «Саміэль! Саміэль! . . . Явись! . . .» — громъ раздается въ воздухъ, метаются молніи, огромное дерево повергается на-земь, раздается крикъ совы, — и въ адскомъ пламени бенгальскаго огня является злодѣй, врагъ Вебера, врагъ Агаты, нашъ знакомый москотильщикъ, держа въ костлявыхъ пальцахъ драгоценный факель.

Увы! . . . бѣднѣйкъ Йорикъ! . . .

ТУРЕЦКІЙ БАРАБАНЪ.

(Разсказъ Мери.)

Недалеко отъ Сен-Жермена, есть городишка К^{***}. Национальная гвардія этого идилическаго мѣстечка, чрезвычайно честолюбивая въ своихъ мирныхъ удовольствіяхъ, выпросила себя право имѣть военный оркестръ. Впрочемъ, можно охотно извинить эту маленькую прихоть, если зажать себя уши во время концерта.

И такъ, предположено было купить и даже куплены по случаю, два офикленда, два тромбона, изгнанные изъ Консерваторіи за неблагонадежность, и четыре кларнета, безъ трехъ клапеновъ.

Весь городъ трепеталъ отъ радости, и директоръ оркестра гордо показывалъ свой мѣдный арсеналъ всѣмъ членамъ національной гвардіи. Открытіе новой музыки назначено было 29-го іюня. Вдругъ замѣтили, что въ коллекціи недостаетъ турецкаго барабана. Недосмотръ огромный! Заботливый мѣръ, ревностный покровитель искусствъ, отдалъ родительское приказаніе, обязывавшее всѣхъ посвященныхъ въ тайны икры на турецкомъ барабанѣ, записаться въ конторъ его, для конкурса. Но, увы! на призывъ явился только одинъ сѣдельщикъ! Присланные, выбранные нарочно для этого случая изъ винокуровъ, прочли кандидату инструкцію и ввѣрили ему инструментъ.

Сѣдельщикъ спросилъ себя инструментъ. Оказалось, что турецкаго барабана вовсе неимѣется въ городѣ. Предсѣдатель комисіи высказалъ въ слѣдующихъ словахъ мнѣніе своихъ товарищей: «Намъ

должно купить инструментъ.» На такой справедливый приговоръ не возможно было подавать апелляціи. Въ сладетіе чего открыта публичная подписка, и собрано триста франковъ.

— Не поручите ли мнѣ, господа, купить турецкій барабанъ въ Парижъ, у лучшаго мастера? спросилъ у присяжныхъ съдельникъ.

Члены комисіи единогласно согласились.

Воротившись домой, съдельникъ пришелъ къ слѣдующему размышленію: «Триста франковъ — бездѣлица, и приобрести ихъ — дѣло вовсе не вредное. Турецкій барабанъ принадлежитъ къ товарамъ, которые входятъ въ мое ремесло. Я съумью устроить барабанъ такъ же хорошо, какъ и парижскій мастеръ. И такъ, прѣмемся за работу, не теряя времени.»

И съдельникъ принялся дѣлать инструментъ въ комнату, затворенную отъ нескромныхъ взоровъ; онъ радовался, смотря на форму, которую принималъ барабанъ подъ его рукою, и не разъ искушался извлечь изъ глубокой впадины гармонію здоровымъ ударомъ; но мастеръ боялся ушей своихъ соседей, и отложилъ до 29-го іюня счастье родителя, ожидающаго услышать голосъ своего дѣтца.

10-го іюня, директоръ оркестра спросилъ у съдельника, привезенъ ли турецкій барабанъ изъ Парижа?

— Я только что прѣехалъ отсюда по желѣзной дорогѣ, отвѣчалъ лодный фабрикантъ — инструментъ будетъ доставленъ завтра.

— А хорошо сдѣланъ? спросилъ директоръ.

— О, будете довольны; барабанъ этотъ — просто игрушка, а

какой звукъ!... Да вотъ услышите!»

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! сказала дирижеръ, потирая руками, и опрокинувъ голову съ гордостью флейщика, проходившаго въ торжественной процессіи по Карусельской площади.

Ночью съ 28-го на 29-е іюня, съдельникъ замѣтилъ, что онъ забываетъ украсить инструментъ изображеніемъ знаменъ и трофеевъ, и принялся за работу.

Въ семь часовъ національной гвардія уже стояла подъ ружьемъ. Солдаты и музыканты съ нетерпѣніемъ ждали турецкаго барабана, и капельмейстеръ съ большимъ эффектомъ прелюдировалъ торжественнымъ маршемъ на тему Бертона:

Quand on fut toujours vertueux,
On aime à voir lever l'aurore!

Народонаселеніе городка окружилъ свою гражданскую стражу, и било тактъ погами по будущей травѣ.

Отъ-времени-до-времени, капитанъ говорилъ капельмейстеру:

— Проклятый турецкій барабанъ что-то очень замѣнился; посплните къ нему флейту справиться, не случилось ли чего?

Съдельникъ закричалъ флейтѣ изъ окна, что онъ сейчасъ явится.

Капитанъ съ нетерпѣніемъ слушалъ погами, повторяя «Опоздаемъ, опоздаемъ!»

У капельмейстера оставалась въ запасѣ еще маленькая пьеса, для кларнета и гобоя, безъ турецкаго барабана, на тему:

Celle de qui la douce image
M'attire en ces lieux si matin.

Эта гармонія нѣсколько успокоила капитана и расправила на лбу его морщины.

Наконецъ, когда весь музыкальный репертуаръ истощился, начальникъ приказалъ трубамъ играть: Reposez vous sur vos armes

— и двинулся съ своимъ штабомъ къ дому съдельника. За ними по- слѣдовало и все городское на- родонаселеніе.

Слабая дверь мастерской съ- дельника уступила натиску гостей, и чрезъ минуту, въ комнату за- пестрѣли мундиры національныхъ гвардейцевъ и золотые эполеты.

Видъ турецкаго барабана, от- дыхавшаго на двухъ сдвинутыхъ стульяхъ посерединѣ комнаты, ус- покоилъ ярость начальника. Да- же свита его наградила инстру- ментъ благосклонною улыбкой.

— Вы знаете, капитанъ, сказалъ съдельникъ взволнованнымъ голо- сомъ: — что парижскіе мастера никогда не исполняютъ своихъ обѣщаній въ срокъ. Я получилъ турецкій барабанъ только нын- че утромъ, сверхъ того задержа- ли меня разныя непредвидѣнныя дѣла по заказамъ.

— Хорошо, хорошо; намъ не- когда, прервалъ капитанъ: — по- вѣсьте себѣ инструментъ на шею, и пойдемъ.

Съдельникъ повиновался; но, подойдя къ порогу комнаты, онъ увидѣлъ, что барабанъ не прохо- дить въ дверь: онъ былъ по-край- ней-мѣрѣ вдвое шире двери. Фаб- рикантъ поблѣднѣлъ, какъ кожа инструмента.

— Это что значить? вскричалъ капитанъ: — какимъ же образомъ попалъ сюда турецкій барабанъ?

— Въ окно, господишь офицеръ: я совершенно позабылъ, что ин- струментъ поднять въ окно.

Увы! единственное окно ком- паты было еще уже двери! Съ- делникъ повалился на стулъ. Ка- питанъ схватился за шпагу. При- сутствующие трепетали отъ него- дованія.

— Обманщикъ! вскричалъ ка- питанъ: — ты сработалъ инстру- ментъ здѣсь!.. Подай немедленно пятнадцать лундоровъ въ го-

родскую кассу. Да будутъ угры- зенія совѣсти достойнымъ для те- бя наказаніемъ.

Можете представить, какой вспыхнулъ гнѣвъ въ городѣ, ког- да капитанъ объявилъ о престу- пленіи съдельника.

Однакожь, во что бы ни стало, должно было слѣдовать програм- мѣ, назначенной для музыкальна- го торжества, и національная гвар- дія открыла шествіе, подъ звуки арии изъ оперы *Два Саволяра*:

Ah! quel plaisir!

Ah! quel beau jour! à la fête,

A la fête qui s'apprête

Tout le pays doit accourir.

Говорятъ, что несчастный съ- делникъ, преслѣдуемый непа- вистью музыкантовъ, своихъ со- перниковъ, намѣренъ переселить- ся въ другое мѣстечко, но напе- редъ совѣтуютъ ему возвратить триста франковъ, разумѣется, ес- ли онъ не истратилъ ихъ, — что, впрочемъ, сомнительно.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ЖЕРТВЫ НА ЗАПАДНОМЪ БЕРЕГУ АФРИКИ.

Пока измѣняется политическая поверхность Европы, одинъ врагъ французскаго флота, пишетъ съ Горейской рейды слѣдующее:

«27 августа 1847 года, Боденъ, капитанъ флота, командиръ паро- хода-корветты *Толсъя*, пересѣлъ на параконный пакетботъ *Астри- ралл*, съ меньшимъ уемомъ во- ды, и вошелъ въ рѣку Староа Кальбара, куда я долженъ былъ сопутствовать ему. Въ двадцати льѣ отъ устья рѣки, на правомъ ея берегу, стоитъ городъ Староа

Камбара. Хижны его построены изъ древесныхъ и бамбуковыхъ плетней, замазанныхъ желтоватою глиною; внутренность ихъ непрохладна. Другой большой городъ, пятью мильми выше перваго, стоитъ въ глубинѣ губы, куда могутъ проходить одни малкіе суда и пироги. По этой причинѣ, его называютъ *Крикъ — Тонъ* (Cresk Ton).

Жителей отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Все они отличаются чрезвычайной тучностью, и обзаны ею неподвижности, въ которой проводятъ жизнь и исключительному употребленію хлѣбныхъ растений, изобильныхъ клейковиною. Горе женщинъ, которая на всахъ не вѣситъ извѣстной тяжести: факель Гименея никогда не зажигается для нея; часто они преждевременно гаснутъ для той, которая похудѣла отъ болѣзни.

« Не смотря на присутствие многочисленныхъ англійскихъ миссіонеровъ, множество суевѣрій господствуютъ въ этой странѣ. Въ ней находимъ и колдовство и фетиши для ихъ заклинанія. На одной изъ площадей Крикъ — Тона стоитъ фетишь, изображающій челоувѣка, вырваннаго изъ дерева, у котораго все платье ограничивается только шляпой; мы не удалось узнать, отъ какого злаго духа предохраняеть вѣлише этого фетиша.

« Каждое селеніе имѣеть свое капище; на одномъ концѣ ея лежитъ огромный стволъ какого-нибудь звонкаго дерева, по которому бьютъ мѣрные удары, въ аккомпаниментъ прощальнымъ пѣснямъ и военнымъ гимнамъ.

« Пальмовое масло и слоновою кость служатъ для туземцевъ предметами честной и прибыльной мѣны. Цари первые мѣстные торговцы. Большія пироги, изъ ко-

торыхъ иныя вооружены по военному, бороздятъ рѣку во всѣхъ направленіяхъ, когда погружать англійскіе корабли, стоящіе въ ея водахъ:

« Правленіе принадлежитъ выборнымъ различныхъ отдѣленій, соединеннымъ въ совѣтъ, подъ предводительствомъ старшаго вожда, который имѣеть титулъ царя. Въ Старомъ Камбарѣ царемъ былъ Эмба, умершій за семь недѣль до нашего прибытія; въ Крикъ — Тонъ царь Эйю, получившій прозваніе честнаго, за свою торговую добросовѣстность, которой, кажется, не отличался старикъ Эмба.

« Эйю челоувѣкъ лѣтъ пятидесяти, умной наружности. Онъ прожилъ нѣсколько времени въ Англию, когда былъ еще очень молодъ. Царь этотъ самая надежная опора англійскихъ агентоувъ миссіонеры, кажется, обыкновенные его совѣтники, и мы были приняты не иначе, какъ въ ихъ присутствіи. Правда, нашъ командиръ прѣхалъ съ такой благородной цѣлью, что не могъ нимало опасаться нескромныхъ свидѣтелей.

« За царемъ слѣдуетъ Экбо, котораго священное лицо и чрезвычайная власть напоминають первосвященника древнихъ временъ. Три или четыре раза въ годъ, въ такое время, когда ему вздумается, онъ выходитъ съ большой пышностью въ сопровожденіи многочисленной стражи, въ предшествіи глашатая, который пляшетъ и звонитъ въ колоколъ, заставляя этимъ ровковымъ звукомъ все народонаселеніе собираться. Тогда двери должны затвориться и горе тому, кто не успееть убѣжать въ свой домъ; прогулка Экбо быстра, и всякій встрѣченный немедленно лишается головы. Число жертвъ всегда значительно: для него, бѣгущаго по улицамъ, не отво-

рлется спасительная дверь ни одной живины, потому что гибель прозидать всемы, кто живеть за этой дверью, а убѣгающій по полямъ и лѣсамъ обыкновенно преслѣдуется ожесточенными сборами. Самъ царь въ такіе торжественные дни не совершенно свободенъ отъ могущества Эбо: если его захватить, жизнь его остается неприкосновенною, но съ непремѣннымъ условіемъ довольно дорогаго выкупа. Тоже бываетъ съ европейцами. Некоторые негры также иногда пользуются счастливою безнаказанностью, именно тѣ, которые успеваютъ добѣжать до какого-нибудь европейца и схватить, съ его согласія, его трость, шляпу или другую вещь его употребленія: этого достаточно для спасенія ихъ жизни; они тотчасъ дѣлаются фетишами или священными, подобно самимъ европейцамъ.

Обитатели Старого Камбара имѣютъ певольниковъ, неключительно для ихъ услугъ.

Жизнь этихъ несчастныхъ принадлежитъ ихъ господамъ точно также, какъ намъ принадлежитъ жизнь нашихъ домашнихъ животныхъ.

Остріе безпрестанно виситъ надъ ихъ головами и нить, на которой оно виситъ, тоньше той, на которой виситъ мечъ Дамокла, увѣи слишкомъ часто обрывается. Малѣйшая вина омыается кровью; когда же раздается голосъ суевѣрія, кровь течетъ широкими ручьями.

По смерти каждаго вождя, приносятъ въ жертву плыпыхъ. Когда царь, одна изъ его женъ или кто-нибудь изъ его ближнихъ, покидаетъ землю, число жертвъ бываетъ гораздо значительнѣе. Рука жертвоприносителя можетъ поражать самыхъ знатныхъ людей въ день царскаго погребенія.

Ничто не въ силахъ избавить

назначенную жертву отъ ея злой участи, оттого и жертва рѣдко докучается избавиться отъ казни, которую встрѣчаетъ какъ мученичество. Но предположимъ, что она обманула бдительность своихъ стражей: — сосѣднія племена откажутъ ей въ гостепрѣимствѣ и неизбежно возвратятъ ее подлѣ порога палача: прискорбное уваженіе къ варварскимъ обычаямъ.

Жертвоприношеніе въ честь умершаго царя происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Выкапываютъ въ землѣ обширный погребъ и раздѣляютъ его на два покоя, неравной величины. Взадѣ меньшій покой, вмѣющій видъ грота, убраннаго гирляндами листвы и зеленыхъ вѣтвей. Самые дорогие предметы, принадлежавшіе покойнику, развѣшаны по стѣнамъ, между трофеями оружія, назначенными для защиты его отъ непріятелей, которые могли бы пасть на него, во время его странствованія въ очарованный край вольныхъ существъ, которые спать, не закрывая глазъ, и никогда не худѣютъ. Гробничная лампада, висѣщая на потолкѣ, едва освѣщаетъ это мрачное свѣтлице. Въ немъ лежатъ двѣнадцать женщинъ съ переломанными руками и ногами; на это ложе грудей, трепещущихъ отъ смертельной боли, укладываютъ трупъ царя. Гаремныя любимицы, разумется, составляютъ часть погребальнаго ложа, и ни одна изъ нихъ не смущается при мысли о подобной участи.

Правда, онѣ не видаютъ, подобно индіянкамъ, добровольно на костеръ, сожигающій ихъ супруга, но даютъ себѣ вѣсти покорно и безтрепетно. Впередѣ этого главнаго покоя находится второй, который гораздо больше и сообщается съ поверхностью земли только узкимъ отверстіемъ

въ немъ собираютъ отъ шестидесяти до восьмидесяти невольниковъ въ цѣняхъ. Одинъ негръ, искусный *гриотъ* (публичный пѣвецъ и плясунъ), стоитъ посреди ихъ; рука его, вооруженная палочкою, готова ударять въ тамъ-тамъ (родъ грубаго барабана). Палачи, одушевленные безумнымъ неистовствомъ, разсыпаны между невольниками. Одинъ изъ нихъ держитъ остріе надъ головой жертвы, наклоненной на барабанъ: при первомъ звукѣ барабана, голова падаетъ и кровь орошаетъ тамъ-тамъ, который бьетъ до тѣхъ поръ, пока жертвоприношеніе совершится. Тутъ происходитъ страшная бойня, въ которой самыя ужасныя наказания оставляютъ однако многихъ жертвъ еще живыми. Но жертвоприносители вскорѣ удаляются и засыпаютъ за собою отверстіе; ведущее наружу, задушая такимъ образомъ подъ землею своихъ несчастныхъ жертвъ.

«Никто не знаетъ ни мѣста, ни времени обряда; особенно сохраняются они въ тайнѣ отъ европейцевъ. Иногда, однако-жь, не смотря на бдительный надзоръ, молчаніе почти нарушается воплями осужденныхъ и глухимъ шумомъ голосовъ тѣхъ, которые ведутъ ихъ на казнь. Говорятъ также, что часто подземные стоны, раздающіеся изъ общей могилы, возвѣщаютъ утру о кровопролитіи ночи.

«Такимъ-то почести возданы были царю Эямбъ въ первыхъ числахъ поля. Однако-жь англійскіе миссіонеры, находившіеся при его смертномъ одрѣ, взяли съ него формальное обѣщаніе, что въ честь его не падетъ ни одна голова. Но Эямба, вѣроятно, повинуюсь вѣровашіямъ цѣлой своей жизни, усилившімся отъ страха, каковой всегда внушаютъ мрачныя при-

зраки предсмертныхъ мукъ, составилъ страшное завѣщаніе, о которомъ англичане незнали.

Въ немъ онъ предписалъ во первыхъ, обыкновенное жертвоприношеніе, советуя совершить его въ величайшей тайнѣ; во вторыхъ, еще другое, огромное и достопамятное, для того, говорили умирающей, чтобы умилостивить боговъ, которые являлись ему полны гнѣва за преступное равнодушіе его народа къ древнимъ обычаямъ. Эта очистительная жертва была назначена чрезъ девяносто дней по смерти, когда негры, пьющіе воду рыки по обоимъ ея берегамъ, перестанутъ носить трауръ по царю и станутъ избирать ему преемника. Намъ не удалось узнать отъ вождей ничего о числѣ людей, долженствовавшихъ погибнуть. Носились слухи, что число ихъ тысяча двѣсти; другіе говорили, будто только шесть сотъ.

«Подробности эти мы узнали въ Фервандо-По. Нашъ командиръ послышавъ своимъ отъѣздомъ въ Старый Кальбаръ, чтобы, если можно, остановить исполненіе страшнаго приговора; но онъ имѣлъ огорченіе покинуть эти мѣста съ увѣренностью, что скоро они обольются кровью. Нѣкоторые вожди очень хорошо понимаютъ, что ихъ народъ останется покрытъ безчестіемъ, пока будетъ упорствовать въ такомъ заблужденіи; но одинъ изъ нихъ такъ старъ, что сами не могутъ освободиться отъ него, другіе не имѣютъ довольно власти, что бы заставить своихъ подданныхъ отказаться отъ безчеловѣчнаго суевѣрія. Къ числу такихъ принадлежитъ Эйю, царь Крикъ-Тона. Нашъ командиръ предлагалъ ему отъ имени французскаго правительства щедрую ежегодную помощь на покупку животныхъ, ко-

торыхъ кровь текла бы вмѣсто крови невольниковъ при извест-ныхъ обстоятельствахъ и торжествахъ. Эйо отвѣчалъ, что селеніа сами довольно зажиточны и могутъ пріобрѣтать скотину на свой счетъ, но что релігіозныя понятія долго еще не позволяютъ народу согласиться на такую замѣну людей животными. Въ самомъ дѣлѣ, теперь доказано, что всевожди, сколько бы уступокъ ни дѣлали при жизни, въ минуту смерти, подобно Эямбъ, возвращаются къ своимъ суевѣрнымъ убѣжденіямъ. Это до такой степени справедливо, что миссіонеры, хоть и получили отъ престарѣлой матери Эйо, близкой къ кончинѣ, обѣщаніе, подобное обѣщанію Эямбъ, однако не ожидаютъ его исполненія и думаютъ, что она потребуетъ отъ сына совершить по ней жертвоприношеніе. Они напередъ знаютъ, что Эйо не можетъ отказать ей въ требованіи, не подвергаясь общественному мщенію.

Чего же можно надѣяться? Ничего въ настоящемъ, всего въ будущемъ. Старое поколѣніе скоро минетъ, а съ нимъ исчезнутъ и заблужденія фетишизма. Новое поколѣніе, исполненное нравственныхъ понятій, внутреннихъ миссіонерскихъ, будетъ питать одно только отвращеніе къ нынѣшнему суевѣрію.

Вышедъ изъ стараго Кальбара, мы посѣтили Боини. Не смотря на сосѣдство этихъ двухъ рѣкъ, на Боини можно найти только слабый слѣдъ человѣческихъ жертвоприношеній. Каждая семья гѣтъ, модала дѣвушка, видѣвшая четырнадцать разъ, какъ отвѣрзались небесныя хляби для орошенія Нильскихъ полей, свергается въ дожде рѣки, чтобы боги сдѣлали рѣку благоприятною для пловцовъ. Увы! новой Ифигеніи ни-

когда не подаетъ руку помощи сострадательная Діана; трупъ долженъ выплыть на берегъ въ свѣдѣтельство, что боги приняли жертву ея души и взяли ее въ свои вѣчныя обители.

Повѣрятъ ли? въ Габонѣ, куда мы вздѣмъ уже много лѣтъ, гдѣ имѣемъ колоніи, человѣческія жертвоприношенія въ полномъ ходу. Самъ царь Дени, увидя, что его прежнее вліяніе ослабло съ тѣхъ поръ, какъ французы сдѣлались господами рѣки, заблагоразсудилъ подновить пружины своей политики возобновленіемъ всѣхъ старинныхъ суевѣрій страны. Изъ многочисленныхъ фактовъ, которые мы можемъ привести въ подтвержденіе нашихъ словъ, приведемъ только слѣдующій: по смерти какого-нибудь вождя, преемникъ его рѣшается о значительности жертвоприношенія; недавно, Токо, наслѣдникъ правъ Кейша, одинъ изъ вождей страны Гласа, желая спасти головы, которыхъ настоятельно требовалъ Дени, принужденъ былъ поклясться, что Кейшъ именно велѣлъ ему отказать въ подобномъ требованіи. А Кейшъ умеръ, нисколько не думая о пощадѣ жизни нѣсколькихъ невольниковъ.

Тутъ каждый вольный человѣкъ имѣетъ право на часть почестей, предоставленныхъ въ другихъ мѣстахъ только главнымъ вождямъ. Всякій Габонецъ имѣетъ у себя двухъ пріятелей: одного беретъ онъ въ пріоритетныхъ селеніяхъ, другаго въ племени Булу (*). По смерти Габонца, мать его и каждый пріятель имѣютъ право требовать, чтобы въ честь его принесли въ жертву невольника, а часто требуютъ и не меньше трехъ жертвъ.

(*). Лѣсные жители, которыхъ пріоритетныя племена называютъ лодочниками.

«Въ случаѣ скоропостижной смерти Габонскаго жителя, селе- ние прежде всего озабочивается узнать, не причастны ли его смер- ти фетиши. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ некуда дѣваться отъ колдуновъ и каждый увѣренъ въ действитель- ности ихъ колдовства. Потому любопытный вопросъ, какой за- даютъ другъ другу всѣ встрѣчные негры, слѣдующій: Есть ли въ фетишѣ въ тѣлѣ покойника? На- конецъ настаетъ пора, когда долж- но приступить за изслѣдованіе. А надо сказать, что фетишъ, неве- щественное существо, вошедши въ человека огстествляется въ немъ и принимаетъ опредѣленную форму. Начинаются пляски и *ва- хитескиа* веселья около трупа, ко- торый разсматриваетъ жрецъ - ку- десникъ. Жрецъ вскрываетъ ему грудь и доходитъ до большой ар- теріи, такъ называемой начальст- венной. Если овъ заблагоразу- дилъ найти фетиша, то просто ца просто отрѣзываетъ кусокъ этой артеріи и показываетъ ее ошечаленнымъ зрителямъ. Тогда необходимо очистительное жер- твоприношеніе: жертвою стано- вится лицо, панусившее кол- доство, если найдуть это лицо, а если не найдуть, берутъ въ жертвы какого-нибудь пѣшника.

«Понятно, что кудесникъ нахо- дить или не находитъ фетиша, смотря потому, на что его под- киваютъ. Вождь, избившій безо- койнаго подданнаго, мужъ, отра- вившій жену, беруть мѣры, чтобы не нашелся фетишъ, который возбудилъ бы лишнее вниманіе народа къ преступленію, которое они предпочитаютъ похоронить подъ безмолвной землею. Кто-нибудь другой, обвиняющій свое- го врага въ околдованіи соседей, куинтъ улику въ подтвержденіе своей клеветы, и утомятъ въ кро- ви свою адекую вражду. Однимъ

словомъ, это еувѣріе страшное оружіе, которымъ мѣстные цари владычють мастерски, смотря по надобностямъ ихъ политики.

«Способъ казни очень простъ: жертву увлекаютъ въ лѣсъ и тамъ какой-нибудь булу отскакаетъ ей голову; или связываютъ по ру- камъ и по ногамъ и каадутъ въ пирогу, которую править булу- цы; при наступленіи ночи, судно выплываетъ въ открытое море, невольнику отрубаютъ голову на борть пироги, а трупъ кладутъ въ воду. Говорятъ также, что иногда пѣшниковъ хоронятъ за- живо: даже увѣряютъ, что недав- но двѣ женщины подверглись та- кой казни, по случаю смерти лю- бимой супруги царя. Денинъ гово- ритъ: «Еще ли стануть говорить, будто гоненіе на постыдный торгъ неграми явилось злодѣйствъ, совер- шавшихся каждаго дня? Не все ли мы знаемъ, что самъ Дени, не смотря на нашъ надзоръ за его рѣкою, еще поставляетъ груды торговцамъ неграми? И такъ, ес- ли овъ умерщвляетъ невольни- ковъ, то единственно по влеченію губительнаго инстинкта, который господствуетъ по всему африкан- скому берегу.»

ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕ МИНОВАТЬ.

(Разсказъ г. Эд. Лелюана.)

Около 1755 года, въ Монагелѣ, хорошенькой деревушкѣ, лежащей невдалекѣ отъ Алона, жила бѣдная вдова Марта, которая едва могла прокормить своей пражкой двухъ сыновей, одного четырнадцати, другаго восьми лѣтъ. Марта инко-

гда не была счастлива; Оставившись сиротою въ ранней молодости, она должна была вступить въ услуженіе къ одному ткачу, и въ послѣдствіи сдѣлалась его женою. Ткачъ Пьеръ не любилъ работать, и не разъ приходилось бѣдной Мартѣ съ своими маленькими дѣтьми, терпѣть самыя жестокия лишенія. Часто навѣщала грустную хижину голодь, и не чѣмъ было утолить ея! Въ такіе дни Марта не ѣла; она раздѣляла кусокъ череваго хлѣба — подаіііе доброй сосѣдки, между своимъ Жозефомъ и маленькимъ Луи.

Въ началѣ суровой зимы 1749 года Пьеръ умеръ. Марта не потеряла твердости духа, и каждый день приходила съ дѣтьми молиться въ старую часовню, гдѣ стояло, выточенное изъ дерева, изображеніе Пресвятой Дѣвы съ младенцемъ на рукахъ. Крестьяне питали глубокую вѣру въ это изображение и прибѣгали къ нему во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ. Случалась ли на поляхъ засуха, или градъ побивалъ жатву, или болѣзнь истребляла скотину, они приходили къ Святой Дѣвѣ, покровительницѣ деревни, и горячо молились.

И когда потомъ бѣдствія миновали, — всѣ въ праздничныхъ платьяхъ и съ торжествомъ отправлялись благодарить Заступницу бѣднаго земледѣльца. И такъ, Марта со времени смерти Пьера, каждый день являлась въ часовню просить благословенія Святой Дѣвы.

«Владычица!» говорила она, и дѣти повторяли за ней: «мы спросимъ тебя объ одномъ: чтобъ дѣти ткача Пьера были всегда честными людьми и свято исполняли слова Спасителя,

Однакожь, несчастіе не переставало тяготѣть надъ семействомъ Марты. Одинъ безжалостный кредиторъ, которому должны были сорокъ червошыхъ, велѣлъ продать

хижину — послѣднее убѣжище вдовы. У матери и дѣтей оставалась одна надежда — на общественное милосердіе.

Деревенскій священникъ, тронутый столькими несчастіями, пошелъ къ Мартѣ, которая въ слезахъ сидѣла недалеко отъ хижины, и сказалъ ей:

«Я не богаче самаго бѣднаго изъ моихъ прихожанъ, добралъ Марта, но въ моемъ домѣ найдется тебѣ уголокъ для пріота: пойдемъ; столъ мой скромный; немущіе, которые живутъ имъ, многочисленны; но Богъ милосердъ; Онъ обо всѣхъ заботится.»

Вотъ они въ домѣ священника. Марта присматриваетъ за садикомъ; Луи прислуживаетъ въ церкви; Жозефъ поетъ на клиросѣ.

Три мѣсяца продолжалась эта мирная жизнь, какъ однажды главный викарій Лаонскаго собора пріѣхалъ въ Монантель; это случилось въ воскресенье. Жозефъ, котораго училъ самъ священникъ, постарался выказать все свое искусство въ пѣніи, и пѣлъ такъ громко, что едва не разбилъ барабана въ ушахъ своихъ слушателей. Но хотя пѣніе его было дурно управляемо, однакоже викарій замѣтилъ звучность, обширность и гнбкость его голоса. И въ самомъ дѣлѣ, подобный голосъ еще никогда не звучалъ подъ сводами маленькой Монантельской церкви.

Викарій былъ въ восхищеніи, и предложилъ маленькому Жозефу потѣхатъ съ нимъ въ Лаонъ, обшчая опредѣлить его въ пѣвчіе, съ жалованьемъ отъ семи до восьми франковъ въ мѣсяць, если только онъ будетъ уменъ и захочетъ учиться музыкѣ.

Услышавъ это блестящее предложеніе, Марта чуть не упала отъ радости. Она поблагодарила викарія, и сказала, что Жозефъ на дру-

гой же день прѣдѣть въ Лаонъ занять свою новую должность.

Сначала Жозефъ не слишкомъ радовался, потому что церковное пѣніе не было мечтой его самолюбія; но мать, казалась, была такъ счастлива, слова ея дышали такой сладкой надеждой, что онъ вскорѣ и самъ, по убѣжденію или изъ сыновней пѣжности, предаваясь радости и повторялъ съ Мартой:

«О, какое счастье быть пѣвчимъ! Въдѣ на этомъ не останавливаются; потомъ вступишь въ семинарію; потомъ — сдѣлають тебя диакономъ, потомъ — священникомъ... Какое прекрасное званіе священника!»

Съ этого дня Жозефъ каждое утро отправлялся въ Лаонъ, гдѣ бралъ уроки пѣнія, чистилъ платье викарія, убиралъ въ церкви, и по воскресеньямъ пѣлъ, что было силы, къ величайшему удовольствію всѣхъ богомольцевъ.

Каждый вечеръ онъ прѣзжалъ въ Монастель, и каждый вечеръ говорилъ съ доброй матерью о своихъ надеждахъ, о важномъ значеніи деревенскаго священника, и о томъ, какъ онъ будетъ помогать маленькому Луи.

Разъ вечеромъ, въ 1756 году, случилось, что на деревенскихъ часахъ пробило девять, а Жозефъ еще не являлся. Маленькій Луи плакалъ, Марта смотрѣла на дорогу и прислушивалась. Каждый шорохъ казался ей шумомъ шаговъ Жозефа, но напрасно она ждала: Жозефа не было.

Наступила ночь и одѣла окрестности мракомъ; но Жозефъ все еще не возвращался. Наконецъ Марта падѣваетъ кацавейку и хочетъ идти навстрѣчу отсутствующему сыну.

Но у дверей раздался стукъ.

Жозефъ вошелъ въ комнату.

Глаза его блестьли; на лицѣ былъ написанъ энтузіазмъ.

— Откуда такъ поздно, Жозефъ? спросила Марта.

— Матушка, не сердись: пѣскольکو недѣль назадъ, въ Лаонъ прѣехали актеры; я познакомился съ однимъ изъ нихъ, и нынче вечеромъ онъ водилъ меня въ театръ.

— Въ театръ! И ты согласился?

— Да, матушка. Этимъ господамъ я былъ нуженъ, и я не могъ отказать.

— Ты былъ имъ нуженъ? комедіантамъ? Да ты сошелъ съ ума.

— Нѣтъ, матушка. Давали оперу. У нихъ не было хоровъ, и они приходили просить моихъ товарищей, пѣвчихъ, пѣть съ ними.

— И ты пѣлъ на театрѣ? Несчастный! Да знаешь ли, какой грѣхъ ты совершилъ? Что скажетъ викарій!

— Можетъ говорить, что хочеть. Это не помѣшаетъ мнѣ любить театръ.

— Какъ? Ужъ не хочешь ли ты начать...

— Вотъ видите, матушка, продолжалъ Жозефъ, вертя въ рукахъ фуражку:—это, кажется, хорошее ремесло; оно приноситъ много денегъ. . . .

— Дьявольское наводненіе! Да и лучше согласишься умереть съ голуду, нежели стану ѣсть ихъ хлѣбъ; ты не воротнись въ Лаонъ. Я буду умолять викарія, чтобъ онъ оставилъ тебя при себѣ, а Луи займетъ твое мѣсто.

Жозефъ былъ тихаго характера и всегда повиновался волѣ Марты; судите же объ ея удивленіи, когда на этотъ разъ онъ отвѣчалъ ей твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Я не хочу сердить васъ, матушка. Богу извѣстно, что, прежде всего, я желаю видѣть васъ

счастливою. Но я понять немогу, что...

— Губы Марты побледили, и она едва могла прошептать: — Ты можешь — бить, думаешь — съдлать комедиантом?

Жозеф молчал, но Марта угадала мысль его, упала без памяти на скамью; и оба, не прибавляя ни слова, начали плакать.

Так прошла ночь. Когда взошло солнце, Марта сказала сыну: — Жозеф, пойдём помолиться Пресвятой Деве?

— Пойдём, — матушка.

Марта разбудила маленького Луи, и всё трое отправились вместе в часовню.

По окончании молитвы, Марта прибавила, и маленький Луи повторил за нею: «Не допусти его, милосердая Владычица, упорствовать в проступке.»

И они втроем медленно возвратились в домик священника. Жозеф не похаживал в Давид, но за то не дель и на клиросе.

Два года спустя послы этого старый священник опасно занемог. Когда страдания его утихали, он говорил, обращаясь к Марте:

— Особенно огорчает меня, Марта, не смерть; жизнь моя, хотя и долгая, была хорошо употреблена, и Господь может, когда Ему угодно, взять к Себе своего служителя. Но ты, бедная жепщина, что съ тобою будет при моемъ преемникъ? Ахъ, еслибъ Жозеф послушался моихъ советовъ, у васъ былъ бы теперь кусокъ хлѣба... Но онъ не хотѣлъ!

Жозеф отвернулся и, казалось, размышлялъ.

Однажды онъ пропалъ. Никто не зналъ, въ какую сторону онъ отиравался. Горе убило бы бедную Марту, еслибъ она не помнила своихъ обязанностей къ млад-

шему сыну, которому она была единственною опорой.

Смерть старого священника нанесла жестокий ударъ вдовѣ; надо было покинуть пріютъ. Марта и Луи, взявшись за руки, перешли черезъ порогъ домика, но тутъ вручили имъ письмо такого содержания:

«Не плачь, добрая матушка, потому что бедность не постигнетъ васъ. Когда я говорилъ тебѣ, ты не вѣрила; теперь я получаю хорошія деньги и, черезъ несколько мѣсяцевъ буду получать еще больше. Ты выкупишь отцовскую хижину, будешь въ состояніи воспитать маленькаго Луи, по своему желанію, и даже отдать его въ семинарію, если призваніе его не воспротивится тому; что же до меня, у меня иное... Но успокойтесь, матушка, ваши желанія будутъ исполнены. Сынъ ткача всегда останется честнымъ человекомъ.»

Къ этому письму было приложено сто экю. Марта выкупила вою хижину; маленькаго Луи поместили въ семинарію, и въ 1775 году онъ былъ назначенъ священникомъ въ Монантель.

Въ это время уже славился, въ Королевской Академіи Музыки, Жозефъ Легро, исполнявшій съ большимъ успѣхомъ амплуа перваго баса. После долгаго и славнаго поприща, Жозефъ Легро вышелъ въ отставку, въ 1783 году, и получилъ должность дирижера *духовнаго концерта*, въ которой и находился до того времени, пока это учрежденіе не было уничтожено, въ 1791.

Онъ умеръ въ 1793 году. Это былъ талантливый актеръ и человекъ въ высокой честиности — дѣти, не такъ непримиримы, какъ обыкновенно думали въ прежнія времена.

НАДЕЖДЫ, ГОРЕ И РАДОСТИ СЕЛЬСКАГО ПАСТОРА.

(Разсказъ Фредрики Браммеръ).

Я придумалъ было особое средство, безъ труда и оцора идти по каменистому пути жизни, не смотря на то, что идти я долженъ былъ и въ нравственной и въ физическомъ отношеніи, почти на босую ногу. Это средство было — надежда, я надѣлся безпрестанно; надѣлся со дня на день, съ утра на вечеръ, съ осени на весну, съ весны на осень, съ году на годъ. Перехода такимъ образомъ отъ надежды къ надеждѣ, я прошелъ тридцать лѣтъ своей жизни, не роптать на безчисленныя лишенія, кромѣ развѣ изрѣдка на недостатокъ сапоговъ. Да и эта бѣда мучила меня только въ гостяхъ; дома или на дворѣ я о ней забывался. Гораздо чувствительнѣйшимъ горемъ было для меня то, что я ничего не могъ подать убогому и скорбящему ближнему, кромѣ искреннихъ словъ утѣшенія.

Когда печальныя размышленія сжимали мнѣ сердце, я старался разсѣять ихъ, бросая украдкою, подобно другимъ бѣднякамъ, робкій взглядъ на вѣчно-вертящееся колесо счастья, и повторялъ про себя вѣковое, мудрое изреченіе: утро вечера мудренѣе.

Я былъ бѣднымъ викаріемъ сельскаго пастора: скудное жалованье, еще болѣе скудное пропитаніе, вотъ все, что доставляло мнѣ мѣсто. Прибавьте къ этому нравственную жажду, которой не могло утолить общество старой, вѣчно сердитой и бранчивой домохозяйки, лѣниваго и самодовольнаго пастора, ихъ тщеславнаго и падменнаго сына, и кривоногой

и кривоногой дочери, которая всю жизнь приводила въ колебаніи изъ дому къ соседямъ и отъ соседей домой, въ принимашии и отдаваніи визитовъ.

Не правда ли, завидное положеніе?

Посудите же, какая радость и сколько золотыхъ надеждъ проснулось въ моей душѣ, когда изъ Стокгольма извѣстиво мѣня, что почтенный дядюшка, богатый стокгольмскій купецъ, который и никогда не видалъ и не знавалъ, находитъ при смерти, и въ внезапномъ порывѣ родительской ѣзности изволилъ справиться о житьѣ-бытьѣ своего дорогаго племянника.

Съ сердцемъ, полнымъ глубокой благодарности, отправился я въ столицу, на мызнической телѣжкѣ, самомъ жесткомъ и тряскомъ изъ экипажей когда либо изобрѣтенныхъ для сбереженія человѣческихъ ногъ цѣною избитыхъ бочковъ. Легкокъ былъ узелъ, заключавшій все мое вещественное богатство; за то какіе клады сулила мнѣ надежда! и я катился съ нимъ по гарамъ и по домамъ, и остановился только затѣмъ, чтобы сдѣлать доброе дѣло.

Переѣзжалъ черезъ рѣку *** и увидѣлъ, что молодой офицеръ упалъ въ воду, и навѣрное утопулъ бы, прежде, чѣмъ кто нибудь изъ сопровождавшаго его отряда солдатъ рѣшился бы ему помочь; они стояли на берегу и, разинувъ рты, мазали на утопавшаго. Безъ дальнихъ разсужденій, я скинулъ съ себя платье, (убы! оно давно само просилось долой съ моей синны!) бросился въ воду и вытаскиваю молодого офицера. Мнѣ показалось, будто лицо его было мнѣ отчасти знакомо... Но я поспѣшилъ оставить его, чтобы не слышать его выражений благодарности, вскочилъ на телѣжку.

Я ѣхалъ, ѣхалъ и наконецъ достигъ цѣли своего путешествія. И пора было; спина и бока у меня были такъ избиты, что бѣда.

Я вошелъ въ трактиръ и заказалъ себѣ скромненькій завтракъ, кусочекъ хлѣба, немножко масла и парочку яицъ.

Между тѣмъ, какъ я завтракалъ, трактирщикъ расхаживалъ по комнатамъ съ какимъ-то толстымъ господиномъ, и разговаривалъ съ нимъ о чемъ-то весьма любопытномъ; по крайней мѣрѣ я такъ заключилъ изъ жару, съ которымъ они говорили. Я сталъ прислушиваться.

— Сказать правду, говорилъ толстякъ, чудакъ былъ первой руки, тотъ богатый купецъ, что умеръ вчера...

— Чудака-то — чудака, подумалъ я: да за то сколько оставилъ денегъ!

И за тѣмъ я подозвалъ полового. Послушай, любезный! сказалъ я ему, подавай мнѣ бифтексъ, да еще чего вибудь посытнѣе... да еще супу, горяченькаго... ну, этого съ меня, кажись, будетъ... да но! проворнѣе, братецъ, слышнннн?...

— Да, богатъ былъ покойникъ, отвѣчалъ трактирщикъ; слишкомъ тридцать тысячъ риксдалеровъ въ банкъ, шутка ли? Во всемъ городѣ не нашлось бы челоуѣка, который бы съ нимъ потягался. Тридцать тысячъ риксдалеровъ.

— Тридцать тысячъ риксдалеровъ! повторилъ я мысленно, и сердце у меня запрыгало отъ радости. Тридцать тысячъ!... И я опять подозвалъ полового.

— Подай-ко мнѣ, любезный, тридцать... подай мнѣ банкв... того бишь, бутылку вина.

И каждый ударъ моихъ артерій звучалъ тридцать тысячъ! и все въ моей головѣ и въ сердцѣ сливалось въ одно волшебное слово: тридцать тысячъ!

— Но повѣрите ли, продолжалъ толстякъ: что въ числѣ его многочисленныхъ долговъ, есть долгъ въ девять сотъ риксдалеровъ за котлеты, и другой въ пять тысячъ за шампанское? Все заимодавцы осадилъ его домъ, и подняли такую содомъ! А знаете, что они найдутъ тамъ, въ удовлетвореніе?.. Никуда не годную коляску.

Та, та, та, подумалъ я, дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ... Эй, половой, прими назадъ говядину и супъ, и вино, да не забудь, сдѣлай милость, что я ничего не тронулъ. Да и до того ли мнѣ! сегодня какъ только открылъ глаза, и до сихъ поръ все нѣщо да тѣмъ (эта была страшная жолъ); глупо было бы мнѣ еще платить за обѣдъ, когда не могу ѣсть.

— Да вѣдь вы сами исполнили приказать, заговорилъ половой съ досадою.

— Правда, любезный, отвѣчалъ я, почесывая затылокъ, какъ водится за многими людьми, когда они не знаютъ, что имъ сказать; по это было по ошибкѣ; не ужели мнѣ платиться за обмолвку? я ли виноватъ, что богатъ и наследникъ, для котораго заказывалъ обѣдъ, сталъ вдругъ нищимъ. Разсуди же самъ, что при такой преремьянѣ обстоятельствъ, не къ лицу ему заказывать такіе богатые обѣды. Это, впрочемъ, не помѣшаетъ мнѣ заплатить за яйцо, которое я съѣлъ, и сверхъ того дать тебѣ еще на водку за трудъ. Прощай, мнѣ недосугъ.

Этими неопровержимыми доводами и наградою, которую я сунулъ въ руку слугѣ, удалосъ мнѣ избавиться отъ псоразмѣрнаго карману завтрака; я вышелъ изъ трактира съ тоскою въ сердцѣ, съ пересохшими устами, съ узелкомъ подъ мышкою, искать себѣ гдѣ вибудь на краю города комнаты за иebolншія деньги, при-

думывая въ тоже время гдѣ и какъ добыть мнѣ эти небольшія деньги.

Отъ внезапнаго разочарованія у меня ужасно разболѣлась голова. По дорогой увидѣлъ я щегольски одѣтаго господина, всего въ лентахъ и въ звездахъ, выходившаго изъ великолѣпной кареты; лице его было желто, кожа высохла какъ юфть; лобъ изрытъ глубокими морщинами, вѣрнымъ признакомъ душевнаго безпокойства. Далѣе встрѣтилъ я молодаго графа, котораго знавалъ еще въ Унсалъскомъ университетѣ; онъ съ трудомъ передвигалъ ноги; измѣненныя черты, блѣдность, впадые, тусклые глаза, все изобличало въ немъ преждевременную старость, истощеніе всѣхъ жизненныхъ силъ. Я гордо подиалъ голову, сильно вдохнулъ вольнаго воздуха, который, къ сожалѣнію, былъ пропитанъ запахомъ вкусныхъ сосисокъ, и отъ искренняго сердца возрадовался своей бѣдностью и спокойной совѣсти...

Долго ходилъ я; ни въ одномъ домѣ не смѣлъ я войти; все казалось мнѣ слишкомъ богаты для меня. Наконецъ, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей города, на углу узкаго и темнаго переулка, нашелъ я комнатку, вполне соответствовавшую моему положенію.

Увы! мрачно стало мое положеніе, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ сіявшее такими свѣлыми надеждами! у меня былъ отпускъ въ Стокгольмъ на всю зиму, но послѣ того, что я узналъ, не такъ долженъ былъ я провести эту зиму, какъ мечталъ съ начала.

Что мнѣ было дѣлать? Кошелекъ мой тощаль съ каждымъ днемъ, надежды же мои съ каждымъ днемъ росли. Наступилъ наконецъ памятный для меня вечеръ, вечеръ, который я отмѣтилъ въ календарѣ крестикомъ. Хозяйникъ вышелъ отъ меня, посоветовалъ

мнѣ дружески заплатить на слѣдующій день за квартиру, или, если мнѣ то угоднѣе, отпривлечься снова на поиски, среди гусей, утокъ и другихъ, болѣе или менѣе благородныхъ животныхъ, бродившихъ по улицѣ, въ которой я жилъ.

Это было въ ноябрь, когда морозы становились уже довольно ощутительны, въ восемь часовъ вечера, по возвращеніи моемъ отъ одной бѣдной блондой, у которой я, перазумный, оставилъ послѣдній свой мѣдный грошъ.

Я снялъ пальцами съ салънаго огарка, котораго блѣдный свѣтъ убѣдительно приглашалъ ко сну, и обвелъ печальными взорами голыя стѣны несчастной комнатки, за пользованіе которою съ меня настоятельно требовали денегъ.

— Жилище Діогена было еще хуже, подумалъ я съ покорностью, отодвигая полуразвалившійся столъ отъ окна, плохо защищавшаго меня отъ невѣжливыхъ покушеній вѣтра и дожда. Вдругъ глазамъ моимъ предстало яркое пламя, горѣвшее въ кухнѣ, противъ самой моей комнаты; у меня также была печка, но, къ сожалѣнію, это былъ всегда самый темный пунктъ моей квартиры.

— Какъ счастливы повара и кухарки! хороша доля ихъ на пути жизни! подумалъ я, съ тайною завистью посматривая на румяную, полную дѣвку, которая рваносхаживала въ сопровожденіи жаровень, тагановъ и кастрюль, и величественно размахивала кочерногою.

Въ верхнемъ этажѣ, сквозь слишкомъ прозрачную для моего покоя занавѣску, увидѣлъ я великолѣпно освещенную комнату, и посреди ея богато накрытый столъ, окруженный множествомъ веселыхъ гостей. Я коченьялъ отъ холода, и не умѣю даже сказать, ка-

кую пустоту чувствовала в той части тела, которую в просторечии называют желудкомъ.

— Боже мой! подумалъ я, чтобъ этой прекрасной молодой дѣвушкѣ, что подаетъ чашку чаю и такіе вкусные пирожки толстому господину, растлнувшемуся на софѣ, проглотить не много руку! я поблагодарилъ бы ее тысячами поцелуевъ! тщетно желаніе: воть толстый господинъ беретъ чашку, мѣрно и лѣниво мокаетъ въ нее сухари! Просто беретъ досада. Это что такое? какинъ дѣвушка цѣлуетъ его! Хотѣлось бы мнѣ знать, оиѣ отецъ ея, что мнѣ, или дядя, или можетъ быть... счастливый смертный!.. жить, невозможно, оиѣ сорока годами старше ея. А это что за старушка сидитъ подлѣ него на софѣ, дѣвушка и оиѣ подаетъ сухари... предпочтешал старушка... куда же еще идетъ дѣвушка? нельзя разглядѣть, передъ кѣмъ она остановилась, видно только ухо да часть плеча...

Что почтенная дама обратилась ко мнѣ епипною, это еще не важное дѣло; но заставляя дѣвушку такъ нагибаться передъ собою, съ корзинкою въ рукахъ, и держать ее такъ долго, это ни на что не похоже... Должно быть дама, мужчина былъ бы повѣжливѣе... А воть, берутъ чашку... Боже милостивый! воть огромная мужская рунища опускается въ корзинку, и забираетъ пирожки, и какъ забираетъ! невѣжа! животное! Ужъ не брать ли слѣдъ можетъ быть проголодался, бѣдняжка! Воть входитъ толпа дѣтей, готовъ биться объ закладъ, что ужъ ничего имъ не оставили. Какъ милая дѣвушка ласкаетъ и цѣлуетъ малютокъ, и отдастъ имъ все, что осталось послѣ того прожоры. А ей, доброй душѣ, досталось не больше, чѣмъ мнѣ... только развѣ понюхать.

Но въ комнату дѣлается вдругъ суматоха! толстый господинъ встаетъ съ софы, ухо бросается къ дверямъ, и сталкивается (оселъ!) съ дѣвушкою; она, въ свою очередь, натывается на столъ и опрокидываетъ старушку на софу. Дѣти хлопаютъ рученками... Двери отворяется... входитъ молодой офицеръ... дѣвушка бросается сму на шею!... это что значитъ? Такъ воть какъ, вы, молъ красавица...

И я захлопнулъ ставень съ такою досадою, что едва не разбилъ окна; потому я упалъ на свой трехногий стулъ, дрожа отъ холода и сырости. Вѣдь нужно же мнѣ было стоять у окна и смотреть по дѣломъ дѣбъ! въ другой разъ не будь такъ лобоньтень.

Семейство, жившее противъ меня, приѣхало только за недѣлю передъ тѣмъ изъ своихъ помѣстьевъ, и мнѣ еще не приходило въ голову развѣдать, кто они такіе были и откуда. Съ какой стати дался мнѣ въ этотъ вечеръ случай поусмотрѣть ихъ домашній бытъ? Какое могло мнѣ быть до того дѣло?

Я былъ не въ духѣ; на сердцѣ было тяжело. Не смотря на то, вѣрный своему правилу, не предавался печальнымъ размышленіямъ, если только оиѣ не ведутъ къ явной полезной дѣли. Я схватилъ оконечными пальцами перо, и, чтобы развлечь свои мысли, вздумалъ начертить картину семейнаго счастья, того счастья, котораго не дано мнѣ было вкусить. Я ли первый искалъ въ теплѣцахъ воображенія огня, которымъ отказать холодный миръ дѣйствительности?

Я сталъ писать:
«Хорошъ скромный кровъ, служащій приотомъ уставому вутнику, кровъ, подлѣ которымъ вокругъ веселаго очага сходятся и соборный на палку старикъ, и мужъ въ

полномъ цвѣтъ лѣтъ и силъ, и молодая супруга, и прелестныя дѣти, которыя послѣ дневныхъ своихъ игръ, улыбающимися устами лепечутъ молитву Всевышнему, и засыпаютъ подъ тихій прищѣвъ матери.»

Тутъ я принужденъ былъ остановиться, ибо почувствовалъ, что изъ глазъ моихъ выступили слезы и заволокли ихъ туманомъ. Я склонилъ голову и предался грустной думѣ.

Сколько несчастныхъ, подумаешь, которымъ жизнь отказала въ этомъ лучшемъ своемъ благѣ, въ семейномъ счастьи!...

Тутъ я невольно взглянулъ въ единственное зеркало, находившееся въ моей квартирѣ; въ *зеркало истины*, и опять принялся писать, а сердце щемила тоска.

«Да, несчастенъ, несчастенъ тотъ, кто среди холода жизни не можетъ прижать груди къ сочувствующему сердцу; тотъ, чьи вздоховъ никто не слышитъ;—кому въ часъ безмолвной печали никто не скажетъ *благоворныхъ* словъ: «Понимаю тебя, страдаю съ тобою!»

«Странникъ одинокой, къ чему блуждать тебѣ по пути жизни? зачѣмъ не улетаешь ты, тоскующая душа, въ царство душъ безтѣлесныхъ?»

«Зачѣмъ?—затѣмъ, что она еще надеется... пища на людскомъ пиру, она ждетъ, не подастъ ли ей благодѣтельная рука кроху отъ человеческихъ радостей... бѣдный странникъ готовъ бы сорвать полевой цвѣтокъ, и носить его на сердцѣ, чтобъ быть не такъ одинокимъ.»

Такъ, *безсознательно* писалъ я собственную свою повѣсть жизни, и слезы ручьями лились изъ глазъ моихъ. Сирота съ дѣтскихъ лѣтъ, не имѣлъ я ни братьевъ, ни сестеръ, ни друзей, ни родныхъ;

и скитался одинъ, всѣми покиннутый, въ мірѣ, изъ котораго я тѣснѣе разъ готовъ былъ вырваться, если бы въ моемъ сердцѣ не горѣла свѣтлая надежда на Провидѣше, и еслибъ оно не дало мнѣ веселаго права для защиты отъ томленія тоски.

Но, несмотря на искреннія усилія мои довольствоваться тѣмъ, что давала мнѣ судьба, я чувствовалъ съ цѣлотаго времени, а въ этотъ вечеръ, больше чѣмъ когда либо, непреодолимую потребность любви; душѣ моей нуженъ былъ другъ, преданная ему душа; словомъ, жена, которая бы утѣшала меня, неслась о моемъ счастьи, которая любовью своею сдѣлала бы меня блаженнѣе цари, хотя бы царство мое заключалось въ одной бѣдной лачужкѣ.

Правда, что въ эту минуту, всемяма моего сердца не защитило бы этого друга, этой нѣжной жены отъ стужи въ моей комнатѣ; я самъ такъ продрогъ, что невольно убѣдился въ этой горькой истинѣ.

—Ахъ, еслибъ какая нибудь благодѣтельная душа могла заглянуть ко мнѣ сегодня вечеромъ! хоть бы житель невидимаго міра! я и тому былъ бы радъ, лишь бы мнѣ было съ кѣмъ отвести душу!—Ночь! стучится въ дверь! Кто бы это могъ быть?—Задоръ, кому придти къ бѣдному страдальцу! Опять, три удара!

Я всталъ и отворилъ дверь. Никого!... Только вѣтеръ холодомъ пахнулъ въ мою коморку.

Я поспѣшно захопнулъ дверь, и опустивъ руки въ карманы, принялся снова шагать назадъ и впередъ по комнатѣ и бормотать сквозь зубы.

Черезъ нѣсколько минутъ, мнѣ послышался вздохъ... я притаилъ дыханіе и сталъ прислушиваться, опять вздохъ, такой глу-

бокій, такой жалобный, что у меня замерло сердце; однакоже у меня стало силы закричать: кто там?

Нѣтъ отвѣта. Я стоялъ неподвижно, придумывая, что это могло быть, какъ вдругъ адскій шумъ, какъ будто бы сотни кошекъ справляютъ свой почпой шабашъ, раздался по лѣстницѣ, и заключился сильнымъ ударомъ въ мою дверь.

Тутъ уже невозможно было сомнѣваться. Я взялъ въ одну руку свѣчу, въ другую палку, и вышелъ. Едва я успѣлъ отворить дверь, свѣчу мою задуло; предо мною стояло исполинскаго роста блое привидѣніе, оно подошло ко мнѣ ближе, и я почувствовалъ двѣ тяжелыхъ руки, обхватившія меня!

Помогите, помогите! кричалъ я.

И я сталъ такъ отчаянно отбиваться, что въ нѣсколько мгновеній повалилъ своего противника на полъ, и самъ упалъ на него. Я вскочилъ на цоги съ быстротою серны, и хотѣлъ выдти за огнемъ, но за что-то загнулся (какъ задѣсь мнѣ, будто невидимая рука схватила меня за пятку), и опять упалъ; но на этотъ разъ я ударился головою объ столъ, и упалъ безъ чувствъ; слышалъ только надъ собою насмѣшливый адскій хохотъ.

Когда я открылъ глаза, вокругъ меня былъ такой ослѣпительный свѣтъ, что я ихъ тотчасъ же закрылъ снова; мнѣ послышался во кругъ меня тихій, невнятный шопотъ многихъ голосовъ; я опять открылъ глаза, и стараясь разсмотрѣть окружавшіе меня предметы.

Все, что со мною дѣлалось, было такъ странно, такъ чудно, что я лежалъ на софѣ и... нѣтъ, это была не игра воображенія, а дѣйствительность!... та самая дѣвушка, которая такъ занимала меня

въ тотъ вечеръ, стояла подлѣ меня, съ выраженіемъ нѣжнаго участія въ лицѣ и терла мнѣ виски укусомъ. Молодой человекъ, открытой физиономіи, сжималъ мою руку въ своихъ рукахъ; я увидѣлъ также толстаго господина и другаго господина потоньше, и старушку, и дѣтей, и даже, въ тѣни, обольстительный чайный столъ. Какал-то непостижимая прихоть случая, перенесла меня въ то самое семейство, которое я, за часъ передъ тѣмъ, съ такимъ любопытствомъ наблюдалъ изъ своего туслаго окна.

Когда я совершенно опомнился, молодой человекъ бросился обнимать меня съ истинно военнымъ жаромъ.

— Развѣ вы не узнаете меня? спросилъ онъ наконецъ, дивясь холодности, съ которою я принималъ его изъявленія дружбы и благодарности. Или вы совсѣмъ забыли Августа Д., для спасенія котораго вы такъ недавно подвергали опасности собственную жизнь? съ какою неустрашимостью вы бросились въ пучину, готовую поглотить меня!... А вотъ передъ вами мой отецъ, мать, сестра Вельгельмица!

Дѣйствительно, я узналъ офицера, котораго вытаскилъ изъ воды, и дружески пожалъ ему руку. Всѣ его родные наперерывъ благодарили и обнимали меня.

Вдругъ отецъ Августа ударилъ кулакомъ по столу, и сказалъ съ жаромъ: Ты, братецъ, спасъ жизнь моему сыну, ты благородная, сострадательная душа, самъ терпишь голодъ, а послѣдній кусокъ хлѣба отдаешь бляжнему; за то получишь Гальскій приходъ! вотъ моя рука, что получишь! не даромъ я попечитель прихода: упо- треблю свое вліяніе и онъ будетъ твой.

Долго не понималъ я, что со

мною дѣлалось; я не въ состояніи былъ ни мыслить, ни говорить; мнѣ надо было все растолковать. Наконецъ, все объявлено, а главное, я узналъ, что Вильгельмина не была словомъ, что Вильгельмина сестра Августа.

Августъ только что пришелъ въ городъ съ своимъ отрядомъ, съ тѣмъ самымъ, который онъ велъ; когда мнѣ удалось выручить его изъ опасности, въ которую вергла его юношеская неосмотрительность и отвага. Надо сказать, что я уже когда-то зналъ его; и шилъ съ нимъ братство въ Унцальскомъ университетѣ; но потомъ разность нашихъ положеній въ свѣтѣ повела насъ по разнымъ путямъ, и я совершенно забылъ своего товарища. Онъ разказалъ все это своимъ роднымъ, прибавивъ еще множество другихъ подробностей на мой счетъ, которыя онъ зналъ, или только угадывалъ.

Отецъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи одно мѣсто приходскаго пастора, и который, какъ я послѣ узналъ, изъ окна своего съ участіемъ наблюдалъ мой переходъ въ скромный бытъ, рѣшился, по настоятельной просьбѣ сына, возвести меня вдругъ изъ бездны нищеты на верхъ счастья. Августъ видѣ себя отъ радости, и желая немедленно сообщить мнѣ счастливую вѣсть, а при этомъ удобномъ случаѣ дать волю своей склонности къ шуткамъ и дурачествамъ, явился ко мнѣ, какъ я уже разказалъ; шутка его разигралась не совсемъ такъ, какъ онъ предполагалъ; слѣдствіемъ ея былъ сильный ушибъ въ голову, отъ котораго я лишился чувствъ; неожиданное перенесеніе мое на другую сторону улицы и переходъ изъ глубокаго мрака въ ослѣпительный свѣтъ.

Добрый Августъ умолялъ меня простить его необдуманную на-

лость; я отвѣчалъ, что о такихъ пустякахъ не стоило такъ много думать; и дѣйствительно, такую рану заставилъ бы меня забыть обещанный мнѣ приходъ.

Тутъ только замѣтилъ я, не безъ удивленія и даже некотораго смущенія, что ухо и плечо, которыхъ владѣтель произвелъ такое опустошеніе въ карманъ пирожковъ и возбудилъ во мнѣ такое негодованіе, принадлежали моему будущему покровителю, отцу Августа. Толстый же господинъ, развалившійся на софѣ, былъ дядя Вильгельмины.

Добродушіе и веселость моихъ новыхъ друзей сдѣлали меня вскорѣ счастливейшимъ изъ людей. Я былъ у нихъ какъ свой; старики обращались со мною, какъ съ сыномъ; молодые люди—какъ съ братомъ; а дѣти смотрѣли на меня, какъ на будущаго товарища ихъ игръ и шалостей.

Выпивъ двѣ чашки чаю, которыя подала мнѣ бѣлая ручка Вильгельмины, и присоединивъ къ нимъ, въ разсѣянности, чуть ли не большіе сухарей и пирожковъ, чѣмъ почтенный мой покровитель, я всталъ, чтобы проститься и отправиться домой; хозяйка уговаривала меня остаться у нихъ; но я твердо рѣшился провести первую ночь своего счастья въ своей комнаткѣ, чтобы благодарить Того, кто въ милосердіи своемъ, изъ бездны несчастія внезапно вывелъ меня къ счастью и спокойствію.

Всѣ члены опять поочередно перецѣловали меня; я также отъ всего сердца цѣловалъ ихъ всѣхъ, даже Вильгельмину, спросивъ, разумется, сначала ея позволенія.

— Лучше бы было мнѣ и не желать этого счастья, подумалъ я потомъ, если это должно быть въ первый и въ послѣдній разъ. Августъ проводилъ меня домой,

Входя въ мою квартирку, мы за-
стали въ ней хозяйна, среди опро-
кинутой и переломанной мебели.
Выраженіе его лица колебалось
между вѣдромъ и неважествомъ; съ
одной стороны, безобразная улыбка
открывала его ротъ до самаго
уха; съ другой, досада кривила
его до подбородка; глаза его были
въ томъ же разбродѣ; словомъ, его
будто корчила судорога. Но когда
Августъ приказалъ ему, отрыви-
стымъ голосомъ, оставить насъ од-
нихъ; вся фигура его съежилась
въ гримасу подобострастной по-
корности, и онъ вышелъ на ци-
почкахъ, съ безконечными покло-
нами.

Осмотрѣвъ мою капуру и жал-
кую мебель, Августъ пришелъ въ
сильное негодование; съ трудомъ
убѣдилъ я его не отколотить до
полусмерти бѣднаго хозяйна, тре-
бовавшаго денегъ за свою квар-
тиру. Наконецъ, я успокоилъ его,
давъ ему честное слово, съ слѣдую-
щаго же дня переселиться на
жнтѣ къ новымъ своимъ друзьямъ.

— Но прежде, чѣмъ рассчитае-
тесъ съ хозяйномъ, сказалъ Ав-
густъ, не забудьте сказать ему,
что онъ скотъ, мошенникъ, мерза-
вецъ... или, если желаете, я ска-
жу самъ.

— Не пужно, не пужно, отвѣ-
чалъ я; оставьте это на мое попе-
ченіе; ужъ я отдѣлаю его по за-
слугамъ.

Простившись съ Августомъ, я
нѣсколько часовъ размышлялъ о
счастливой переменѣ моей судьбы,
и благодарилъ Бога за испослан-
ную мнѣ радость. Потомъ мысли
мои перенеслися въ мой приход-
скій домикъ; воображеніе мое съ
восторгомъ носилось по моему бу-
дущему саду, съ его цвѣтами и
плодами, перебирая всѣ богат-
ства и наслажденія сельской жизни;
невольно мечталъ я о томъ вре-
мени, когда буду гулять по этому

земному раю; подлѣ руку съ своею
Эвою; съ умиленіемъ смотрѣлъ я
на счастливую пастуху, которая вы-
ходитъ изъ храма доброе и до-
вольное, послѣ того, какъ слышала
изъ моихъ устъ ученіе: Божіе!
я крестилъ, причащалъ, вѣнчалъ
любезныхъ своихъ духовныхъ дѣ-
тей; я въ радости своего сердца,
забывалъ одинъ погребенія.

Только къ утру могъ я заснуть,
и проснувшись, не могъ опомнить-
ся, не могъ рѣшить на яву ли
все это со мною случилось, или
все это сонъ. Приходъ Августа
рѣшилъ мои сомнѣнія; онъ при-
шелъ звать меня къ своимъ род-
нымъ обѣдать.

Два года спустя, въ одинъ ти-
хій осенній вечеръ я сидѣлъ въ
своемъ приходскомъ домикѣ, пе-
редъ ярко горѣвшимъ огнемъ. По-
дѣлъ меня, за самопрямкою сидѣла
моя милая женушка, добрая Виль-
гельмина, сестра Августа. Я соби-
рался прочесть ей проповѣдь, при-
готовленную къ слѣдующему во-
скресенію, и которою я надѣялся
исполнить умиленія и ее, и всю
свою паству. Между тѣмъ, какъ я
перелистывалъ тетрадь, изъ нея вы-
пала клочекъ бумаги; это былъ тотъ
самый клочекъ, на которомъ я за
два года передъ тѣмъ почти въ та-
кое же время, но въ другихъ об-
стоятельствахъ, писалъ свои груст-
ныя, тяжелыя думы. Я показалъ
листокъ женѣ; она прочтала,
улыбнулась со слезами на глазахъ,
взяла перо и написала на оборотѣ.

« Нынче, благодаря Бога, авторъ
можетъ начертить картину совер-
шенно противоположную той, ко-
торую онъ чертилъ въ тяжелый
часъ своей одинокой жизни. Нын-
че онъ уже не одинъ, не покинутъ;
стоны его отзываются въ друже-
скомъ сердцѣ, печаль его раздѣ-
ляетъ любящая жена. Выходитъ
ли онъ, унести съ собою ея серд-
це; возвращается ли домой, она

выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу; слезы его не текутъ, никто не замѣченныя; она отражаетъ ихъ вѣжною рукою, и улыбка ея отражается въ его просвѣтленныхъ глазахъ; она усыпаетъ цвѣтами путь его жизни. У него есть семейство, есть вѣрные друзья, всѣ страждущіе на землѣ ему родные.»

Моя Вильгельмина въ точности описала мое настоящее счастье. А мнѣ, въ тихой радости, которую внушаетъ весеннее солнце, неужели мнѣ отказаться отъ стараго обычія, и не дозволять золотокрылымъ надеждамъ порхать въ свѣтлой будущности.

Да, я *надѣюсь* по прежнему. *Надѣюсь*, что будущая проповѣдь моя не будетъ бесполезна слушателямъ; а если нѣкоторые изъ нихъ и заснутъ, надѣюсь, что эта неприятность, равно какъ и всѣ неприятности, могущія еще встрѣтиться мнѣ въ жизни, не нарушить спокойствія и счастья моей души. Я знаю Вильгельмину, и кажется довольно знаю и себя, чтобы смѣло *надѣяться*, что она всегда будетъ счастлива со мною. Она *обнадеживаетъ* меня скорымъ прибыті-

емъ поваго члена въ наше небольшое семейство; *надѣюсь*, что за нимъ придутъ и много другихъ. А сколько *надеждъ* покоится на главѣ моего дитяти; если это будетъ сынъ, я *надѣюсь*, что онъ будетъ моимъ преемникомъ: если дочь... что бы Августу дожидаться ея; да вѣтъ, онъ кажется уже избралъ себѣ подругу жизни.

Надѣюсь со временемъ пайти издателя своимъ проповѣдямъ.

Надѣюсь жить съ женою, по крайней мѣрѣ, до ста лѣтъ.

Надѣлся, то есть, я и Вильгельмина, осушить въ это время много слезъ, и самимъ пролить ихъ какъ можно меньше, въ пащемъ положеніи чадъ земли.

Надѣлся не пережить друга друга. *Надѣлся* никогда не терять способности *надѣяться*; а когда пробьетъ торжественный часъ, въ который всѣ земныя надежды исчезаютъ передъ лучезарною дѣйствительностью вѣчной жизни, мы *надѣмся*, что милосердый Отецъ небесный милотиво взглянетъ на своихъ покорныхъ, благодарныхъ и уповающихъ дѣтей!

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Bald ist es dies, bald ist es das,

Bald ist es nicht's, bald ist es was!

Слугай изъ жизни актера Верне. Карль Верне чрезвычайно любилъ пошутить и подурачить людей. Однажды, когда онъ былъ еще очень молодъ, онъ ѣхалъ изъ Марсели въ какомъ-то ковчегъ, который двигался такъ медленно, что ему пужно было двадцать два дня на проѣздъ въ Парижъ. Верне стало ужасно скучно, онъ началъ осматриваться кругомъ, и искать человѣка, на счетъ котораго можно бы позабавиться. Выборъ его палъ на краснолицаго, мужиковатаго толстяка, который казался чрезвычайно тушъ на голову. Верне сталъ подъѣзжать къ нему съ разными въливостями, на которыя тотъ отвѣчалъ довольно пеловко. Но съ добродушіемъ, случилось дорожно, что лошади не могла встачить колымаги на пригорокъ и всѣхъ пассажировъ просили выдти изъ кареты. Пришедши къ слишкомъ широкому рву, Верне, большой мастеръ прыгать, предложилъ своему неповоротливому товарищу перескочить черезъ оврагъ.

— Боже мой, вы перескочите? спросилъ съ удивленіемъ толстякъ.

— Еще бы нѣтъ! будто широко.

— Но какъ же вы перескочите?

— Очень просто; возьму да перескочу. Верне съ удивительною легкостью перескочилъ черезъ ровъ.

— Поди себѣ, въ самомъ дѣлѣ, воскликнулъ толстякъ, покачивая головою; да знаете что, глядя на васъ, и меня беретъ смѣлость; мнѣ хочется также попробовать перескочить.

— Вы? посмотрю я, какъ вы перескочите? пари объ обѣдъ, что вы попадете въ самую середину рва.

— Полноте, не пугайте же меня напередъ. Такъ пари объ обѣдъ? .. а много это будетъ стоить?

— Какихъ нибудь пять франковъ, я думаю.

— Это дорого; ну, да такъ и быть, попробуемъ.

И послѣ продолжительныхъ приготовленій и кривляній, толстякъ перескочилъ на цѣлый футъ дальше Верне.

— Удача! посмотримъ въ другой разъ, сказала Верне, котораго это поражение задѣло за живое.

— О нѣтъ, это былъ просто счастливый случай, который въ другой разъ уже не повторится. Но если вы непременно требуете, я не имѣю права отказываться.

На слѣдующій день опять предстался случай повторить опытъ

и толстякъ опять удивился своему изумительному счастью, и опять объедал на счет Верие. Раздосадованный побѣдами такого неповоротливаго повидимому противника, Верие почти каждый день возобновлялъ состязаніе, и каждый разъ проигрывалъ закладъ. Наконецъ, прѣхавъ въ Парижъ, толстякъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Чрезвычайно благодаренъ вамъ за то, что вы меня кормили почти во всю дорогу изъ Марсели сюда; чтобы доказать вамъ мою признательность, если вамъ угодно будетъ посѣщать театръ Николе, мнѣ весьма пріятно будетъ служить вамъ билетами; я тамъ ангажированъ и послѣ завтра дебютирую въ должности палца; послѣ этого, вы не можете сѣтовать на то, что я васъ побѣдилъ. Вы скажете мастерски; но если бы вы были въдесятеро легче и поворотливѣе, я все-таки одержалъ бы верхъ, потому что у меня есть всегда въ запасъ свои уловки, къ которымъ я, въ случаѣ надобности, прибѣгнулъ бы, чтобы оправдать известную поговорку, вошедшую въ употребленіе: «Чудеса чудесъ, одно другаго чуднѣе, точно у Николе»»

Мадридскіе театры въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, какъ французскіе и германскіе. Театръ El сігео, на которомъ недавно имѣлъ такой успѣхъ бывший артистъ Парижской Итальянской оперы теноръ Бордасъ, принужденъ прекратить представленія Пѣвцы не получаютъ жалованья и всѣ намѣрены выѣхать изъ города и искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Изъ этой артистической кошницы, можетъ быть, и на нашу долю кое-что перепадеть.

Новое изобрѣтеніе. Въ Лейдѣ одинъ механикъ изобрѣлъ чрезвычайно замысловатый способъ, въ городахъ, освѣщаемыхъ газомъ, въ одну минуту зажигать и также гасить всѣ фонари, безъ помощи людей. Способъ его состоитъ въ электрическомъ снарядѣ, отъ батареи котораго проведены проволоки ко всѣмъ газовымъ рожкамъ и при разряженіи который въ одинъ мигъ электрическая искра зажигаетъ весь огонь. Въ известный часъ общій кракъ отъ всѣхъ газопроводовъ, находящійся у него подъ рукою, открывается и чрезъ минуту потомъ весь городъ, всѣ дома и лавки освѣщены самою собою.

Англійское правительство намѣрено купить секретъ изобрѣтателя и точно же приложить его къ освѣщенію Лондона. По исчисленіямъ, это сэкономитъ казнѣ до милліона рублей въ годъ.

Мостовая изъ каучука. На дняхъ въ Лондонѣ дворъ Адмиралтейства вымощентъ гумми-эластикомъ. Резину для этого употребляли толщиною въ дюймъ и рѣзали ее квадратами въ двѣнадцать дюймовъ каждый. Этотъ новый родъ мостовыхъ англичане прозвали «*Куль-полито-иль*». Они представляютъ большія выгоды, во-первыхъ, ихъ можно мыть, какъ полъ, они не даютъ ни пыли, ни грязи; во-вторыхъ, ѣзда по нимъ производится безъ малѣйшаго шума и стука и безъ порчи колесъ; въ третьихъ, по пластичности своей, они противустоятъ всякому вліянію погоды, не портятся и не требуютъ никакихъ починковъ. Конечно, такая мостовая обходится въ десять разъ дороже каменной, за то она прослужитъ въ тридцать разъ

долге всякой обыкновенной мостовой. Изобретение это может привести къ важнымъ удобствамъ городской жизни.

Эдда безъ лошадей и желѣзныхъ дорогъ. Давно уже механики ломали себѣ голову надъ проблемой, какъ бы приводить въ движеніе машины посредствомъ сжатого воздуха. Но затрудненія до сихъ поръ были слишкомъ велики и всѣ усилія оставались тщетными. Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ, наконецъ, одному нѣмцу, барону Ратену, удалось разрѣшить эту многотрудную задачу и по его теоріи теперь строятся въ

Путнѣ локомотивъ (экипажъ—самоходъ) въ которомъ можно будетъ ѣздить по обыкновеннымъ дорогамъ и притомъ съ неизвѣрною скоростью. Для этого экипажа не нужно лошадей, стало быть ни сѣна, ни овса, не нужно и топлива, и воды, какъ въ паровозахъ. Двигатель его въ самомъ пространствѣ, которое онъ пробѣгаетъ, а внутренность его, подобно легкимъ, имъ дышетъ и движется. Эдда самая дешевая! Воля вѣлика, а вовильное пророчество приходитъ въ исполненіе:

Лошадью, водой, парами

Ныше свють и прядуть,

И машиной—не умами,

Скоро думать всѣ начнутъ!

Новый шагъ въ искусствѣ гравированія. Отнынѣ граверы народъ лишний и рисовальщики могутъ умножать свои рисунки на сколько угодно безъ ихъ помощи. Способъ этого новаго рода гравированія изобрѣлъ нѣкто Фер-

гузонъ Браузонъ, граверъ въ Шеффилдѣ и образцы, представленные имъ въ Лондонскій Политехническій Институтъ, такъ превосходны, что могутъ быть поставлены выше всякой aquatinta. Онъ обнародовалъ свой секретъ и намъ очень пріятно, что мы можемъ его сообщить и нашимъ читателямъ. Способъ очень простъ и дешевъ. Надо взять двѣ части свѣчнаго сала и одну часть бѣлаго воску, подбавить къ нимъ самой лучшей, тонкой сажи, растолочь и перемѣшать все вмѣстѣ; потомъ, давъ остыть, подбавить столько скипидарнаго масла, чтобы составъ сдѣлался жидкой краскою. Этою краскою надо рисовать на гладкой металлической доскѣ, всего лучше, на доскѣ изъ поддѣльнаго или такъ называемаго новаго серебра. Темныя мѣста картины надо наносить какъ можно гуще, совершенно свѣтлыя вовсе не трогать кистью. Когда рисунокъ конченъ, берутъ самую мягкую кисть и покрываютъ его тончайшимъ бронзовальнымъ порошкомъ. Такимъ образомъ, получается рисунокъ съ металлическою поверхностью, который кладутъ въ гальванопластическій аппаратъ и снимаютъ съ него мѣдную доску, а съ нея уже печатаютъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Поддѣльный человекъ. Если бы въ наше время изобрѣли дѣлать человеческую душу, то, пожалуй, ухитрились бы основать цѣлую мануфактуру для производства механическихъ людей. Въ Лондонѣ теперь живетъ нѣкто мистеръ Кларкъ, на котораго ходятъ смотреть, какъ на чудо механики: у него одинъ глазъ стеклянный, вмѣсто волосъ—парикъ, одна рука и обѣ ноги деревянные, носъ под-

дальный, псбо серебрянное, обчелюсти вставилъ, ухо и часть черепа изъ каучука. И, несмотря на это, онъ пренсправно ходитъ, все видитъ, слышитъ и ѣсть за четверыхъ! Этотъ Кларкъ былъ истопникомъ при паровой машинѣ на фабрикѣ; къ несчастію, по неосторожности его, паровой котель разорвало и его ужаснѣйшимъ образомъ окорнало. Ноги и руки у него отпали, челюсти и часть черепа вырваны, носъ приплюснуть. Докторъ Кембль почти чудомъ успѣлъ сохранить ему жизнь, и послѣ трудныхъ и многосложныхъ оперцій, сдѣлалъ его получеловкомъ, полукуклою. Выше этаго искусство едва ли можетъ дойти.

Человѣкъ въ бочкѣ. Американскія газеты сообщаютъ о событіи столько-же страшномъ, какъ ужасномъ. Во время рейса изъ Нью-Орлеана къ Нью-Йорку корабля *Александрія*, лонга, мѣтъ пиадцати, своимъ шалостями и проказами до того надобѣлъ капитану, что тотъ погрозилъ, если онъ не уймется, посадить его въ пустую бочку. Но мальчикъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ свои шутки. Капитанъ, однако-жь, сдержалъ слово, шалуну посадили въ порожнюю бочку и опять паколотили на нее дно. Дыра бочечная была такъ велика, что пропускала достаточно воздуху для заключеннаго. Черезъ полчаса начался страшный штормъ и огромная волна сорвала бочку съ ребенкомъ съ борта. Во время всеобщей суматохи никто этаго не замѣтилъ. Но счастью, бочка упала въ воду дырою кверху; такимъ образомъ она плавала около тридцати часовъ; пока ее выкинуло на берегъ на мысъ Сен-Блазь. Здѣсь

мальчикъ употребилъ все силы, чтобы спастись отъ своей тюрьмы, но напрасно. Наконецъ, къ водѣ пришло стадо коровъ и быкъ такъ сильно ударилъ рогами въ бочку, что съ нея соскочили верхніе обручи и вывалилось дно. Мальчикъ, спасенный такимъ образомъ, съ помощію рыбаковъ былъ доставленъ въ Нью-Йоркъ. Вся эта исторія такъ сбиваетъ на сказку, что почти трудно ей повѣрить, а между тѣмъ случай рассказанъ официальной и весьма достоверной газетой.

Новый романъ Булвера: «Гаральдъ, послѣдній король Саксонскій» принадлежитъ къ лучшимъ твореніямъ этаго автора и представляетъ новую попытку изобразить исторію въ поэтической формѣ. Первая часть довольно суха и растянута, она не представляетъ особеннаго интереса для любителей легкаго чтенія, потому что заключаетъ въ себѣ историческія событія при Рейнскихъ странахъ. Роману принадлежитъ въ этой части только возвращеніе графа Годвина и его четырехъ сыновей изъ ссылки и любовная сцена между Гаральдомъ и Эдитою. Во второй части дѣйствіе кипитъ и запутывается, интересъ растетъ, а третья совершенно увлекаетъ читателя. Во второй части выведенъ Гриффитъ, прозванный норманномъ: «кошечнымъ-королемъ», характеръ его жены, положеніе его приверженцевъ, умирающихъ голодною смертью среди неприступныхъ горъ, все это изображено съ искусствомъ, размашистой, смѣлой, поэтической кистью. Ни въ одной литературѣ не встрѣчали мы еще ничего подобнаго описанію битвъ, пораженій и страданій этаго короля: это грандіозная, потрясающая и въострѣть съ тѣмъ въ высшей степени

поэтическая картина, достойная Байроновскаго стиха или кисти Верне. Авторъ до того овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, что увлекаетъ васъ на крылахъ воображенія за собою въ природу дикую, въ среду людей страшныхъ, но въполнѣ возбуждающихъ сочувствіе. Романъ этотъ долженъ увѣнчать славу и безъ того уже знаменитаго автора.

Знаменитый химикъ Берцеліусъ — скончался! Шведская газета *Aftonblad* (*Вечерній листокъ*) отъ 7-го августа (нов. стиля) извѣщаетъ, что профессоръ Яковъ Берцеліусъ умеръ въ это утро семидесяти лѣтъ отъ рату, вслѣдствіе долговремнной, тяжкой болѣзни. Это великая потеря для науки! Всемъ извѣстно, что этотъ ученый былъ, такъ сказать, оучцемъ Хими, въ современномъ ея развитіи. Его имя также, какъ и имя Лавуазье, во славу шведской націи, перейдетъ къ позднѣйшему потомству. Но Берцеліусъ занималъ первое мѣсто не въ одной Швеціи, а во всей обширной области наукъ. Онъ принадлежить не только Европѣ и ея повѣнчанымъ успѣхамъ, но цѣлому человечеству, которому своимъ неуспыннымъ трудомъ завѣщалъ неисчислимыя благодѣнія. Рѣдко встрѣчается на ученомъ поприщѣ человекъ, съ такимъ сильнымъ вліяніемъ на ходъ и развитіе науки, съ такой неутомимой любовью и дѣятельностью, съ такой ясностью и опредѣлительностью мыслей, съ такимъ глубокимъ остроуміемъ, съ такой окончательностью и безошибочностью въ мышленіи, съ такимъ практическимъ изложеніемъ новыхъ теорій, какіе характеризуютъ труды Берцеліуса.

Взглядъ его на вещи былъ до

того ясенъ и пологъ драбой критики, что въ немъ нельзя было ие признать избранныка, отвлеченнаго божественнаго искроу, освѣщающею человѣку все таинства природы и дающею право на паваше гения. И этотъ старикъ, совершившій такъ много, на закатѣ дней, тужилъ еще о томъ, что не успѣлъ всего сдѣлать и рѣшить, что предполагалъ! Скажите, что же жизнь обыкновеннаго человѣка передъ такимъ сокрушеніемъ гения первой величины?

Еще новое употребленіе хлороформа. Давно ли открыто употребленіе хлороформа и какъ много измѣненій въ приложеніи своемъ испытало уже это средство! Теперь передъ нами лежитъ англійскій журналъ: *The Lancet*, который сообщаетъ новый и весьма важный по результатамъ своимъ способъ употребленія этого ошмляющаго средства. Англійскій хирургъ Нунселей сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ опытовъ, употребляя хлороформъ для ошмеленія разныхъ частей тѣла животныхъ, какъ - то, лягушекъ, кошекъ, кроликовъ. Подвергая нѣкоторые члены ихъ вліянію хлороформа въ продолженіе 15 и 20 минутъ, онъ не лишалъ тѣмъ животное полнаго сознанія, достигалъ до того, что могъ оперировать ошмеленные члены безъ всякой для нихъ боли. Онъ опускалъ даже собственный палецъ ца полчаса въ растворъ хлороформа и лишалъ его всякой чувствительности, не испытывъ при томъ ни малѣйшаго вліянія хлороформа на голову. Стало быть, этимъ открытіемъ устраняется единственное опасное послѣдствіе хлороформа, на головные и мозговые органы, которое дѣлало это средство не всегда удобнымъ въ приложеніи. Большой остается

свѣжъ, въ полномъ сознаніи, и въ то же время можетъ вытерпеть самую трудную и продолжительную операцию, безъ малѣйшей боли. Первый опытъ оны сдѣлалъ надъ большимъ, которому надо было вставить въ глазъ искусственный зрачекъ. Онъ подвергъ глазищу вліянію хлороформовыхъ паровъ въ продолженіе 20 минутъ и опытъ удался превосходно. Великій шагъ для науки!

Отъ Жюльенъ въ Парижъ въ январѣ 1834 года — и бывшии! ланка тнои вѣснѣ

Авторскій эгоизмъ. Одинъ изъ самыхъ странныхъ людей, который вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ прослыть поэтомъ, былъ Николай Бартъ. Онъ родился въ Марсели въ 1734 году, переселился въ послѣдствіи въ Парижъ и обратилъ на себя всеобщее вниманіе разными странностями. Разъ въ зимнюю ночь, одишъ изъ его знакомыхъ, Доратъ, увидѣлъ, что Бартъ бѣгаетъ, какъ сумасшедшій предъ большимъ бассейномъ въ Люксембургъ, ломая руки. Дорату вздумалось прислушаться къ саморазглаголенствію поэта. Онъ горилъ:

— Мѣсяцъ насмѣхается надо мною, напрасно гляжу я въ лорнетъ и на небо, и въ воду.

Доратъ громко засмѣялся, подошелъ къ Барту и спросилъ, за что онъ сердится на мѣсяцъ?

— Да вотъ ужъ цѣлый часъ какъ я быюсь съ нимъ, отвѣчалъ Бартъ: вы знаете, какъ мѣсяцъ вдохновляетъ пѣмцевъ. На меня онъ не производитъ ни малѣйшаго вліянія: я холоденъ и глушь, какъ столбъ, и сверхъ того нажилъ себѣ насморкъ. Чортъ побира луну и всѣхъ поэтовъ-лунатиковъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ женился, но только потому, что боялся ночью привидѣній. На дру-

гой день свадьбы онъ не обращалъ уже вниманія на жену, которая однако принесла ему въ приданое 100,000 ливровъ, и всегда велъ себя такъ, какъ холостой. Жена не могла вынести такой жизни и развелась съ нѣжнымъ по-этомъ.

Онъ написалъ нѣсколько пьесъ для сцены, въ томъ числѣ комедію *Эгоиста*, которую хотѣлъ непременно прочесть всѣмъ извѣстнымъ интераторамъ, и для этого, между прочимъ, бѣдилъ два раза въ Ферней къ Вольтеру, который въ оба раза, выслушавъ по акту, притворно падалъ въ обморокъ. Возвратившись изъ Фернея въ Парижъ, Бартъ умышлялъ, что поэтъ Колардо лежитъ на смертномъ одрѣ. Бартъ давно уже не видался съ нимъ, тотчасъ посѣтивъ къ больному и дѣйствительно нашелъ его при смерти, хотя и спокойнымъ.

— Какъ жаль, что вы слабы, сказала Бартъ: я пріѣхалъ было просить васъ объ одолженіи.

— Что можетъ сдѣлать для васъ бѣдный умирающій поэтъ?

— Позвольте мнѣ прочесть вамъ моего *Эгоиста*.

— Подумайте, отвѣчалъ Колардо слабымъ голосомъ и съ горькою улыбкою, что мнѣ остается жить только два часа. Докторъ объявилъ мнѣ это и самъ я чувствую, что дѣло идетъ къ концу. У меня уже похолодели ноги.

— Тѣмъ болѣе мнѣ хочется узнать ваше мнѣніе о моей пьесѣ. Я не настаивалъ бы такъ, если бы вы могли еще жить.

— Подумайте, въ четыре часа я долженъ умереть, а теперь уже почти два.

— Еще успѣемъ, замѣтилъ Бартъ, посмотрѣвъ на часы.

— Мнѣ нужно прибавить кой-чего къ моему завѣщанію и по-

томъ исполнить долгъ христіанскій.

Короче сказать, Бартъ неубѣдился ничѣмъ и умирающей долженъ былъ согласиться. Онъ выслушалъ пять актовъ съ геройскимъ самоотверженіемъ, не вымолвивъ ни слова.

— Ну, сказалъ Бартъ, закрывая книгу: что скажете вы о моемъ трудѣ?

— Вашему *Деоисту* не достаетъ драгоценной черты, отвѣчалъ Колардо.

— Какой? говорите, я весь превращаюсь въ слухъ!

Въ эту минуту показался въ дверяхъ врачъ больного. Бартъ послышалъ къ нему на встрѣчу и сказалъ:

— Потерпите одну минуту, оны хочетъ сообщить мнѣ очень важное дѣло.

Врачъ вышелъ въ залу.

— Да, продолжалъ Колардо, улыбаясь: ему недостаетъ драгоценной черты; оны долженъ бы принудить пріятеля выслушать пятнадцатую комедію въ стихахъ, на смертномъ одрѣ.

И, сказавъ это, Колардо испустилъ духъ.

Китайскіе враги. Не имѣя никакого понятія объ основъ врачебныхъ наукъ — объ анатоміи и физиологіи, китайскіе эскулапы раздѣляютъ тѣло только на правую и лѣвую сторону. Жизнь, по ихъ мнѣнію, состоитъ въ животной теплотѣ и основной влажности; послѣдняя заключается въ сердцѣ, легкихъ, печени, селезенкѣ и почкахъ. Лѣтъ 400 уже извѣстно имъ кровообращеніе, но они вѣрятъ доселѣ, что каждая часть тѣла имѣетъ свой собственный пульсъ, изученіе котораго составляетъ главный предметъ китайской медици-

ны. Китайскій врачъ, желая изслѣдовать пульсъ больного, играетъ пальцами по рукъ его, какъ по клавишамъ, устремивъ глаза въ потолокъ.

Подраздѣленія пульса, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое названіе, безконечны. На-примѣръ, если врачъ найдетъ слѣды пульса въ локтѣ женщины, то это означаетъ беременность. Если пульсъ силенъ на правой сторонѣ, то родится дочь, а если на лѣвой, то сынъ. Ровный пульсъ съ обѣихъ сторонъ предвѣщаетъ близнецовъ. Вотъ подите-же, и съ этимъ люди жили нѣсколько тысячелѣтій и не знаютъ куда дѣваться отъ обиды своего пародонаселенія!

Преданіе о поэтѣ Фрауэнлобъ. Въ Майнцѣ, въ галлерей Соборной церкви, есть гробница. Вырванное на ней имя стерлось и ее можно принести теперь любому мертвенцу; но по простотѣ гробницы, ее не приговариваетъ своему предку ни одна знатная фамилія. Общій голосъ приписываетъ ее германскому миннезенгеру, музыканту и поэту, котораго имя утратилось.

Но его звали Генрихомъ и какъ стихи его, которые до насъ не дошли, были все посвящены хваламъ женщинъ и въ особенности одной изъ нихъ, Маріи, то его прозвали *Фрауэнлобъ*, то есть, поэтомъ женщинъ. Вотъ что гласитъ преданіе:

«Отправляясь въ бѣдности по Германіи искать счастья своими романами и талантомъ пѣнія, Генрихъ оставилъ въ Майнцѣ двушку, которая не переставала ждать его возвращенія, вставала въ бурные ночи и молилась за него.

«Черезъ три года оны возвращался съ богатствомъ и славой.»

Задолго до его возврата Марія слышала, что имя его произносили съ похвалою и удивленіемъ и, по благородной увѣренности, знала, что ни похвалы, ни удивленіе не придадутъ ей любезному столько счастья и гордости, какъ первый взглядъ дѣвушки, такъ давно его ожидающей.

«Когда онъ увидѣлъ издали дымъ Майнцкихъ домовъ, онъ остановился въ смущеніи, съѣлъ на зеленую мураву и проглылъ пѣснь, простую и меланхолическую, какъ счастье.

«На другой день, къ закату солнца, колокола возвѣстили бракъ Генриха и Маріи съ первою зарею.

«Въ эту минуту они прогуливались вдвоемъ по аллѣ, вдоль Рейна.

«Они съѣли вмѣстѣ на зеленомъ берегу. Долго смотрѣли другъ другу въ глаза пожимая руки и неговоря ни слова; такъ невыразимо было словами то, что наполняло ихъ души.

«Пурпуровый отблескъ, оставленный солнцемъ на небѣ, сталъ блѣдно-желтымъ и тѣнь надвигалась на землю отъ востока къ закату.

«Они поняли, что имъ пора разстаться. Марія хотѣла сохранить что нибудь на память объ этомъ блаженномъ вечерѣ и указала Генриху на голубые цвѣты, которые росли на берегу рѣки.

«Генрихъ попялъ ее и парвалъ цвѣтовъ; но поскѣльнулся и исчезъ подъ водою; два раза взволновалась вода и онъ появлялся съ усніемъ, но оба раза рѣка поглощала свою добычу.

«Онъ хотѣлъ кричать, но вода заглушала его. Когда онъ вынулъ во второй разъ, то обратилъ послѣдній взглядъ на берегъ, гдѣ стояла Марія и, протянувъ руку, бросилъ ей голубые цвѣты, судорожно сжатые въ'руку его.

Это движеніе совершенно обезпечило его: онъ исчезъ, вода приняла прежнее спокойное теченіе и рѣка снова заблестала, какъ зеркало. Такъ умеръ Генрихъ Фрауэнлобъ.

«Марія умерла въ монастырѣ. «Краснорѣчивое прощаніе Генриха было переведено и голубой цвѣтокъ названъ: *Vergissmeinnicht*, то есть, *не забывай меня*.»

Такъ гласитъ преданіе, которое жатый усердно и краснорѣчиво сообщаетъ каждому путешественнику. Отъ времени поэтической вымысль обратился въ истину, въ которой никто болѣе не сомнѣвается. Городъ Майнцъ даже гордится своимъ поэтомъ, а мелкая промышленность составила изъ его могилы источникъ своихъ доходовъ, показывая ее, какъ одну изъ достопримѣчательностей города. И дѣйствительно, съ нѣкотораго времени могила эта сдѣлалась предметомъ любопытства и изученія каждого художника и образованнаго туриста. Городъ, по подпискѣ, воздвигъ противъ самаго могильнаго камня, великолѣпный памятникъ Фрауэнлобу. Довольно сказать, что этотъ памятникъ работы Торвальдсена, чтобы объяснить его рѣдкія достоинства. Бѣлый карарскій мраморъ изображаетъ прелестную дѣвушку, осыпающую вѣнками и пезабудками гробницу поэта. Идея, какъ видно, заимствована изъ преданія, выполненіе превосходное. Древній египетскій памятникъ изображаетъ дѣвушекъ, несущихъ его гробъ. По работѣ, довольно хорошо сохранившейся, видно, что скульптура была также не послѣднимъ искусствомъ во времена Краиха и Алберта Дюрера.

БАЛАГУРЪ.

Приглашеніе къ жешить.

Жешить можно без труда,
Но лучше съ толкомъ, гонода!

Есть дача у меня въ столицѣ,
Да въ Лугѣ сто ревизскихъ душъ: —
Благовоспитанной двинци
Необходимъ хорошій мужъ:
И такъ, Messieurs, мон желанья
Проню съ вниманіемъ прочешъ,
И кто имѣть состоянье
Мнѣ предложенье сдѣлать честь.
Во первыхъ, мужа я желаю
Лтъ этакъ въ тридцатѣ, — чтобы онъ
Былъ comme il faut, какъ подобаеъ,
И наконецъ въ меня влюбленъ;
Знать языки, ходить по модѣ,
И постигалъ бы тонко свѣтъ;
Не чуждъ изящнаго въ природѣ,
Отчасти даже былъ поэтъ;
Чтобы считалъ жену подругой,

А не за мебель, не рабой,
И надъ законною супругой
Не возвышалъ бы голосъ свой.
Жена для мужа не игрушка,
Она свободной быть должна,
Вѣдь не пустая-жъ погремужка
Въ быту общественномъ она?
А во вторыхъ, чтобы онъ собою
Былъ очень, очень педурень,
Умѣлъ любезничать цорюю,
И былъ классически сложенъ;
Не ревновалъ меня нисколько,
Свободу предоставивъ мнѣ,
Могъ танцовать оглично польку,
И не мѣшалъ плясать женѣ.
Необходимо, чтобы мой мужъ
Былъ человекъ волюмъ съ душою;
Но главное ревизскихъ душъ
Нивѣлъ побольше за собою,
А если душъ нѣтъ — капиталъ —
(Въ супружествѣ пунктъ очень важный,)
Такой, чтобы стронть позволялъ
Свободно домъ пяти-этажный —
Messieurs! теперь мнѣ о себѣ
Распространиться ужъ не стыдно,

Я, видите, хвала судьбѣ, Ловка и даже милостива, Стройна, какъ рюмка, высока, И по французски объясняюсь, И такъ, для прихоти, слегка Три раза только въ годъ вноляюсь; Но это pour passer le temps, И то лишь только до замужства. — Не разъ твердила мнѣ татап, Что я двинца съ тонкимъ чувствомъ, Что мужъ гордиться долженъ мой, О! ужь безъ всякаго сомнѣнья: Видь онъ беретъ, Messieurs, за мной Въ придачу дачу и имѣнье. Лѣта мнѣ на что до нихъ! Ихъ сообщу я по секрету — Да и къ чему? какой женихъ Лѣтамъ невесты знаетъ смѣту? Для мужа лишь была-бъ жена, А въ счетъ лѣтъ, какъ въ дѣлѣ шаткомъ, Пускай расчетъ ведетъ она, И все пойдетъ своимъ порядкомъ.

Э. Ловка Жужу.

Одинъ странствующій актеръ, который вздумалъ сыграть въ Англии роль браконьера, былъ схваченъ и приведенъ въ судъ. Одинъ изъ судей спросилъ у него, какое имѣлъ онъ право застрѣлить зайца? Обвиненный, народируя самымъ забавнымъ образомъ знаменитую рѣчь Брута оправдывающаго себя передъ римлянами въ смерти Цезаря, отвѣчалъ такъ: «Англичане, народъ жадный и сластолюбивый! выслушайте мое оправданіе и храните молчаніе для того, чтобы вы могли его выслушать. Вѣрите мнѣ, ради моей чести и уважайте честь мою, ради вашей ко мнѣ довѣренности. Не порицайте меня, мудрые, если чувство вашей справедливости и безпристрастія того не требуетъ, чтобы

вамъ лучше было судить меня. Если есть между вами кто-либо бывший другомъ убитаго зайца, то я скажу ему, что привязанность моя ко всемъ зайцамъ вообще ничуть не меньше его привязанности.

«Если же другъ этотъ спроситъ меня, за что же актеръ такъ жестоко обошелся съ зайцемъ? Я отвѣчу на это: хотя привязанность моя къ нему была велика, но желаніе съѣсть его гораздо больше. И неужели же вамъ пріятнѣе было бы видѣть это животное живымъ, а меня умершимъ съ голоду? Нежели вамъ не веселѣе зрѣть его мертвымъ, а меня сытымъ и здоровымъ? Этотъ заяцъ былъ красивъ — и я сожалѣю объ немъ; онъ былъ молодъ — я этимъ воспользовался, онъ былъ смиренъ — и я чту память его; но какъ я зналъ, что онъ очень вкусенъ — то убилъ и съѣлъ его.

«И такъ, англичане, восплачемъ о зайца, воспользуемся его шкурою и отдадимъ справедливость убищѣ!»

Судьи задумались и оправдали актера.

Нищій съ угрозами требовалъ подающа у старосты своего пріхода: «Если вы не дадите мнѣ денегъ, то я рѣшусь на такое дѣло, которымъ прежде всегда гнушался.» Староста тотчасъ далъ бѣдняку милостыню, началъ увѣщавать его, и наконецъ спросилъ: если бы у тебя не было денегъ, что жъ бы ты сдѣлалъ? — «Я тотчасъ же *накалѣ бы работалъ!*»

Одинъ степенный мандаринъ, бывший на балѣ княгини Ку съ

сожалнвемъ смотрѣль на танцующихъ дамъ, съ которыхъ катался потъ градомъ.

Обратясь къ хозяйкѣ бала, онъ очень умнльно спросилъ: Скажите, пожалуйста, отчего у васъ господа танцуютъ сами, а не заставляютъ слугъ исправлять эту трудную работу?

Бомарше, родившійся въ Парижѣ въ 1732 году, былъ сынъ часоваго мастера и предвзначенъ отцемъ къ тому на мастерству. Но Бомарше имѣлъ мало склонности къ этому занятію и посвятилъ себя музыкѣ, которую страстно любилъ. Прославившій своею «Свадьбою Фигаро» онъ приглашенъ былъ ко двору учить дочерей Людовика XV на арфу и на гитару. Разъ прогуливаясь онъ съ принцессами и маркизомъ де-Бальруа. Последнему вздумалось подшутить надъ Бомарше касательно его происхождения. Вынувъ изъ кармана дорожніе часы, онъ подаль ихъ Бомарше, говоря: «Взгляните, пожалуйста, Бомарше, что сдѣлалось съ моими часами? они все отстаютъ; вѣдь вы должны знать толкъ въ этомъ». Бомарше хладнокровно уронила ихъ такъ, что они разлетѣлись въ дребезги. Бальруа закричалъ въ себя: «Боже мой! какъ вы человекъ!» — Это говорилъ и отецъ мой, сказалъ равнодушно Бомарше: — онъ утверждалъ, что я вовсе негодусь для этого ремесла; потому — то я рѣшился сдѣлаться музыкантомъ и поэтомъ, и вы сами знаете, маркизь, какъ мнѣ удалось вывести на сцену образованныхъ глупцовъ, которые себя считаютъ важными потому только, что постигли искусство вздирать носъ вверхъ и прибавлять себѣ жиру.» — Принцессы засмѣялись и маркизу ос-

тавалось только подобрать обломки часовъ и промотить пинжоло.

Дети просили у своей матери позволенія выкупаться въ рѣкѣ. «Ступайте, да смотрите, если кто утонетъ изъ васъ, тотъ лучше не лѣзайся домой — больно выскучу.»

Голодный нѣмецкій поэтъ написалъ оду на пастеть и поднесъ ее богатому пирожнику. Тотъ позвалъ его обѣдать. Сначала стихотворецъ вѣлъ за троихъ, но аппетитъ его вдругъ пропалъ, когда онъ увидѣлъ, что поданный пастель былъ испеченъ на его одѣ. Поэтъ не могъ удержаться отъ негодованія и осыпалъ пирожника упреками. — Помилуйте, отвѣчалъ хозяинъ: за что же вы сердитесь? Я только отплатилъ вамъ тою же монетою: вы сочинили стихи на мой пастеть, а я поставилъ пастеть на ваши стихи.»

Недавно въ Саксоніи былъ схваченъ убійца. Онъ тотчасъ же сознался въ своемъ преступленіи и показалъ, что по наущенію жены убитаго, которая обѣщала ему пять гульденовъ, онъ подстергъ его въ пролѣскѣ на дорогѣ и застрѣлилъ изъ ружья. Когда судья спросилъ его: какъ онъ могъ изъ за такой бездѣльной суммы совершить такое страшное преступленіе, подсудимый очень хладнокровно отвѣчалъ: «Вотъ то-то и есть, господни судья! когда человекъ велишномъ добръ, онъ готовъ на всякую глупость изъ пустяковъ.»

Въ Парижѣ недавно былъ очень забавный случай съ фокусникомъ. Эскамотеръ, показывая свои штуки на одномъ изъ бульваровъ, увидѣлъ съ своего помоста, какъ другой собрать его по проворству, вытасилъ платокъ у одного изъ зрителей. Фокусникъ обратился къ зрителю и попросилъ у него платка. Зритель ухватился за карманъ и объявилъ, что платокъ у него украли.

— Украли! сказалъ фокусникъ: тѣмъ лучше. Штука моя будетъ еще интереснѣе. Какой у васъ былъ платокъ?

— Шелковый.

— Какого цвѣта?

— Красный, съ желтою каймою.

— Хорошо. Разъ два! три! сказалъ фокусникъ и, повернувъ свой жезлъ на вора, прибавилъ: почтеннѣйшій! поищите у себя въ карманѣ: тамъ долженъ быть платокъ этого господина.

Воръ, скрѣпя сердце, вынулъ платокъ и съ видомъ изумленія отдалъ его фокуснику, который тотчасъ же понесъ его къ хозяину. Но во время его быстрого оборота воръ успѣлъ вытасить его собственный платокъ.

— Милостивый государь! сказалъ фокусникъ обкраденному: чтобъ такая шутка съ вами не повторялась, вы должны дѣлать себѣ карманы подъ фалдою фрака и носить платки самаго страннаго узора, какіе не у всякаго есть — вотъ, какъ у меня, напримѣръ, съ гусями и журавлями.

Сказавъ это, фокусникъ ухватился за карманъ, чтобы достать свой платокъ.

— Чтожъ тутъ страннаго! прервалъ его воръ; гуси и журавли вездѣ есть. . . видите ли, и на моемъ платкѣ есть гуси и журавли!

Фокусникъ онемѣлъ и на этотъ разъ не могъ отнять у вора его добычи.

— Нѣкто Борето, изобрѣлъ во Франціи способъ дѣлать бумагу изъ картофеля. Вотъ это изобрѣтеніе стоитъ чего-нибудь! Остается жемать, чтобы Борето придумалъ средство дѣлать свою бумагу съдобною. Тогда, по крайней мѣрѣ, смѣло можно будетъ полагать, что многие сочинители кормятся своимъ произведеніями и живутъ литературою. Тогда плохіе писакіи не грызли бы зубами рецензіи на свои книги, а просто поѣдали бы ихъ съ солью и сливочнымъ масломъ, приговаривая: «критика ядовитая, а вкусная!» и это не портило бы имъ пищеваренія, какъ теперь.

— Однажды какой-то господинъ, довольно замѣчательной паружности шелъ по Невскому Проспекту.

Вдругъ онъ печально вдали замѣтилъ своего доктора. Не желалъ съ нимъ встрѣтиться, онъ повернулъ въ другую сторону. Но докторъ замѣтилъ это и пустился за нимъ въ догоню.

— Вы, кажется, стараетесь избѣгать со мною встрѣчи? сказалъ докторъ.

— Именно, отвѣчалъ господинъ прекрасной паружности: мнѣ право совѣстно, что я такъ давно не былъ болѣнь.

— Въ Мерзебургъ давали недавно, въ бенефисъ одного актера, Шиллерову трагедію: *Коварство и Любовь*. Но въ афишѣ пьеса названа была «*Стаканомъ лимонада въ паралель къ «Стакану воды» Скриба*». Публика, узнавъ еще въ афишѣ обманъ бенефицианта, освистала актера, игравшаго Фердинанда, при первомъ его выхождѣ. Бенефициантъ вышелъ впередъ и замѣтилъ, что самъ Шиллеръ такъ называлъ свою пьесу въ первой рукописи.

— Можетъ быть! закричалъ голосъ изъ партера: но замѣтъ же прибавлено: въ паралель къ *Стакану воды*? Скрибъ еще не существовалъ, когда писалъ Шиллеръ.

— А кто знаетъ? возразилъ бенефициантъ. Такой отвѣтъ чрезвычайно разсмѣшилъ публику и пьеса пошла своимъ порядкомъ.

Одна бѣдная дѣвушка вышла за мужъ за богатаго вдовца, пожилыхъ лѣтъ. Черезъ нѣсколько времени она начала скучать и сердиться на своего мужа. Однажды кто-то спросилъ ее: довольны ли вы своимъ положеніемъ?

— Нѣтъ! отвѣчала она.

— Отчего же?

— Оттого, что я всегда думала, если выду замужъ за графа, то буду графиней, если за генерала, то буду превосходительство, а если за вдовца, то буду вдовою. Вообразите же мое несчастіе; вотъ уже два года, какъ я обвинялась, а мужъ мой до сихъ поръ еще живъ.

— Однажды Вольтеръ посѣтилъ любимаго въ свое время англійскаго писателя Конгрева. Остроумный французъ наговорилъ хозяину кучу любезностей о его талантѣ, но Конгревъ возразилъ:

— Я желалъ бы, чтобы со мною обходились не какъ съ литераторомъ, а какъ съ образованнымъ джентельменомъ.

Вольтеръ, уколотый этою вспышкой національной гордости, отвѣчалъ тщеславному англичанину:

— Еслибъ я зналъ прежде, что вы не больше, какъ джентельменъ, то, повѣрьте, не пришелъ бы къ вамъ.

— Одинъ молодой литераторъ принесъ къ редактору журнала какую-то драму и просилъ позволенія прочесть ее. Редакторъ согласился. Литераторъ усѣлся въ кресла и началъ читать галиматію, которую онъ называлъ драмою и которой никакъ нельзя было понять. Черезъ два часа чтеніе кончилось.

— Что вы скажете про мою драму? спросилъ литераторъ.

— Редакторъ молчитъ.

— Я думаю, продолжалъ литераторъ: она можетъ произвести большой эффектъ на сценѣ.

Редакторъ молчитъ.

— Да что же вы ничего не скажете, проговорилъ молодой человекъ такимъ голосомъ, въ которомъ выражался и упрекъ, и удивленіе.

— Милостивый государь! сказалъ редакторъ: вы не можете на это сердиться: я слушалъ вашу драму битыхъ два часа, а вѣдь и вы въ ней рѣшительно ничего не сказали.

— Однажды гуляли въ полѣ два друга. Одинъ былъ ботаникъ, другой сельскій хозяинъ. Тутъ же паслось нѣсколько овецъ.

— Любезный другъ, сказалъ ботаникъ: отчего эти животныя такъ гордо поднимаютъ головы?

— Видно оттого, отвѣчалъ сельскій хозяинъ: что нынче шерсть вздорожила.

— Подѣзжайте съ правой стороны: я на лѣвое ухо глухъ.

Судья повиновался и, переѣхавъ на правую сторону, продолжалъ свои жалобы.

— Обратитесь къ министру! сказалъ король.

— Ахъ, государь! отвѣчалъ бѣднякъ: министръ вашъ глухъ на оба уха.

— Фридрихъ I, Король Пруссій, побѣдилъ однажды послѣ порада въ близлежащую королевскую деревню. Сопровождавшій его деревенскій судья сталъ жаловаться королю на упадокъ этой деревни и оставленіе безъ отвѣта всѣхъ его просьбъ о нарядненіи слѣдственной комиссіи. Со скучася этими жалобами, король закричалъ:

— Одному ученому, котораго друзья возвели на степень генія, назначено было воздвигнуть монументъ. По этому случаю работники копали землю близъ большой дороги. Острякъ, который проходилъ каждый день мимо, наконецъ остановился и сказалъ архитектору:

Напрасно вы рвете землю, увѣрю васъ, вы не отыщете никакаго основанія для этого памятника.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 7.

КРАСАВИЦА ИЗВѢРЬ.

КОМЕДИЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Съ французскаго.

А. Ф. Андреева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Вошеронъ, банкиръ.

Эдуардъ, его двоюродный братъ.

Фешероль, другъ Вошерона.

Франсуа, кассиръ.

Дюранъ, слуга Вошерона.

Ернестина, крестная дочь Вошерона.

Антуаннета, { сестры.

Камилла, }

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ конторѣ Бошерона, конторка и бюро на лѣво; столъ на право.

Три двери.

ЕРНЕСТИНА, ПОТОМЪ ДЮРАНЪ, ФРАНСУА.

ЕРНЕСТИНА, (*сидитъ направо у столики*). Что за мысль была у батюшки прислать меня сюда къ моему крестному?... Если-бы еще Жоржъ бывалъ въ конторѣ, когда я здѣсь, а то и того нѣтъ. Добрый Жоржъ! такъ бы и хотѣлось попросить за него крестнаго, да.... (*прислушиваясь*) Что это тамъ? опять шумять?

ДЮРАНЪ, (*выходя изъ кабинета Бошерона*). Это ужасно! просто невыносимо! средства нѣтъ жить съ подобнымъ человѣкомъ?

ЕРНЕСТИНА. Что съ тобой Дюранъ? на кого это ты сердиться! върно на моего крестнаго?

ДЮРАНЪ. Да на кого же больше! онъ цѣлый день кричитъ и бранится изъ-за-какихъ-то дрянныхъ цвѣтовъ, которыя у него украли еще вчера утромъ...

ЕРНЕСТИНА. Прошу покорно; стоитъ изъ чего браниться, но что тамъ еще за шумъ? кажется это Франсуа?

ФРАНСУА, (*выходя изъ кабинета*). Ваши приказанія будутъ исполнены; (*на авансценѣ*) Богъ съ вами, сударь... это награда за 30-ти-лѣтнюю службу!...

ЕРНЕСТИНА. Добрый Франсуа! Крестной батюшка върно и васъ обидѣлъ.

ФРАНСУА. Да, сударыня! я буду принужденъ оставить его!... Я любилъ его, какъ сына... онъ выросъ на моихъ глазахъ... можетъ быть, я умру съ горя, но немогу здѣсь долѣе оставаться!

ЕРНЕСТИНА. Неужели?

ДЮРАНЪ. Да я и самъ лучше отправлюсь Богъ знаетъ куда, чтобъ только невидать его!... Онъ хоть кого выживетъ (*прислушивается*)

вотъ теперь кричитьъ на г-жу Матіась! непонимаю, какъ она еще до сихъ поръ держалась!...

ЕРНЕСТИНА. А вѣдь это въ самомъ дѣлѣ удивительно! мнѣ кажется, что еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ, то у меня достало-бы смѣлости... я не мужчина, конечно, но ужъ я не утерпѣла-бы... я бы сказала ему...

ДЮРАНЪ. Вотъ и онъ самъ. Поговорите-ка съ нимъ.

ЕРНЕСТИНА. Боже мой! онъ самъ! убьгу скорѣй!

(убѣгаетъ въ дверь направо)

II.

ВОШЕРОНЪ, ФРАНСУА, ДЮРАНЪ, ПОТОМЪ ФЕШЕРОЛЬ.

ВОШЕРОНЪ. Хорошо, сударыня, хорошо! Я васъ отпускаю, вы мнѣ не нужны! Франсуа, рассчитайся съ г-жей Матіась, она сегодня же отходить.

ФРАНСУА. Какъ, сударь? Да вѣдь на ея рукахъ весь домъ, все хозяйство.

ВОШЕРОНЪ. Все равно. Вонъ, вонъ сію минуту! она наконецъ вывела меня изъ терпѣнія.

ДЮРАНЪ. (въ сторону). Вывела изъ терпѣнія, котораго никогда не было.

ВОШЕРОНЪ. А ты! лентяй! что ты тутъ дѣлаешь? готовь-ли мой завтракъ!... Ну, чтожъ ты молчишь?

ДЮРАНЪ. Да... я сударь?

ВОШЕРОНЪ. Молчать негодяй!

ДЮРАНЪ. Прошу покорно угодить: молчишь-бранять, слово скажешь-ругаютъ. Эхъ! ужъ лучше-бы было...

ВОШЕРОНЪ. Отойди отъ меня? (Франсуа) Ну убирайся, рассчитайся съ нимъ... я его прогоню!

ДЮРАНЪ. За что-же это? и въ мои лѣта куда я дѣнусь?

ФРАНСУА. Въ самомъ дѣлѣ, сударь, вѣдь онъ человекъ не молодой...

ВОШЕРОНЪ. А! и ты тоже?... твое дѣло быть въ конторѣ! Въ кассѣ денегъ мало, а отчего? Вы слишкомъ важный баринъ, что-бы объ этомъ позаботиться!...

ФРАНСУА. Позвольте...

ВОШЕРОНЪ. Ничего не позволяю! Что вчерашній вексель?...

ФРАНСУА. Я ужъ вамъ докладывалъ, что Жоржъ Бретонъ долженъ былъ получить деньги...

ВОШЕРОНЪ. Жоржъ? И этаго тоже надо выгнать! мальчишка! ничего не дѣлаетъ, и еще осмѣливается рвать цветы! я его проучу... а сколько онъ долженъ былъ получить?

ФРАНСУА. 10,000 франковъ.

ВОШЕРОНЪ. 10,000 франковъ? и еще не возвращаясь? подать на него жалобу! надо его арестовать.

ФРАНСУА. За что же, сударь, онъ честный мальи; на него можно положится! Я самъ ему это поручилъ.

ВОШЕРОНЪ. Ты? тѣмъ лучше! въ случаѣ пропажи, ты мнѣ за него заплатишь.

ФРАНСУА. Я заплачу? да изъ чего мнѣ заплатить? какъ будто я нажился, служа въ вашемъ домѣ. Вашъ покойный батюшка не сказалъ-бы мнѣ этаго, онъ обращался со мной, какъ съ другомъ... А! правды не любите! вамъ нужны лъстецы, только лъстецы... вотъ какъ этотъ...

ВОШЕРОНЪ, (подходя къ нему). Франсуа!

(Франсуа уходитъ).

ДЮРАНЪ. Да... какъ этотъ! (уходитъ въ глубину).

ФЕШЕРОЛЬ, (входит). Что такое? какъ я? въ чемъ дѣло?

III.

ВОШЕРОНЪ, ФЕШЕРОЛЬ.

ФЕШЕРОЛЬ. Я лъстець?... вотъ попалъ, что это случилось съ тобой лобезный другъ?

ВОШЕРОНЪ. Отстань отъ меня.

ФЕШЕРОЛЬ. А, вѣрно эти негодяи тебя разсердили? что мудренаго, они хоть кого такъ взбѣсятъ.

ВОШЕРОНЪ, (вставая сердито, беретъ его за руку). Извини меня! я незнаю, что со мною дѣлается!... я сегодня не въ духъ. Я дурно спалъ... я бы теперь съ удовольствіемъ побилъ какого нибудь.

ФЕШЕРОЛЬ. Ай, ай!

ВОШЕРОНЪ. Да чортъ возьми, все меня бьютъ. На биржѣ завидуютъ моему богатству: въ обществѣ, куда я давно не показывался, смотрятъ на меня, какъ на дикаго звѣря... домъ мой называютъ берлогой.

ФЕШЕРОЛЬ. Э, мой другъ, стоитъ-ли на это обращать внима-
ніе. Меня, напримѣръ, называютъ льстецомъ. — Ну видимое-ли это
дѣло? Меня называютъ льстецомъ! когда я вездѣ говорю правду.
Вотъ хотя-бы ты, напримѣръ: не смотря, что ты горячъ, петерить-
ливъ... это такъ, я тебѣ это и всегда говорю, но ты добръ.

ВОШЕРОНЪ. Не правда-ли?
ФЕШЕРОЛЬ. Я даже говорю больше... я утверждаю, что ты слиш-
комъ добръ! ты можешь сердиться на меня, если хочешь... но ты
слишкомъ добръ, и это порокъ! Вотъ какъ я тебѣ льщу!

ВОШЕРОНЪ. Да, если я добръ, то это совершенно противъ моей
воли... потому что, если весь свѣтъ меня не любитъ, то и я, въ свою
очередь, его терять не могу... я никому не доверяю, это наслед-
ственная моя добродѣтель!... мой отецъ тоже никому не доверялъ
никогда. И за что мнѣ любить людей? что они мнѣ сдѣлали хорошаго?
Нащель-ли я между ними хоть одного друга?

ФЕШЕРОЛЬ. А я? Неблагодарный!
ВОШЕРОНЪ. Ты, ты совсѣмъ дѣло другое. Ты для меня человекъ
нужный!... я подъ твоимъ именемъ даю деньги въ долъ глушцамъ,
которые въ нихъ пуждаются... ты любишь хорошо повѣсть, поштъ.
Я тебя кормлю объдами, пою хорошимъ виномъ.

ФЕШЕРОЛЬ. Шутникъ!
ВОШЕРОНЪ. Но женщины... до сихъ поръ я не могъ найти ни
одной, которая-бы меня любила. Недавно въ оперѣ я замѣтилъ мо-
лоденькую фигурантку... она мнѣ понравилась... миленькое личико.

ФЕШЕРОЛЬ. Еге повѣса!
ВОШЕРОНЪ. Она мнѣ даже очень понравилась. Я написалъ къ ней
довольно цѣнное письмо и послалъ въ 10 часовъ утра. Въ 4 часа
я уже думалъ, что она меня обожаетъ, а въ 8-мъ она мнѣ измѣ-
нила и смѣялась надо мной.

ФЕШЕРОЛЬ. Довольно скоро! впрочемъ, вѣдь это актриса! онъ
всѣ таковы.

ВОШЕРОНЪ. И для кого? для глушца, котораго называютъ кра-
савцемъ, рассчитывая на его богатство, а у него пѣтъ ни су! раз-
зоренъ въ конецъ.

ФЕШЕРОЛЬ. Что ты?
ВОШЕРОНЪ. Его все имѣніе теперь въ моей кассѣ! Ха! ха! ха!
у него не осталось ничего?

ФЕШЕРОЛЬ. Хе! хе! хе! Кто-жъ этотъ повѣса?

ВОШЕРОНЬ. Не твое дѣло! я тебя просилъ къ себѣ не для того...

скажи, пожалуста, въ состоянн-ли ты сдѣлать одно одолженіе?

ФЕШЕРОЛЬ. Конечно! Вотъ вопросъ! въ чемъ же дѣло?

ВОШЕРОНЬ. Я хочу жениться!

ФЕШЕРОЛЬ. Что?.. кто-же эта счастливица?

ВОШЕРОНЬ. Она дочь одного бѣдняка, которому я покровитель-

ствовалъ и помогаль по просьбѣ моей покойной матери, да въ воспитаніе его дочери и образоваль ее для себя, да только для себя.

ФЕШЕРОЛЬ. А, это Эрнестина! дочь Дерома! Я ее сейчасъ видѣль,

она здѣсь!

ВОШЕРОНЬ. Она моя крестная дочь, и прѣехала сегодня поздра-

вить меня съ днѣмъ моихъ именинъ, сегодня мой именинъ...

никто объ этомъ даже и не вспомнилъ, кромь ее.

ФЕШЕРОЛЬ, (въ сторону). Скажи пожалуста! Такъ ты развѣ не-

получилъ моего букета? Быть не можетъ, удивительныя розы! Пре-

лесть; значить, они въ дорогѣ... ихъ еще несутъ!

ВОШЕРОНЬ. Я просилъ Эрнестину остаться, я хочу сегодня-же

предложить ей мою руку и мое имѣніе, мнѣ кажется, двѣвушкамъ

это должно нравиться.

ФЕШЕРОЛЬ. Разумется!

ВОШЕРОНЬ. Ей нужно сказать....

ФЕШЕРОЛЬ. Ничего нѣтъ легче!

ВОШЕРОНЬ. Нѣтъ, это довольно трудно.

Я самъ уже нѣсколь-

ко разъ собирался, да все какъ-то страшно!

ФЕШЕРОЛЬ. Добрякъ!... Милліонеръ, и боится сдѣлать предложеніе

бѣдной двѣушкѣ!...

ВОШЕРОНЬ. Оттого-то я прошу тебя сказать ей, она вѣрно

расположена къ тебѣ...

ФЕШЕРОЛЬ. Разумется, я всегда пользовался расположеніемъ

всѣхъ двѣушечъ.

ВОШЕРОНЬ. Дѣло въ томъ, что ты только открой мое камбурѣ.

ФЕШЕРОЛЬ. Ничего не можетъ быть легче!

ВОШЕРОНЬ. (выходитъ на аван-сцену).

VI.

ТѢЖЕ, ПОТОМЪ ЭДУАРДЪ, ПОСЛѢ ДЮРАНЪ.

ЭДУАРДЪ (за сценой). Чортъ возьми! Я знаю, гдѣ его найти!

ВОШЕРОНЬ (Фешеролю). Эдуардъ! Ни слова о нашемъ разговорѣ!

ЭДУАРДЪ (входя). А! вотъ и онъ, самъ, мой добрый братецъ! здравствуй мой банкиръ! здоровъ-ли? здоровъ! слава Богу! (кланяясь Фешеролю) Мое почтеніе! (всторону). Что за рожи иногда встрѣчаются! (сидясь у бюро). Ты позволяешь?

ВОШЕРОНЪ. Особенно, когда просятъ такъ учтиво, (звонитъ съ соетку у камина).

ФЕШЕРОЛЬ (въ сторону). Опъ не перемонится!

ЭДУАРДЪ. Преснувшись сегодня, я вдругъ вспомнилъ, что у меня въ кошелькѣ нѣтъ ни одного су... тогда я сейчасъ почувствовалъ необходимость посѣтить моего безцѣннаго брата, моего кассира, ростовщика, все, что угодно.. и попросить у него... во-первыхъ, позавтракать.

ВОШЕРОНЪ. Благодарю... но я самъ не завтракалъ.

ЭДУАРДЪ. Да, т е. понимаю, ты еще все на меня сердншься... за это происшествіе въ оперѣ (показывая на Фешероля). Ну, пускай вотъ хоть онъ насъ разсудитъ....

(Фешероль отходитъ).

ВОШЕРОНЪ (звонитъ сильно). Пожалуйста, не безпокойся?

ЭДУАРДЪ. Ну кому-жъ могло придти въ голову, что ты станешь волочиться за фигуранткой.. но я тебя поздравлю, она была очень мила. (Вошеронъ звонитъ и, оборвавъ соетку, брасаетъ ее). По крайней-мѣрь, ты бы долженъ былъ разсказать это мнѣ, какъ родственнику, я-бы научилъ тебя...

ВОШЕРОНЪ. Отвяжись, пожалуйста.

ФЕШЕРОЛЬ (въ сторону). А, такъ это онъ! (Эдуарду). Да, г-нъ Вошеронъ на васъ сердится.

ВОШЕРОНЪ (ходитъ быстро по сценѣ, силась смѣяться, потомъ обращаясь къ Дюрану, который выходитъ изъ глубины).

Чтожъ негодяй! придешь-ли ты наконецъ, тебя дозвонится нельзя!

ДЮРАНЪ. Я, сударь, укладывался, вы меня изволили выгнать!

ВОШЕРОНЪ. Позови сюда Эрнестину, ступай! (Дюранъ уходитъ).

ЭДУАРДЪ. Эрнестину! Что это, банкиръ, у тебя за птичка? А?

ВОШЕРОНЪ. Что?

ЭДУАРДЪ. О! небойся, я тебѣ теперь неопасенъ, мое сердце въ плъну, честное слово... я влюбленъ и серьезно, въ лицегворелную добродѣтель, въ ангела, котораго я отыскалъ...

ВОШЕРОНЪ. Между фигурантками?

ЭДУАРДЪ. Вовсе нѣтъ... я влюбленъ въ молодую дѣвушку

которую зналъ въ роскоши, и которую семейныя несчастія сдѣлали еще интереснѣе... Чудо, что за красавица... ей недостаетъ разве какойнибудь сотни-тысячъ приданого, чтобъ быть достойной вступить въ наше семейство.

вошеронъ. Если ты пришелъ просить моего согласія... эдурдъ (громко). Я пришелъ просить у тебя денегъ, потому что у меня ихъ нѣтъ!

вошеронъ. Денегъ! хорошо, хорошо! (всторону). Теперь моя очередь надъ нимъ посмѣяться.

V.

тѣжѣ, Эрнестина, Дюранъ.

Эрнестина (всторону). Вы меня звали, крестный папенька?

эдурдъ. Какая хорошенькая! (подходя къ ней). Сударыня... (Вошеронъ, становится между ими). Позволь братецъ! я вѣдь

только здороваюсь, это водится во всѣхъ порядочныхъ обществахъ...

вошеронъ. Хорошо, хорошо. Эрнестина! г-нъ Фешероль хочетъ говорить съ вами... я васъ оставлю.

Эрнестина. Съ г-мъ Фешеролемъ? (Фешероль кланяется).

вошеронъ. Да!

эдурдъ (тихо Вошерону). Послушай, этотъ разговоръ ей кажется не совсѣмъ приятенъ, ты бы могъ выбрать когонибудь получше, покрасивѣе...

вошеронъ. Не тебя-ли? я еще долженъ съ тобой расчитаться.

эдурдъ. Полно, что за счеты! дай мнѣ только денегъ, и прикажи подать завтракъ.

вошеронъ (Эрнестинѣ). До свиданія! (показывая на Фешероля). Выслушайте его!

эдурдъ (раскланиваясь). Сударыня! до пріятнаго свиданія!

вошеронъ. Пойдемъ.

эдурдъ. Иду, иду. Мы расчитаемся за завтракомъ.

дюранъ (входя). Васъ ждутъ, сударь, просители.

вошеронъ. Пускай ждутъ! (съ Эдуардомъ уходитъ налево).

дюранъ. (уходя). Медвѣдь!

VI.

ФЕШЕРОЛЬ, ЭРНЕСТИНА.

ФЕШЕРОЛЬ (*всторону*). Глупѣйшее порученіе!

ЭРНЕСТИНА (*всторону*). О чемъ онъ хочетъ со мной говорить!

ФЕШЕРОЛЬ. Сударыня (*движеніе Эрнестины*). Успокойтесь! то, что я хочу сказать вамъ, вовсе не должно пугать васъ, даже напротивъ...

ЭРНЕСТИНА. Но сударь... ради Бога!... о чемъ вы хотите со мною говорить?

ФЕШЕРОЛЬ. О вашемъ счастье, или, иначе сказать, о любви!

ЭРНЕСТИНА (*смотря на него*). Что это значить?

ФЕШЕРОЛЬ. Дѣло идетъ о замужствѣ...

ЭРНЕСТИНА (*съ испугомъ*). Какъ? о замужствѣ?

ФЕШЕРОЛЬ. Не бойтесь, я говорю не о себѣ.

ЭРНЕСТИНА (*успокоясь*). А! въ такомъ случаѣ... (*всторону*) Какъ онъ меня испугалъ.

ФЕШЕРОЛЬ. Если-бъ вамъ предложили мужа, которой-бы вамъ нравился...

ЭРНЕСТИНА. Я бы за него вышла, но можетъ быть это тотъ молодой чловѣкъ, который выцѣлъ вмѣстѣ съ моимъ крестнымъ отцемъ?

ФЕШЕРОЛЬ. Эдуардъ? нѣтъ, онъ бѣденъ, ничего неимѣетъ; а тотъ, о комъ я вамъ говорю, богатъ, даже очень богатъ! (*всторону*) Я весьма удачно сдѣлалъ удареніе на слово очень.

ЭРНЕСТИНА. Неужели (*всторону*) Значить онъ говоритъ не о Жоржѣ! бѣдный Жоржъ!

ФЕШЕРОЛЬ. Если-бъ это былъ напиримвръ...

ЭРНЕСТИНА. Кто?

ФЕШЕРОЛЬ. Вошеронъ!

ЭРНЕСТИНА. Мой крестный? нѣтъ этого быть можетъ, вы вриво шутите...

ФЕШЕРОЛЬ. Я серьезно говорю...

ЭРНЕСТИНА. Боже!

ФЕШЕРОЛЬ. Онъ вамъ нравится?

ЭРНЕСТИНА. Ни мало!

ФЕШЕРОЛЬ. Такъ неужели вы ему откажете?

ЭРНЕСТИНА. Разумется!

ФЕШЕРОЛЬ (*в сторону*). Чортъ возьми! (*ей*) Однако-жь, вы должны его любить.

ЭРНЕСТИНА. Да, можетъ быть, по какъ крестнаго отца.

ФЕШЕРОЛЬ. Ну, а какъ мужа?

ЭРНЕСТИНА. Никогда!

ФЕШЕРОЛЬ. Отчего-же?

ЭРНЕСТИНА. Перестаньте шутить! не пугайте меня, вѣдь вы сами знаете, что его все ненавидятъ, и мнѣ кажется, что если-бъ я точно должна была выдти за него замужъ, я просто умерла бы съ отчаянія.

ФЕШЕРОЛЬ (*в сторону*). Худо! (*ей*). И такъ ему надо сказать, что вы совершенно отказываетесь отъ его предложенія.

ЭРНЕСТИНА. Нѣтъ, нѣтъ, этого не говорите, а такъ... дайте только ему заметить, что я хочу возвратиться къ батюшкѣ, что я вовсе нехочу еще за мужъ.

ФЕШЕРОЛЬ. Онъ этому не повѣритъ.

ЭРНЕСТИНА. Вѣдь нельзя же ему сказать, что я люблю другаго!

ФЕШЕРОЛЬ. Другаго?

ЭРНЕСТИНА. И если-бъ я никого не любила, то все-таки поступила-бы точно такъ-же.

ФЕШЕРОЛЬ. Бѣдный Вошеронъ! (*Вошеронъ тихо отворяетъ дверь, выглядываетъ и тихо кланяется*) А! (*тихо Эрнестинѣ*) Это онъ! Оставайтесь!

ЭРНЕСТИНА. Ахъ! (*прячется за Фешероля*).

VII.

ВОШЕРОНЪ, ФЕШЕРОЛЬ, ЭРНЕСТИНА.

ВОШЕРОНЪ. Можно войти?

ФЕШЕРОЛЬ. Конечно можно! (*в сторону*). Вотъ задача-та! Пускай она сама объяснится съ нимъ! Я на это перышусь! Онъ такъ взбѣсится, что... у меня ужъ и теперь сердце не намѣсть.

(*Эрнестина уходитъ нальво*).

ВОШЕРОНЪ. Ну что? какъ?

ФЕШЕРОЛЬ. Вапа крестница сама вамъ все объяснить (*обращаясь къ ней*). Что же это? ея ужъ нѣтъ!

- ВОШЕРОНЪ. Эрнестина?... Ея нѣтъ! она ушла!
- ФЕШЕРОЛЬ. А! она ушла. (*всторону*), Мнѣ тоже ужасно хочется уйти! (*идетъ къ дверямъ*).
- ВОШЕРОНЪ (*удерживая его*). Что это? и ты уходишь. Куда?
- ФЕШЕРОЛЬ. Я? нѣтъ! напротивъ, я...
- ВОШЕРОНЪ. Ну что же, ты говорилъ?
- ФЕШЕРОЛЬ (*перебивая*). А твой братъ, Эдуардъ, гдѣ онъ?
- ВОШЕРОНЪ. Я приказалъ подать ему завтракъ.
- ФЕШЕРОЛЬ. Какъ ты добръ! Боже мой, даже невѣроятно, какъ ты добръ!
- ВОШЕРОНЪ (*удерживая его*). Ты ей говорилъ?
- ФЕШЕРОЛЬ. Да, да, я...
- ВОШЕРОНЪ. Что-жъ она?
- ФЕШЕРОЛЬ. Она...
- ВОШЕРОНЪ (*смотря на него*). Да, чтожъ она?
- ФЕШЕРОЛЬ (*замыкаясь*). То есть... ты?
- ВОШЕРОНЪ. Ея отвѣтъ!
- ФЕШЕРОЛЬ. Ея отвѣтъ! да, то есть, что она отвѣчала, но вѣдь ты самъ знаешь, эти молодыя дѣвушки... это такъ, знаешь... вѣтеръ... и къ тому же...
- ВОШЕРОНЪ. Она отказала?
- ФЕШЕРОЛЬ. Я ей говорилъ о тебѣ, какъ можно хуже, что ты добръ!... что ты богатъ!... вотъ какъ я тебѣ льщу!
- ВОШЕРОНЪ. Она отказала?
- ФЕШЕРОЛЬ. Что ты ее любишь, что ея счастье зависитъ отъ этаго брака...
- ВОШЕРОНЪ. Она отказала?
- ФЕШЕРОЛЬ. Что ты? какъ отказала? можно-ли это? но... она только просить у тебя позволенія вѣхать домой....
- ВОШЕРОНЪ (*опускаясь въ кресла*). Пускай вѣдетъ! — мнѣ тяжело ее будетъ видѣть! Пускай уѣдетъ! Неблагодарная!
- ФЕШЕРОЛЬ (*всторону*). Да онъ молодцомъ проглотилъ шлюлю... я и не думалъ....

УШ

ТѢЖЕ, ФРАНСУА.

ФРАНСУА, (*входитъ съ бумагами*). Неудобно-ли будетъ...

ВОШЕРОНЬ. Что тебе еще надо? мнѣ не дають и минуты покоя!

ФРАНСУА. Я пришелъ вамъ сказать на счетъ того векселя, который былъ вверенъ Жоржу.

ВОШЕРОНЬ. Что-жь онъ? вернулся? ты ему откажешь отъ мѣста!

ФРАНСУА. Нѣтъ, сударь, Жоржъ не вернулся, да и не вернется!

ВОШЕРОНЬ. Что?

ФРАНСУА. Этотъ несчастный молодой человекъ писалъ ко мнѣ....

ВОШЕРОНЬ. Писалъ?... понимаю, значить онъ воръ!..

ФРАНСУА. Нѣтъ, онъ только игрокъ!..

ВОШЕРОНЬ. Онъ воръ... его нужно засадить въ тюрьму, подать на него жалобу.

ФРАНСУА. Конечно, если-бъ онъ укралъ.

ВОШЕРОНЬ. Все равно... я такъ хочу.

ДЮРАНЬ, *(входитъ)*. Г-нъ Вошеронъ!

ВОШЕРОНЬ. Что тамъ еще? что тебе нужно?

ДЮРАНЬ. Двѣ дамы желаютъ говорить съ вами.

ВОШЕРОНЬ. Пошелъ! я не могу никого видѣть! *(Франсуа)* Нужно требовать, чтобъ его арестовали....

ФРАНСУА. Прочтите это письмо, въ которомъ онъ сознается въ своемъ проступкѣ.

ВОШЕРОНЬ. Стану я читать глупыя оправданія! его нужно наказать примерно! *(ходитъ сердито и рветъ письмо)*.

ФРАНСУА. Онъ бѣднякъ, безъ всякаго состоянія, его семейство....

ВОШЕРОНЬ. Ты его еще оправдываешь? Ты-бы самъ значить сдѣлалъ тоже на его мѣстѣ?

ФРАНСУА, *(обидясь)*. Вы меня оскорбляете!

ВОШЕРОНЬ. Ты всегда и во всемъ мнѣ противорѣчишь! ты такой-же неблагодарный, какъ и всѣ!

ФРАНСУА. Я неблагодарный? и послѣ того, какъ я, не смотря на всѣ ваши несправедливости, на вашъ раздражительный характеръ....

ВОШЕРОНЬ. Молчать!

ФРАНСУА. Нѣтъ, сударь! Я не буду молчать! а если вы и меня тоже захотите выпнать изъ дому...

ВОШЕРОНЪ. Такъ я-же тебя не удерживаю.

ФРАНСУА. То я вамъ скажу, что вы...

ВОШЕРОНЪ. Я тебя приказываю молчать!

ФРАНСУА. Что вы только и любите дѣлать злое: что васъ все ненавидятъ....

ВОШЕРОНЪ. (опрокидывая стулъ). Замолчишь-ли ты?

ФЕШЕРОЛЬ. Мой другъ....

ФРАНСУА, (отступалъ отъ страха). Что вы просто звѣрь!

ВОШЕРОНЪ. Несчастный ты осмѣлился! этого тебя никогда не прощу!... войди отсюда! чтобъ я тебя больше никогда не видалъ!

IX.

ТЪ-ЖЕ ЭРНЕСТИНА, ПОТОМЪ АНТУАННЕТА, КАМИЛЛА

ЭРНЕСТИНА, (вбѣгая). Я прибѣжала сказать вамъ....

ВОШЕРОНЪ. (подходя къ ней, она отступаетъ). Что вамъ нужно сударыня? кто васъ звалъ?

ЭРНЕСТИНА. Простите меня... если-бъ я знала... (тихо Фешеролю) Что вы ему сказали?

ФЕШЕРОЛЬ. (тихо ей). Что онъ вамъ вовсе не нравится.

ЭРНЕСТИНА. (ему тихо смотря на Вошерона). Какъ-же это можно!

ВОШЕРОНЪ. Ну, чтожь вамъ наконецъ нужно? что вы молчите?

ЭРНЕСТИНА. Дюранъ вѣрно ужъ говорилъ вамъ, что двѣ дамы желаютъ говорить съ вами.

ВОШЕРОНЪ. А я этого вовсе не желаю!

ЭРНЕСТИНА. Двѣ дамы дѣвушки....

ВОШЕРОНЪ. Мнѣ все равно... нехочу....

ДЮРАНЪ, (тихо Эрнестинѣ). Я скажу имъ: чтобы онъ вошли....

ФЕШЕРОЛЬ. Успокойся, мой другъ....

ВОШЕРОНЪ. Къ чорту! Я бы желалъ теперь всѣхъ къ нему отравить!

ЭРНЕСТИНА, (сторону): Какъ онъ противень, когда сердится!
(идетъ къ Антуанетъ и Камилла и даетъ знакъ войти).
ВОШЕРОНЪ, (Дюрану): Скажи г-жѣ Матіасъ, чтобы она была
готова проводить Эрнестину домой...

ДЮРАНЪ. Г-жѣ Матіасъ! Да вѣдь вы ей отказали! Она готовит-
ся съезжать... тоже, какъ и я... и Франсуа. И какъ я...

ВОШЕРОНЪ. Тѣмъ лучше!... (въ сторону) Я остаюсь совершенно
однѣнъ... (садится направо. Камилла входитъ и приближается
къ нему).

АНТУАННЕТА. Можно видѣть г. Вошерона?

ВОШЕРОНЪ, (не смотря). Его нѣтъ дома!
ФЕШЕРОЛЬ, (тихо смѣется). Хе! хе, хе!

КАМИЛЛА. Но позвольте....

ВОШЕРОНЪ, (нетерпливо). Я вамъ говорю, что его нѣтъ до-
ма... вы можете уйти... XI

КАМИЛЛА, (страхъ). Ухожу, ухожу....

АНТУАННЕТА. Если его нѣтъ дома, то можно и подождать...

ВОШЕРОНЪ. Нѣтъ! онъ сегодня не вернется...

АНТУАННЕТА, (въ испугъ). Такъ мы придемъ въ другой разъ!...
(хочетъ идти съ Камиллой).

ЭРНЕСТИНА, (тихо Антуанетъ). Да это самъ Вошеронъ!
онъ самъ!...

АНТУАННЕТА. Онъ самъ! О! въ такомъ случаѣ... (Камилла).
Подожди! (подходя къ Вошерону).

ВОШЕРОНЪ. Кого же вамъ опять нужно?

АНТУАННЕТА. Г-на Вошерона! мнѣ необходимо нужно говорить
съ нимъ....

ВОШЕРОНЪ (вставая съ нетерпениемъ). Это выше всякаго
терпѣнія! я вамъ вѣдь ужъ сказалъ....

АНТУАННЕТА. И я не уйду отсюда, пока его не увижу.

ВОШЕРОНЪ, (съ удивлениемъ). А!

ЭРНЕСТИНА, (тихо Антуанетъ). Вотъ такъ! смѣли!

ВОШЕРОНЪ, (Антуанетъ). Сударыня... вы можете говорить...
я слушаю....

АНТУАННЕТА. Мнѣ нужно говорить только съ вами....

ВОШЕРОНЪ, (удивляясь). Со мной однимъ! (даетъ знакъ Фе-
шеролю).

ФЕШЕРОЛЬ, *(беретъ руку Эрнестины)*. То есть, чтобы мы з...
понимаю... до свиданія, мой другъ...

ЭРНЕСТИНА, *(Антуаннетъ тихо)*. Сильней!

ВОШЕРОНЬ. Франсуа! прежде, чѣмъ приготовишь отчетъ, и оставишь мой домъ, напиши жалобу королевскому прокурору...
КАМИЛЛА, *(въ волненіи)*. Боже мой!...

АНТУАННЕТА. *(дѣлалъ ей знакъ молчать)*. Я вся дрожу! у меня нѣтъ силы сказать...

(Фешероль, Эрнестина и Франсуа уходятъ)

X.

ВОШЕРОНЬ, АНТУАННЕТА И КАМИЛЛА.

КАМИЛЛА. *(Антуаннетъ)*. Ахъ, какъ мнѣ страшно!

АНТУАННЕТА. Я тоже ужасно боюсь!

ВОШЕРОНЬ. *(сидя)*. Теперь мы одни... что же вамъ угодно?

КАМИЛЛА. Мы пришли... *(Антуаннетъ)*. Говори пожалуйста...

Я незнаю, что сказать.

ВОШЕРОНЬ. Я васъ слушаю...

АНТУАННЕТА. *(подходл)*. Мы.. двѣ бѣдныя дѣвушки... немѣемъ ни защиты — ни покровителей, мы очень несчастны.

ВОШЕРОНЬ. Чтожъ вамъ отъ меня угодно?

АНТУАННЕТА. Мы имѣемъ только одного друга...

ВОШЕРОНЬ. Далѣе!

АНТУАННЕТА. Вы его знаете!

ВОШЕРОНЬ. Можетъ быть!

АНТУАННЕТА. И этотъ единственный другъ нашъ братъ!

ВОШЕРОНЬ. Кто же онъ?

АНТУАННЕТА. Его зовутъ Жоржъ... Жоржъ Бретонъ!

ВОШЕРОНЬ. Жоржъ! онъ воръ!

КАМИЛЛА. О! сударь!

АНТУАННЕТА. Ради Бога, не называйте его этимъ именемъ...

ВОШЕРОНЬ. Какъ-же вы хотите, чтобы я его не называлъ, когда онъ у меня укралъ...

КАМИЛЛА. Укралъ!...

АНТУАННЕТА. Умоляю васъ, выслушайте меня, я вамъ все раз-

скажу... Нашъ братъ воспитанъ въ довольствѣ, приученъ подобно намъ, къ роскоши и удовольствіямъ... Видя нашу нужду, видя наши лишенія, онъ хотѣлъ чѣмъ нибудь пособить намъ; онъ всегда насъ такъ любилъ! увлеченный примѣромъ своихъ товарищей... онъ сталъ играть въ карты... но онъ благороденъ, честенъ, онъ надѣялся выиграть.

ВОШЕРОНЪ. Все они такъ надѣются...

КАМИЛЛА. Онъ это сдѣлалъ только для насъ... то есть, для меня одной... я надѣялась скоро выдти за мужъ, и для того, чтобъ доставить мнѣ возможность имѣть приданое, онъ хотѣлъ бы имѣть миллионъ...

ВОШЕРОНЪ. Бѣздѣлица, миллионъ!

КАМИЛЛА. Онъ такой добрый!...

ВОШЕРОНЪ. Добрый! добрый!... не для васъ ли онъ воровалъ у меня цветы?... Онъ каждый день обрывалъ у меня лучшія розы...

АНТУАННЕТА. Да... съ!... это для меня! (*Вошеронъ, смотря на нее*) я нелюблю ни роскоши, ни нарядовъ, мнѣ довольно было одной розы, чтобы быть счастливой!...

ВОШЕРОНЪ, (*слушая со вниманіемъ*). А, такъ это было для васъ!

АНТУАННЕТА. За каждый цвѣтокъ я эго награждала поцѣлуемъ.

ВОШЕРОНЪ. Вы очень любите вашего брата?

КАМИЛЛА. Мы его обожаемъ!

АНТУАННЕТА. Представьте себѣ наше отчаяніе, когда сегодня утромъ мы получаемъ отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что имѣлъ несчастье — издержать чужія деньги, полученные по векселю.

ВОШЕРОНЪ. Вы называете это несчастьемъ?

АНТУАННЕТА. Конечно, онъ проигралъ ихъ... Скрываясь отъ преступленія, онъ ожидаетъ вашего рѣшенія, отъ котораго зависитъ его участь... она для него *жизнь* или *смерть*! Да, *смерть*, потому что онъ скорѣй умертвитъ себя, чѣмъ позволить арестовать.

КАМИЛЛА. Да, онъ это намъ пишетъ... и я увѣрена, что исполнить.

ВОШЕРОНЪ. (*Антуаннетѣ*). Продолжайте!...

АНТУАННЕТА. Прочитавъ его письмо, мы поплакали съ сестрой, и какъ намъ неоткуда достать такой суммы денегъ, то, зная что вы богаты, добры и вѣрно столькоже великодушны.

КАМИЛЛА. Мы и обратились къ вамъ, мы были увѣрены...

ВОШЕРОНЪ. Продолжайте...
 АНТУАННЕТА. Мы были увѣрены, что прося у васъ помилованія нашему брату... О, умоляю васъ на колынахъ, (*становится обѣ на колына. Вошеронъ удерживалъ — смотритъ на ихъ*).
 ВОШЕРОНЪ, (*Камилла*). Сядьте тамъ...

(*показывая вдали стулъ*).

КАМИЛЛА. Какъ сударь?

ВОШЕРОНЪ. Я васъ прошу.

КАМИЛЛА. Но сестрица.

ВОШЕРОНЪ. Я этого хочу. (*Камилла садится. Вошеронъ подходитъ къ Антуаннетѣ*). Вашъ братъ виновенъ... онъ меня обокралъ!... (*движеніе Антуаннеты*) да обокралъ: и теперь просьба о его преслѣдованіи должна уже быть готова...

КАМИЛЛА, (*приближаясь*). О сударь!

ВОШЕРОНЪ, (*Камилла*). Сидите! (*Антуаннетъ*), Денегъ мнѣ нежаль... цветы... онъ ихъ рвалъ для васъ! Вы однѣ можете спасти его.

АНТУАННЕТА. О! ради Бога! говорите, чтожъ я должна сдѣлать?

ВОШЕРОНЪ. У васъ нѣтъ состоянія, и вы не надѣетесь приобрѣсти его... я одинокъ, богатъ и... несчастливъ... никто обо мнѣ не заботится, все меня боятся, мой домъ будто проклятъ. Скоро я останусь совершенно одинъ... останетесь со мною... (*Антуаннета дѣлаетъ движеніе*). Что же? одно мое предложеніе васъ испугало?

АНТУАННЕТА. Нѣтъ... по...

ВОШЕРОНЪ. Понимаю. Я вижу, какъ вы на это смотрите. Я предлагаю вамъ быть моей сестрой, моею дочерью, домоправительницей... чѣмъ угодно... Вотъ мое условіе, и оно неизмѣнно... Теперь говорите, согласны-ли вы? да или нѣтъ?

АНТУАННЕТА. Но!...

ВОШЕРОНЪ. Да или нѣтъ?

КАМИЛЛА. Но я...

ВОШЕРОНЪ, (*Камилла*). Сударыня, сдѣлайте одолженіе, подпишите! (*Антуаннетъ*). Вашъ братъ избежитъ преслѣдованій... его нужно будетъ удалить... на нѣсколько времени.. никто и не узнаетъ о его проступкѣ .. и все это зависитъ отъ васъ! — Возвратить мнѣ эти деньги вы не въ состояніи... Но вы встревожены... можетъ быть, вамъ нужно время обдумать, рѣшиться... (*Антуаннета молча*

дѣлаешь знакъ согласія). Извольте, я вамъ даю 10-ть минутъ, по истеченіи ихъ, вы мнѣ скажите только одно слово: да, или нѣтъ, вотъ хоть на этой бумажкѣ (показывая на столѣ). Вы мнѣ напишите вашъ отвѣтъ... возвратясь, я узнаю. Да, или нѣтъ!... до свиданія! (идя къ дверямъ и остановясь). Да, или нѣтъ! (уходитъ).

XI.

КАМИЛЛА И АНТУАННЕТА, (со слезами смотрятъ другъ на друга).

АНТУАННЕТА. Что намъ дѣлать?

КАМИЛЛА. Ахъ, какой онъ страшный!

АНТУАННЕТА. Я вся дрожу! Мнѣ кажется, что все это я вижу во снѣ! Мнѣ остаться здѣсь, въ этомъ домѣ? и съ этимъ человѣкомъ, похожимъ на медвѣдя... Нѣтъ! Это невозможно! Я на это никакъ не рѣшусь!

КАМИЛЛА. Какой онъ противный!

АНТУАННЕТА. Онъ говорятъ такъ сердить, золь, его все боятся!

КАМИЛЛА. И какъ же не бояться! когда онъ заговорилъ, мнѣ чуть не сдѣлалось дурно отъ испуга!

АНТУАННЕТА. А бѣдный Жоржъ! онъ ждетъ нашего отвѣта!

КАМИЛЛА. Къ кому теперь обратиться? кого просить?

АНТУАННЕТА. И когда Жоржъ узнаетъ, что я могла спасти его, что я могла... но нѣтъ... онъ и самъ-бы никогда не позволилъ мнѣ согласиться на подобное предложеніе.

КАМИЛЛА. Безъ нашей помощи онъ погибнетъ...

XII.

ТѢЖЕ И ЭДУАРДЪ.

ЭДУАРДЪ. Теперь, чертъ возьми! что будетъ то будетъ! я пока славно позавтракалъ!

АНТУАННЕТА Кто-то вошелъ! уйдемъ сестрица!

КАМИЛЛА. Да это кажется...

ЭДУАРДЪ. (кланяясь). Сударыни... кого я вижу?

АНТУАННЕТА. Боже мой! Эдуардъ! Это вы?

Эдуардъ. Антуаннета! Вы здѣсь! какой случай, или лучше сказать, какое счастье привело васъ?

Антуаннета. Ни то, ни другое. Мы пришли сюда...

Камилла. Мы пришли, чтобъ... (*удерживая*). Не говори объ этомъ ни слова, никто не долженъ знать этого, ни онъ, ни Эрнестина...

Эдуардъ. Вы говорите, что пришли, чтобъ...

Антуаннета. Чтобъ просить г-на Вошерона объ одномъ дѣлѣ, но онъ отказалъ.

Эдуардъ. Какъ?

Антуаннета. Васъ это удивляетъ?

Эдуардъ. Напротивъ, меня бы удивило, еслибъ онъ исполнилъ вашу просьбу.

Антуаннета. Но вы здѣсь! само небо посылаетъ васъ... простите, что я тотчасъ же обратилась къ вамъ съ просьбою!

Эдуардъ. О, говорите, говорите. Вы сами знаете, какъ я желаю приобрести вашу довѣренность, дружбу или, лучше сказать, вашу...

Антуаннета, (*быстро*). Признательность.

Эдуардъ. Вы окончили мою мысль.

Камилла, (*тихо Антуаннетѣ*). Объясни ему все, сестрица, а я пойду скорѣй къ Жоржу, скажу, чтобы онъ надѣялся... (*громко*). До свиданія г-нъ Эдуардъ, вы наша единственная надежда.

Антуаннета. Да, да, ступай скорѣй! его нужно утѣшить, онъ бѣднѣйка въ страшной неизвѣстности!

(*Камилла уходитъ*).

XIII.

АНТУАННЕТА И ЭДУАРДЪ.

Антуаннета, (*всторону*). Какъ мнѣ ему сказать! просить его? Боже мой! какъ страшно!

Эдуардъ, (*подходя къ ней*). Что-жъ, безцѣнная Антуаннета... вы мнѣ хотѣли что-то сказать... просить объ услугѣ...

Антуаннета. Я на васъ надѣюсь...

Эдуардъ. И я то-же!... но не бойтесь же, говорите... вы ведь знаете, какъ я васъ люблю...

Антуаннета. Это-то мнѣ и даетъ болѣе смѣлости обратиться

именно къ вамъ... вотъ въ чемъ дѣло... намъ нужно... даже намъ очень нужно....

Эдуардъ. Вамъ очень нужно?

Антуаннета, (*всторону*). Я незнаю, какъ ему сказать!

Эдуардъ. Что же?... посмотрите на меня, дайте мнѣ вашу руку и скажите, что же вамъ нужно? все сейчасъ явится.

Антуаннета. Намъ необходимо нужно... (*всторону*). Нѣтъ, я не рѣшусь сказать!...

Эдуардъ. Ну что-же вамъ необходимо нужно?

Антуаннета, (*тихо*). Денегъ!

Эдуардъ. Какъ?... что? что вы сказали?

Антуаннета, (*громко*). Денегъ.

Эдуардъ. Де... де... денегъ? (*всторону*). Чортъ возьми! ужь этаго-то никакъ не ожидалъ! (*ей*) Да, да, разумѣется! конечно вы очень хорошо сдѣлали, что обратились къ одному изъ друзей вашихъ, прямо ко мнѣ....

Антуаннета. Не правда-ли? къ тому-жъ я знала, что вы меня любите, и что вы богаты, вѣдь вы сами мнѣ говорили...

Эдуардъ. Богатъ;.. конечно богатъ.

Антуаннета, (*ближе къ нему*). Эдуардъ! просьба моя можетъ показаться вамъ странною, но исполнивъ ее, вы меня осчастливите!

Эдуардъ. Осчастливить васъ! да! Это единственное мое желаніе! (*всторону*). Чортъ возьми! я и самъ бы готовъ предложить ей все... кромѣ денегъ!... (*ей*) А много вамъ нужно денегъ?

Антуаннета. О! много! — очень много!

Эдуардъ, (*всторону*). Чортъ возьми. (*ей*) Но однако-жъ... сколько именно?

Антуаннета. 10,000 франковъ. (*движеніе Эдуарда*). Можетъ быть это уже слишкомъ много?

Эдуардъ. О! это бѣздельца, когда есть деньги... (*всторону*) и особенно, когда ихъ нѣтъ!

Антуаннета. Мы ихъ вамъ возвратимъ со временемъ.

Эдуардъ. Помилуйте! (*всторону*). Лучше-бъ, если-бъ она могла мнѣ впередъ заплатить!...

Антуаннета. Если-бъ вы знали, какъ меня этимъ обяжете!...

Эдуардъ. Да! да!... понимаю... но скажите, пожалуйста, для чего-жъ вамъ нужно столько денегъ?...

Антуаннета. О! ради Бога, не спрашивайте объ этомъ... ни теперь... никогда!

ЭДУАРДЪ. Вы мнѣ не хотите сказать?

АНТУАННЕТА. Я не могу, не должна вамъ сказать.

ЭДУАРДЪ. А понимаю! тутъ есть какая нибудь тайна, которую я долженъ уважать!

АНТУАННЕТА. Но можетъ быть у васъ нѣтъ такой суммы?

ЭДУАРДЪ. О, нѣтъ... къ тому-жъ я здѣсь въ домъ моего родственника... банкира, и обратясь къ нему...

АНТУАННЕТА. Только ради Бога ни слова обо-мнѣ! не говорите, что я...

ЭДУАРДЪ. Будьте покойны, не скажу ни слова! — Но какія отношенія могутъ быть между вами и Вошерономъ?... (*видя ея смущеніе*). Нѣтъ, простите, я у васъ болѣе ничего не спрашиваю; я буду ждать!

АНТУАННЕТА. (*подавая руку*). Благодарю васъ!

ЭДУАРДЪ, (*цѣлуя руку*). Антуаннета!

АНТУАННЕТА. Это кажется опъ! я уйду! ахъ! я и забыла мой отвѣтъ... (*у бюро пишетъ*).

ЭДУАРДЪ. Она къ нему пишетъ! это что-то не даромъ! (*показывая на дверь на право*). Подождите въ этой комнатѣ, и будьте во мнѣ увѣрены.

АНТУАННЕТА. О, какъ всегда! (*уходитъ направо*).

XIV.

ЭДУАРДЪ И ВОШЕРОНЪ.

ЭДУАРДЪ. (*всторону*). Впрочемъ что-жъ?... Исполнивъ это, я приобретаю ея благодарность... а съ благодарностію можно далеко уйти...

ВОШЕРОНЪ. (*подходя къ бюро и увидя Эдуарда*) А? ты еще здѣсь!

ЭДУАРДЪ. Какъ это любезно! я обязанъ былъ сказать тебѣ....

ВОШЕРОНЪ. Что?

ЭДУАРДЪ. Что у тебя можно славно позавтракать.

ВОШЕРОНЪ, (*смотря на бюро*). Что-жъ? развѣ я скупу?

ЭДУАРДЪ. Кто-жъ это говорить? я даже думалъ, что ты напротивъ.... (*Вошеронъ беретъ съ бюро бумажку*) Эге! да они кажется ведутъ между собою переписку (*ему*). Я полагаю, что ты

очень щедръ! (*читая изъ-за плеча*). «Нѣтъ!» какъ это коротко и ясно! (*Вошеронъ молча мнетъ бумажку*). «Нѣтъ!» — что-же это значить!

вошеронъ, (*обращаясь*). Что ты говоришь? Эдуардъ. Что въ знакъ моего уваженія и довѣренности, я прошу у тебя... вошеронъ. Ничего не получишь! Эдуардъ. Я прошу одолжить мнѣ 20,000 фр.; мнѣ очень нужно.

вошеронъ. Очень жаль!

Эдуардъ. Только въ займы.

вошеронъ. Не дамъ.

Эдуардъ. Ну съ процентами.

вошеронъ. Еще меньше!

Эдуардъ. Хоть по 12-ти процентовъ!

вошеронъ. Ни за двадцать!

Эдуардъ. Но какъ ты даешь подь именемъ Фешероля...

вошеронъ. Это ложь! выдумка! я даю деньги кому хочу, и безъ процентовъ, а тебѣ не дамъ!

Эдуардъ. И все это изъ-за этой фигурантки!

вошеронъ. Посмотримъ! полюбитъ ли она тебя безъ денегъ.

Эдуардъ. А на тебя и съ деньгами никто смотреть не хочетъ.

вошеронъ. Какая дерзость!

XV.

ТѢЖЕ, ФЕШЕРОЛЬ, АНТУАНЕТА, ЭРВЕСТИНА, ДЮРАНЪ, КАМИЛЛА, ФРАНСУА,
(*слыша шумъ, выходятъ одинъ за другимъ*).

ФЕШЕРОЛЬ. (*съ букетомъ розъ*). Что это? что тутъ случилось?

вошеронъ. (*сердито, говоря Эдуарду*). Вонъ изъ моего дома!

и если вы когда нибудь осмѣлитесь...

Эдуардъ. Не беспокойся! чтобъ оставаться съ тобой, надо быть вторымъ Картеромъ.

вошеронъ. Что онъ сказалъ?

ФЕШЕРОЛЬ. Ничего, ничего... позволь пожелать тебѣ...

ЭРНЕСТИНА. *(входя)* Ахъ, онъ опять сердится!
 ВОШЕРОНЪ, *(Эрнестинѣ)*. Что вы здѣсь дѣлаете? почему вы не уѣхали? Фешероль!...

ФЕШЕРОЛЬ. Любезный другъ... позволь пожелать тебѣ....

ВОШЕРОНЪ. Отвези, пожалуйста, Эрнестину домой, и чтобъ я ее никогда больше не видалъ!

ЭРНЕСТИНА, *(всторону)*. Вотъ мило! быть женою такого тигра!

ФЕШЕРОЛЬ, *(кладетъ букетъ на столъ)*. Вотъ мой букетъ!
 ДЮРАНЪ, *(входитъ съ узломъ)*. Я пришелъ сударь... чтобъ проститься... я ухожу....

ВОШЕРОНЪ. Убирайся къ чорту!

ДЮРАНЪ. У него все таки лучше, чѣмъ здѣсь!

ЭДУАРДЪ, *(смѣясь, подходитъ къ Антуаннетѣ и тихо говоритъ)*. Рѣшительно не могъ ничего сдѣлать! Но еще не безпокойтесь... до скорого свиданія! *(громко)*. Прощайте, любезный братецъ! пойду искать людей подобрѣе, и ростовщика послансходительнѣе васъ!

ВОШЕРОНЪ. Не найдешь! *(Эдуардъ уходитъ, Фешероль и Эрнестина тоже)*. Да! Теперь я буду ростовщикомъ! буду разорять всѣхъ! буду жестокъ, неумолимъ!...

ФРАНСУА, *(входя съ лѣвой стороны)*. Г-нъ Вошеронъ!

ВОШЕРОНЪ. Что тебѣ?

ФРАНСУА. Прежде, чѣмъ оставить ванъ домъ, я вамъ принесъ жалобу, которую вы приказали написать на бѣднаго молодого человека....

ЭРНЕСТИНА, *(всторону)*. Боже!

ВОШЕРОНЪ. Давай сюда! *(читаетъ бумагу; Камилла входитъ)*.

АНТУАННЕТА, *(Камиллѣ)*. Ну что? ты его видѣла?

КАМИЛЛА. Да. А ты? Успѣла-ли?... Слава Богу! а то мнѣ Жоржъ сказалъ, что если будутъ его преслѣдовать, то онъ непременно застрѣлится.

ВОШЕРОНЪ. Хорошо! Тотчасъ же подпишу и... *(беретъ перо)*.

АНТУАННЕТА, *(бросаясь къ нему)*. Остановитесь!..

КАМИЛЛА. Боже!

ВОШЕРОНЪ. Что вамъ еще угодно?

АНТУАННЕТА, *(на колѣняхъ)*. Я согласна!.. я остаюсь!

ДЮРАНЪ, (стоит въ глубинѣ сцены. Камилла закрываетъ лицо руками Вошеронг, смотря на Антуаннету, ронлетъ перо.

Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Богато-убранная комната; три двери, каминъ налѣво; на каминѣ букетъ розъ.

ДЮРАНЪ, ФЕШЕРОЛЬ, ЭРНЕСТИНА.

ДЮРАНЪ, (одинъ). Ну вотъ комнаты прибраны! теперь снести только барышнинно письмо къ бѣдному Франсуа... Застану-ли его еще въ живыхъ.... горе и нищета совсѣмъ убили его...

ФЕШЕРОЛЬ. (входя съ правой стороны, а Эрнестина съ лѣвой). Какъ? Это вы?... здѣсь?...

ДЮРАНЪ, (въ страхъ). Ахъ!

ФЕШЕРОЛЬ. Что такое?

ЭРНЕСТИНА. Ахъ!

ДЮРАНЪ. Я думалъ, что это баринъ.

ЭРНЕСТИНА. А я думала, что это мой крестный.

ФЕШЕРОЛЬ. А я просто думалъ, что это самъ чортъ! какъ это глупо, любезный, испугать меня безъ всякой причины!

ДЮРАНЪ. Извините, сударь, я совсѣмъ не ожидалъ васъ! и къ тому-же къ г-жѣ Антуаннетъ совершенно никто не ходитъ....

ЭРНЕСТИНА. Къ Антуаннетъ? такъ она еще здѣсь?... и не уѣхала съ Камиллой, которая вдругъ исчезла изъ Парижа, Богъ знаетъ куда! какъ же я рада, что она здѣсь! Но я знаю одну особу, которая этому еще болѣе обрадуется...

ФЕШЕРОЛЬ. Кто-же это? пари держу, что это ея любезный!

ЭРНЕСТИНА. И вы выиграете! потому что у всякой двушки, а особенно у такой хорошенькой, какъ Антуаннета, непременно есть свой любезный... только одинъ... конечно, но за то ужъ непременно есть!

ФЕШЕРОЛЬ. А! у ней есть любезный!... кто-же это?

ЭРНЕСТИНА. Да г-нъ Эдуардъ! развѣ вы не знаете?

ФЕШЕРОЛЬ. Двоюродный братъ Вошерона и теперешній его непримиримый врагъ?

ДЮРАНЪ. Онъ у насъ больше не бываетъ.

ЭРНЕСТИНА. Надвюсю! еще еслибы онъ зналъ, что Антуаннета здѣсь... а то кому придетъ въ голову, что она осталась въ этомъ домѣ, котораго все такъ боятся.

ФЕШЕРОЛЬ. Она завяла здѣсь ваше мѣсто, потому-что вѣдь вы, еслибъ захотѣли, могли-бы сами сдѣлаться г-жею Вошеронъ....

ЭРНЕСТИНА. Сохрани Боже!

ДЮРАНЪ. Ну, а что, если г-нъ Вошеронъ узнаетъ, что вы здѣсь?

ЭРНЕСТИНА. Откуда ему узнать? я ему не покажусь... и къ тому-же, еще сегодня писала къ нему письмо о батюшкѣ.... который говоритъ, что я причина ссоры его съ крестнымъ....

ФЕШЕРОЛЬ. Конечно. — Вашъ батюшка ему многимъ обязанъ... его благодѣянія....

ЭРНЕСТИНА. Да, разувѣется, еслибъ я это могла предвидѣть, я не отказала-бы ему такъ... на отрвзъ... но я по проху Антуаннету: можетъ быть ей удастся смягчить его... признаюсь, я удивляюсь смѣлости Антуанкеты; какъ она можетъ ужиться съ этимъ медвѣдемъ?

ФЕШЕРОЛЬ. Она нашла средство смирить его — интригами!

ЭРНЕСТИНА. Интригами? кто это, Антуаннета?

ФЕШЕРОЛЬ, (Дюрану). А что... она у себя?

ДЮРАНЪ. Нѣтъ, барышни нѣтъ дома!

ФЕШЕРОЛЬ. Да! да она интриганка!... я говорю откровенно то, что думаю!... она умѣла искусно завладѣть имъ, испортила совсѣмъ его характеръ, отбила отъ друзей... Вотъ, хоть я наиримѣрь, но меня онъ еще слушаетъ....

ДЮРАНЪ, (всторону). Какъ-бы не такъ!

ФЕШЕРОЛЬ. Потому-что я ему необходимъ... моя подпись... мои услуги... но все-таки я замѣчаю въ немъ перемѣну....

ДЮРАНЪ. Да! помните, еще недалеже, какъ вчера... баринъ предложилъ вамъ уйти погулять?

ФЕШЕРОЛЬ. Ну что жъ изъ эгаго? я принялъ его предложеніе... потому, что и самъ собирался идти прогуляться... Но она здѣсь не останется! будьте покойны!... и тогда я и васъ не забуду!

ЭРНЕСТИНА. Боже мой! кто-то идетъ, что если это онъ!

ДЮРАНЪ. Нѣтъ-съ! баринъ сюда никогда не приходитъ.

ЭРНЕСТИНА. Тьмъ лучше, а то, еслибъ онъ меня здѣсь увидѣлъ....

ФЕШЕРОЛЬ. Э! да вотъ и онъ самъ! (*одходитъ къ дверямъ съ правой стороны и отворяетъ*).

ЭРНЕСТИНА. Ахъ! я боюсь!

ДЮРАНЪ. Что бы это значило? (*всѣ отходятъ въ глубину, Вошеронъ стучитъ въ дверь*).

ФЕШЕРОЛЬ. Вотъ тебѣ и никогда не приходитъ! (*Эрнестина въ страхъ уѣбгетъ*).

II.

ВОШЕРОНЪ, ФРАНСУА, ФЕШЕРОЛЬ, ДЮРАНЪ.

ВОШЕРОНЪ. Что вы тутъ дѣлаете?

ФЕШЕРОЛЬ. Позволь, мой любезный другъ...

ВОШЕРОНЪ. А! ты за мной наблюдаешь! я не люблю шпионовъ!

ФЕШЕРОЛЬ. Прекрасно.... О!... о! удивительное выраженіе!

ВОШЕРОНЪ. (*увидя Дюрана, у котораго въ рукѣ письмо*). И ты здѣсь? что это у тебя за письмо?

ДЮРАНЪ, (*пряча письмо*). Извините, сударь, я хотѣлъ идти....

ВОШЕРОНЪ. Остайся! ты сейчасъ спряталъ письмо!

ФЕШЕРОЛЬ. Да, да, я самъ видѣлъ!

ВОШЕРОНЪ, (*Фешеролю*). Не съ тобой говорить! (*Дюрану*).

Гдѣ это письмо? подай сюда!

ДЮРАНЪ. Но, сударь, оно не къ вамъ!

ВОШЕРОНЪ. Я хочу знать, къ кому оно! подай сюда!

ДЮРАНЪ. Я не смѣю!

ВОШЕРОНЪ. А! ты хочешь, чтобъ я его отнял у тебя насильно. (*вырываетъ письмо*). Подай сюда, негодай!

ФЕШЕРОЛЬ, (*всторону*). Онъ его просто побьетъ!

III.

ТЪЖЕ, АНТУАННЕТА.

АНТУАННЕТА, (*входя*). Что здѣсь за шумъ? что случилось?

ВОШЕРОНЪ, (*заслоняетъ письмо рукою*). Она!

ДЮРАНЪ. Сударыня!... я хотѣлъ отнести письмо, но баринъ увидѣлъ и...

ВОШЕРОНЪ. Онъ наговорилъ мнѣ дерзостей, не хотѣлъ показать, и я принужденъ былъ отнять у него силою.

ФЕШЕРОЛЬ. И ты хорошо сдѣлалъ....

ВОШЕРОНЪ. Неправда-ли?

АНТУАННЕТА. Какъ, мое письмо?

ВОШЕРОНЪ, (*въ смущеніи*). Оно ваше.

АНТУАННЕТА. Я просила его отнести по адресу! я не знала, что было нужно.

ВОШЕРОНЪ. Это вы посылали? я не зналъ? конечно, если оно отъ васъ, то мнѣ нѣтъ дѣла.

ФЕШЕРОЛЬ, (*всторону*). Ахъ, какъ онъ слабъ!.. непростительно слабъ!

ВОШЕРОНЪ, (*Дюрану*). Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ сейчасъ же... на, отнеси! (*отдаетъ письмо*).

АНТУАННЕТА. Вы не прочли адреса?

ВОШЕРОНЪ. Нѣтъ!... (*Дюранъ уходитъ*). Не сердитесь на меня за мою вспыльчивость...

ФЕШЕРОЛЬ. Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты здѣсь хозяинъ.

ВОШЕРОНЪ. Не съ тобой говорятъ!

ФЕШЕРОЛЬ. Но если это письмо было къ г-ну Эдуарду.

ВОШЕРОНЪ. Къ Эдуарду! (*Антуаннетъ*). Оно было къ нему?

АНТУАННЕТА, (*холодно*). Нѣтъ!

ФЕШЕРОЛЬ, (*ходя по сценѣ*). Какъ не къ нему?... А я думалъ... мнѣ говорила Эрнестина!... помнишь, мой другъ, Эрнестина... твоя крестница, которая еще тебя отказала!...

ВОШЕРОНЪ. Не твое дѣло! Неспособный болтунъ!

ФЕШЕРОЛЬ. Я ее видѣлъ сегодня... она въ ужасномъ горѣ, что не получила отъ тебя отвѣта на письмо, которое писала.

АНТУАННЕТА. Эрнестина? неужели?

ФЕШЕРОЛЬ. Бѣдная дѣвушка! она такъ несчастна!... ей отецъ нуждается въ твоей помощи...

ВОШЕРОНЪ. Въ моей помощи? я имъ помогать не обязанъ и не хочу!...

ФЕШЕРОЛЬ. Я ей именно это и говорилъ, что ты вовсе не обязанъ...

АНТУАННЕТА. Но вы хоть бы написали отвѣтъ Эрнестинѣ!

ВОШЕРОНЪ. Отвѣтъ? да, ваша правда, я ей напишу послѣ!

ФЕШЕРОЛЬ. Хоть завтра!

АНТУАННЕТА. Но можно и раньше! отчего бы не сегодня?

ВОШЕРОНЪ. Сегодня! Хорошо, я ей сейчас напишу.

(Антуаннета даетъ знакъ, чтобы ушелъ Фешероль).

ФЕШЕРОЛЬ, (видя знаки). Чортъ, возьми! что это она ему показываетъ.

ВОШЕРОНЪ. Фешероль! послушай! знаешь ли, сегодня такая погода... еслибъ ты пошелъ...

ФЕШЕРОЛЬ. А! гулять?... какъ вчера? понимаю!... (всторону).

Она меня выгоняетъ! она меня просто бится! Это ясно! (вслухъ).

Хорошо, хорошо, мой другъ! но я хотѣлъ поговорить съ тобой объ кушцѣ, который, знаешь, оказался несостоятельнымъ.

ВОШЕРОНЪ. Объ этомъ послѣ?...

ФЕШЕРОЛЬ. И еще я принесъ векселя, которымъ мишулъ срокъ.

ВОШЕРОНЪ, (живо). А, ты принесъ? я сейчасъ просмотрю ихъ! (Антуаннетѣ). Позвольте мнѣ на одну минуту, я только просмотрю, да кстати напишу отвѣтъ!

ФЕШЕРОЛЬ. Интриганка! она мнѣ объявляетъ войну! Хорошо же! будешь меня помнить! (уходитъ съ Вошерономъ на право).

IV.

АНТУАННЕТА, ЭРНЕСТИНА.

АНТУАННЕТА, (одна). Можно-ли быть несноснѣе этого Фешероля?...

ЭРНЕСТИНА, (входя). Она кажется одна!

АНТУАННЕТА. Ты ли это, Эрнестина?

ЭРНЕСТИНА. Онъ ушелъ?

АНТУАННЕТА. Да, да, но какимъ образомъ ты здѣсь и зачѣмъ?

ЭРНЕСТИНА. Я хотѣла тебя видѣть! такъ это правда, что ты живешь здѣсь? и съ нимъ?

АНТУАННЕТА. Д! я была принуждена....

ЭРНЕСТИНА. Принуждена!... Что ты говоришь? къмъ?

АНТУАННЕТА. О!... не спрашивай меня объ этомъ, пожалуйста!

ЭРНЕСТИНА. Но какъ же ты могла ужиться съ нимъ? Вотъ этаго я не понимаю! я такъ боюсь даже смотрѣть на него!

АНТУАННЕТА. Я тоже сначала не могла видѣть его равнодушно!... особенно когда осталась съ нимъ одна въ этомъ домѣ, который наводилъ на всѣхъ ужасъ! О! я тогда почувствовала всю тяжесть моего пожертвованія....

ЭРНЕСТИНА. Пожертвованія! (Движеніе). Я не спрашиваю.

АНТУАННЕТА. Но, мало-по-малу, видя, что опасенія мои не имѣютъ основанія, я успокоилась.... на третій день онъ пришелъ ко мнѣ, и просилъ позволенія говорить, я взглянула на него, и лицо его вовсе не показалось мнѣ ужъ такимъ страшнымъ. Онъ мнѣ сказалъ, что предоставляет мнѣ совершенную свободу, nebudeтъ приходиться иначе, какъ съ моего позволенія... и если послѣ этаго, черезъ мѣсяць, я все еще буду его бояться и желать оставить его домъ, то съ его стороны на это не будетъ препятствія!

ЭРНЕСТИНА. Мѣсяць? какъ это долго! я бы не выжила столько времени!...

АНТУАННЕТА. Конечно! но чрезъ нѣсколько времени я была уже почти счастлива! Онъ съ заботливостію исполнялъ всѣ малѣйшія мои желанія; на каминѣ я каждый день находила значительное количество денегъ.... и употребляла ихъ не для себя.... я раздавала милостыню, помогала бѣднымъ... они уже знаютъ этотъ домъ, и благословляютъ своего благодѣтеля....

ЭРНЕСТИНА. Но скажи, пожалуйста, что его двоюродный братъ, Эдуардъ?

АНТУАННЕТА. Вошеронъ его, не знаю за что, ужасно ненавидитъ!

ЭРНЕСТИНА. А я знаю за что! за то, что онъ хорошъ собою и лобезень... и за то, что онъ тебя любитъ.

АНТУАННЕТА. Тихе! ради Бога, тихе! ты его видѣла?

ЭРНЕСТИНА. Какъ же? Онъ тебя очень любитъ, разлука усиливаетъ любовь... я это знаю по себѣ!... онъ мнѣ говорилъ, что непременно женится на тебѣ, что ты дала ему слово!

АНТУАННЕТА. Да! я его люблю! я готова оставить этотъ домъ!

ЭРНЕСТИНА. Оставить этотъ домъ?

АНТУАННЕТА. Сегодня кончается мѣсяць!

ЭРНЕСТИНА. Какъ сегодня? какое счастье! такъ ты свободна! да я бы на твою мсть?...

АНТУАННЕТА. Но прежде еще, я попрошу о тебѣ и объ Эдуардѣ....

ЭРНЕСТИНА. Крестнаго? и ты хочешь еще разъ съ нимъ говорить? тебѣ не страшно? убѣгу поскорѣй!

АНТУАННЕТА. Нѣтъ, нѣтъ, подожди въ моей комнатѣ....

ЭРНЕСТИНА. Попроси его о батюшкѣ, и потомъ....

АНТУАННЕТА, (прислушиваясь). Это онъ! (Эрнестина уходитъ въ комнату).

АНТУАННЕТА, ВОШЕРОНЪ.

ВОШЕРОНЪ (входя). Простите, что я васъ беспокою, но это на счетъ того письма... вы знаете?

АНТУАННЕТА. Отъ вашей крестницы! вы хотѣли написать ей отвѣтъ!

ВОШЕРОНЪ. Откровенно говорю, что я вовсе невидѣлъ необходимости писать къ ней, но я исполнилъ ваше желаніе и написалъ....

АНТУАННЕТА. Вы все еще на нее сердитесь!

ВОШЕРОНЪ. Да какъ же? она моя крестница, я любилъ ее, какъ родную дочь... заботился объ ея воспитаніи... и потомъ, когда предложилъ ей мою руку и мое богатство... она мнѣ отказала....

АНТУАННЕТА. Но... если она насъ не любитъ.

ВОШЕРОНЪ. А отчего же она меня не любитъ? отчего! она можетъ быть предпочла мнѣ какогонибудь повѣсу, франта... который отказалъ бы ей въ свою очередь, потому-что у ней ничего нѣтъ... она несчастна! по-дѣломъ! я очень радъ, и теперь отплачу ей тѣмъ же, я написалъ къ ней....

АНТУАННЕТА. Что вы ее жалуете?

ВОШЕРОНЪ. Нѣтъ! ни за что! глупая дѣвчонка! если-бъ она была похожа на васъ... добра!... тогда... другое дѣло....

АНТУАННЕТА. Позвольте посмотреть что вы написали? (читаетъ). «Вы неблагодарная дѣвушка!»

ВОШЕРОНЪ. Надвюсь, тутъ нѣтъ ничего неучтиваго!

АНТУАННЕТА (читая). «Я заботился о васъ, старался объ вашемъ счастіи... вы вѣрно желаете ввѣрить заботу о немъ комунибудь друго-

«му... въ такомъ случаѣ мой долгъ исполненъ! — я слагаю съ себя мою обязанность.»

ВОШЕРОНЪ. Ну, какъ вы находите?

АНТУАННЕТА. Я нахожу, что это слишкомъ сухо, слишкомъ жестоко... видно, что вы все еще сердитесь....

ВОШЕРОНЪ. Какъ? — это письмо ...

АНТУАННЕТА (*отдавая письмо*)! Не отъ добраго сердца...

ВОШЕРОНЪ. Не отъ добраго сердца?... (*смотря на нее*). Ну, что бы вы написали?

АНТУАННЕТА. Почти тоже самое! Напримѣръ, возьмите-ко перо — вотъ такъ: (*диктуя*) Любезная крестница! «Вы пишете? (*Вошеронъ садится и пишетъ*).» Я всегда заботился о твоёмъ счастьи. — «Даже и теперь, когда заботу о немъ ты хочешь вверить другому... «я не могу остаться тебѣ чуждымъ, ты теперь еще больше прежняго нуждаешься въ моей помощи.»

ВОШЕРОНЪ. О! Это слишкомъ...

АНТУАННЕТА. Вы должны такъ думать, вы вѣрно такъ и думаете?...

ВОШЕРОНЪ. Конечно, это почти тоже, что я написалъ... только другими словами...

АНТУАННЕТА. Окончаніе письма вы позволите мнѣ также перемѣнить... вы согласны?

ВОШЕРОНЪ. Пусть будетъ по вашему. Диктуйте!

АНТУАННЕТА. «Надѣйся на всегдашнюю мою помощь и расположеніе.»

ВОШЕРОНЪ. (*смотря на нее*). Помощь?

АНТУАННЕТА. Непременно... и вмѣстѣ съ письмомъ вы можете положить въ конвертъ нѣсколько ассигнацій... этимъ вы докажете, что ужъ больше не сердитесь ни на нее, ни на ея отца...

ВОШЕРОНЪ. Я больше не сержусь ни на кого! я не знаю, что со мной теперь дѣлается! мнѣ такъ легко и приятно дѣлать добро, которое вы мнѣ внушаете... Съ тѣхъ поръ, какъ вы въ моемъ домѣ, я чувствую, что я совсѣмъ перемѣнился.

АНТУАННЕТА. Сегодня ровно мѣсяць.

ВОШЕРОНЪ. Мѣсяць? такъ скоро...

АНТУАННЕТА. Продолжайте дѣлать добро, и оно вамъ всегда будетъ доставлять удовольствіе... Во первыхъ, вспомните Франсуа, вашего стараго кассира... вашего друга....

ВОШЕРОНЪ. Опъ виновать! онъ мнѣ сказалъ дерзость, когда я любилъ его брата.

АНТУАННЕТА. Простите тоже вашего брата Эдуарда!

ВОШЕРОНЪ. Ни за что! и за чѣмъ вы о немъ просите? Онъ дерзокъ, неблагодаренъ, какъ и всѣ, которымъ я покровительствовалъ. Неблагодарность—вотъ награда за всѣ мои благодѣянія и это письмо: (*хочетъ разорвать письмо*).

АНТУАННЕТА. Вы мнѣ обещали его послать! не сомнѣвайтесь въ благодарности Эрнестины....

ВОШЕРОНЪ. Да, да! но къ нему нужно еще приложить (*вынимает портфель*). Довольно-ли! отошлите его, пожалуйста, по адресу.

(*Антуаннета створяетъ дверь и сводитъ Эрнестину*).

АНТУАННЕТА. (*беретъ письмо изъ рукъ Вошерона и отдаетъ Эрнестинѣ*). По адресу? оно ужъ отдано....

ВОШЕРОНЪ. Какъ?...

VI.

ТѢЖЕ, ЭРНЕСТИНА.

ЭРНЕСТИНА. Благодарю васъ, благодарю.

ВОШЕРОНЪ. Эрнестина! оставьте меня!

ЭРНЕСТИНА. О, нѣтъ! вы выслушаете меня. Вы поверите моей благодарности, признательности моего батюшки, и вы останетесь нашимъ другомъ, не правда-ли?... Я теперь больше не боюсь васъ... я плачу... но это отъ радости... О! какъ вы добры!...

ВОШЕРОНЪ (*растроганный*). Я добръ!... (*Антуаннетт*) вы видите, ужъ я не ввучаю страха, еще немного—и меня полюбятъ!

АНТУАННЕТА. Васъ ужъ любятъ!

ЭРНЕСТИНА. О! разумется!

ВОШЕРОНЪ, (*тихо Антуаннетт*). И этимъ я вамъ обязанъ! Боже мой, ужъ мѣсяць!... но я не забылъ моихъ словъ... вы теперь свободны! Вы можете оставить меня...

АНТУАННЕТА. Успокойтесь!...

ЭРНЕСТИНА, (*тихо Антуаннетт*). Какая перемена! еслибъ онъ былъ такимъ, когда на мнѣ сватался...

АНТУАННЕТА. Ты бы согласилась?...

ЭРНЕСТИНА. Все таки нѣтъ! Я люблю твоего брата....

ВОШЕРОНЪ, (*береть руку Антуаннеты*). Вы мнѣ говорили о Франсуа, я исполнию ваше желаніе... я ему позволяю возвратиться.

АНТУАННЕТА. Благодарю васъ!

ЕРНЕСТИНА. До свиданья! я сиѣшу образовать батюшку!

ВОШЕРОНЪ. Да .. да... до свиданья! (*провожаетъ ее*).

VII.

АНТУАННЕТА, ЭДУАРДЪ, ФЕШЕРОЛЬ.

АНТУАННЕТА, (*одна*). Оставить его! покинуть этотъ домъ!... странно! мнѣ это тяжело, нежели я думала! мнѣ кажется даже, что я ужъ привыкла къ моему воспитаннику.... Говоря со мной теперь, онъ прослезился! я уже готова была сказать ему, что не оставлю его!.. Но онъ не возватилъ мнѣ еще моего брата, онъ непонялъ моей печали; онъ непростилъ Эдуарда, не смотря на мою просьбу... Да, я оставлю его; это необходимо! Теперь могутъ узнать, гдѣ меня пайти и я боюсь....

ФЕШЕРОЛЬ, (*за сценою*). Сюда! за мной, вотъ здѣсь!...

ЭДУАРДЪ. (*тоже*). Неужели это правда?

АНТУАННЕТА. Что это?... Его голосъ.

ЭДУАРДЪ, (*входя*). Такъ, меня, не обманули.

АНТУАННЕТА. Это вы, Эдуардъ? О! какъ я рада!... но я боюсь....

ФЕШЕРОЛЬ. Небойтесь ничего! Его никто не видалъ .. я встрѣтилъ этого милаго Эдуарда т. е. совершенно случайно, и привелъ сюда. Вошеронъ этого не узнаетъ.

ЭДУАРДЪ. Да еслибъ и узналъ!... я очень радъ увидѣться и поговорить съ нимъ.

ФЕШЕРОЛЬ, (*всторону*). Я торжествую!

АНТУАННЕТА. О, ради Бога! если вы меня любите...

ЭДУАРДЪ. Люблю-ли я васъ? вы еще спрашиваете? ваше долгое отсутствіе, таинственность, съ которой вы вдругъ исчезли... все это усилило мою любовь! Но что съ вами? вы въ безпокойствѣ.

АНТУАННЕТА. Нѣтъ! но прежде, чѣмъ видѣть васъ, я хотѣла помирить васъ....

ЭДУАРДЪ. Съ Вошерономъ? Да я этого нимаю не хочу! и даже напротивъ, прежде, чѣмъ я увезу васъ отсюда,—(*движеніе*) потому, что я васъ непременно увезу....

ФЕШЕРОЛЬ, *(тихо ему)*. Увезите!... это вѣрше! *(всторону)* счастливый путь.

ЭДУАРДЪ. Я потребую у него отчета въ его поступкѣ. По какому праву онъ удерживаетъ васъ здѣсь, можетъ быть, даже противъ вашей воли?...

АНТУАННЕТА. О, не думай этого! Онъ такъ добръ!...

ЭДУАРДЪ. Вы шутите?

ФЕШЕРОЛЬ. Удивительно, какъ добръ! ручной медвѣдь, только что не кусается... онъ теперь только царапаетъ своихъ друзей!...

АНТУАННЕТА. Г-нъ Фешероль!

ФЕШЕРОЛЬ. Онъ ужъ никакого больше не сажаетъ въ тюрьму за долги, не беретъ большихъ процентовъ, и даже помогаетъ бѣднымъ... такъ, даромъ.

ЭДУАРДЪ. Неужели? что за превращеніе!

ФЕШЕРОЛЬ. Всѣмъ этимъ мы обязаны вамъ, сударыня! вы подрезали ему когти!... онъ вамъ ни въ чемъ не отказывается, но я право удивляюсь вашему искусству... это должно быть очень трудно... *(Эдуардъ смотритъ на Антуаннету, которая даетъ ему знакъ, чтобъ удалить Фешероля)* хоть вы и безстрашны!... *(заямывая ихъ)* Что такое? въ чемъ дѣло?

ЭДУАРДЪ. Фешероль! я вамъ очень благодаренъ, что вы меня проводили... но у васъ вѣрно есть дѣла, и потому...

ФЕШЕРОЛЬ, *(всторону)*. Понимаю, хороша погода!... о хитрая дѣвчонка! *(вслухъ)* До свиданія! Эдуардъ... согласитесь однако, что нынче даромъ ничего не дѣлается; стало быть и это превращеніе не даромъ.

ЭДУАРДЪ. Что?...

ФЕШЕРОЛЬ. Мое почтеніе. *(уходитъ)*

VIII.

АНТУАННЕТА, ЭДУАРДЪ.

ЭДУАРДЪ. Антуаннета!

АНТУАННЕТА. Что съ вами? какъ вы встревожены.

ЭДУАРДЪ. Теперь мы одни! вы знаете, какъ я васъ люблю, вы тоже меня любите, ради Бога, скажите же мнѣ, отчего я нахожу васъ здѣсь, въ этомъ домѣ, у этого человѣка, котораго я ненавижу?..

АНТУАННЕТА. Онъ вашъ родственникъ.

ЭДУАРДЪ. Я его ненавижу... и онъ меня терпитъ... мы съ нимъ квиты, т. е. нѣтъ, я у него въ долгу, потому, что нахожу васъ здѣсь... вы скрылись, исчезли куда-то, не сказавъ мнѣ ни слова, не уведоливъ меня... Какая могла быть тому причина?

АНТУАННЕТА. Это секретъ, который я могу открыть только позже.

ЭДУАРДЪ. Позже?

АНТУАННЕТА. И только моему мужу...

ЭДУАРДЪ. Но вамъ здѣсь нельзя оставаться! вы уйдете теперь со мною!

АНТУАННЕТА. Съ вами?

ЭДУАРДЪ. Да, со мною... чтобы никогда не разлучаться.

АНТУАННЕТА. Но, Эдуардъ! остаться навсегда можно только съ...

ЭДУАРДЪ. Съ другомъ?

АНТУАННЕТА. Только съ мужемъ!

ЭДУАРДЪ. И если вамъ нуженъ защитникъ, надѣйтесь на меня... я буду заботиться объ васъ... ужъ побольше, чѣмъ Вошеронъ.... пускай при немъ останутся его деньги... я же могу предложить вамъ только одну любовь... но за то неподдѣльную, чистую!... Слѣдуйте за мною... или я невѣрю вашей любви.

АНТУАННЕТА. Какъ? сегодня же?..

ЭДУАРДЪ. Сейчасъ, если вы меня любите! умоляю васъ на колѣнахъ. *(Становится на колѣни)*.

АНТУАННЕТА. Да, да... я согласна!...

XI.

ТѢЖЕ, ВОШЕРОНЬ.

ВОШЕРОНЬ. Это что!

АНТУАННЕТА. Боже!

ЭДУАРДЪ, *(вставая)*. А!

ВОШЕРОНЬ, *(всторону)*. Фешероль не обманулъ меня!

ЭДУАРДЪ, *(тоже)*. Война! я готовъ!

ВОШЕРОНЬ, *(съ жаромъ)*. По какому праву, милостивый государь....

ЭДУАРДЪ. Что вамъ угодно?

АНТУАННЕТА, *(всторону)*. Прошу васъ....

вошеронъ. Не бойтесь... я не буду горячиться... я удержусь... я знаю, что вы его любите... оставьте насъ!...

(Антуаннета уходитъ)

X.

ВОШЕРОНЪ И ЭДУАРДЪ.

эдуардъ, (всторону). Какъ онъ на нее смотреть!

вошеронъ, (тоже). Она его любитъ.

эдуардъ. Ну, чертъ возьми, что-то будетъ!...

вошеронъ. Скажите мнѣ, милостивый государь... по какому праву вы осмѣлились явиться сюда... въ мой домъ... отвѣчайте...

эдуардъ. Берегитесь!... вы разсердитесь!

вошеронъ. Я спокоенъ, я имѣю надъ собою еще довольно власти. Ну! отвѣчайте мнѣ!

эдуардъ. Сначала вы скажите мнѣ... по какому праву вы присвоили себѣ молодую дѣвушку, которая меня любитъ?

вошеронъ. Васъ?

эдуардъ. Которая меня обожаетъ....

вошеронъ, (громко). Вы лжете!

эдуардъ. Вы сердитесь!

вошеронъ, (удерживаясь). Нѣтъ... но она васъ не любитъ... она не можетъ васъ любить... вы повѣса... вы волочитесь за всѣми фигурантками.

эдуардъ. Чтожъ изъ этого?

вошеронъ. Вы пустой человекъ!

эдуардъ. И это не ваше дѣло... но скажите, пожалуйста, чѣмъ вы могли ее плѣнить? вы купили ея расположеніе, что-ли?

вошеронъ. Эдуардъ!

эдуардъ. Но напрасно потратили деньги! она васъ ненавидитъ!

вошеронъ. Ненавидитъ?... кто могъ вамъ сказать?...

эдуардъ. Да это само собою ясно!... она скучаетъ тутъ, бѣдная дѣвушка; но я увезу ее, и вы не можете мнѣ въ этомъ помѣшать... она согласна!...

вошеронъ. Согласна!.. въ такомъ случаѣ я ее не удерживаю....

эдуардъ. Какъ?

вошеронъ. Она васъ любитъ... и можетъ за вами слѣдовать... по только вы должны на ней жениться...

эдуардъ. Я?...

вошеронъ. Я желаю ей счастья... вы должны жениться на ней... я этого требую и завтра же...

эдуардъ. Ого! вы ужь слишкомъ торопитесь.

вошеронъ. Вы не рынаетесь? я понимаю... она ничего неимѣетъ; но я позабочусь объ ея приданомъ.

эдуардъ. Вы?

вошеронъ. Ваше состояніе теперь все въ моей кассѣ... возьми-те его!... пускай оно будетъ приданымъ вашей женѣ?...

эдуардъ. Моей жепѣ?...

вошеронъ. Развѣ вы не согласны?

эдуардъ. О, напротивъ... я изъявляю мое полное согласіе! (*всторону*) Приданое, деньги. . да чего же лучше! (*громко*) Но скажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ....

вошеронъ. Нужно поговорить съ нею объ этомъ.

эдуардъ. Но, послушайте...

вошеронъ. Уйдите! или я за себя не ручаюсь....

II.

ТЪ-ЖЕ И ДЮРАНЪ.

дюранъ, (*входя*). Г-жа Антуаннета у себя?... (*увидя Вошерона*)! Ахъ!

вошеронъ. Что ты тутъ дѣлаешь? опять какой нибудь секретъ?

дюранъ. Я-съ?

вошеронъ. Какая нибудь переписка! я знаю, къ кому были все эти письма...

дюранъ. Какъ-съ... вы знаете?...

вошеронъ, (*тихо Эдуарду*). Къ вамъ!

эдуардъ. Ко мнѣ?

дюранъ. Такъ я же вамъ скажу, сударь, онъ не умеръ.

вошеронъ. Какъ не умеръ?

эдуардъ. Я? хе, хе, хе!

вошеронъ. Кто умеръ?

дюранъ. Да онъ, Франсуа! онъ, правда, былъ очень больнъ...

вошеронъ. Франсуа!

дюранъ. Онъ былъ присмерти....

вошеронъ. При смерти? и ты зналъ и мнѣ ни слова не сказалъ объ этомъ?

ДЮРАНЪ. Антуаннета мнѣ запретила.
 ВОШЕРОНЪ. Антуаннета?... Проси ее сюда; мнѣ нужно ее видѣть!
 ЭДУАРДЪ, (всторону). Онъ будетъ съ ней говорить! какъ-бы мнѣ этакъ. Чортъ возьми, мнѣ нужно-же наконецъ узнать... употреблю последнее средство. (Выходитъ съ Дюраномъ).

XII.

АНТУАННЕТА И ВОШЕРОНЪ.

АНТУАННЕТА. Вы меня звали?

ВОШЕРОНЪ. Я знаю все!... вы меня оставляете! онъ мнѣ сказалъ... Вы можете меня оставить, вы свободны (*перемѣняя тонъ*). Но я сейчасъ узналъ, отъ Дюрана... что Франсуа... другъ моего отца, мой собственный—въ нищеть... больнъ... и вы это отъ меня скрывали... Вы виноваты... можетъ быть, теперь онъ уже умеръ... проклянная меня!... (Антуаннета подаетъ ему распечатанное письмо). Что это? его рука! что же онъ пишетъ?... (читаетъ) «Вошеронъ спасъ мнѣ жизнь!» (смотря на нее). Я?... (читая) «спасъ мнѣ жизнь! я его благословляю за его благодѣяніе и за «скорое свиданіе обѣщанное имъ» (говоритъ) благодѣяніе?...

АНТУАННЕТА. Деньги, которыя я отъ васъ брала, были для него... онъ умеръ бы безъ вашей помощи...

ВОШЕРОНЪ. О! вы ангелъ доброты! вы мой добрый геній! и вы меня покидаете?... но это счастье, это благословеніе... все это кончится, когда васъ здѣсь не будетъ....

АНТУАННЕТА. Отъ чего же?

ВОШЕРОНЪ. Оттого, что безъ васъ я снова буду одинъ, печалень, золь и какъ прежде... но что я говорю: я недостойнъ васъ, вы любите другаго... онъ васъ тоже любить.

АНТУАННЕТА. Эдуардъ?...

ВОШЕРОНЪ. Будьте его женой! дай Богъ, чтобъ онъ чувствовалъ къ вамъ столько уваженія, столько любви, какъ я! Простите; это слово въ первый разъ вырвалось у меня... но оно теперь безъ значенія... вы любите другъ друга... (падаетъ въ кресла).

АНТУАННЕТА. Ради Бога, успокойтесь!

XIII.

ТЪЖЕ, ЭРНЕСТИНА.

ЭРНЕСТИНА (*входя*). Антуаннета!... Антуаннета!... твой братъ Жоржъ!...

АНТУАННЕТА. Мой братъ? что!

ЭРНЕСТИНА. Опъ прѣхаль.

АНТУАННЕТА. Боже! (*смотритъ на Вошерона*).

ЭРНЕСТИНА. Вмѣстѣ съ Камиллою! добрый крестный писалъ къ нимъ, чтобъ они вернулись.

АНТУАННЕТА (*всторону*). А я въ немъ сомнѣвалась? (*Вошерону*) Благодарю васъ, благодарю.

ЭРНЕСТИНА. И я тоже... я такъ люблю Жоржа...

ВОШЕРОНЪ. Я сдѣлалъ все, что могъ, для вашего счастья (*Антуаннетъ*). Эдуардъ будетъ вашимъ мужемъ.

ЭРНЕСТИНА. Г-нъ Эдуардъ? онъ согласенъ?

АНТУАННЕТА. Онъ вамъ сказалъ?

ВОШЕРОНЪ. Онъ немного колебался! но я ему возвращаю состояніе, которое онъ проматалъ, оно будетъ вашимъ приданнымъ.

АНТУАННЕТА. А! такъ онъ колебался?

ЭДУАРДЪ (*входя*). Нѣтъ!... нѣтъ!... я рѣшился! вы такъ добры, вы олицетворенная добродѣтель!.. я знаю все!... я слышалъ!

АНТУАННЕТА. Вы подслушивали?

ЭДУАРДЪ. Да... и теперь смѣло могу васъ назвать... (*береть ея руку*) моею женою.

АНТУАННЕТА. (*отнимаетъ ее*). Не торопитесь! Вы сомнѣвались во мнѣ! Вамъ нужно было подслушивать? Удостовериться въ добродѣтели женщины, которая васъ любила? гдѣ нѣтъ довѣрія, тамъ нѣтъ и любви!

ЭДУАРДЪ. Антуаннета!

АНТУАННЕТА. Вы слышали нашъ разговоръ? г-нъ Вошеронъ, забывая себя, думалъ только обо мнѣ... возьмите же ваше состояніе, которое онъ вамъ возвращаетъ... но рука моя...

ЭДУАРДЪ. Вы мнѣ дали слово?

АНТУАННЕТА (*протягивая руку Вошерону*). Принадлежитъ вамъ.

ВОШЕРОНЪ. Возможно-ли?... О! Антуаннета!

ЭРНЕСТИНА (Эдуарду). Что же вы?...

ЭДУАРДЪ. Я? Ничего... мнѣ это нравится!

XIV.

ТѢЖЕ, ФЕШЕРОЛЬ.

ФЕШЕОЛЬ. Вот и я!... Не ссорьтесь-же!... Мируюю!...

ЭДУАРДЪ. Я долженъ вамъ сказать, что вы просто пустой болтушь....

ФЕШЕРОЛЬ. А! вотъ что?—Впрочемъ не безпокойтесь...

ВОШЕРОНЪ. Прощай, Фешероль.. я больше не нуждаюсь въ твоихъ советахъ... я буду просить ихъ у моей жены.

ФЕШЕОЛЬ. Мнѣ жаль тебя! (къ публикѣ). Они пропадутъ безъ моихъ советовъ!

Иванъ 40424.9794

18229.

Донецкая
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧЕНКОГО